Научно-исследовательский институт истории
и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Худжандский государственный университет
им. академика Б. Гафурова

Автономная некоммерческая организация
«Содружество народов Евразии»

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО БОГАТСТВА ТАДЖИКИСТАНА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 200-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 11

Оренбург – Худжанд, 2019 г.

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова

Автономная некоммерческая организация «Содружество народов Евразии»

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО БОГАТСТВА ТАДЖИКИСТАНА

Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения

Оренбург – Худжанд, 2019 г.

УДК 39:008
ББК 63.52+71
В56

Составители:
Амелин В. В. – доктор исторических наук, профессор;
Азизов А. А. – кандидат педагогических наук, доцент;
Денисов Д. Н. – кандидат исторических наук;
Моргунов К. А. – кандидат исторических наук.

В56 **Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана.** Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию российского востоковедения (г. Худжанд, 23 ноября 2018 года). Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 11. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019. – 362 с.
ISBN 978-5-4417-0780-0

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана», посвящённой 200-летию российского востоковедения, которая прошла 23 ноября 2018 года в г. Худжанде на базе Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова.

Издание адресовано ученым, специалистам, интересующимся вопросами истории российского востоковедения, а также проблемами развития интеграционных процессов на Евразийском пространстве.

Материалы печатаются в авторской редакции.

УДК 39:008
ББК 63.52+71

ISBN 978-5-4417-0780-0

© Коллектив авторов, 2019
© ООО ИПК «Университет», 2019

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Джуразода Д. Х.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Дорогие гости, друзья и коллеги!

Приветствую участников и гостей Международной конференции, которая проходит в одном из старейших вузов Таджикистана.

Позвольте выразить всем Вам свою благодарность за проявленный интерес к изучению уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана. Мне вдвойне приятно, что мы вместе с вами выполняем исторические замыслы Лидера нации, основоположника мира и согласия, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в поиске наиболее приемлемых и совместных путей изучения различных актуальных проблем истории культуры и этнографии таджикского народа.

Сегодняшняя международная научная конференция, посвященная 200-летию российского востоковедения, является логическим продолжением идей и замыслов нашего Президента по укреплению исследовательских связей между учёными России и Таджикистана в изучении новой и новейшей истории, культуры и этнографии суверенного Таджикистана.

Сегодняшняя международная конференция собрала в Худжанде представительный состав участников – крупных учёных и экспертов из разных стран – элиту научной и общественной мысли. В ходе открытых, конструктивных дискуссий и круглых столов нам с Вами предстоит обсудить актуальные проблемы современного востоковедения, наметить перспективы дальнейшей совместной работы. И конечно, сегодня у вас есть прекрасная возможность поздравить своих коллег с 200-летием создания Института востоковедения Российской академии наук.

Этот уникальный, всемирно известный научный центр по праву славится богатой историей, блестящей плеядой учёных-исследователей, заложивших традиции преданного служения избранному делу. Отрадно, что нынешний коллектив с глубоким уважением относится к творческому, духовному наследию предшественников, стремится сохранять заданную ими высочайшую профессиональную планку. Их фундаментальные труды, плодотворная экспертная, консультативная работа имеют важное научное значение.

Худжандский государственный университет носит имя славного сына таджикского народа, героя Таджикистана, академика Бабаджана Гафурова, который с 1956 по 1977 гг. (до конца своей жизни) возглавлял Институт востоковедения АН СССР. На посту директора Института востоковедения Б.Г. Гафуров, по свидетельству многих востоковедов, проявил себя

незаурядным организатором, обладающим тонким чутьём ситуации и масштабностью мышления.

Б. Гафуров придавал особое значение изданию исторических и литературных памятников народов Востока. По его инициативе были подготовлены и изданы избранные или неопубликованные произведения выдающихся учёных-востоковедов – И.Ю. Крачковского, В.М. Алексеева, В.В. Бартольда, И.М. Рейснера и др.

При Б. Гафурове новые масштабы и географию приобрели международные контакты советских востоковедов. Они носили разнообразный характер. Учёные-востоковеды из СССР участвовали практически во всех научных востоковедных форумах.

Необходимо отметить, что присоединение Средней Азии к Российской империи было одним из судьбоносных событий, сыгравших огромную роль в истории таджикского народа. Несомненно, к числу положительных последствий следует отнести активное научное изучение Средней Азии русскими учёными. Именно с тех пор, т.е. после присоединения Средней Азии к Российской империи, началось систематическое и последовательное изучение русскими учёными-востоковедами новых территорий. История хорошо знает чёткую позицию передовой русской и российской интеллигенции того периода – учёных-востоковедов, географов, историков, лингвистов, этнографов, таких как энтомолога В.Ф. Ошанина, путешественников Г.Е. Грум-Гржимайло, Б.Л. Громбчевского, А.П. Федченко, Н.М. Пржевальского, А.Ф. Миддендорфа, геологов Н.В. Мушкетова и Н.А. Северцова, историков–востоковедов Н. Ханыкова, Ю.Д. Южакова, А. Гребенкина, Н.И. Веселовского, В.П. Наливкина, А. Хорошхина, Г.А. Арандаренко, В.Ф. Ошанина, Н.А. Маева, А.Е. Снесарева и других, внесших существенный вклад в изучение природных недр, истории и культуры таджикского и других народов Средней Азии. Именно они определили, кто есть кто и что представляли собой в прошлом таджики, они смогли оценить ту великую роль, которую сыграли таджики в развитии экономики, торговли, культуры народов Центральной Азии.

В советский период весомый вклад в изучение Таджикистана внесли естествоиспытатели А.Е. Ферсман, Д.И. Щербаков, Л.С. Берг, И.П. Герасимов, В.Л. Комаров, Е.Н. Павловский, С.Ф. Ольденбург историки, этнографы и востоковеды В.В. Бартольд, А.А. Семенов, М.С. Андреев, А.Ю. Якубовский, Б.А. Литвинский, В. Ранов, О.А. Сухарева, Е.М. Пещерева, Н.А. Кисляков, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский и многие другие.

Все они – выдающиеся русские ученые, организаторы науки, стояли у колыбели современной науки Таджикистана. Многие из них в разные годы возглавляли научные учреждения и многопрофильные комплексные экспедиции на территории Таджикистана.

Русским востоковедам были совершенно чужды понятия, которые возникли уже при советской власти, в частности, такие, как фальсификация прошлой истории народов Средней Азии в угоду политической установке. Русские учёные в силу своей честности, порядочности, ответственности

перед исторической наукой не могли ввести в заблуждение ни тех, кто интересовался историей Средней Азии, ни носителей и наследников истории, ни государственных чиновников всех рангов, ни население России и других стран.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что традиции великих умов России, внесших неоценимый вклад в развитие науки и образования на территории Республики Таджикистан, живут и поныне. Ныне российско-таджикское сотрудничество имеет продолжение и развитие. Об этом свидетельствуют неоднократно организованные международные конференции и круглые столы в сотрудничестве с Российским центром науки и культуры в г. Ходженте, Автономной некоммерческой организацией по содействию в развитии сотрудничества стран СНГ «Содружество народов Евразии» и Научно-исследовательским институтом истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. Подобные форумы играют важную роль в возрождении и развитии тех глубоких традиций, которые были заложены в прошлом и которые наши страны укрепляли на протяжении многих десятилетий. Мы вспомним сегодня имена тех, кто стоял у истоков формирования научных и культурных традиций российско-таджикского сотрудничества, и тех, кто эти традиции продолжают.

Худжандский госуниверситет имени академика Б. Гафурова имеет определенный опыт в данной сфере. На базе исторического факультета и факультета востоковедения собраны разнообразные археологические, этнографические и лингвистические материалы. Научные труды историков университета, опубликованные в течение 85-летней истории, свидетельствуют о высокой компетентности и профессионализме наших ученых.

Сегодня наш университет, как крупнейший образовательный, научный и культурный центр Республики Таджикистан, создает все предпосылки для объединения научно-образовательного потенциала современной молодежи, формируя единое поле для обмена мнениями, знаниями и взаимного сотрудничества.

На 16 факультетах обучаются около 20 тысяч студентов, работают более 800 преподавателей, значительная часть которых являются кандидатами и докторами наук. Процесс обучения и преподавания обеспечивается на трёх языках: таджикском, русском и узбекском. Университет уже с 2008 года перешел на кредитную систему образования, в нем готовят специалистов по 72 специальностям. В университете обучаются около 500 студентов из Афганистана, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Туркменистана и Южной Кореи. Мы имеем тесные контакты со многими международными организациями и фондами. За последние 10 лет наш университет участвовал в качестве партнера в 15 проектах программы Эрасмус+. На основе двухсторонних соглашений университет сотрудничает с более 40 университетами стран – членов Европейского Союза, США, Китая, Индии, России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии. В перспективе заключение новых договоров с университетами Ферганы, Намангана и

Андижана, с которыми наш университет имел тесные контакты в советское время.

Эти возможности университета мы используем, прежде всего, для модернизации и развития образования, повышения качества обучения и преподавания, а также для организации и проведения научно-исследовательских работ, в том числе, в области истории и этнографии.

Научные доклады, представленные на этой площадке, помогут нам обогатить знания, откроют новые, до сих пор неизвестные страницы этого взаимодействия и наметят перспективы для развития сотрудничества между российскими и таджикскими исследователями.

В ходе открытых, конструктивных дискуссий предстоит обсудить актуальные проблемы истории и этнографии Таджикистана, наметить перспективы дальнейшей совместной работы.

Позвольте от имени Ученого совета университета и от себя лично поблагодарить вас за ваши усилия, направленные на осуществление столь важного и очень интересного мероприятия в стенах нашего университета и пожелать вам новых свершений на пути научного познания, которое не признает ни национальных, ни политических границ.

В заключение я хотел бы выразить надежду, что эта научная конференция внесет реальный вклад в интеграцию академической и вузовской науки в регионе и будет способствовать установлению контактов между научными школами.

Выражаю благодарность всем участникам конференции, принявшим наше приглашение и прибывшим в городе Худжанд, желаю успешной работы на гостеприимной таджикской земле.

Амелин В.В.
(г. Оренбург, Российская Федерация)

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые друзья, коллеги!

2018 год – особый год для востоковедов всего мира. В Российской Федерации, в ближнем зарубежье, проводятся мероприятия, посвящённые знаменательному юбилею – 200-летию российского востоковедения.

Как известно, его история как самостоятельной отрасли науки восходит к открытому в ноябре 1818 г. Азиатскому музею Императорской Академии наук как первому в России специализированному учреждению в сфере ориенталистики. С установлением регулярных дипломатических контактов Российской империи с государствами Средней Азии члены российских посольств и миссий 1813 г. (Ф. М. Назаров), 1820 г. (Е. К. Мейендорф, Э. А. Эверсман), 1829 г. (Н. И. Потанин), 1841 г. (Н. В. Ханыков, А. Леман) в своих путевых записках и отчетах на русском, французском и немецком

языках во многом впервые познакомили западный мир с жизнью таджикского народа, являющегося частью древней арийской и исламской цивилизаций. По мере продвижения Российской империи вглубь Центрально-Азиатского региона с 60–70-х годов XIX века для изучения новых территорий стали организовываться первые специализированные научные экспедиции, проходившие и по территории Таджикистана: А. П. Федченко 1868–1872 гг., Н. А. Северцова 1868–1878 гг., А. Д. Гребенкина 1869 г., А. К. Абрамова 1870 г., И. В. Мушкетова 1874–1880 гг., Н. А. Маева 1875 г., А. Ф. Миддендорфа 1878 г., В. Ф. Ошанина 1878–1884 гг., Д. В. Путяты 1883 г., С. Д. Масловского 1895–1899 гг., А. Е. Снесарева 1899–1900 гг., Н. Л. Корженевского 1903–1912 гг., Н. И. Вавилова 1916 г. и многие другие. В советский период было налажено систематическое исследование республики на основе не только регулярных экспедиций, но и создания сети местных научных, академических центров, подготовки национальных кадров. В это время российские ученые внесли весомый вклад в изучение археологии, истории и письменных памятников Таджикистана (А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский, В. А. Ранов, Б. А. Литвинский), его этнографии (М. С. Андреев), таджикского языка (В. С. Расторгуева), географии, производительных сил и природных ресурсов, геологического строения и полезных ископаемых республики (Д. В. Наливкин, Н. В. Крыленко, Н. П. Горбунов, Д. И. Щербаков, Б. Н. Наследов, А. П. Марковский), ее флоры и фауны (Р. В. Камелин, Е. Н. Павловский). С распадом Советского Союза исторические, давние связи между научными учреждениями России и Таджикистана не прервались, а продолжились на новой основе потому, что развитие существующих наработок, фундаментальных исследований по многим направлениям, поддержание научных компетенций, подготовка и восполнение узкоспециализированных кадров, загрузка и эксплуатация уникальных объектов инфраструктуры не возможны без международной кооперации. Например, учреждения Академии наук Республики Таджикистан активно взаимодействуют с 77 различными научными организациями РФ.

Проведение сегодняшней научной конференции – это подтверждение развития научных связей в современный период между вузами России и Таджикистана в сфере изучения истории и этнографии. Интерес к данной проблематике в Таджикистане огромен. Об этом свидетельствует перечень заявок, докладов, поступивших в оргкомитет данной конференции от участников мероприятия.

ДОКЛАДЫ

Котюкова Т. В.
(г. Москва, Российская Федерация)

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

Для Института всеобщей истории РАН изучение истории государств Центральноазиатского региона, в том числе Таджикистана, является новым направлением исследований. Эти исследования последние десять лет осуществляются в рамках отдела сравнительно-исторических исследований государств постсоветского пространства. Особенно динамично центральноазиатские исследования развиваются последние пять лет, после того как был создан сектор истории Центральной Азии XIX–XX веков. За это время сектором с различными партнерскими организациями был подготовлен и издан ряд работ, о которых хотелось бы рассказать подробнее.

Жанр сборника «*Полвека в Туркестане. В.П.Наливкин: биография, документы, труды» (М., 2015)* не совсем обычный. Он сочетает в себе сразу две идеи. Первая заключается в том, чтобы познакомить читателя с историей и этнографией Центральной Азии. В книге можно найти очень подробные и уникальные сведения о повседневной жизни этого региона, обычаях и нравах его населения, о тех социальных трансформациях, которые переживало среднеазиатское общество в конце XIX и начале XX в. Читатель сможет узнать об исламе, о месте женщины в мусульманском обществе, о представлениях и ритуалах, о многом другом, с лихвой восполнив пробелы в своих знаниях об азиатских республиках бывшего СССР.

Вторая же идея состоит в том, чтобы рассказать о том, каким образом Россия взаимодействовала со Средней Азией, какое она оказала влияние на ее развитие, кем были и что думали те люди, которые приехали на отдаленную окраину сначала завоевывать ее, а потом изучать и просвещать. Главный герой книги – Владимир Петрович Наливкин, человек, который прожил почти полвека в Туркестане, начиная с начала 1870-х и заканчивая 1917 г., когда его жизнь трагически оборвалась. За этот срок он дослужился от младшего офицера до должности главного начальника Туркестана, возглавив на несколько месяцев Туркестанский комитет Временного правительства (Турккомитет), оставил после себя множество научных и публицистических трудов о Центральной Азии и превратился в одного из самых популярных и известных региональных деятелей. Однако в XX веке фигура Наливкина подверглась, можно сказать, двойному забвению. С одной стороны, история самого Туркестана и его основных деятелей оказалась на периферии советской и российской истории, даже в научной историографии занимала очень скромное место. После распада СССР этот регион в восприятии большинства российского населения перестал восприниматься

как часть «своей» истории и культуры. Большинство русских туркестанцев были вычеркнуты из общероссийской памяти вместе с самим Туркестаном как какие-то чужеродные и лишние эпизоды и элементы, несмотря на все безусловные подвиги и достижения, которыми можно было бы гордиться. Лишь в самой Центральной Азии энтузиасты продолжают собирать и хранить информацию об этом периоде общей истории с Россией, спорят, издают статьи и книги, но эта работа, как правило, является региональной и не доходит до бывших имперских столиц, остается здесь неизвестной.

Известный этнограф и краевед, Ташкентский городской голова Н.Г. Малицкий, как-то метко заметил: «Чиновники, даже самые лучшие, все-таки не всегда могут понять и оценить ту или иную народную нужду».

Но порой среди них встречались люди талантливые и неординарные, которые совмещали в себе талант руководителя и ученого. Одним из них был Владимир Петрович Наливкин[1].

Под началом генерала М.Д. Скобелева Владимир Петрович участвовал в Хивинском и Кокандском военных походах 1873–1875 гг. Суровая военная действительность быстро развеяла его юношеские иллюзии и вскоре он вышел в отставку. В 1876 г. его назначили помощником начальника Наманганского уезда Ферганской области. Но в 1878 г. он оставил и карьеру чиновника.

Вместе с женой Марией Владимировной Наливкиной (урожденной Сартори), он поселился в 25 верстах от г. Намангана в урочище Радван среди кипчаков, а затем в небольшом кишлаке Нанай, где прожил шесть долгих лет. В литературе данный поступок Наливкина объясняют влиянием на него идеологии «хождения в народ»[2]. Из письма же самого Наливкина следует, что находясь на службе в должности помощника Наманганского уезда он столкнулся с рядом трудностей в связи с незнанием языка, быта, истории края и хотел восполнить эти пробелы, не смотря на отсутствие специального востоковедческого образования[3].

Результатом этого «хождения в народ» стало создание двух уникальных для своего времени работ: «Русско-сартовского и сартовско-русского словаря» и «Очерка быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», высоко оцененных Русским Императорским географическим обществом. В 1886 г. была создана первая в русской и европейской науке «Краткая история Кокандского ханства».

В 1884 г. Наливкин вернулся на государственную службу в качестве исполняющего дела младшего чиновника по особым поручениям при

---

[1] Историографический обзор работ, посвященных оценке государственной и научной деятельности В.П. Наливкина см.: *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России 1905-1917 гг. М., 2008. С. 65-70.

[2] См. *Якубовский Ю.О.* Владимир Петрович Наливкин. Член Государственной Думы и его Туркестанское прошлое. Ташкент, 1907. С. 83; *Лунин Б.В.* История общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографический очерк. Ташкент, 1972. С. 247.

[3] ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 699. Л. 2.

военном губернаторе Ферганской области. Затем его перевели на службу по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства.

С сентября 1884 г. он стал заведующим русско-туземным училищем в Ташкенте. Вскоре Наливкина рекомендуют на должность преподавателя местных языков в Туркестанской учительской семинарии. В своих воспоминаниях бывший директор учительской семинарии Н.П. Остроумов отметил, что Наливкин заложил основы преподавания восточных языков[1]. По инициативе Наливкина практиковались летние поездки воспитанников в кишлаки с целью сбора этнографических материалов[2].

Как уже отмечалось выше, в середине 1880-х гг. начинают выходить в свет научные работы Владимира Петровича по истории, этнографии, языкознанию коренного населения Туркестана. Ученый-любитель, самоучка, он быстро завоевывает репутацию человека, который обладает обширными знаниями о Туркестане, не только среди чиновников краевой администрации, но и среди выдающихся отечественных востоковедов того времени. Он переписывается с известными учеными. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН) сохранились его письма академику Виктору Романовичу Розену[3].

Свои работы («Краткая история Кокандского ханства», «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» и т.д.) Наливкин пересылал академику Розену, получая в замен «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества», издававшиеся по инициативе и под редакцией последнего. Там же, в «Записках», будет опубликована рецензия Розена на книгу «Краткая история Кокандского ханства»[4]. В 1880-х гг. Наливкин публикует несколько небольших работ по археологии Туркестана. В 1886 г. в «Записках императорской археологической комиссии» печатается его статья «О курганах в окрестностях Ташкента»[5]. В 1887 г. местная «Туркестанская туземная газета» опубликует другую его статью – с описанием древних памятников в черте города[6]. 27 января 1888 г. Наливкина избрали членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества (ИРАО), восточное отделение которого возглавлял академик Розен. Он же предложил кандидатуру Наливкина. В 1895 г. в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии. Наливкин был одним из его учредителей[7]. По свидетельству астрофизика Ташкентской обсерватории В.В. Стратонова, именно Наливкин, основываясь на сообщениях жителей Самарканда и результатах собственных небольших раскопок, указал точное

---

[1] Там же. И-47. Оп. 1. Д. 3026. Л. 154.
[2] Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет. Ташкент. 1904. С. 128.
[3] СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 301. Л. 1–4об.
[4] *Розен В.Р.* Рец. на кн.: Краткая история Кокандского ханства / Сост. *В.П. Наливкин* // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. IV. С. 126.
[5] *Лукашова Н.М.* В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 49.
[6] *Наливкин В.П.* Древности холма Шанишина // Туркестанская туземная газета, 1887. № 37.
[7] *Лукашова Н.М.* Указ. соч. С. 49.

местонахождение обсерватории Улугбека[1]. В 1880–90-х гг. у Наливкина появилась еще одна страсть – он увлекся собиранием восточных рукописей. Академик К.Г. Залеман, в 1897 г. побывавший в Туркестанском крае, в своем отчете отмечал, что Наливкин, принес в дар Азиатскому музею две рукописи[2]. Покупал он их на средства, выделявшиеся Академией наук.

Русско-японская война, «кровавое воскресенье», подвели Владимира Петровича к «безоговорочному одобрению революции 1905 г.»[3]. В 1906 г. при генерал-губернаторе Д.И. Суботиче он по собственному прошению уходит в отставку «по семейным обстоятельствам» в чине действительного статского советника, то есть штатского генерала. Какое-то время он читает лекции по мусульманскому праву и активно сотрудничает с газетой «Русский Туркестан». Сложно определить однозначно политическую принадлежность этой газеты. По одной версии, она считалась легальным органом местных социал-демократов[4], по другой – это был печатный орган большевиков[5].

В ходе второй думской избирательной кампании В.П. Наливкин был избран депутатом от европейского населения г. Ташкента[6].

Став депутатом, Владимир Петрович обозначил свою политическую позицию на встрече с населением Ташкента 9 февраля 1907 г.: «…я буду сидеть в рядах социал-демократов, к которым по своим воззрениям стою ближе, но я все-таки беспартийный, гнет дисциплины столь давил на меня, что я последние свои годы хочу быть свободным и последние старческие силы свободными отдать своей истерзанной родине»[7].

Газета «Среднеазиатская жизнь» писала в этой связи с насмешкой, намекая на политические пристрастия Наливкина: «Кому же и быть представителем социал-демократов, если не вице-губернатору, да еще Ферганскому»[8].

Сам Наливкин никогда не выражал своих однозначных симпатий меньшевикам или большевикам, но, возможно, с большей симпатией относился к менее воинственной позиции меньшевистских лидеров[9]. И.Б.

---

[1] *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. 1895–1917. Ташкент, 1958. С. 282.

[2] Отчет о поездке в Среднюю Азию академика К.Г. Залемана // Известия Академии наук. СПб., 1898. Т. VIII. Вып. 5. С. 17.

[3] *Наливкин И.Б.* Имя твое – учитель: повесть о В.П. Наливкине, русском патриоте, казаке, воине, ученом, просветителе, педагоге, писателе, революционере, государственном и общественном деятеле, написанная по документальным воспоминаниям его внуком. Омск, 2001. С. 101.

[4] *Абашин С.Н.* В.П. Наливкин: «…будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть…». Кризис ориентализма в Российской империи? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / Под ред. *Н.Г. Суворовой*. Омск, 2005С. 52.

[5] *Авшарова М.П.* Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917 гг.). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960. С. 38; *Лукашова Н.* В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999. № 1–2. С. 54.

[6] Подробнее о депутатской деятельности В.П. Наливкина см.: *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России 1905-1917 гг. С. 87–88.

[7] Ташкентский курьер. 1907. 9 февраля.

[8] Среднеазиатская жизнь. 1907. 29 апреля.

[9] *Абашин С.Н.* Указ. соч. С. 52.

Наливкин политические пристрастия деда определил следующим образом: «Он был только сочувствующим социал-демократическим идеалам, не считая себя членом партии»[1].

Для краевой администрации столь вольное поведение Наливкина походило на гром среди ясного неба. С роспуском II Государственной думы Наливкин вернулся в Ташкент, но был лишен властями заслуженной пенсии, но с сохранением генеральского чина.

Он зарабатывал литературным трудом. Большой отрезок его дальнейшей жизни, с 1907 по 1917 г., изучен мало. По мнению С.Н. Абашина, отторгнутый властью и элитой Наливкин, видимо, стал более тесно общаться с разного рода социалистами и с туземной интеллигенцией. Он приветствовал появление новометодных школ и был знаком со многими туркестанскими просветителями[2].

Февральскую революцию Наливкин встретил восторженно.

19 июля 1917 г. его назначили председателем Туркестанского комитета Временного правительства и Временным главнокомандующим войсками Туркестанского военного округа. По его собственным словам, в результате этих событий «он потерялся, метался из стороны в сторону». Неприятие им идеологии насилия и волевого решения проблем общественной жизни отдалило его от большевиков[3]. В то же время он не оставлял попыток примерить большевиков и меньшевиков[4].

После ноябрьского вооруженного восстания в Ташкенте 1917 г. и прихода к власти большевиков он перешел на нелегальное положение.

Тяжело и мучительно переживая происходящее, похоронив жену, в январе 1918 г. Наливкин покончил с собой на ее могиле. Внук Владимира Петровича, Иван Борисович в опубликованных воспоминаниях о деде, спустя несколько десятилетий напишет: «он покончил с собой потеряв цель в жизни, замучив себя переживаниями»[5].

Могилы В.П. и М.В. Наливкиных на старом русском кладбище Ташкента не сохранились. Через два года после их смерти кресты вырыли, а сами могилы были уничтожены в 1942 г.

Посмертная память о самом Наливкине тоже сложилась неудачно. Будучи человеком прогрессивных взглядов, гуманистом и социалистом, Наливкин в последний этап своей жизни, когда он фактически возглавил администрацию Туркестана, вступил, не по своей инициативе, в острый конфликт с местными большевиками. Из-за этого за ним на долгие последующие годы закрепился ярлык «предателя» и «врага», а его имя если и не подвергалось цензуре, то не выпячивалось и не привлекало к себе

---

[1] *Наливкин И.Б.* Указ соч. С. 102.
[2] *Абашин С.Н.* Указ. соч. С. 53.
[3] «Выступление контрреволюционных сил под руководством безответственных лиц…» Телеграмма председателя Туркестанского комитета Временного правительства В.П.Наливкина. Сентябрь 1917 г. [публикация *Т.В. Котюковой*] // Исторический архив. 2007. № 5. С. 197–201.
[4] *Наливкин В.П.* Буржуазия и революция // Туркестанские ведомости. № 35. 1917.
[5] *Наливкин И.Б.* Указ. соч. С. 155.

позитивного, заинтересованного внимания. В результате уникальные исторические и этнографические работы Наливкина, которые, конечно, цитировались по дореволюционным публикациям, в советское время не переиздавались, не велась работа по сбору архивных материалов о его биографии и деятельности. Несколько заметок ташкентского собирателя истории Туркестана Б. Лунина не меняли общую погоду и не сделали Наливкина фигурой советского или общероссийского уровня, хотя по масштабу своей личности он вполне мог бы, при других политических обстоятельствах, на это претендовать. После 1991 г. историографическая ситуация несколько изменилась. В Центральной Азии имя Наливкина все чаще стало упоминаться в работах в благосклонном ключе, как пример дружбы и сотрудничества между русскими и местным населением. В Москве были изданы, правда очень малыми и недоступными тиражами, его труды «История Кокандского ханства» и «Туземцы раньше и теперь», в Омске были опубликованы воспоминания потомков Наливкина.

Авторы и редакторы сборника «*Полвека в Туркестане. В.П.Наливкин: биография, документы, труды»*, были движимы целью, которую можно сформулировать следующим образом: история Туркестана не должна быть вычеркнута из истории России, они не могут существовать отдельно друг от друга, они находились и продолжают находиться в тесном взаимодействии и взаимовлиянии, которые необходимо осмыслить и сохранить как важное историческое наследие и важную современную ценность. Из этого вытекает вывод, что такие фигуры, как Владимир Петрович Наливкин, должны быть широко известны российскому читателю, представлены в российской мысли и памяти.

Сборник, посвященный Наливкину, состоит из совокупности различных текстов, которые дают объемное представление о его деятельности. Прежде всего это некоторые, можно сказать ключевые, произведения, написанные им самим, – как научные работы, так и публицистика, воспоминания, докладные записки, письма. Далее это архивные материалы, которые характеризуют некоторые, опять же показательные, эпизоды из жизни героя книги. Кроме того, в сборник включены воспоминания о самом Наливкине, его послужной список, список опубликованных им работ, а также исследования о Наливкине, плюс глоссарий. Публикуемые тексты снабжены научными комментариями специалистов: дана информация об упоминаемых автором исторических фигурах и событиях, установлены цитируемые источники, приведены дополнительные сведения и библиография об обычаях и представлениях местного населения. Проделанная издательская и научная работа, таким образом, позволяет лучше понять контекст, в котором были написаны труды Наливкина, а также полнее оценить значение самих этих трудов, когда-то открывших повседневный мир Центральной Азии русскому читателю и до сих пор остающихся уникальной энциклопедией региона. Отдельно стоит сказать о фотографиях, использованных в книге. К сожалению, фотографий Наливкина и его близких сохранилось обидно мало. Они по крупицам

собирались составителями в российских и зарубежных архивах – Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов С.-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Республики Узбекистан (ЦГАКФФД РУз), личном архиве потомков Наливкина. Но хранящиеся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН фотографические коллекции позволяют нам увидеть то, что видел сам Наливкин, – Среднюю Азию во всем ее культурном многообразии. В качестве иллюстраций в книге приводятся фотографии из коллекций № 255, № 1487, № 2258 и № 590. Разумеется, включенными в книгу текстами рассказ о туркестанском ученом и политике не может ограничиться, за рамками осталось еще огромное множество разных сведений, произведений и документов, которые ждут своего открытия и новой публикации.

Своеобразную серию книг, посвященных памяти выдающихся русских и советских исследователей Центральной Азии, продолжил сборник *«Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой» (М., 2018).*

Балкис – это кораническая *Билкис*, царица Савская. Балкис Кармышева, без преувеличения, стала царицей этнографии Центральной Азии.

Работа Б.Х. Кармышевой «Каратегинские киргизы» вышла в свет в 2009 г., уже после ухода ее из жизни. А ведь еще опубликованы капитальные исследования «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана» (1954 г.), «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана» (1976 г.) и десятки статей. Научное наследие Балкис Халиловны давно и прочно признано классикой отечественной этнографии.

В наше время былые полевые исследования, составлявшие славу и гордость русской и советской этнографии, многими воспринимаются как архаика. Знание о народах, их духовной и материальной культуре подменяются различными социологическими выборками, а то и новомодными этногенетическими построениями. Поэтому работы Балкис Кармышевой и ученых её поколения приобретают на этом фоне еще большую ценность…

Балкис Халиловна, родившаяся в 1916 г. в Кульдже (ныне это Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая), буквально обошла всю Среднюю Азию. Горные кишлаки, юрты кочевников, махалли древних городов – везде у неё были друзья, с которыми она (в прямом смысле) находила общий язык.

Ее отец – Халиль Фатыхович Кармышев – родился в семье муллы, в степном Заволжье, в старинной татарской деревне Алтата Самарской губернии (ныне Саратовской области). Окончив медресе, Халиль в поисках работы отправился на знаменитую Макарьевскую ярмарку в Нижний Новгород, где нанялся приказчиком к уйгурскому купцу из Кульджи. Мать Балкис Халиловны, Галия Шахмухаммедовна, происходила из Казанской губернии. Её семья также переселилась в Кульджу. Многонациональный

город, где жили уйгуры, казахи, дунгане, татары, русские, стал для Балкис первым опытом познания разных цивилизаций. В семье Кармышевых читали газету «Тарджеман» Исмаила Гаспринского, выписывали журналы из Казани, Оренбурга, Баку. Джадидский уклад семьи формировал особое мировоззрение, в рамках которого Восток воспринимался и понимался без косности и снобизма. Интеллектуальность и широта взглядов, заложенные еще в детстве родителями, привели Балкис в науку.

В 1930 г. отец был репрессирован и сослан на Колыму. Балкис помогала матери, работала в Андижане на текстильном комбинате, в сельсовете, в школе. Нужно было поднимать многодетную семью, оставшуюся без кормильца.

В годы Великой Отечественной войны она смогла продолжить учебу. В это время в эвакуации в Узбекистане находились ученые, составившие славу советского востоковедения, – А.Ю. Якубовский, А.А. Семенов, С.П. Толстов, И.И. Зарубин и другие. Балкис было у кого учиться. И она училась…

В 1946 г. Кармышева окончила в Ташкенте исторический факультет Среднеазиатского государственного университета по кафедре археологии, которой в то время руководил легенда археологии Центральной Азии М.Е. Массон. Так совпало, что сборник, посвященный памяти Балкис Халиловны, выходит в год столетия старейшего высшего учебного заведения Центральной Азии. Несколько раз за век своего существования университет менял название – Туркестанский, Среднеазиатский, Ташкентский, а ныне Национальный университет Узбекистана. Кармышева никогда не забывала свою альма-матер, и университет-юбиляр может гордиться своей выпускницей!

В 1945 г. по инициативе М.С. Андреева Институтом истории языка и литературы Таджикского филиала АН СССР впервые было начато этнографическое изучение тюркского населения республики, которое было возложено на молодую сотрудницу Б.Х. Кармышеву, тогда еще студентку-заочницу последнего курса[1]. Вначале она приступила к обследованию компактно проживавших в Таджикистане локайцев, а в 1954 г. – карлуков, одновременно продолжая исследование и других тюркских субэтносов. Прекрасное знание тюркских языков позволило ей в скором времени стать одним из выдающихся экспертов в области этнографии ряда народов Центральной Азии[2].

Одиннадцать лет, с 1945 по 1956 г., Б.Х. Кармышева вела комплексные этнографические изыскания в Таджикистане. Первым серьёзным большим исследованием Б.Х. Кармышевой была работа «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана», изданная в 1954 г.[3]

---

[1] Подробно о Б.Х. Кармышевой см.: *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) / подг. к печ. Н. Бабаевой. Душанбе, 2002. С. 71–74; *Губаева С.С.* Балкис Халиловна Кармышева (13.07.1916–09.10.2000) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 154–157.

[2] *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.). С. 26–27.

[3] *Кармышева Б.Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. Сталинабад, 1954.

Как писала сама исследовательница в предисловии к своей книге, задача изучения локайцев, особой группы узбеков, живущих на территории Южного Таджикистана, была ей поставлена в 1945 г. По мнению С.Н. Абашина, этот выбор, сделанный в такое тяжёлое послевоенное время был продиктован сугубо практической логикой. Именно локайцы составляли основную силу антисоветского движения в Восточной Бухаре (на территории будущего Таджикистана) в начале 1920-х гг., и их лидер Ибрагимбек, который со своими отрядами бежал в Афганистан и оттуда продолжал сопротивление, был арестован и расстрелян только в 1931 г. Советские чиновники имели очень поверхностную, скорее всего полную предубеждений, картину об этой группе местных жителей, беспокоились о сохранении её лояльности и думали о том, как полнее интегрировать локайцев в таджикистанское общество[1].

Этот социальный заказ, особенно заметен в заключительной части книги: «…в атмосфере дружбы народов, воспитанной в трудяшихся массах великой Коммунистической партией, узбеки-локайцы чувствуют себя равноправным членом дружной семьи различных национальностей, населяющих Таджикистан, и с большим энтузиазмом и трудолюбием участвуют в общем деле построения коммунизма в СССР»[2]. При этом содержание самого исследования существовало отдельно от этих выводов, не противоречило им, но и не было их доказательством. Текст словно находился в двух разных измерениях – в идеологическом и собственно академическом.

В следующей книге «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана», которая была опубликована в 1976 г., Б.Х. Кармышева перешла на более высокую ступеньку обобщения своих представлений об этногенезе и этнической истории народов Центральной Азии. В фокусе внимания были теперь не только Таджикистан и не одна группа, а большая историко-этнографическая область, известная как Восточная Бухара, и всё её население. Задачей был заявлен анализ «формирования этнического состава» районов, которые долгое время считались малоизученной среднеазиатской периферией[3].

Коллег и учеников поражало честнейшее отношение Балкис Халиловны к своей работе. Она была способна часами рыться в словарях, справочниках, специальной литературе, чтобы уточнить какую-нибудь небольшую деталь; не ленилась, если была необходимость, запрашивать или уточнять какие-либо сведения у коллег, у информаторов и терпеливо ждала ответа. Она без устали переделывала написанное, стремясь к совершенству, причем даже тогда, когда рукопись была уже у редактора. При

---

[1] *Абашин С.* «В лабиринтах этногенеза и этнической истории»: труды Б.Х. Кармышевой как наследие советской этнографии // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой. М., 2018. С. 36.

[2] *Кармышева Б.Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. С. 149.

[3] *Абашин С.* «В лабиринтах этногенеза и этнической истории»: труды Б.Х. Кармышевой как наследие советской этнографии. С. 37–38.

этом не стеснялась просить прочитать очередной вариант работы коллег, друзей, родственников – всех тех, кто мог своими замечаниями улучшить работу. Эта кропотливость и тщательность, бесконечная шлифовка поглощали значительную часть ее времени, и она писала несколько медленнее, чем могла бы. Но зато все ее работы были филигранны. Они были выверены до предела, небрежных, наспех сделанных работ среди них не было[1].

В сборнике представлены 66 статей 72 российских и зарубежных авторов. Он состоит из двух частей. Первая, мемориальная, посвящена самой Балкис Халиловне, ее научной биографии и наследию. В ней собраны воспоминания о ней ее близких, учеников и коллег, с которыми долгие годы она работала в экспедициях и академических кабинетах. Здесь же представлено документальное наследие Кармышевой, хранящееся в архивах Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан и Институте этнологии и антропологии РАН. Сотрудником этих учреждений Балкис Халиловна была с 1945 по 1956 и с 1956 по 2000 год.

Вторая часть сборника поделена на семь самостоятельных разделов и наглядно демонстрирует, насколько велик интерес к современной проблематике в области этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. Первый раздел посвящен вопросам этнического состава населения нескольких субрегионов Центральной Азии – Восточному Туркестану, Ферганской долине, долине Зеравшана, Арало-Кунградскому владению.

С древнейших времен через территорию Центральной Азии проходили торговые пути, связывавшие Восток и Запад. Интенсивное взаимодействие приводило к переселению и миграциям. Так, в здешних оазисах появились общины евреев, армян, татар, а во второй половине XIX в., после включения Туркестана в состав Российской империи, – русских, немцев и др. В XX в., когда целые народы в СССР подверглись репрессиям, в Центральной Азии появились крупные диаспоры, например, корейская. Диаспорам посвящен следующий раздел сборника.

Издревле народы Центрально-Азиатского региона были известны как искусные зодчие и ремесленники. Вышивальщицы, гончары, мастера занимавшиеся обработкой металлов и т.д. были известны далеко за пределами своих городов и кишлаков. Наследию материальной и нематериальной культуры народов Центральной Азии посвящен третий раздел сборника.

Неповторимость музыкальной культуры региона, ее своеобразие, уникальность и самобытность музыкальных инструментов – обо всем этом можно узнать, знакомясь с четвертым разделом второй части сборника «Оазисы Шелкового пути».

---

[1] *Губаева С.* Слово об учителе // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой. М., 2018. С. 25.

Пятый раздел посвящен источниковедению в широком понимании этого слова. В нем речь идет о восприятии Центральной Азии и населявших ее народов русскими художниками и писателями, иностранными и «туземными» путешественниками. Начиная со второй половины XIX в. здесь побывали сотни ученых и десятки научных экспедиций. Отчеты, записки, составленные по итогам этих поездок, ныне хранятся в музеях и архивах стран Европы и Азии, а так же в частных собраниях и коллекциях. Неоценим и персональный вклад порой незаслуженно забытых или, в силу различных обстоятельств, не получивших достойного признания при жизни исследователей. Они были «рядовыми науки». Но ведь «армия науки» и состоит из таких «рядовых». Усилия каждого такого рядового открыли миру и высокие горы, бескрайние степи и плодородные равнины Центральной Азии.

Традиции русской и советской научных школ по изучению Центрально-Азиатского региона, воспитанницей которых была Балкис Халиловна Кармышева, продолжаются и сегодня как в Российской Федерации, так в государствах Центральной Азии. Это наглядно демонстрируют статьи шестого раздела второй части сборника, посвященные этнографии узбеков, киргизов, уйгуров, казахов и дунган.

Ислам – это фундамент, на котором уже более тысячи лет зиждется культурная, духовная, повседневная и общественно-политическая жизнь народов Центральной Азии. Времена процветания сменялись годами упадка и иноземных завоеваний, а XX век стал для ислама в Центральной Азии и вообще в СССР эпохой гонений со стороны светского атеистического государства. Но ислам как в условиях господства традиционных социальных институтов и отношений, так и в эпоху IT-технологий, продолжает оказывать основополагающее влияние прежде всего на духовную и нравственную жизнь коренного населения. Народы Центральной Азии почитают и бережно хранят свою религиозную идентичность. Не случайно, что исследования, посвященные сохранению народами Центральной Азии религиозных традиций и практик, объединены в самостоятельный, завершающий, раздел сборника.

Сборник *«Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой»* стал своеобразной площадкой для настоящих научных дискуссий. Ряд авторов практически в режиме «реального времени» полемизируют друг с другом.

На фоне очевидной нехватки публикаций о Центральной Азии сборники, посвященные В.П. Наливкину и Б.Х. Кармышевой, надеемся, займут особое место в современной историографии изучения региона.

Ходжаева Н. Дж.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ТОПОНИМИКА, ОРОГРАФИЯ И ГИДРОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА В ТРУДАХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Известно, что в древности и средневековье границы между различными историко-культурными областями в основном определялись по рекам, горам, морям и озерам. Некоторые элементы ландшафта становились ориентирами для обозначения прохождения естественной границы на местности на многие столетия. Наглядным примером сказанному служит «Авеста, священная книга религии Зороастризма, которую исповедовали древние иранские народы, в том числе и предки таджиков. В «Авесте» с названиями основных гор, рек и морей связывались и исторические события древности, и естественные границы между различными племенными союзами (древние части «Авесты»), а позже государственными образованиями и областями (поздние части «Авесты», «Бундахишн» и др.). Анализ этого письменного источника показал, что его географический фон охватывает территорию Центральной Азии в пределах среднеазиатских республик, Южного Казахстана, Афганистана и Восточного Ирана, то есть территория, где шел процесс сложения таджикского народа. А народы и племена, упомянутые в «Авесте» являются его предками.

Локализация авестийских географических названий, а именно историко-культурных областей, места обитания племен, указанных в источнике, а также гидрографии и орографии до сих пор является объектом дискуссий среди ученых. Заметим, что авестийская география является одним из главных ключей к решению арийской проблемы, то есть локализации родины индо-иранских народов.

В целом авестийская география начинает интересовать исследователей со второй половины XIX в. Существенным недостатком большинства научных работ является то обстоятельство, что в них главным образом использовались и проанализированы сообщения античных авторов, которые, как, впрочем, и многие западные ученые, никогда не посещали Центральную Азию и, следовательно, не были знакомы с реальной географией ее областей, описываемых в письменных памятниках.

Следует отметить, что в XIX в. в России начинает бурно развиваться востоковедение. Особенно после присоединения к ней Средней Азии во второй половине XIX в. У русских ученых также возникает интерес к авестийской географии, особенно к локализации родины иранских народов. В 1861 г. вышел первый русский перевод отрывков из «Авесты» с комментариями, осуществленный К.А. Коссовичем[1]. В своих критических замечаниях к изданию

[1] *Коссович К.А.* Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции русского и латинского переводов, объяснения, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. – Спб.: Типогр. Императорской Академии, 1861. – 159 с.

ученый обращается к отождествлению «Арианам-Вайджа»- airiianəm vaēǰah- или vaējō-. Этим вопросом и отождествлением других географических названий, упоминаемых в «Авесте» занимались также Н.В. Ханыков[1], З.А. Рагозина[2] и К.И. Иностранцев[3].

Особо следует отметить труды известного востоковеда В.В. Бартольда[4]. Такие труды ученого как «Статьи из «Энциклопедии Ирана» и «Историко-географический обзор Ирана» имеют большое значение для изучения исторической географии Центральной Азии в древности и средневековье. Ученый собрал практически все сведения о географических названиях этого региона в раннесредневековых и средневековых арабских и персидских письменных источниках, привлекая при этом сообщения античных и китайских авторов.

Следует подчеркнуть, что при отождествлении авестийских географических названий, данные топонимии, орографии и гидрографии Центральной Азии, особенно горных районов Таджикистана и Афганистана, вообще не принимались во внимание. Именно поэтому сведения из отчетов русских исследователей второй половины XIX – начала XX вв., содержащих информацию о древней и средневековой топонимии региона, а также орографии и гидрографии являются весьма ценными.

Отрадно заметить, что в изучении истории, культуры и быта среднеазиатских народов немалая заслуга принадлежит Русскому географическму обществу, в стенах которого работали многие именитые ученые. После присоединения Средней Азии к России изучение региона начинает занимать важное место в научной деятельности многих русских ученых. Русские востоковеды сумели показать мировое значение истории и культуры среднеазиатских народов, особенно таджиков. Так, известный путешественник, естествоиспытатель А.П. Федченко один из первых посетил Среднюю Азию после ее присоединения к России. О своих впечатлениях о таджиках ученый пишет: «Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор еще хорошо сохранили свой тип… Жители долин, напротив, смещались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом»[5]. Интересные сведения

---

[1] См.: *Риттер К.* Иран / Пер. Н.В. Ханыкова. – СПб.: Изд. Имп. Р.Г.О., 1874. – С. 24-28.

[2] *Рагозина З.А.* Исторія Мидіи, второго Вавилонского царства и возникновенія Персидской державы. – СПб.: Изданіе А.Ф. Маркса, 1903. – 537 с.

[3] *Иностранцев К.А.* О домусульманской культуре Хивинского оазиса // ЖМНП. – 1911. – Ч. XXXI (новая серия). – С. 284-318); Он же. Река Ēрāн-Вэджа в парсидской традиции // ИРАН. – 1917. – Сер.VI. – № 12. – С. 891-895.

[4] *Бартольд В.В.* Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама». – М.: Наука, 1965. – Т. III. С. 319-325; *Он же.* Сыр-Дарья // Там же, с. 491-493; Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. – М.: Наука, 1971. – Т. VII. – С. 31-228; *Он же.* Иран. Исторический обзор // Работы по исторической географии и истории Ирана. – М., 1971. – Т. VII. – С. 230-336.

[5] *Федченко А.П.* Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1869. – С.39-40.

о горных таджиках второй половины XIX в. принадлежат Д.Л. Иванову. Побывав в Дарвазе, Рушане, Шугнане и Каратегине, ученый вспоминает: «Взглянешь на таджика горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытие, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя»[1]. А вот, что пишет о принадлежности таджиков к арийцам А.Н. Самойлович: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов. Была ли она колыбелью арийских племен, или арийцы пришли сюда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор остается еще спорным»[2]. Об арийском происхождении таджиков и о том, что их предки были огнепоклонниками (атэш-пэрэст), также писали Н.А. Аристов[3], В.П. Зайцев[4], И. Минаев[5], А. Серебренников[6] и многие другие русские исследователи, которые неоднократно совершали поездки на Памир с целью изучения истории, этнографии местного населения, а также географии, геологии, топонимии, флоры и фауны региона. Их отчеты издавались в «Отчетах и записках Императорского Русского географического общества», «Русском антропологическом журнале», Военном журнале», «Инженерном журнале», «Туркестанских ведомостях» и т.д. Исследования русских ученных ценны тем, что они с доскональной точностью описали быт и традиции населения Памира, а также отразили топонимию, орографию и гидрографию региона. Составленные ими карты сохранили названия сел, гор, рек, перевалов, большинство из которых употреблялось местным населением и в древности, и в средневековье, и в новое время. Следует отметить, что в советское время многие географические названия были изменены, что создает определенные трудности при их отождествлении. Отчеты русских ученых и составленные ими карты помогают восполнить этот пробел.

Для изучения авестийской географии интерес представляют материалы русских исследователей, содержащие сведения не только по топонимии, орографии и гидрографии Центральной Азии, а также по этнографии. Ценный вклад в сбор этих материалов внесли Е. Воронец[7],

---

[1] *Иванов Д.Л.* Путешествие на Памир // Известия Р.Г.О. – Т. XX. – 1884. – С. 240.

[2] *Самойлович А.Н.* Западний Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. – СПб.: «Столичная скоропечатня»,1903. – С. 34.

[3] *Аристов Н.А.* Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. (Продолжение) // Русский антропологический журнал. – 1900. – Кн. 20, № 4. – С. 71.

[4] *Зайцев В.П.* Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк (с картой). – Новый Маргелан: Типогр. ферганского обл. правл., 1903. – С. 55.

[5] *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб.,1879. – С. 190.

[6] *Серебренников А.* Очерк Памира. – Спб.: Типогр. глав. упр. уделов, 1900. – С. 68, 71.

[7] *Воронец Е.* Искандер-кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапера) // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 547-586.

Л. Н. Соболев[1], Н. Маев[2], И.В. Мушкетов[3], Н.А. Аристов[4], В.П. Зайцев[5], И.И. Зарубин[6], А. Серебренников[7], В.Ф. Новицкий[8], М.С. Андреев и А.А. Половцев[9], Д.Н. Логофет[10], М.И. Чайкин[11] и многие другие ученые. Так, при локализации авестийских гор Хара Березаити-harā bərəzaitim, весьма важными оказались данные по топонимии, орографии и гидрографии современного Таджикистана. Эти горы локализуются нами с Тянь-Шань – Памиро – Гиндукушской горной системой. Составная часть словосочетания Хара Березаити – bərəzaitim-Березаити означает высокий[12], то есть Высокая Хара, что подчеркивает значение гор Хара Березаити, как горной системы. Особенно важен тот факт, что «барз» и «варз» являются корнем многих географических названий Таджикистана. Об этом свидетельствуют труды русских ученых второй половины XIX начала XX вв. Например, Е. Воронец отмечает ущелье Варзоб и селение Варзаминор, перевалы Барзи, Варзиканд и Варзор [13], Н.Маев – горы Варзоб-тау [14], Л.Н. Соболев упоминает горы Дариварз, Барозгох, Барози Кампирак и Сари Вароз, а также местность Таги Бароз и Варзиканда [15]. Д.Н. Логофет, русский исследователь начала XX в.,

---

[1] *Соболев Л.Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест Округа // Записки Императорского Рус. геогр. об-ва по отд. статист. – Спб.: ИмПер. АН. 1874. – С. 163-718.

[2] *Маев Н.* Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. – 1879. – Вып. 5. – С.130-255.

[3] *Мушкетов И.В.* Исследования И.В Мушкетовым Зеравшанского ледника // Отчет о действиях императорского РГО за 1880 г. – СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1880. – С. 23-27.

[4] *Аристов Н.А.* Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. (Продолжение) // Русский антропологический журнал. 1900. – Кн. 20, № 4. – С. 62–197.

[5] *Зайцев В.П.* Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк (с картой). – Новый Маргелан: Типогр. ферганского обл. правл., 1903. – 78 с.

[6] *Зарубин И.И.* Архив Института Восточных рукописей Российской Академии наук (АИВРРАН). Ф. 121. Ед. хр. 242. Л. 110; Ед. хр. 277. Л. 15.

[7] *Серебренников А.* Очерк Памира // Военный сборник. – 1899. – № 6. – С.432-444.

[8] *Новицкий В.Ф.* Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 г. // Изв. РГО. – 1904. – Т. 40. – Вып. 1-2. – С. 1-30.

[9] *Андреев М.С.* «Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г.» Дневник // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.3, Оп. 1, Ед. хр. 20, Л. 3; *Андреев М.С., Половцев А.А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // СМАЭ. – 1911. – № 9. – С. 4-41.

[10] *Логофет Д.Н.* Очерки Горной Бухары. По реке Варзоб-Дарья // Военный сборник. – 1913. № 11. – С. 113-128; №12. – С. 147-156.

[11] *Чайкин М.И.* Географический очерк Восточного Памира. Извлечения из доклада М.И. Чайкина // Изв. Турк. отд. Рус. геогр. об-ва. – Ташкент: Типогр. Я.П. Эдельмана, 1914. – Т.10, Вып. I. – С. 163-164.

[12] Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Srassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. Sp. 949-950; Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – P. 299.

[13] *Воронец Е.* Искандер-кульская экспедиция в 1870 г. // Инженерный журнал. – 1871. – № 5. – С. 582.

[14] *Маев Н.* Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. – 1879. – Вып. 5. – С. 198.

[15] *Соболев Л.Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест Округа // Записки Императорского Рус. геогр. о-ва по отд. статист. – Спб.: ИмПер. АН, 1874. –С. 182.

отмечает селения Варзоб, Варзоб-Дар, Догана-Варзоб и реку Варзоб[1], которая сохранила свое название и в настоящее время.

Русских исследователей Памира интересовал вопрос происхождения его названия. Так, рассуждая об этимологии слова Памир, М.И. Чайкин пишет, что термин «Памир» имеет минимальную давность – тысячу двести пятьдесят лет[2] и, что санскритское слово «мир» (озеро) лежит в основе названий Памир, Кашмир, Аймир, а само слово «Памир» является производным от сокращения «Упа-Меру», то есть страна над озером[3]. Продолжая развивать идею М.И. Чайкина, А. Серебренников считает, что «Упа-Меру» – страна под мифической горой Меру, находящейся, согласно учению древнеиндийской космографии, в центре земли[4]. Что касается самого названия Памир, то ученый отмечает, что туземцы киргизы, произнося «Памир» или «Памыль», называют этим именем реку, вытекающую из западной оконечности озера Зоркуль и впадающую в реку Вахан-Дарья, немного выше столицы Вахана – крепости Кала-и-Пяндж, а также всю долину этой реки и озера[5]. Интересен тот факт, что известное название Памира – «Крыша мира» уже имело место в XIX в. Вот что пишет об этом П. Чихачев: «Нагорная площадь Памир известна в этой части Азии под именем «Бомъ-и Дуні ахъ», то есть «Крыша мира»[6].

При локализации авестийских гор Хара Березаити весьма полезным оказался этнографический материал, собранный русскими учеными второй половины XIX – начала XX вв. с территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Этнографический материал из этого региона нами используется впервые, и он является обоснованной доказательной базой для отождествления авестийских гор Хара Березаити с горной системой Тянь-Шань – Памир – Гиндукуш. Так, мы проследили связь огня, который является священным в зороастрийской религии, с повседневной жизнью современных горных таджиков. Это связь отражена в погребально-поминальном и свадебном обрядах таджиков Ишкашима, Вахана и долины Хуф. Все ритуалы, связанные с огнем подробно описаны М.С. Андреевым[7] и И. И. Зарубиным[8].

---

[1] *Логофет Д.Н.* Очерки Горной Бухары. По реке Варзоб-Дарья // Военный сборник. – 1913. – № 11. – С. 117; *Он же.* Очерки Горной Бухары. По реке Варзоб-Дарья // Военный сборник. – 1913. – № 12. – С. 148; Там же, с. 113.

[2] *Чайкин М.И.* Географический очерк Восточного Памира. Извлечения из доклада М.И. Чайкина // Изв. Турк. отд. Рус. геогр. об-ва. –Ташкент: Типогр. Я.П. Эдельмана, –1914. Т.10. – Вып. I. – С. 163-164.

[3] Там же.

[4] *Серебренников А.* Очерк Памира // Военный сборник. – 1899. – № 6. – С. 443.

[5] Там же, с. 434-435.

[6] *Чихачев П.* Об исследовании вершины Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памиръ. – СПб., Типогр. Второго Отд-ия Собственной Его Императорского Величества, 1998. – С. 15.

[7] *Андреев М.С., Половцев А.А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // СМАЭ. – 1911. – № 9. – С. 12-18; *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Вып. I. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – Вып. I. С. 107, 140-141, 172, 196-201, 205. (Тр. АН ТаджССР. ИИАЭ Т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков).

[8] *Зарубин И.И.* АИВРРАН. Ф. 121. Ед. хр. 277. Л. 15; Ед. хр. 242. Л. 110

Известно, что у зороастрийцев священный огонь хранился в специальном помещении, находящегося в храмах огня, Помимо храмов огня у них были домашние святилища огня. После принятия Ислама, население Средней Азии продолжало хранить верность своим доисламским традициям. Об этом свидетельствуют так называемые дома огня-алухона. О них мы узнаем из сообщений русских исследователей, побывавших в Каратегине и Дарвазе во второй половине XIX – начале XX вв. Так, первое упоминание об общественных домах огня (алоухона) в Каратегине и Дарвазе и о ежедневных сборах в них мужчин мы встречаем в отчетах Г.А Арандаренко[1]. О кишлачных домах огня и об отношении горных таджиков к огню в Каратегине, Вахиё и Дарвазе писали также В.Ф Новицкий и М.С. Андреев[2].

Обратим внимание на авестийский гидроним Вахви-Датия – vaŋhuiiā̊ dāitiaiiā̊-, vaŋhuuī dāitī-, vaŋuhīmdāṯ, отождествляемый большинством ученых с Амударьей[3]. При его локализации мы также использовали данные русских исследователей. Так, рассуждая о происхождении названия реки Пяндж, которая является одним из истоков реки Амударья, известный этнограф, знаток народов Памира М.С. Андреев пишет: «По объяснению ваханцев, река Пяндж получила свое название от того, что раньше реки этой не было и Али приложил свою руку (“пятерню”) несколько выше Базаи-Гумбеза (верстах в шести, выше Базаи-Гумбеза к перевалу Вахджир). От отпечатков пяти пальцев Али и забили пять ключей, которые и составляют начало реки Аму, под названием Аб-и-Вахджир, по имени перевала. Другой вариант происхождения названия реки мне довелось слышать следующий: река называется так по имени пяти речек, образующих ее начало:

1) Оби-Буругель,
2) Аб-и-Иршод,
3) Аб-и-Вахджир,
4) Аб-и Куль-и-Андеман,

---

[1] *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) // Военный сборник. –1883. – № 11. – С. 140-159; № 12. – С. 303-319.

[2] *Новицкий В.Ф.* Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 г. // Изв. РГО. – 1904. – Т. 40. – Вып. 1-2. С. 1-30; *Андреев М.С.* По этнографии таджиков. Некоторые сведения // Таджикистан: сб-ик статей. – Ташкент: Востказгосиздат, 1925. – С. 151-177.

[3] *Yule H.* The geography and history of the upper waters of the Oxus // Wood. J. A journey to the source of the river Oxus. – London: John Murray, 1872. – P. XXIII; Bailey H.W Iranian Studies I. // BSOS, 1932. –Vol. 6. – № 4. – P. 952; *Markwart J.* Vehrot und Arang. – Leiden, 1938. – S. 35; Doosthhah J. См.: Avesta. The Ancient Iranian Hymns / Texts. Translated, annotated by J. Doostkhah. – Tehran, 1375 (=1997). – С. 1, сн. 952; *Benveniste É.* L’Ērān-vēž et l’origine lēgendaire des Iraniens // BSOS. 1933-35. – Vol. VII. P. 271; *Bihzādī R.* См.: Boundahiš-i hindī. Tashīh va tajoma-ye Ruqiya Bihzādī. – Tehran, 1368 (=1990). – С. 35; *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l’histoire primiteve des tribus iraninnes. – Cøbenhavn, 1943. P. 25; – *Duchesne-Guillemin J.* La réligion de l’Iran ancien. – Paris: Presses Univer. de France, 1962. – P. 143; *Бартольд В.В.* Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама». – М.: Наука, 1965. – Т. III. – С. 319; *Nyberg H.S.* Biographie de Zaratuštra dans le Denkart // Acta Iranica 7. – 1975. – Vol. IV. – P. 510-518; *Boyce M. A* History of Zoroastrianism. – Leiden-Köln, 1975. – Vol. I. – P 144; *Абаев В.И.* Два зороастризма в Иране //ВДИ. – № 4. – С. 202; *Пьянков И.В.* Зороастр в истории места и времени // ВДИ. – 1996. – № 3. – С. 14; *Стеблин-Каменский И.М.* Река иранской прародины // Ономостика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 72-73; *Он же.* Этимологический словарь Ваханского языка. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 6.

5) Аб-и-Лянгар (т.е. река Памир).

Хребет Гиндукуш известен среди таджиков под названием Ку-и-Дароз (Длинные горы). Река Пяндж известна у бадахшанцев под названием Дарья-и-Хому (т.е. Аму)…[1]. Таким образом, М.С. Андреев первым упоминает топоним и гидроним Вахджир, откуда берет свое начало Амударья. В «Авесте» эта река имеет название Вахви-Датия. Таким образом, один корень слов Вахджир и Вахви позволяет окончательно обосновать идентификацию авестийской Вахви-Датии с Амударьей. Ученый во время своего путешествия в Бадахшан в 1902 г. на его Бухарской территории (Вахан и Ишкашим Горно-Бадахшанской автономной области) зафиксировал также топоним Выранг[2], корень которого прослеживается в авестийской реке Ранха-raŋhā.

В заключении хотелось бы отметить, что нами была изучена лишь малая часть отчетов русских исследователей Средней Азии. В настоящее время мы собираем материал для написания монографии «Заратуштра в истории Центральной Азии», чья жизнедеятельность непосредственно связана с географическими названиями, которые отражены в «Авесте» и пехлевийской литературе. Локализация многих из них еще остается спорной. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что дальнейшее изучение отчетов русских ученых второй половины XIX – начала XX вв., отражающих топонимию, орографию и гидрографию Средней Азии помогут решить многие нерешенные вопросы не только авестийской географии, но и жизнедеятельности Заратуштры.

Старостина О.В.
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Изучение культурного наследия таджикского народа на протяжении двух столетий являлось одной из значимых направлений отечественного востоковедения и этнографии, которое разрабатывалось учеными в различных исследовательских учреждениях. Российский этнографический музей (РЭМ) является одним из крупнейших мировых научных центров изучения традиционной культуры народов Средней Азии, наряду с Государственным Эрмитажем и Музеем Антропологии и этнографии (Кунсткамера). Собрание музея по этнографии таджикского народа составляет около 3 500 предметов, в которое входят памятники, отражающие практически все аспекты традиционной материальной и духовной культуры

[1] М.С. Андреев «Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г.» Дневник // Архив востоковедов Архив востоковедов ИВР РАН. Ф.3, Оп. 1, Ед. хр. 20, Л. 114.

[2] *Андреев М.С., Половцев А.А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // СМАЭ. – 1911. – № 9. – С. 39.

народа. В их число входят обширные коллекции по костюму различных половозрастных групп, а также представляющие разнообразные статусные и обрядовые элементы. Значительное место в собрании занимают предметы традиционного текстиля (ткани, *сюзане*, *ойнахалта*, предметы интерьера жилища, керамики, медной и деревянной утвари, сельскохозяйственные, животноводческие и ремесленные орудия труда, музыкальные инструменты, ювелирные украшения и др). Наиболее ранние памятники датируются началом XIX века, а наиболее поздние началом XXI века, что дает возможность изучения культурных изменений в Таджикистане, происходивших на протяжении двух веков. Широкие географические рамки собрания РЭМ охватывают практические все районы страны и отражают особенности материальной и духовной культуры равнинного населения, горных таджиков и припамирских народностей.

Большое значение для изучения культуры таджикского народа имеет и фотоколлекция музея, насчитывающая 1996 фотоотпечатков. Около трети всего собрания составляют материалы, сделанные с 1900 по 1903 гг.

История изучения этнической истории, материальной и духовной культуры таджикского народа в нашем музее берет свое начало с момента основания Этнографического отдела Русского музея в 1902 году, что было обусловлено, с одной стороны, политическими и экономическими причинами, а с другой, возросшим в российском обществе на рубеже XIX – XX веков интересом к народам, вновь вошедшим в состав России, представления о которых имели лишь очень немногие ученые и исследователи. Основной задачей, которая ставилась перед молодым музеем, была «представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею[1]». Именно в этот период начинаются регулярные экспедиционные поездки сотрудников музея в Таджикистан. Всего за прошедшее столетие их состоялось около двадцати, и все они были проведены при активной поддержке и сотрудничестве местной интеллигенции, сотрудников АН Тадж ССР, музеев Душанбе, Худжанда, Куляба и Хорога.

Первая экспедиция в Среднюю Азию была хорошо спланирована и состоялась по предложению академика В.В. Радлова в 1900 году. Целью поездки, был сбор экспонатов по материальной культуре, традициям и обычаям населения Бухарского эмирата. В 1901 и 1902 гг. С.М. Дудин вновь предпринял экспедиции в регион. Им были обследованы нагорная Бухара и Бухарский эмират, Ферганскую долину, города Самарканд, Шахрисябз, Китаб, Бухару. В общей сложности им было привезено 9 коллекций, в состав которых вошло 1700 экспонатов, ставших поистине золотым фондом таджикского собрания РЭМ и явившимся базой, как для дальнейшей собирательской работы, так и для научно-исследовательской. В состав фонда вошли предметы одежды и, в том числе, вышедшие к концу XIX в. из употребления и датирующиеся 1860-ыми гг., конская упряжь, попоны,

[1] Российский этнографический музей. – СПб, 2001. – С. 162

инструменты ремесленников, медная и деревянная утварь, предметы облачения дервишей, культовые предметы и многое другое. Его коллекции с монографической полнотой представляют традиционно-бытовую культуру таджиков[1].

Особое место в наследии С.М. Дудина занимает фотоархив художника. Эти материалы являются уникальными для всестороннего изучения различных аспектов таджикской традиционной культуры. С 1893 по 1905 год исследователь провел восемь крупных экспедиций в Закаспийскую область, Ташкент, Самарканд, Семиречье и другие районы Средней Азии, во время которых тщательно фиксировал сцены традиционного быта, обряды и праздники, развлечения, памятники архитектуры, типы жилища и различных, по своему социальному положению и роду занятий, представителей таджикского народа. Всего им было сделано около 700 снимков.

В последующие годы собирательская деятельность музея была продолжена, хотя и не в таких крупных масштабах как ее вел С.М. Дудин, однако его опыт явился основополагающим для всех поколений этнографов, работавших в РЭМ. Особое место в ряду коллекций музея, поступивших в его собрание до 1940-ого г., занимает собрание дарвазских лицевых занавесок и традиционных вышивок для украшения женского платья, датирующиеся концом XIX в., которые столь редки в музейных собраниях России.

Основная часть таджикского собрания РЭМ была сформирована в послевоенный период, благодаря систематической экспедиционной работе научных сотрудников. Вначале 1950-х гг. перед сотрудниками отдела этнографии народов Средней Азии и Казахстана ГМЭ народов СССР встала задача разработать концепцию постоянной экспозиции, отражающей традиционную культуру таджикского народа конца XIX – начала XX в. Эта работа, помимо сложной научно-методической подготовки, потребовала также восполнение некоторых предметных лакун и сбора дополнительного этнографического материала для чего научными сотрудниками отдела С.М. Лейкиной и А.С. Морозовой были предприняты экспедиционно-собирательские поездки в Ленинабадскую и Гармскую обл. и Гиссарскую долину. Во время командировки учеными был собран материал по традиционной и современной одежде, ткани, образцы вышивки, предметы по этнографии детства, произведения таджикских ремесленников (золотошвей, резчиков по дереву и ганчу, гончаров). Всего в собрание музея поступило шесть коллекций, состоящих из 200 предметов.

В 1971 году состоялась еще одна крупная экспедиция С.М. Лейкиной совместно с М.Д. Перлиной, целью которой являлось обследовать Кулябский, Московский и Пархарский р-ны Таджикистана. Сотрудниками была собрана коллекция мужской, женской и детской одежды, сельскохозяйственные

---

[1] *Дмитриев С.В.* Фонд Этнографического отдела Русского Музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901 – 1930-е гг.). – СПб, 2012 – С.550.

орудия, ткацкие станы, инструменты и изделия мастеров-ремесленников, предметы убранства жилища, что значительно пополнило собрание музея по этнографии горных таджиков.

В 1961 г. состоялась экспедиция Г.Е. Трапезникова на Памир (Хорог, Рошткала) и в горный Таджикистан (Дарваз), откуда была привезена коллекция, включавшая земледельческие орудия, утварь, предметы интерьера, и уникальные образцы старинной одежды. Общее число памятников составило 170 единиц хранения.

316 предметов были переданы музею в дар правительством Тадж. ССР в 1972 г. Эти экспонаты были собраны выдающимися учеными-таджиковедами Н.Н. Ершовым, И.М. Мухитдиновым, А.К. Писарчик, З.К. Широковой и дополнили собрание высокохудожественными памятниками, изготовленными ведущими народными мастерами Таджикистана, среди них разнообразные образцы глиняной посуды, керамические игрушки, предметы одежды, вышивки-*сюзани*, куклы и многое другое.

Значительный вклад в изучение различных аспектов таджикской этнографии внес заведующий отделом народов Средней Азии и Казахстана Б.З. Гамбург, под руководством которого в 1975 и 1977 гг. состоялись две экспедиционно-собирательские поездки в ГБАО. Ученые исследовали различные аспекты духовной и материальной культуры шугнанцев, рушанцев, ваханцев, бартангцев и ишкашимцев и собрали обширную и репрезентативную коллекцию, насчитывающую в общей сложности 438 предметов (сельскохозяйственные орудия, предметы ухода за скотом, предметы охоты, обработки шерсти, упряжь, инструменты и изделия ремесленников, вышивки, одежду, предметы убранства жилища, утварь, предметы воспитания детей).

В 1980-90-е гг. сотрудниками отдела было проведено шесть экспедиций, в различные районы Таджикистана и Узбекистана – Джиргаталь (С.И. Илюшенко), гг. Бухару, Нурату, Самарканд (Т.Г. Емельяненко), Бухарскаую обл. (Е.Л. Кубель), где были приобретены около 200 памятников традиционной культуры таджиков XX в.

В сборе коллекций для РЭМ неоценимую помощь оказали различные НИИ и музеи Таджикистана. Так, например, в 1974 г. была приобретена коллекция игрушек через сектор этнографии института истории АН Тадж ССР. Спустя два года краеведческим музеем г. Хорог ГБАО была сформирована и передана коллекция, отражавшая традиционный костюм памирцев. В начале 1970-х гг. в собрание музея от правительства Тадж ССР было передано около 300 этнографических памятников, среди которых традиционная одежда и утварь, предметы убранства жилища.

Активно сотрудничал музей и с Союзом художников Тадж ССР, приобретая предметы ремесла и декоративно-прикладного искусства у народных мастеров – членов союза художников.

Советский период стал «золотым веком» сотрудничества ученых России и Таджикистана. Многие таджикские исследователи получили этнографическое образование в Москве и Ленинграде, защитили

кандидатские и докторские диссертации, участвовали в совместных конференциях. Ежегодно ведущие музеи РСФСР и Тадж ССР обменивались выставочными проектами. На рубеже XX – XXI вв. совместная научная и экспедиционно-собирательская работа в республике была полностью прекращена в связи с политико-экономическими изменениями, коснувшимися России и Таджикистана. Восстановление научных и культурных связей между странами началось только в последнее десятилетие, хотя на личностном уровне они не прекращались, но без государственной поддержки не могли принести весомых результатов.

В 2016 году, впервые за четыре последних десятилетия состоялась фотовыставка Российского этнографического музея «Традиционная семья народов Евразии» в Душанбе. Она была проведена в Национальном музее Таджикистана и представляла около сотни фотоизображений, датируемых рубежом XIX-XX вв. и отражала различные аспекты семейной жизни у восточных славян, народов Поволжья и Приуралья, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Экспозиция вызвала большой интерес, как среди посетителей музея, так и научной общественности. Эта выставка дала толчок к развитию качественно новых отношений между научным сообществом двух стран в области этнографической науки.

Уже в следующем 2017 году РЭМ посетил директор Национального музея Таджикистана Шарифзода Абдували. Одной из целей данной поездки было научное исследование памятников, хранящихся в среднеазиатско-казахстанском собрании, для разработки новой в науке этноэпиграфической темы.

В этом же году состоялась международная научная конференция «Роль российской интеллигенции в развитии науки и культуры Таджикистана», проходившая в Российско-Таджикском (Славянском) университете и организованная кафедрой культурологи, которая явилась важным этапом в укреплении двусторонних связей в сфере гуманитарных исследований обеих стран. Международный статус конференции позволил ознакомиться таджикским и российским исследователям с последними интеллектуальными достижениями в области науки и культуры наших государств.

Участие в конференции специалистов в различных областях гуманитарных наук (историков, археологов, этнографов, культурологов, театроведов, лингвистов) позволило провести междисциплинарную дискуссию, которая, безусловно, обогатила научный потенциал исследователей, дала возможность установить на новом, более высоком уровне связь между учеными Таджикистана и России.

Актуальной для современной политической ситуации явилась и тематика данной конференции, которая позволила проанализировать различные аспекты, касающиеся общего исторического прошлого двух стран, дать оценку взаимовлиянию, происходившему на протяжении более ста лет, и определить необходимость дальнейшего развития отношений в сфере науки и культуры.

Высокий уровень организации и проведения международной научной конференции, большой интерес к ней со стороны широкого круга ученых, студентов, журналистов, творческой интеллигенции, дают все основания надеяться, что этот важный проект для развития двусторонних отношений Республики Таджикистан и Российской Федерации будет проводиться в будущем регулярно и позволит расширить диапазон совместных теоретических и прикладных проектов, в числе которых, например, могут быть научные стажировки, совместные экспедиции, выставки, исследования в различных гуманитарных областях и т.д.

В июле 2018 г. состоялась совместная научная экспедиция сотрудников Российского этнографического музея и Российско-Таджикского (Славянского) университета, при поддержке Национального музея Таджикистана в западную, горную часть Согдийской области, районы нижней и средней Масчо. Перед учеными стояло несколько задач. С одной стороны необходимо было выявить этномаркерующие черты в современной культуре матчинцев, изучить особенности традиционного жилища, костюма, занятий, верований и традиционных обрядов жизненного цикла и, таким образом получить сравнительный материал для анализа изменений в культуре данной территориально-этнографической группы, изучить наиболее устойчиво сохраняющиеся явления в обрядово-бытовой сфере. С другой – необходимо было определить возможности включения данного района в туристическую карту Таджикистана. Во время проведения данных исследований, которые, казалось бы, должны проходить параллельно, стало ясно, что именно через презентацию местной традиционной культуры возможно построить определенные туристические маршруты, которые могут стать импульсом для экономического развития Масчо, а так же позволят более полно изучить уникальную культуру местного населения, которая во многих аспектах продолжает сохранять свои архаичные черты. Так, например, одним из наиболее устойчивых явлений местной традиционной культуры являются ремесла. Маршрут экспедиции был составлен таким образом, чтобы возможно было изучить наибольшее число объектов с различными ландшафтными условиями и степенью удаленности от центральной дороги. Всего в поле зрения ученых попало девять кишлаков (Дашт, Вердост, Обурдон, Падрох, Эмбеф, Пастиган, Лангар, Мадрушкат, Мехрон) и в каждом из них проживают ремесленники-мастера: деревообделочники, ткачи, швеи, войлоковалильщики, вышивальщицы. Все предметы народного искусства продолжают бытовать в современной бытовой культуре. Особое место, на наш взгляд, занимает редкое, и практически не изученное у таджиков войлоковаляние. В этнографической литературе было известно лишь два района Таджикистана, где оно было распространено – это ГБАО и Каратегин, но благодаря работе экспедиции был открыт научный факт существования этого ремесла в верховьях Зеравшана, определены ретроспектива его исторического развития, особенности изготовления, орнаментации и бытования.

По материалам поездки учеными Российского этнографического музея и Российско-Таджикского (Славянского) университета готовится ряд научных публикаций, одна из них (совместная статья Умаровой Зарины и Старостиной Ольги) выходит в свет уже в начале декабря текущего года. Она посвящена особенностям женского костюма Горной Масчо, динамике его изменений на протяжении второй половины XX – начала XXI в., выявлению этнической специфики в современной женской одежде.

Как показал опыт совместной научно-экспедиционной работы, такого рода проекты имеют большой потенциал, так как позволяют использовать опыт, наработанный десятилетиями, как таджикской исследовательской школой, так и российской.

Данная научная конференция «Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана», посвящённую 200-летию российского востоковедения является важным этапом для успешного развития двусторонних российско-таджикских отношений в области культуры и науки.

На сегодняшний день уже разработан план сотрудничества РЭМ и Национального музея Таджикистана на ближайшее время. Уже в следующем году в РЭМ готовит выездную выставку, посвященную традиционному русскому набойному искусству, которая будет сопровождаться мастер-классами, лекциями и научными занятиями на базе Национального музея. К концу 2019 года оба музея готовят крупный совместный выставочный проект «Этноэпиграфика Востока», который будет проходить в Санкт-Петербурге. На нем будут представлены памятники народного искусства Средней Азии из собрания обоих музеев (сюзане, набойки, медная и деревянная утварь, предметы религиозного культа и др.). Уже сейчас эта выставка вызывает большой научный интерес среди этнографов, востоковедов, религиоведов, искусствоведов и представителей других гуманитарных знаний.

На базе РЭМ планируется также проведение стажировок для музейных сотрудников Таджикистана с целью обмена опытом по вопросам научно-хранительской работы, экспозиционно-выставочного строительства, особенностей просветительской деятельности музея, подготовки специалистов научно-методических отделов.

Таким образом, можно выделить несколько основных направлений в развитии перспективного сотрудничества ученых Республики Таджикистан и Российской Федерации. Прежде всего, это совместная научно-исследовательская работа, которая включает проведение комплексных экспедиций, регулярное функционирование площадок для конференций и круглых столов, на которых, в рамках научной дискуссии, могут обсуждаться различные исследовательские темы и проекты, разработка и подготовка совместных статей и монографий. Немаловажным направлением является также и научно-просвететильская деятельность, включающая обмен выставками, мастер-классами, лекциями, которая позволит не только ученым и музейным сотрудникам, но и студентам, посетителям, всем кто проявляет интерес к таджикской культуре, наиболее полно и ярко представить себе ее

неповторимые особенности. Особое место в этом ряду занимает восстановление межгосударственного обмена вновь издающейся научной литературой, который был практически полностью прерван в 1990-ые гг. и в настоящий момент ведется в крайне неудовлетворительном объеме. Это лишает и российских и таджикских ученых важной научно-исследовательской базы и не позволяет в полной мере проводить исследования различных аспектов культуры Таджикистана.

Совместная работа таджикских и российских ученых в этих направлениях позволят, с одной стороны, восстановить и сохранить опыт, накопленный за предыдущее столетие учеными обеих стран, а с другой, успешно развивать этнографическое научное знание.

Ильина И. Н.
(г. Москва, Российская Федерация)

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СФЕРА СОТРУДНИЧЕСТВА НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА: ТАДЖИКИСТАН В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Результаты научных исследований, проведенных за 200 лет российскими учеными в евразийском регионе, находят отражение в огромном документальном комплексе, хранящемся в различных учреждениях Российской академии наук. Интерес к нему проявляется постоянно, а в наши дни он значительно усилился, особенно со стороны зарубежных ученых, и в первую очередь – ученых из стран Содружества независимых государств. Отрадно отметить, что нарушенные в ранний постсоветский период научные связи и профессиональные контакты сегодня восстанавливаются, в странах Содружества все более наблюдается тенденция к изживанию в научной сфере негативных последствий политических преобразований.

Несмотря на геополитические перемены в научном социуме присутствует понимание того, что документальное наследие научных учреждений и выдающихся ученых является не только достоянием отдельных стран и народов, но принадлежит мировому сообществу и мировой науке в целом.

Необходимость взаимодействия ученых в целях освоения документального научного наследия, расширения знаний сегодня определяется принципом «наука без границ» и потребностью максимально объективного исследовательского подхода. Будучи источниковой базой для фундаментальных исследований по истории, археологии, этнографии, литературе, языковедению, искусствознанию, религиоведению, географии, геологии, биологии, экономике и широкому кругу других наук, архивные документы остаются высоко востребованными, а иногда и единственными информационными ресурсами в распоряжении исследователей. В полной

мере сказанное относится к научно-исследовательским центрам, архивным учреждениям, ученым и архивистам России и Таджикистана, совместная работа которых в русле востоковедения является не только актуальной, но и неизбежной.

Архив Российской академии наук (Архив РАН) с его 290-летней историей является хранителем огромного комплекса научной документации, в том числе документов академических учреждений и членов Академии наук по всем областям наук: в нем собрано около 2 тыс. фондов, свыше 1 млн. единиц хранения. Собрание документов Архива РАН активно используется российскими и зарубежными учеными, включая специалистов из стран СНГ.

Результаты поисковой работы показывают, что в хранилищах Архива РАН, как в Москве, так и в Санкт-Петербурге, содержится значительный массив документов по таджикской проблематике в хронологических рамках XVIII-XX веков. Охарактеризовать все документы в одном докладе не представляется возможным, однако коллеги из Таджикистана могут самостоятельно работать с документами непосредственно в Архиве РАН либо ознакомиться с документами в удаленном доступе с помощью современных web-технологий. На официальном сайте Архива РАН в сети Internet (www.arran.ru) размещена web-версия Информационной системы «Архивы РАН» (web-ИСАРАН), где исследователям доступны перечень фондов Архива РАН и все оцифрованные описи фондов.

Состав документов по тематике Таджикистана в Архиве РАН весьма разнообразен: это рукописи научных работ, докладов, отчетов, отзывов по истории, языку и литературе, этнографии, археологии, географии, ботанике, геологии Таджикистана, материалы о работе Таджикской базы АН СССР (затем филиала АН СССР и АН Таджикской ССР), документация научных экспедиций, личная и научная переписка ученых, дневники, фотоматериалы, картографические документы. Особую значимость, несомненно, представляют документы, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся таджикских и российских ученых и деятелей культуры, таких как академики Б.Г. Гафуров, А.А. Семенов, Е.Н. Павловский, Б.А. Литвинский, А.Ф. Миддендорф, А.Ю. Якубовский, чл.-корр. Р.В. Камелин и Н.В. Ханыков, а также А.А. Леман, Н.А. Маев, И.В. Мушкетов, В.Ф. Ошанин, А.П. Федченко и другие.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на наличие в составе Архива РАН большого ряда фондов ученых-востоковедов, значение которых для всестороннего изучения среднеазиатского региона является существенным.

В Архиве РАН в Москве насчитывается 10 документальных фондов специалистов-востоковедов:

Ф. 558 – Корш Федор Евгеньевич, академик (1843-1915)

Ф. 688 – Гордлевский Владимир Александрович, академик (1876-1956)

Ф. 1568 – Дмитриев Николай Константинович, чл.-корр. (1898-1954)

Ф. 1574 – Луцкий Владимир Борисович, к.и.н. (1906-1962)

Ф. 1619 - Никольский Николай Михайлович, чл.-корр. (1877-1959)
Ф. 1675 –Конрад Николай Иосифович, академик (1891-1970)
Ф. 1782 –Авдиев Всеволод Игоревич, д.и.н. (1898-1978)
Ф. 1788 –Жуков Евгений Михайлович, академик (1907-1980)
Ф. 1869 – Толстов Сергей Павлович, чл.-корр. (1907-1976)
Ф. 2181 –Бороздин Илья Николаевич, профессор (1883-1959)

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН насчитывается 21 фонд специалистов-востоковедов:
Ф. 23 – Валиханов Чокан Чингисович (1835-1865)
Ф. 68 – Бартольд Василий Владимирович, академик (1869-1930)
Ф. 177 – Радлов Василий Васильевич, академик (1837-1918)
Ф. 208 –Ольденбург Сергей Федорович, академик (1863-1934)
Ф. 746 – Соколов Михаил Николаевич (1890-1937)
Ф. 776 – Дорн Борис Андреевич, академик (1805-1881)
Ф. 778 – Френ Христиан Данилович, академик (1782-1851)
Ф. 780 – Владимирцов Борис Яковлевич, академик (1884-1931)
Ф. 781 – Поппе Николай Николаевич, чл.-корр. (1837-1991)
Ф. 782 – Самойлович Александр Николаевич, академик (1880-1938)
Ф. 783 – Клапрот Генрих Юлий, академик (1783-1835)
Ф. 784 – Байер Готлиб, профессор (1694-1738)
Ф. 785 – Шмидт Яков Иванович, академик (1779-1847)
Ф. 789 – Броссе Марий Иванович, академик (1802-1880)
Ф. 850 – Розенберг Федор Александрович, чл.-корр. (1867-1934)
Ф. 877 – Ернштедт Петр Викторович, чл.-корр. (1890-1966)
Ф. 904 – Баранников Алексей Петрович, академик (1890-1952)
Ф. 909 – Орбели Иосиф Абгарович, академик (1887-1961)
Ф. 1026 – Крачковский Игнатий Юлианович, академик (1883-1951)
Ф. 1036 – Пигулевская Нина Викторовна, чл.-корр. (1894-1970)
Ф. 1090 – Тревер Камилла Васильевна, чл.-корр. (1892-1974)

Трудно переоценить значение архивных фондов академических учреждений и организаций для изучения науки Таджикистана, особенно в советский период. Документы о становлении и развитии востоковедения в СССР, о работе Института востоковедения РАН, о проведении научных исследований в Таджикистане, о создании Таджикской базы АН СССР (Таджикского филиала АН СССР, затем Академии наук Таджикской ССР), о деятельности академических учреждений Таджикистана, в целом по истории советского Таджикистана содержатся в нескольких крупных фондах Архива РАН в Москве и параллельно в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Назовем лишь некоторые из них.

Документальные фонды учреждений и организаций:
Ф. 2 – Секретариат Президиума РАН
Ф. 174 – Совет по изучению производительных сил АН СССР

Ф. 188 - Совет филиалов АН СССР
Ф. 350 – Коммунистическая академия ЦИК СССР
Ф. 457 – Отделение истории РАН
Ф. 676 - Всесоюзный центральный комитет нового алфавита
Ф. 1731 – Секция общественных наук АН СССР
Ф. 264 – Общество востоковедов-марксистов Ленинградского Отделения Комакадемии (СПбФ АРАН)
Ф. 142 - Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Так, самый объемный фонд Архива РАН в Москве – ***ф. 2 (Секретариат Президиума РАН)*** насчитывает более 30 тыс. ед. хр. за 1918-2017 гг. Он содержит документацию руководящих органов Академии наук, включая постановления и распоряжения Президиума АН по всем вопросам деятельности Академии наук; отчеты и доклады руководителей республиканских академий наук, региональных отделений академии, академических институтов; материалы академических экспедиций на территории всей страны; материалы проверок учреждений Академии наук. В стенограммах заседаний Президиума АН СССР не трудно обнаружить отчеты и справки о работе АН Таджикской ССР, отчеты ее президентов, материалы проверок и обсуждений за разные годы.[1]

Несомненную ценность для таджикских ученых представляют документы, собранные в ***ф.188 (Совет филиалов АН СССР)***, где отражена история создания и деятельности Таджикской базы АН СССР, ставшей впоследствии Таджикским филиалом АН СССР, а в 1951 г. – Академией наук Таджикской ССР.[2]

Исследователей, несомненно, привлекут фонды президиума Коммунистической академии ЦИК СССР ***(ф. 350 - Коммунистическая академия ЦИК СССР)*** и ее многочисленных институтов. Коммунистическая академия, действовавшая в СССР в 1918-1936 гг. наряду с Академией наук СССР, имела свои региональные отделения и учебные заведения в автономных и союзных республиках. Специального внимания заслуживают обширные материалы Комакадемии об организации, финансировании, составе отрядов, результатах работы комплексной Среднеазиатской экспедиции в 1928-1930 гг. и материалы для выставки по ее итогам; документы о работе среднеазиатской ассоциации марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов, среднеазиатского отделения Комакадемии, среднеазиатских отделений научных марксистских обществ; документы о подготовке издания «Азиатская энциклопедия» в 7 томах; рукописи статей и монографий по таджикской проблематике.[3]

---

[1] Архив РАН. Ф. 2. Оп.1 (1933). Д.3, 11, 13, 30, 53; оп. 1 (1936). Д. 29, 154а, 225; оп. 1 (1937). Д. 456, 583, и др.
[2] Там же. Ф. 188. Оп. 1 (1946-1950). Д. 14, 40, 42, 70, 124, 154, и др.
[3] Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 446, 591, 592, 614, 632, 795, 876 и др.; ф. 353. Оп. 1. Д. 129, 130 и др.

В числе документов Архива РАН значительный массив составляет документация комплексной Таджикской или Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР, постоянно действовавшей в 1930-е гг. (в 1937 г. она была переименована в Среднеазиатскую экспедицию). В период 1932-1937 гг. (а фактически с 1928 г.) в СССР велась регулярная работа по всестороннему изучению Таджикистана силами АН СССР и Коммунистической академии, известными учеными из Москвы и Ленинграда. Ежегодно организуемые научные отряды экспедиции исследовали регион в самых разных направлениях – география, геология, почвоведение, ботаника, этнография, языковедение; в составе экспедиции работали группы альпинистов, осуществлявшие подъем на высочайшие горные вершины Памира. Документы экспедиции (планы, сметы, отчеты, карты, полевые дневники, фотографии) содержатся в нескольких архивных фондах, в том числе в уже названных фондах № 2 и № 350. Однако первое место, несомненно, принадлежит ***ф. 174 (Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР - СОПС).*** Наибольший интерес в нем представляют документы Среднеазиатской секции СОПС (в опись 8 включены материалы Таджикской комплексной экспедиции, 1932 г.), документы Таджикской секции СОПС (в опись 18 включены 44 ед.хр. с материалами по Таджикской экспедиции, по проведению Первой Таджикской научной конференции в 1933 г., выставке «Производительные силы Таджикистана» 1933 г. и др.). В том же ***ф. 174 в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН*** представлены стенограммы докладов, сделанных на Первой Таджикской научной конференции в 1933 г. (докладчики Е.Н. Павловский, В.И. Попов, С.Г. Натансон, Е.Ф. Кислицын, И.И. Зарубин, поэт Лахути Гассан), содержится доклад Абрамзона о работе отряда комплексной Таджикской экспедиции по изучению населения Таджикистана в 1933 г. и другие документы.[1]

Как известно, в 1920-1930-х гг. в СССР проводилась знаменитая двойная языковая реформа письменности народов Советского Союза, в ходе которой национальные алфавиты сначала были переведены на латинскую графику, а затем на кириллическое письмо. В Таджикистане, как и в других национальных республиках СССР, был создан национальный Комитет нового алфавита для перевода таджикского языка на латинскую графику. В составе ***ф. 676 (Всесоюзный центральный комитет нового алфавита)*** содержатся десятки архивных дел, отражающих процесс разработки и внедрения нового латинизированного алфавита в Таджикистане в 1930-е гг.

Документальные фонды выдающихся ученых являются сокровищницей Архива Российской академии наук. В них сосредоточена, пожалуй, наиболее интересная и ценная часть документов, в том числе и по истории таджикской науки.

В этой связи обращает на себя внимание один из наиболее крупных фондов личного происхождения, относящийся по составу своих документов

[1] СПбФ АРАН. Ф. 174. Оп. 1. Д. 405, 414, 415, 416, 420, 423.

к истории Таджикистана. Это личный фонд почвоведа ***Антипова-Каратаева Ивана Николаевича (1888-1965),*** академика АН Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, научного руководителя Института почвоведения, мелиорации и ирригации Академии наук Таджикской ССР (**ф.1581**, 577 ед. хр.). Документальный фонд поступил на хранение в Архив РАН в 2007 г. Содержит одну опись, включающую научные труды, биографические документы, документы по деятельности, переписку, фотографии, труды других лиц. Особый интерес представляют полевые дневники ученого, которые он вел в ходе Таджикско-Памирской экспедиции в 1940-х гг., обширная научная переписка, многочисленные фотографии, в том числе в Таджикском филиале АН СССР.[1]

В целом, обращение исследователей к личным фондам ученых, хранящимся в Архиве РАН, является, пожалуй, наиболее результативным, поскольку позволяет зачастую обнаружить малоизвестные или даже ранее неизвестные документальные свидетельства. В этом отношении в русле таджикской проблематики весьма ценен, например, архивный ***фонд 446 – Богданов Анатолий Петрович (1834-1896),*** член-корреспондент Петербургской Академии наук. Фонд выдающегося зоолога, популяризатора науки, создателя Московского зоопарка важен с точки зрения научных контактов А.П. Богданова со многими естествоиспытателями его времени: важной частью фонда является богатая переписка с учеными XIX века. Особенно следует отметить наличие в фонде писем к А.П. Богданову таких известных исследователей Средней Азии (в том числе и Таджикистана), как Николай Александрович Маев (1835-1896, писатель, журналист, участник Среднеазиатских походов), Александр Федорович Миддендорф (1815-1894, академик, натуралист, географ, путешественник, основатель мерзлотоведения), Василий Федорович Ошанин (1844-1917, биолог-энтомолог, географ и путешественник), Алексей Павлович Федченко (1844-1873, биолог, географ и путешественник), в которых фактически содержатся отчеты о проведенных научных экспедициях в Среднюю Азию. [2]

Таким же значимым документальным собранием является ***фонд 277 – Комаров Владимир Леонтьевич (1869-1945),*** академик, ботаник и географ, президент АН СССР. Как известно, при личном участии академика В.Л. Комарова (тогда вице-президента АН СССР) в 1932 г. были созданы многие базы и филиалы АН СССР, в том числе и Таджикская научная база. Фонд отличается богатством документов о работе Таджикской базы АН СССР, содержит рукописи работ В.Л. Комарова о растительности Таджикистана, обширную переписку с учеными Таджикистана, среди которых Е.Н. Павловский и многие сотрудники Таджикской базы АН СССР. Так, среди документов хранится письмо известного востоковеда, академика, председателя Таджикистанской базы АН СССР С.Ф. Ольденбурга (1933 г.) председателю Комиссии по базам АН СССР академику В.Л. Комарову о

[1] Архив РАН. Ф.1581. Оп. 1. Д. 223, 228, 301, 540, 544, 553 и др.
[2] Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 380, 429, 492,672, 673, 850.

необходимости срочного проведения раскопок развалин согдийских замков с целью обнаружения в них и сохранения древних рукописей. Многочисленные письма Е.Н. Павловского В.Л. Комарову о работе Таджикской базы АН СССР отражают заботу директора Таджикского филиала АН СССР о развитии учреждения, в частности – его издательского дела и мн. др.[1]

Необходимо сказать об отдельных документах известных ученых, внесших свой вклад в изучение Таджикистана. Эти документы, не сформированные по причине малого количества в самостоятельные фонды, удается выявить в личных фондах других специалистов или в фондах-разрядах (коллекциях) Архива РАН.

Назовем в первую очередь документы, относящиеся к жизни и деятельности президентов АН Таджикской ССР.

В коллекциях Архива РАН удалось обнаружить две уникальных фотографии ***Садриддина Айни Саидмурадовича (1878-1954),*** первого президента АН Таджикской ССР в 1951-1954 гг.[2] В нескольких фондах Архива РАН хранятся документы ***Асимова Мухамеда Сайфитдиновича (1920-1996),*** президента АН Таджикской ССР в 1965-1988 гг.: его личное дело, фотографии, тексты отчетов, докладов и выступлений на заседаниях президиума АН СССР.[3]

Среди известных деятелей науки Таджикистана назовем ***Гафурова Бободжана Гафуровича (1908-1977)*** – академик АН СССР и АН Таджикской ССР, директор Института востоковедения АН СССР. В Архиве РАН в Москве хранится личное дело академика, тексты его докладов и выступлений на заседании Отделения исторических наук и Отделения общественных наук АН СССР, материалы по вопросам деятельности Института востоковедения АН СССР.[4]

Обнаружены в Архиве РАН в Москве отдельные документы ***Камелина Рудольфа Владимировича (1938-2016)*** **–** член-корреспондент РАН, член-корреспондент АН Таджикской ССР, ботаник. В ф. 2 хранится диплом о награждении Р.В. Камелина академической премией имени В.Л. Комарова; в ф. 2119 – его собственноручное письмо члену-корреспонденту РАН, флористу В.Н. Тихомирову.[5]

Большое собрание документов в Архиве РАН относится к деятельности ***Якубовского Александра Юрьевича (1886-1953) -*** историк-востоковед, член-корреспондент АН СССР, академик АН Таджикской ССР, руководитель Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. В личных фондах известных ученых выявлены его письма академикам В.И. Вернадскому, В.П.

---

[1] Архив РАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 116, 226; оп. 3. д. 285, 286, 288; оп. 4. Д. 1118 и др.

[2] Там же. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 553; Ф. Р-Х. Оп. 1а. Д. 46.

[3] Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 715; Ф. 1729. Оп. 2. Д. 86; Ф. 1731. Оп. 1. Д. 319; Ф. Р-Х. Оп. 1а. Д. 144 и др.

[4] Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 298, 509, 526, 703, 755; Оп. 1 (1945-1956). Д. 489, 502; Ф. 693. Оп. 4. Д. 167; Ф. 1604.

Оп. 4. Д. 348; Ф. 1702. Оп. 2. Д. 407 и др.

[5] Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1657; Ф. 2119. Оп. 1. Д. 207.

Волгину, В.И.Пичете, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнину; обнаружены также рукописи докладов А.Ю. Якубовского и материалы их обсуждений, отчеты и список научных трудов.[1]

Особой характеристики заслуживает комплекс документов ***Павловского Евгения Никаноровича (1884-1965) -*** зоолог, энтомолог, академик АН СССР, почетный член АН Таджикской ССР. Он хорошо известен как директор Таджикского филиала АН СССР, организатор и участник многочисленных научных экспедиций в Среднюю Азию. В общей сложности в Архиве РАН в Москве и его Санкт-Петербургском филиале хранится значительное по объему количество документов, относящихся к деятельности ученого. Среди них личное дело академика, рукописи трудов и докладов, переписка с видными учеными своего времени (В.И. Вернадским, В.Л. Комаровым, И.А. Орбели, П.П. Семеновым-Тян-Шанским, К.И. Скрябиным, сотрудниками Зоологического музея), документы о присуждении российским ученым золотой медали имени Е.Н. Павловского и премии его имени, фотографии. В архивном фонде академика Академии медицинских наук СССР, биолога Ольги Борисовны Лепешинской (ф.1588) обнаружены малоизвестные документы по выдвижению Е.Н. Павловского на Нобелевскую премию по физиологии и медицине в 1956 г. Среди них – обращение О.Б. Лепешинской в Нобелевский комитет в Швеции, ответ руководителей Нобелевского комитета с перечнем необходимых для выдвижения документов, рекомендация О.Б. Лепешинской кандидатуры Е.Н. Павловского, присланный им список научных трудов и достижений и др.[2]

Остается добавить, что помимо документального наследия выдающихся ученых и академических учреждений Архив РАН располагает большой коллекцией вещественных предметов, в том числе медалей и знаков научного сообщества. В плане изучения академической наградной системы таджикским коллегам будут интересны образцы академических медалей, хранящиеся в ф. Р-XIII Архива РАН. В их числе, например, Золотая медаль «Павловский Евгений Никанорович. Медаль АН СССР», присуждаемая «за выдающиеся работы в области зоологии и паразитологии», памятная медаль «Академик Евгений Никанорович Павловский. К 100-летию со дня рождения», памятная медаль «Авиценна Абу Али Ибн Сина – 1000 лет со дня рождения» (этот юбилей праздновался Академией наук СССР в 1980 г. в Душанбе), памятная медаль «Академии наук Таджикской ССР 25 лет».[3]

Общее количество документов по истории науки в Таджикистане, вклада российских ученых в освоение природного и культурного богатства Таджикистана трудно указать с точностью, поскольку для этого необходимо провести целенаправленное их выявление не только в десятках вышеназванных, но и многих других фондах Архива РАН и его Санкт-

---

[1] Там же. Ф. 394. Оп. 8 (1937). Д. 15; Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 16; Ф. 457. Оп. 1а (1944). Д. 25, 43; Ф. 514. Оп. 3. Д. 149; Ф. 518. Оп. 3. Д. 1920; Ф. 1548. Оп. 3. Д. 250; Ф. 1791. Оп. 1. Д. 437.

[2] Там же. Ф. 277. Оп.4. Д. 1118; ф. 514. Оп. 3. Д. 98; ф. 1588. Оп. 1. Д. 121; СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 197, 224; Ф. 277. Оп. 2. Д. 987; Ф. 895. Оп. 3. Д. 835 и др.

[3] Архив РАН. Ф. Р-XIII. Оп. 1. Д. 126, 167, 208, 229.

Петербургского филиала. Несомненно, что количество документов будет исчисляться тысячами.

Обзор фондов и коллекций Архива РАН в Москве и Санкт-Петербурге демонстрирует неограниченные возможности взаимодействия ученых России и Таджикистана, научных учреждений двух стран: поистине, они «обречены» на сотрудничество. Очевидно, что документальное академическое наследие имеет широчайшую сферу применения. Оно может быть использовано при разработке исторических, источниковедческих, историко-биографических, этнологических, лингвистических и многих других аспектов региональной проблематики Таджикистана, а также в целях подготовки документальных публикаций, организации документальных выставок. Комплекс документов представляет собой высокоинформативный ресурс, дающий возможность открытия новых исторических фактов, постановки новых научных проблем и осуществления совместных исследовательских проектов учеными Российской Федерации и Республики Таджикистан.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
«Российские ученые в изучении Таджикистана во второй половине XIX – начале XX вв.»

Джуразода Д. Х.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА РУССКИМИ ОРИЕНТАЛИСТАМИ, ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ, ВОЕННЫМИ МИССИОНЕРАМИ И КРАЕВЕДАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

В русской историографии второй половины XVIII – первой половины XIX вв. сложилась основная проблематика научных исследований по истории Бухарского ханства. Авторы в большинстве случаев старались исследовать и анализировать события и факты независимо, в качестве очевидцев происшедших событий. Труды русскоязычных авторов являются важными для исследования истории политической, социально-экономической и культурной жизни Бухарского ханства периода правления мангытской династии.

Одним из замечательных русских путешествий в Среднюю Азию является вынужденное путешествие Филиппа Сергеевича Ефремова, захваченного в плен казахами в 1774 г. После он был продан в рабство Гафурходже, идушему с караваном в Бухару. Тот подарил его своему тестю аталыку Даниял–бию (1758 – 1785), при котором находился на военной службе, научил ханских сарбазов военному делу, участвовал во многих вонных походах и был удостоен военного чина юзбаши (3, с.52). Описание его путешествий было издано три раза (1786, 1794 и 1811) под разными названиями. Третье издание является более полным, изданное Казанским университетом с предисловием магистра исторических наук П.Кондырова. Описание состоит из двух частей. В первой части речь идет о самом путешествии, во второй части автор сообщает сведения о странах, в которых ему довелось побывать (3, с.52).

В своей книжке Ефремов описывает Бухару, сельское хозяйство, жизнь ремесленников, организацию войска. Ефремов сообщает некоторые сведения о ханах, прилагает маршруты и даже список 625 «бухарских слов» (8-10). Побывав в Бухаре во второй половине 70-х годов XVIII в качестве пленника, прослужив некоторое время в бухарской армии, он подробно описал правление первых мангытов. В частности, он описал состояние вооруженных сил Бухарского ханства периода правления Даниялбия. Говоря об артиллерии Бухарского ханства Ф. Ефремов констатировал, что «Пушек (в Бухаре – Д.Д.) девятифунтовых пять; лежат на регистане для одной только славы, никуда не употребляются. Пятифунтовых – 2, трехфунтовых – 8, мортир – 5. Артиллериею ж действовать не знают, не довольно из пушек попадать не

умеют, а только держат все оное, как выше означено, для славы, затем, что в одной Бухарии имеются пушки» (9, с.151).

Ф. Ефремов подробно анализирует состояние экономики, обращает внимание на разведение таких культур как, хлопок и щелк. Относительно хлопка, используемого в ремесленном производстве, Филипп Ефремов писал следующее: «Хлопчатую бумагу разводят здесь чрез сеяние по песчаным местам; на пространстве около десятины сеют до осьми пуд и потом собирают около тридцати пяти. Зерна для сего размачивают и смешивают с золою, дни чрез два сеют, недель чрез шесть всходит посеянное, поспевает же недель чрез девять. Тонкие прутики с листьями вырастают вышиною более аршина, на них яблоки бывают сперва зеленые, а при созревании сероватые, величиною с грецкий орех; что касается до прочего, то мы уже сказали о сем при рассуждении о естественных произведениях Персии, выключая только того, что ветви сего кустарника употребляют здесь при печении хлеба или на дрова. Из хлопчатой бумаги ткут чадры (холсты), миткаль, бязь, пестредь, выбойку, фаты, бурмети (у нас из нее делают кумачи» (9, с.204).

Ефремов подробно останавливается на своеобразии быта жителей Бухары. Интересные сведения им приводятся о денежном обращении в Бухарском ханстве конца XVIII века. По этому поводу он констатирует: «(в Бухаре – Д.Д.) голландских червонцев находится довольное количество, но как их, так и прочие монеты и слитки переделывают в бухарские деньги. Чеканят только в Бухаре, и то от хана; обыкновенно на одной стороне монеты изображено имя его, а на другой несколько речений из Алкорана. Деньги в Бухарии ходят медные, серебряные и золотые, более же последние; медная мелкая монета род наших копеек, называется карапуль; серебряная тенга, стоящая 10 карапуль, в ней находится около половины меди; золотая, ашрафи, или тилла, в 30 тенгов, есть бухарский червонец. Слово деньги на бухарском языке выражаются через пуль, медь – мис, серебро – нокра, золото – алтун» (9, с.207).

Он первым среди русских авторов отмечает роль медресе в жизни бухарцев и подчеркивает испольный характер аренды духовной земельной собственности. Он дает негативную оценку бухарскому войску (1, с.19). Сообщения Ф. Ефремова имеют важное значение в изучении истории Бухары. Он был первым из числа русских путешественников, который продолжительное время находился в Бухаре, дал ценные сведения о таджиках (3, с.53).

Определенный интерес представляет работа неизвестного автора второй половины XVIII в. «Известия о Бухарии» (15). В начале 80-х годов XVIII в. Бухару посетил русский чиновник М. Бекчурин, которому косвенным путем удалось получить некоторые отрывочные сведения о Бухарском ханстве (11). Он был послан в Бухару из Оренбурга с целью открыть торговое представительство в 1781 г. Ему также поручалось описать путь из Оренбурга в Бухару. Это было единственной миссией, отправленной русским правительством в Бухару через Оренбург в конце XVIII в. (2, с.410-

411; 19, с.56). За короткое время, с декабря 1780 г. по январь 1781 г., ему удалось успешно выполнить все данные ему Коллегией иностранных дел дипломатические поручения. В Бухаре посланнику удалось получить аудиенцию у бухарского хана и вручить ему письма от Н. Панина, члена Коллегии иностранных дел Царской России и И. Рейнсдорфа, Оренбургского губернатора. Несмотря на то, что М. Бекчурин был под постоянным присмотром, он по поручению Коллегии иностранных дел смог собрать важные сведения о городе, о родовом строе узбеков, подробно описать свой маршрут с остановками. Бекчурину не удалось получить согласия эмира на открытие представительства (11, с.276; 19, с.67; 14).

Ценные сведения о Бухарском ханстве передал русский путешественник Бурнашев Т.С., побывавший в Бухаре в 1794 г. Он особо обращает внимание на состояние сельского хозяйства, финансового положения. Ценны сведения Т. Бурнашева о чеканке монет, изготовлении пушек, состоянии торговли. В частности, он сообщал о том, что во время своего приезда в Бухару он увидел много представителей торгового круга Афганистана, Индии, Ирана. Он дал подробные сведения и базарах и караван сараях Бухары. По его сведениям, в конце XVIII в. в городе функционировало 9 кирпичных караван-сараев (5, с.283). Тогда как при нахождении в Бухаре Ф. Ефремова было 4 таких караван-сарая. Увеличение количества караван-сараев свидетельствует о развитии внешней торговли Бухарского ханства.

Т. Бурнашев приводит данные относительно ввозимых и вывозимых товаров из Бухары в Иран и Индию. Он констатирует тот факт, что объем пошлины на иностранный товар в Бухаре составлял 40/1. Для русских товаров были установлены льготы, т.е. пошлина взималась с русских товаров в объеме 20/1 (5, с.120). По его сведениям несмотря на наличие горных промыслов золота и серебра, их добыча в свете незнания новых технологий горного промысла должным образом не налажена. Бурнашева также интересует политическая жизнь Бухарского ханства (5, с.120).

Заметное влияние на развитие русского востоковедения оказывает посольство А.Ф. Негри, посетившее Бухарское ханство в 1820–1821 гг. Кроме расширения торговли между государствами перед миссией Негри также стояла задача изучения природных ресурсов, правителей среднеазиатских ханств, их отношений между собою, их отношений с Афганистаном, Ираном, Османской империей, о положении в этих странах и северной Индии, о озможности судоходства по Сырдарье и Амударье. В состав миссии были включены натуралист Э.А. Эверсман, капитан гвардейского генерального штаба Е.К. Мейендорф, поручик штаба В.Д. Вольховский, поручик из квартирмейстерской части Тимофеев, инженеры Отдельного Оренбургского корпуса подпоручики Тафаев и Артюхов (17, с.5-6). В 1826 г. в Париже на французском языке Е.Мейендорф издал книгу «Путешествие из Оренбурга в Бухару». Особое внимание в своей книге он уделяет анализу экономического состояния Бухарского ханства. По мнению Е. Мейендорфа важнейшим источником дохода населения Бухары является

сельское хозяйство. Ценны сведения и выводы Мейендорфа о состоянии внутренней торговли, развитии ремесел. Мейендорф Е. также рассматривает вопрос внешней торговли Бухары с другими странами. Особенно он останавливается на перспективах развития торговли Средней Азии с Россией. По его мнению: «Наиболее важная для Бухарии торговля – та, которую она ведет с Россией…» (17, с.120). Е. Мейендорф дает глубокий анализ политического режима Бухарского эмирата. Книга Е. Мейендорфа открывает новый этап в истории изучения Средней Азии, в том числе и Бухарского эмирата. Данный труд первое большое исследование социально–экономического и политического положения Бухарского ханства в русском востоковедении. (17, с.131)

Е. Мейендорф отмечая деспотический характер политического режима Бухарского эмирата в начале XIX в. перечисляет факторы, которые способствуют умеренности жестокости произвола. По его мнению, хотя хан объединяет в своих руках всю власть и распоряжается жизнью и имуществом поданных, большое влияние на его решения оказывают бухарские улемы – богословы (17, с.131). В этой особенности проявляется сочетание элементов религиозного и светского государства. Усиливая свою деспотическую власть, эмир также опирался на религию, так как традиционно религия имела большое влияние на массы.

Другой особенностью политической власти является соединение деспотизма с корыстолюбием. Сам хан проявляет жадность и корысть, присваивает все подарки послов, поощряет своих чиновников, которые беспощадно грабят народ, он и его придворные предаются разврату.

Е.К. Мейендорф приводит иерархию политической власти Бухары. Все дела подчинены непосредственно хану. Должность аталыка[1], которую занимает тесть хана – независимый хан Хисара (Гиссара), он сравнивает с должностью великого везиря Турции. Командующий войсками носит титул дадха или парваначи, который обязан присутствовать при важных церемониях. Шейх – уль – ислам как глава духовенства не состоит в числе придворных. Важное место в придворной иерархии занимает инак – тайный советник. Дастарханчи выполняет функции дадха, церемонимейстера и камергера. Как было отмечено выше кушбеги одновременно является придворным званием и государственной должностью. Другие должности: мирахур – баши, или шталмейстер, два духовника, кази – аскер, кази – орду (войсковой судья), с которым хан часто видится и который живет во дворце, астролог, хранитель ханской сокровищницы, есаул – баши ипочти двести есаулов, выполнявших функции полицейских, курьеров и исполнителей ханской воли и два вида гвардии – офицеры, называемые махрамы (220 человек) и кассабардары (500 человек) (17, с.134).

По сведениям Е. Мейендорфа Иерархия духовных лиц после шейх – уль – ислама состояла из следующих лиц: а – лям, муфтий, дана – мулла,

[1] Первоначально должность аталыка заключалась в воспитании наследника престола и заведывании его хозяйства. Впоследствии аталык занимал первое место в должностной иерархии Двора и получил такую важность как должности девонбеги или главного везиря.

ахуны и простые муллы. Покровительство эмиров содействовало увеличению числа духовных деятелей до 2000 человек.

Судебная власть также подчинялась хану. В большом городе судья назывался казий, в небольших городах – раис, а в горде Бухаре – кази-калан. Только хан имеет право пересмотреть решение судьи, что служило причиной частого злоупотребления самого хана (17, с.136).

В целом, Е. Мейендорф весьма критически оценивает политический режим Бухары: «характерными чертами полуварварского Бухарского правительства является суеверие, известный дух воинственности и алчность, которую порождает влияние, оказываемое этой страной на окружающие ее небольшие ханства» (17, с.142).

Другой член посольства А.Ф. Негри, доктор медицины и философии, натураслист Э.А. Эверсман особое внимание обратил на природные ресурсы, растительный и животный мир Бухары. Также он осветил вопросы экономики, культуры и этнографии жителей данного региона (1, с.30).

Работа священника Будрина также содержит важные сведения о социально– экономической, политической и культурной жизни Бухарского эмирата (4; 17, с.160-163).

В 30 – е годы XIX в. намечается увеличение числа русских посольств и дипломатических миссий в Бухару (1, с.34).

Ценные сведения по истории Бухарского ханства приведены в записках П.И. Демезона и И.В. Виткевича. В своих записках П.И. Демезон рассказывает о состоянии армии, торговли Бухарского ханства. Он делает попытку дать не только подробную картину политического, социально-экономического состояния Бухары, но также выявить причины некоторых особенностей развития Бухары, дать рекомендации своему правительству. Период его путешествия охватывает 1833-1837 гг. (13).

П.И. Демезон сообщает некоторые сведения о политическом состоянии Бухары при эмире Насруллахе и отмечает, что Бухарский эмират находился в состоянии вражды с соседными государствами и даже с некоторыми приграничными самостоятельными владениями. По сведениям Демезона: «Бухара имеет разногласия со своими соседями: Коканом (т. е. Кокандом. — *Д.Д.),* Шахрисябзом, Кундузом и Хивой – и оказалась в течение многих лет втянутой во всяческие распри с ними, несмотря на постоянные старания кушбеги всеми силами ликвидировать разрыв» (13, с.19-20).

На протяжении своего правления эмир Насруллах вел постоянную и неустанную борьбу с Шахрисабзом. Как показывают рассказы русских военнопленных было совершено 14–15 походов в окрестности Шахрисабза. Демезон сообщает, что военный поход, совершенный эмиром в Шахрисябз в 1833 году, полностью провалился. «Он потерял около тысячи человек, завладев при этом всего двумя-тремя-маленькими крепостями, которые позорно вернул этой весной по требованию коканского хана, угрожавшего ему в случае отказа войной. Руководимый советами кушбеги, доказавшего хану невозможность сопротивления опасному союзу, созданному против

него правителями Кокана, Хивы и Шахрисябза, он постыдно уступил» (13, с.20).

В Бухаре к Демезону относились крайне подозрительно. Бухарское правительство оказало ему весьма враждебный прием (11, с.108). Несмотря на это Демезон хорошо успел изучить бухарскую торговлю, военные силы эмирата, город, его быт, нравы его жителей. Уже в апреле 1834 г. в Оренбурге было получено от Демезона письмо, в котором сообщались те первые сведения, какие ему удалось собрать. И на основе этих «новейших» известий В. А. Перовский в мае и позже, в июле, информировал Петербург о состоянии дел в Бухарском ханстве.

Демезон сообщает о враждебном характере отношений между Бухарой и Хивой (13, с.20). Голод ослабил Хиву. В своих интересах Бухара завозит в Хиву некоторое количество зерна, запугивает Хиву возможной экспансией со стороны России и Персии. По наблюдению Демезона Бухара также питает враждебность к России, но всячески прикрывает это. Для этого Бухара пытается направить против России казахов. В свою очередь татары – поданные России также делают попытку настроить против России казахов и бухарцев.

Однако Демезон анализируя политическое положение, приходит к выводу, что Бухаре выгодно поддерживать дружеские отношения с Россией. Во-первых, Бухара заинтересована в торговле с Россией, во-вторых, в противостоянии с враждебными соседями Бухара надеется на помощь России.

Анализируя военную силу Бухары периода эмира Насруллаха, Демезон отмечает, что Насруллахан скрывает свои слабые возможности и неспособность реально оценивать свое положение (13, с.114).

Армия состоит только из кавалерии, численность наёмных солдат составляет 19 тысяч. По его подсчётам с запасными солдатами военная сила составляет 36 тыс. человек, но из-за плохого обеспечения, а также политического и экономического упадка эмир может мобилизовать всего 10-12 тыс. человек и то с большим трудом (13, с.71-72).

Высшие звания: дах-баши – командир десяти человек, юз-баши – командир сотни, пансад-баши – пятисот, минг-баши – тысячи человек (его иногда называют туксаба, который командует полком, имеющим туг – знамя). Войском командует один из наместников или бухарский сановник, в особых случаях сам эмир. Причем к началу военных действий хан поручает обычно командование войсками одному из наместников или бухарскому сановнику, известному своей храбростью и знанием военного дела. Главнокомандующий сохраняет власть только на время кампании, после ее окончания он должен сложить полномочия. В особых случаях хан лично возглавляет войска (13, с.73).

Один раз в год проводится общий смотр войск. И здесь Демезон описывает печальное состояние бухарского войска, когда солдаты идут на смотр ради получения платы благодарности в 10 таньга, вместо своих лохмотьев надевают красивые платья, взятые напрокат (13, с.72-73).

Оренбургский губернатор В.А. Перовский с согласия царя осенью 1836 командировал прапорщика И.В. Виткевича[1] в глубь казахской степи «для разбора взаимных претензий между казахскими родами, где пребывание его, в особенности на Сыр-Дарье, может доставить нам полезные сведения и о странах Средней Азии» (7). Однако Виткевич не ограничился обследованием киргизской степи, а, как сам выразился, «назначение мое ограничивалось пределами степи, но обстоятельства принудили меня проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре» (13, с.86). Караван прибыл в Бухару 2 января 1836 г. Прапорщик И.В. Виткевич провел почти полтора месяца (со 2 января по 13 февраля 1836 г.) в центре крупнейшего среднеазиатского владения. Он в своих красочных записках, которая называлась «Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно» повествовал о различных сторонах жизни Бухары, ее торговых связях, особенностях экономики, административного устройства, быта и нравов, а главное (что вне сомнения, в первую очередь привлекало внимание царских властей) – о некоторых политических «устремлениях» (13, с.85-130). Виткевич дает реальную картину политического и социально-экономического состояния Бухары (13).

Главным достижением этой поездки стало то, что Виткевичу удалось убедить представителей местной элиты в том, что сближение с Великобританией бесперспективно для Бухары, так как из-за больших расстояний она не сможет, да и вряд ли захочет, разворачивать широкую торговлю с регионом, а поставки железа из России стратегически важны для ханства. В своей деятельности Ян Виткевич умело сочетал и дипломатический такт, и жесткое давление, что подкрепляло его авторитет в регионе с сильными феодальными традициями (18).

В 30 - е годы XIX в. определенную лепту в изучении Бухары вложил известный русский востоковед П. Савельев (22, с.13), который в своей статье дал подробные сведения о путешественниках, посетивших Бухару. Он, сравнивая нынешнюю Бухару с эпохой Саманидов, отмечал, что «Бухара среди Восточных городов занимает первое место» (22, с.13). Бухару он прозвал «важным складом Средней Азии» и отмечал что в городах ханства проживают 4 тысячи торговцев из Индии (22, с.13). Только в карвансараях Бухары постоянно проживали 300 индусов, занимающихся ростовщичеством. Бухару он считал центральным торговым городом Средней Азии.

В его статье основное внимание уделено состоянию торговых (караванных) дорог. Он сообщал о трех караванных путях по направлении Ирана, которые проходили через Мешхед, Герат и Кабул, а также описал маршрут из Бухары в Индию через Кабул.

---

[1] Иван Викторович (Ян) Виткевич - поляк на русской службе, востоковед, казачий офицер, дипломат. В 1823 г. за участие в тайном кружке Крожской гимназии (близ Вильно) был сослан рядовым в Оренбург, унтер-офицерский чин получил лишь в 1831 г., первый офицерский (портупеи-прапорщик) – в 1833 г. по личному ходатайству оренбургского губернатора Перовского, который выделял Виткевича за ум, образованность, талант к восточным языкам.

В 40-х годах XIX в. получили известность работы русского путешественника и литератора Е.П. Ковалевского (16, с.122-124), который дал сведения и периоде правления эмира Насруллах.

Большое научное значение имеет посольство русского горного инженера и дипломата К.В. Бутенева в Бухару. Из путешествий времени, предшествовавшего царскому завоеванию Средней Азии, по значительности собранных и напечатанных материалов следует особо отметить миссию горных инженеров Бутенева и Богословского, посетившую в 1840 г. Бухару, в сопровождении ориенталиста Н. Ханыкова и натуралиста Лемана; поездку в Бухару и Хиву Игнатьева во главе посольства, в состав которого входил ориенталист Лерх. Научные исследования были проведены в области природы и географии (6). В частности, К. Бутеневым составлена записка «О торговле в Бухарии русским хищническим золотом», в котором даны сведения о торговле русским песчаным золотом с уральских промыслов бухарскими купцами и ее вывозе через таможни Троицка на территорию Бухарского ханства (20).

Важным результатом миссии было труд востоковеда Н.В. Ханыкова (24). Значение данного труда ярко представлено Д.Ю. Арапаповым: «Им был создан впервые на русском языке обобщающий труд о Бухарском ханстве, в котором содержались сведения о природных условиях, социально-политическом и экономическом положении, развитии просвещения и культуры. В нем Ханыков аналитически использовал итоги предшествующих изысканий, материалы собственных наблюдений и данные письменных источников» (1, с.37). Первая часть работы охватывает описание территории, орографии и климатических условий Бухарского ханства. В своей работе Ханыков подробно анализирует вопросы этнического состава населения Бухары. Н. Ханыков глубоко исследует социально-экономическое и политическое состояние Бухарского ханства, в том числе вопросы состояния землевладения и земельной собственности, ремесла, внутренней и внешней торговли. Представляет большой интерес его анализ административного и государственного устройства Бухарского ханства. Интересными являются сведения о государственном чиновничьем аппарате, автор выявляет способы получения высоких титулов в ханстве.

Интересными являются сообщение Ханыкова о методах обучения в мактабах и медресе. Порядок преподавания наук (предметов) в медресе Н.В. Ханыков излагает следующим образом: «с начала преподают *Сарф*, потом *Ильми Нахв*, а когда при изложении ее дойдут до книги *Кофие*, то читают *Мухтосер*, из науки *Фикг* и из наук касающихся Арабского языка преподают *Ильми уруз*, а из Хикмийе *Ильми Мунозере*. После сего приступают к толкованию *Мантыка* а пройдя две Первые книги его, переходят к чтению двух первых книг *Ильми-Калем*, окончив их объясняют две остальные книги *Мантыка* и вместе с первою из них т. е. с *Тезибом* читают II книгу *Фикг*. Потом излагают *Хекмут-улъ-аин,* далее III книгу *Ильми-Калем*, и в одно время с нею *фенни Меон*, *фенни-бейон* и *Ильми бедиг*, равно как и начало III книги Фикга. Далее преподают *Усули-фикг* и продолжение III книги Фикга,

после сего излагают I книгу *Хадиса* и с нею вместе *Ильми фероиз* и *Ильми Кироат*, равно как и *Ильми Хиссаб*. Курс оканчивается чтением *Тефсира Казы эль-бейзови»* (24, с.222*)*.

Н.В. Ханыковым также подробно изложены сведения о системе обучения в медресе, и в особенности о преподаваемых дисциплин. В частности он отмечает, что в медресе кроме толкования «Казы Байзави» учащиеся медресе осваивают следующие толкования смысла Корана: 1) *Шейхи Заде*, 2) *Алломет-эл тафтазани*, 3) *Гуссамю-д-дин*, 4) А*бдуль-Хакими Лахури (*24, с.215*)*. Фикх или Усули фикх (мусульманская юриспруденция) преподается посредством книг «*Мухтосар-Уль-викое»* Убейдуллы Садри-Шариа, «*Хидоя»* Абуль-Муина Самарканди, «*Шярх-Уль-Викае»*, которая эта состоит из двух отделов: 1) «*Викоет-Уль-Ривает* Махмуда-тадж-уль шариа, 2) «*Шерхи-викоет-Уль-ривает»* Убейдуллы Садри-Шариа, «*Джами-эль-Румус»* Абдул Али-эль-Бурджанди, «*Таузихи-уль-Усуль»* Абейдулла Садри-Шариа, «*Тальвих»* Алломети ат-Тафтазони, «*Хашие»* Челепи*,* Абдуль-хакими-Лахури*,* «*Шерхи-Шерх»,* сочинения Абдул-Мекорим, Али-уль-Коры, Мулла Фяхреддин-Уль-Бухари и т.д. (24,с.216-219).

Но к сожалению Ханыков в своем труде ничего не пишет о расслоении бухарского общества, о тех социальных группах, которые являлись элементами социальной структуры общества.

Таким образом, в первой половине XVIII в., исследованием истории Бухарского ханства занимались русские ориенталисты, путешественники, военные миссионеры, краеведы, любители истории. Работы русскоязычных исследователей в основном писались в контексте политики царской России в Средней Азии и естественно служили интересам царской России. Но авторы в большинство случаев старались исследовать и анализировать события и факты независимо, в качестве очевидцев происшедших событий. Поэтому приведенные им данные являются важными для исследования позднефеодальной истории Бухары.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. – М.: Изд. Московского университета. – 1981. – 128 с.
2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Сочинение. Т.IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.
3. *Бокиев О.Б.* Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей. – Душанбе: Дониш. – 1991. – 168 с.
4. *Будрин.* Русские в Бухаре в 1820 г. (Записки очевидца) // Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год. – Оренбург, 1871 год. Отд. II. Оренбург, 1871.
5. *Бурнашев Т.С.* Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. – СПб., 1818. Ч.II. – С. 247-284.

6. *Бутенев К.* Заводское дело в Бухарии. // «Горный журнал», 1842, ч. V, кн, XI.Ч.II. – С.168-175.

7. *Дубовицкий В.* «Не скрывая имени и звания». К 200-летию со дня рождения И.В.Виткевича // http://www. fergananews.com/articles/4813

8. *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствование унтер-офицера Ф. Ефремова по Средней Азии, под. ред. Э. Мурзаева. – М., Географгиз, 1952. – 87 с.

9. *Ефремов Ф.* Странствование Филиппа Ефремова российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная Литература, 1995. – С.147-170.

10. *Ефремов Ф.* Странствования Российского унтер-офицера Ф. Ефремова. – СПб., 1786;

11. *Жуковский С.В.* К истории отношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г. // Восточный сборник. Кн. 2. – Пг., 1916. – С. 273-340;

12. Записка К. Ф. Бутенева // Российский архив, Том XII. – М. Российский фонд культуры. Студия "Тритэ" Никиты Михалкова "Российский архив", 2003. – С. 371-374

13. Записки о Бухарском ханстве (Отчёты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). – М.: Гл. редакция восточной литературы. Из-во «Наука». – 1983. – 143 с.

14. *Игдавлетов И.С.* Торговая и дипломатическая деятельность российских мусульман Урало-Поволжья в XVIII в АКД // http://doc 2all.ru/article/ 13052013 _119174_igdavletov.

15. Известия о Бухарии. Месяцеслов исторический и географический за 1779 г. – Спб. 1779. – С.113-126.

16. *Ковалевский Е.П.* (Е.К.) Средняя Азия. Путешествия Муравьева, Мейендорфа, Конноли и Борнса. Библиотека для чения, 1834, т. VI, разд. III. – С. 122 – 124.

17. *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М., 1975.- 181 с.

18. *Мендкович Н.* «Дипломатический агент» Ян Виткевич. Истоки российской дипломатии в Афганистане // http: //east.terra-america.ru/diplomacy-agent-vitkevich.aspx

19. *Михалева Г.А.* Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург. – Ташкент. – 1962. – 92 с.

20. РГИА. Ф. 37. Оп. 121. Д. 436. Л. 3-5 об. Подлинник (писарская рукопись);

21. *Савельев П.* Бухария. Энциклопедический лексикон. – Спб., 1836, т. VII, с. 464 – 465.

22. *Савельев П.* Бухара в 1835. Спб., 1836;

23. *Савельев П.* Бухара. Энциклопедический лексикон. – Спб., 1836, т. VII. – С. 459 – 464
24. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. – 249 с.

Додхудоева Л. Н.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И НОВЫЕ РУССКИЕ МЕЦЕНАТЫ

Изучение российскими исследователями Таджикистана в конце XIX-XX в. всегда носило не только сугубо научный характер, но в значительной степени сопровождалось собирательством и коллекционированием уникальных образцов этнокультуры таджиков. При том, что общим топосом для всех «традиционных» городов Средней Азии являлась констатация очень плохой их сохранности, как репрезентативных памятников, так и жилой застройки: … руины свидетельствовали о прошлой славе и подчеркивали настоящий упадок туркестанского общества.[1] Отдельные авторы считают, что помимо «художественной этнографии» никаких «восточных прибавлений» русскому искусству не дали те художники, кто в течение XVIII и XIX столетий принимали участие в многочисленных экспедициях на Восток, но и она почти не приблизила русское искусство к культуре Востока, хотя его традиции докатились до середины XIX века, удовлетворяя интерес обывателей к далеким странам и народам.[2]

Однако на основе собирательства русских исследователей сформировались отдельные собрания в музеях России и Центральной Азии. Так, например, коллекции выдающегося этнографа М.С. Андреева, положили начало созданию Этнографического музея Академии наук и этнологического отдела Национального музея Таджикистана, Музея изобразительного искусства в Ташкенте, Центрального государственного музея Казахстана в Алматы, а отдельные артефакты, собранные академиком А.А. Семеновым, ныне украшают различные экспозиции в Москве, Санкт-Петербурге, Душанбе, Ашгабаде, Ташкенте, других городах. Таких примеров можно привести множество, что свидетельствует о параллельном развитии научной мысли и меценатства в формате российского востоковедения в течение 200 последних лет.

Институт меценатства в каждую эпоху был различен и отличался характером своей динамики, мобильностью, генерирующей природой и созидательной ролью в развитии духовной и материальной культуры.

---

[1] *Горшенина С.* "Ташкент: (не)экзотический город?" // Ориентализм /Оксидентализм: языки культур и языки их описания. / Ред.Е. Штейнер. - Москва, 2012. -С. 190.
[2] *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись. Пробуждение памяти.Образ Востока в русской живописи Нового времени. Независимая Академия эстетики и свободных искусств.<http://www.independent-academy.net/science/library/sarabjanov/1_2.html.>

Патронаж в России имеет глубокие корни и свои традиции, а самым известным периодом в его истории стал «золотой век русского меценатства» XIX в. Институт личного патронажа, переставший существовать в советский период благодаря тому, что был заменен государственным, во многом определил то обстоятельство, что сегодня благотворительность в России имеет гораздо более скромный потенциал.[1] И в этом контексте поразительным и удивительным фактом кажется самостоятельная благотворительная деятельность Юлии Вербицкой, которая активно занимается проблемами и продвижением таджикского искусства на международные смотры.

В публикациях, посвященных творческому процессу, роль патрона-покровителя искусств, как правило, редко находится в поле зрения исследователей. И ныне подобный подход может рассматриваться как анахронизм. Институт патронажа, который включает в себя и матронаж (деятельность женщин-патронесс), в каждую эпоху был различным и отличался характером своей динамики, мобильностью, генерирующей природой и созидательной ролью в развитии духовной и материальной культуры.

Существует мнение, что всякое частное собрание является ничем иным, как продолжением “я” своего хозяина. Коллекция таджикской живописи Юлии Владимировны Вербицкой из Москвы свидетельствует о том, что ей близка солнечная художественная природа. Как патронесса она обладает «художественным чутьем и интуицией», умением оценить качества работы мастеров Таджикистана, которые, по ее собственному признанию, покорили ее своей искренностью, темпераментом и цветом, а также светом, который она не видела нигде.[2] В настоящее время коллекция Ю. Вербицкой насчитывает более 400 артефактов, которые она собирала в течение пяти лет.[3]

Как она сама признается, в первую очередь ее интересуют работы мастеров, работавших в тридцатые-девяностые годы XX века. Но многие новые имена ей также интересны, среди них – А. Миршакар, Э. Олимов, К. Ёдгоров, Н.Нарзибеков, Ф. Негмат-заде. Ей неизвестно о мировом спросе на произведения таджикской живописи, что, по ее мнению, несправедливо по отношению к феерически талантливым авторам. Она совершенно верно считает, что есть таланты, но о них почти никто не знает за пределами республики.[4]

---

[1] *Монасыповы Л.И., Н.Р.* Проблемы меценатства в России// Россия и наследие Рериха. Международная конференция. МЦР. – Москва, 2014: http://www.icr.su/rus/conferencies/2014/Monasypovy.php.

[2] Краски рая. Живопись из коллекции Юлии Вербицкой. - Москва, 2016. – С. 10.

[3] *Вербицкая Ю.* "Моя задача – показать "Судьбы". Москва 24. 18 июня: https://www.m24.ru/articles/%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/18062015/75776?utm_source=CopyBuf

[4] *Вербицкая Ю.* «Мне доставляет удовольствие показывать таджикское искусство и рушить некрасивые стереотипы». Подготовила Н. Международное информационное агентство «Фергана». 10.02.2016 http://www.fergananews.com/articles/8869.

Связи между патроном и его протеже всегда строятся на целой сети абстрактных ценностей, таких как принятие определенных условий, признание интеллектуальных и моральных обязательств персон, участвующих в данном договоре и, наконец, политического и социального авторитета патрона и творческих способностей исполнителя заказа.[1]

Однако, современная художественная культура, так называемый несырьевой сектор экономики, ныне утратила свои многие прежние принципы и устои. Эволюция искусства XX в. привела ко многим изменениям дискурса «художник-зритель (реципиент)». Постепенно творец стал во многом зависим от последнего. Новая эстетическая категория «модное» во многом изменила все существовавшие до этого времени законы с их типом низких и высоких жанров, правил, догм, эстетики. По мнению Ж. Бодрийара, искусство ныне растворилось не в возвышенной идеализации, а «в трансэстетике банальности».[2]

Сегодня характер патронажа значительно изменился, так же как статус мецената и художника. Патрон уже не аристократ и редко имеет желание, знания или время вникать в специфику создания произведений.[3] Уже не является секретом тот факт, что ныне многое в современном искусстве и художественной жизни решается, как правило, часто неискушенным в тонкостях визуальной культуры «законодателем» торговли на рынке, нередко страдающим неутоленным авторским тщеславием. Благодаря своим финансовым возможностям он способен легко приобрести то или иное произведение, тем самым превращая конкретные работы в «бренды», известные и популярные артефакты, на которые возникает мода. В силу этих обстоятельств именно он формирует вкус и популярность тех или иных произведений, общественное мнение о творчестве мастеров, а, следовательно, занимается продвижением закупленных им арт-объектов. Современные же галереи все чаще выступают посредниками между автором и коллекционером.

В противном случае целые художественные пласты в разных странах, находясь в изоляции, остаются малоизвестными, вызывая «апатию потребления их зрителем». Из забвения их может вызвать только внимание меценатов и покупателей. Поэтому актуализация ценностей любой национальной культуры остается одной из главных проблем современной художественной культуры.

Для этнокультуры таджиков, несомненно, божественным провидением было то, что несколько лет назад москвичка Юлия Владимировна Вербицкая, приехав с официальной делегацией в Таджикистан, впервые увидела его живопись. Не ту, что связана с «этноренессансом» и что зовется

---

[1] *Додхудоева Л.* Лидерство в культуре: Центральная Азия в древности и средневековье. – Душанбе, 2003. – С5.

[2] *Карчевская Н.В.*, *Корсакова Е.Е.* Влияние современных интеграционных процессов на репрезентацию произведений национального белорусского искусства в СМИ. //Искусствоведение: наука, образование, культура в Евразийском пространстве. – Санкт-Петербург. – 2013. – С. 65.

[3] *Greffe X.* Arts and artist from economic perpective. UNESCO. 2002. p. 1

«аэропортным, туристическим искусством», а настоящую, глубинную, щедрую и мощную.

В детстве она очень любила читать «Повесть о Ходже Насреддине» Л. Соловьева и, будучи в Таджикистане по служебным делам, сильные детские ощущения вновь всплыли. Она заинтересовалась картинами и купила полотно «Гиджак» Зухура Хабибуллаева, которое положило начало ее собранию таджикского искусства[1].

Природный вкус и интуиция позволили Ю. Вербицкой отобрать для своей коллекции произведения самых ярких и самобытных мастеров Таджикистана. Их творчество приходится на советскую и пост-советскую эпохи, когда, несмотря на все известные издержки в идеологии и культуре, подспудно продолжался процесс развития национального самосознания, вызревали вопреки сложившейся неблагоприятной ситуации военного времени идеи, альтернативные положениям соцреализма.

До сих пор недостаточно исследованный критиками и неизвестный широкой публике это богатейшее художественное наследие таджикских мастеров, как своего рода «подводный материк», оставался малознакомым зарубежным специалистам и зрителям. В нем искания, которые не ограничиваются только рамками идей этнической самобытности, напротив – в лаконичных или рваных формах, пылающих контурах, красочных композициях можно распознать общечеловеческие ценности и мятежные мысли, максимальную «изобразительную избыточность».

К идее собрать собственную коллекцию произведений таджикских мастеров Ю. Вербицкая пришла сознательно. Сама она по профессии юрист, окончила Московский государственный университет технологий управления и защитила кандидатскую диссертацию в Академии экономической безопасности МВД. В настоящее время она работает председателем АНО «Третейского суда строительных организаций города Москвы», и за свою деятельность неоднократно получала Почетные грамоты от Правительства Москвы.

На наш взгляд, знания в области юриспруденции весьма важны для мецената, который ведет активную благотворительную деятельность. Ведь благодаря этому Ю. Вербицкая способна самостоятельно контролировать и юридически обосновать разного рода сделки и мероприятия, особенно те, которые касаются транспортировки полотен за рубеж.[2] Поскольку она знает законодательные акты, возможно, в будущем, основываясь на собственном опыте, она сможет значительно усовершенствовать реально работающую правовую основу патронажа в России и стать экспертом в развитии меценатства в Таджикистане.

---

[1] *Вербицкая Ю.* Американская публика оценит таджикскую живопись по достоинству//Asia Plus. 18.09.2017 // https://news.tj/ru/news/29/20170116/yuliya-verbitskaya-amerikanskaya-publika-otsenit-tadzhikskuyu-zhivopis-po-dostoinstvu.

[2] *Вербицкая Ю.* Намного «круче» купить работу талантливого художника, чем сумку дорогого дизайнера // http://starstories.org/from-author/yuliya-verbitskaya-namnogo-kruche-kupit-rabotu-talantlivogo-hudozhnika-chem-sumku-dorogogo-dizajnera/#more-70811.02.2017>.

Ю. Вербицкая отлично понимает значимость патронажа и меценатства для развития искусства, и, как она сама признается, ей, безусловно, очень приятно слышать, что ее позиционируют как защитника интересов Таджикистана. Однако она озабочена тем обстоятельством, что, «к сожалению, у богатых людей Таджикистана, у тех, кого принято называть «олигархами», не сложилась культура почитания и уважения искусства. В отличие от Президента Таджикистана и членов его семьи, не понимают местные чиновники и люди бизнеса ценности остатков той культуры, которая принадлежала их стране»[1].

На вернисаже «Шедевры живописи горного края. Таджикистан» в Уфе на форуме ШОС в 2015 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, высоко оценил вклад коллекционера и куратора выставки Ю. Вербицкой в культурную жизнь республики, ее стремление показать и прославить таджикское искусство в России и за ее пределами. Он принес в дар ей картину одного из таджикских художников и выразил свою поддержку в последующей организации и проведении подобных выставок.[2]

Не секрет, что в Таджикистане существуют художественные коллекции у бизнесменов и банкиров, но их деятельность никак не носит подвижнический характер, а является лишь способов вкладывания денег. Их собрания мало кто видел, и они не спешат проводить вернисажи таджикского искусства, как в стране, так и за рубежом. И это главная проблема современной художественной жизни Таджикистана.

Сейчас же, имея за плечами значительный потенциал, Ю. Вербицкая не только на редкость разумно вкладывает финансовые ресурсы на цели возрождения отечественной и таджикской культуры, но, благодаря своему врожденному вкусу и приобретенному опыту, сумела выработать необходимый для мецената профессионализм в области оценки произведений искусства. Более того, чтобы достойно нести имя патронессы, она в отличие от других коллекционеров, которые имеют экспертов в области искусства, решила окончить искусствоведческое отделение МГУ им В.М. Ломоносова. Став, как отмечает декан факультета, весьма прилежной студенткой известного московского университета[3], она успешно ведет исследовательскую деятельность, пишет об искусстве, издает альбомы и книги.

Ю. Вербицкая является весьма искушенным экспертом в области искусства Таджикистана. Достаточно привести одно из ее суждений относительно таджикской школы живописи: «… так получилось, что художественные школы двух находящихся рядом республик – Узбекистана и Таджикистана – представлены широкой публике удивительно несоразмерно: об узбекском авангарде мы знаем много, об этом же явлении в Таджикистане

---

[1] Там же.

[2] В Уфе открылась выставка таджикских художников. Вечерка. Новая газета Душанбе.13 сентября 2015 г.

[3] *Лободанов А.П.* Вступительное слово. Владимир Глухов. Качим-кермек. Возвращение. – Москва, 2017. – С. 4.

мы не знаем практически ничего. Многие мои знакомые в юридической среде были весьма удивлены, когда узнали, что я начала собирать картины таджикских мастеров. И это очень странно, потому что таджикская художественная школа прекрасна и многогранна и по своей ценности не уступает никакой другой»[1].

В 2017 г. она реализовала свою идею и основала фонд «Русские меценаты», основной целью которого стало проведение информационной и коммерческой поддержке музеев и мастеров в стране и за рубежом. Мысль заняться благотворительностью пришла к ней спустя несколько лет после того, как она увлекалась таджикской живописью прошлого столетия и стала ее коллекционировать. Познакомившись с музейными работниками, художниками, она поняла, что наше искусство нуждается в поддержке и собрала вокруг себя неравнодушных людей. Представители бизнеса, коллеги - юристы, люди, интересующиеся искусством – все стремятся сделать свой вклад. Задача Фонда – предоставить им такую возможность: помочь музеям, коллекциям, художникам – тем, кто остро нуждается в помощи.[2]

Только за два последних года Ю. Вербицкая провела десять выставок таджикских мастеров в различных залах и разных странах. Чтобы понять масштаб ее деятельности, приводим самые значимые из них (с*м. Приложение*). По словам Юлии Владимировны, она постаралась показать насколько культуры народов Востока и Запада обогащают друг друга.[3]

Она собрала в своей коллекции лучшие образцы *crème de la crème* живописи Таджикистана. Мастера прошлого достигли высокой степени совершенства в этой области (стенной, миниатюрной и станковой живописи), которая во второй четверти XX в. “выросла” в большие станковые картины с монументальным или лирическим характером. Лучшие из них производят впечатление особой духовной энергии не столько своей тематикой, сколько художественными смыслами и динамикой. Среди них полотна классика современной таджикской живописи Зухура Хабибуллаева, художника-мыслителя Сабзали Шарипова, «народные картины» Исуфа Сангова , красочные композиции с текучими, зыбкими контурами Рахима Сафарова, декоративно- лаконичные произведения Мурувата Бекназарова и полные осозерцательного настроения работы Акмала Миршакара, а также многих других мастеров.

Возможно, самым грандиозным проектом Ю. Вербицкой на сегодняшний день является выставка «Потомки русского авангарда. Таджикистан» в США. Она стала первым американским вернисажем в творческой биографии нашего соотечественника Владимира Глухова, которого сама Юлия Владимировна называет не иначе, как гением. Помимо того, что она сопровождалась музыкальными отрывками из балета современного таджикско-российского композитора П. Турсунова «Ходжа

---

[1] *Вербицкая Ю.* «Мне доставляет удовольствие…».

[2] *Вербицкая Ю.* «Американская публика оценит таджикскую живопись по достоинству» …

[3] *Вербицкая Ю.* о синтезе культур: http://ru.sputnik-tj.com/radio/20170410/1022037385/verbitskaya-khudozhnik-rossiya-tadzhikistan-zhivopis-glukhov-besperstov-kultura.html>.

Насреддин», учрежденным Ю. Вербицкой фондом «Русские меценаты» был также выпущен альбом Владимира Глухова «Качим-Кермек. Возвращение».

Владимир Глухов родился в Душанбе в семье академика Академии наук Таджикистана И.А. Глухова и сейчас живет на две страны, работая, как в России, так и в Таджикистане. По силе дарования он, на наш взгляд, сопоставим со своим соотечественником режиссером Бахтиёром Худойназаровым. Двуединство личности такого самобытного художника проявляется во всем его творчестве, в котором как бы сосуществуют два полюса: Таджикистан и Сибирь, как равновесие неравных, но эквивалентных противоположностей. В силу этого он постоянно ведет два диалога: первый – с национальной восточной традицией, из которой происходит, и с другой – тем миром, в котором ныне существует. И каждая сторона нуждается друг в друге, как в зеркале, в котором они могут отражаться. Если на Востоке его влечет общинность, коммунализм несколько пассивного и углубленного в себя социума, по природе своей интровертного, то в Сибири, скорее всего, - соборность и расточительная энергия ее обитателей-экстравертов.[1]

Для того, чтобы провести такую большую выставку за океаном Ю. Вербицкая вступила в переписку с Музеем русского искусства Museum of Russian Art (MORA)в Нью-Джерси, куда направила ряд работ различных художников. Она признается: «Запрос музея MORA был нелегок. Требовался художник–профессионал, русский, но с нестандартным видением азиата. Современник, но работающий в авангардной манере, без перегибов. Яркий, но не «кричащий». Не молодой. Не «исписавшийся», т.к. работы не должны быть старше 10 лет. Интересный для американского зрителя. Требования были из области «запредельной» и четко укладывались в сентенцию «этого не может быть, потому что не может быть никогда!»[2].

На рассмотрение Совету директоров MORA Ю. Вербицкая отправила «более 80 работ более чем 20 авторов и — о чудо! — Совет принял положительное решение в отношении Владимира Глухова! Народ не просто пошел – повалил. Бывшие наши соотечественники, американцы, французы, канадцы, афро-американцы. Искусствоведы, фотографы, художники, журналисты. Приехало телевидение: РТВ, НТВ»[3].

Успех выставки В. Глухова в Америке вдохновил Юлию Владимировну. На сегодняшний день у нее много планов, в частности представить таджикское искусство в Германии, Италии, на Мальте и других странах. «Но в следующем году — опять Америка: «мои таджики» будут представлены на международном фестивале искусств «International Art Festival»[4]

---

[1] *Додхудоева Л.* Мультикультурализм Владимира Глухова // В. Глухов, Качим-кермек. – Москва, 2017. – С. 7-8.

[2] *Немцова О.* Станковая живопись Таджикистана приехала в Нью-Джерси © Новости США на русском: < https://usa.one/2017/01/stankovaya-zhivopis-tadzhikistana-priexala-v-nyu-dzhersi>.

[3] Там же.

[4] Там же.

Недавно состоялся дебют личной радиопрограммы Юлии Владимировны «О русском искусстве замолвите слово», первым гостем которой стал известный художник Семён Кожин. Дискуссия в основном касалась меценатства и таких вопросов: как, у кого и где приобретать произведения искусства[1].

Деятельность в сфере благотворительности крупнейших современных предпринимателей нередко носит не системообразующий характер, а пиар и ориентирована во многом лишь на зрелищную составляющую. Этого нельзя сказать о матронаже Юлии Вербицкой, главными составляющими которого стали: знание юриспруденции, увлечение искусством, природный вкус, стремление к совершенствованию знаний, доброжелательность и благородство. Последнее качество характерно не только для нее, как патронессы искусства, но в целом для ее благотворительной деятельности. Ведь известно, что она не раз помогала таджикским мигрантам в Москве денежными средствами, когда они оказывались в непростой ситуации. Так, в посольстве Таджикистана в Москве 30 сентября 2016г. состоялась передача финансовой помощи Мафтуне, которая попала в ДТП и нуждалась срочной операции. Они были переданы семье таджикской девушки через благотворительный фонд «Простые вещи». Ранее она оказала материальную помощь 12-летнему гражданину Таджикистана Мухаммаду Джураеву[2].

Поэтому словам Ю. Вербицкой о том, что изобразительное искусство Таджикистана уникально не только яркими красками, смелыми формами, декоративностью и жизнерадостностью, а в его истоках лежит великая, богатая победами и поражениями, уходящая корнями в глубокую древность культура таджикского народа, веришь, без всякого сомнения. По ее мнению, «изобразительное искусство Таджикистана представляет собой явление, объединяющее многие культурные традиции – таджикского, русского, европейских и азиатских народов. В самой сути культуры лежит принцип толерантности, победы добра над злом, справедливости и оптимизма, несмотря на сложности, происходящие по пути, - стремление к совершенству, характерное для потомков благородных ариев».[3]

В настоящее время, когда многие страны переживают период не только финансового, но духовного кризиса, сохранение культурного наследия во всех его проявлениях стоит особенно остро. Безупречно подобранные произведения собрания Юлии Владимировны Вербицкой послужат продвижению искусства Таджикистана в мировое художественное сообщество и будут способствовать развитию интереса к его малоизвестной пока этнокультуре. Ведь немногие музеи и артгалереи располагают сегодня

---

[1] Фонд поддержки искусств и музейной деятельности «Русские меценаты»— Радио Русский Мир.11 septembre, 01:58 · Roussé, Ruse Province, Bulgarie:<https://fr-fr.facebook.com/aziafond>.

[2] Мафтуне, которой требуется срочная операция, идут на помощь Asia-Plus 1 октября 2016: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/incidents/20161001/rossiiskaya-blagotvoritelnaya-organizatsiya-pomogla-maftune>.

[3] Шедевры живописи горного края. Таджикистан. Пространство ШОС. Каталог выставки. – Москва, 2015.

таким целостным по своему характеру собранием таджикского искусства XX-XXI вв, какие имеет ныне известный русский меценат Юлия Владимировна Вербицкая.

Шодипур Ю. (г. Душанбе, Республика Таджикистан),
Эркаев С. А. г. (Худжанд, Республика Таджикистан),
Садулоев М. (г. Куляб, Республика Таджикистан)

ВКЛАД М.С. АНДРЕЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Велик вклад российской науки и специалистов в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Республики Таджикистана и российского востоковедения в исследование восточных первоисточников, древних языков Центральной Азии и Таджикистана. Современный уровень научного исторического знания – результат длительного процесса познания и осмысления прошлого человечества. Овладение многовековым опытом изучения истории является одним из важнейших аспектов профессиональной подготовки историка. В подготовке профессионального историка велика роль историографии. Без знания историографической науки невозможно стать историком.

История изучает прошлое и определяет путь к будущему. Под историографией сегодня понимают исследования как по истории исторической науки в целом (изучение состояния и развития исторических знаний на его отдельных временных и пространственных этапах), так и исследования по истории разработки отдельных проблем, совокупность научных трудов, посвященных конкретной проблеме (так называемая проблемная историография). Понятия «историограф» и «историк», «историография» и «история» в XVIII в. воспринимались как синонимы. В последствии значение данных терминов изменилось: под историографией стали понимать уже не историю в буквальном смысле этого слова, не науку о прошлом, а историю самой исторической науки. В дальнейшем так называли специальную историческую дисциплину, которая занималась изучением истории исторической науки. Предмет историографии как исторической дисциплины складывался постепенно. Первые определения предмета историографии появились во второй половине XIX века. Историки концентрировали внимание на обзорах исторической литературы, исторических и научных источников, биографии ученых. В качестве предмета историографии рассматривались «ученые системы и теории». Предмет историографии предполагает также изучение исторической науки как социального института, форм организации научной деятельности, особенности распространения и функционирования исторических знаний. Она включает в себя не только научное познание прошлого. Основанное на анализе источников, применении специальных научных методов

исследования и теоретического осмысления прошлого, но и более широкой аспект исторического знания – историю исторической мысли, т.е. общие представления о мире, истории, сформированные в философии истории, общественной, художественной сфере.

Поэтому в этом направлении исторической науки велика роль великих русских востоковедов, дипломатов, военных, исследователей, путешественников, торговцев, етсетсвенников, историков – В.В. Бартольда, А.Ю. Якубовского, А.А. Семенова, П.П. Иванова, Е.Э. Бертельса, А.А. Бобринского, Д.Е. Логофета, А.В. Нечаева, В.П. Наливкина, М.А. Терентьева, М. Гаврилова, С.Ф. Ольденбурга и многих других [1, 47].

К этому периоду относится научная деятельность всемирно-известного русского и советского востоковеда, историка, этнографа, члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Степановича Андреева (1873-1948 гг.). Следует отметить заслуги крупнейшего историка Востока, Средней Азии, в том числе истории, культуры и этнографии таджикского народа Михаила Степановича, положившего начало научному исследованию истории и этнографии народов Среднеазиатского региона в конце XIX – первой половине XX века. М.С. Андреев совершил ряд научных поездок в Среднюю Азию, включая и регионы нынешнего Таджикистана, для изучения различных рукописей, традиций, обрядов и обычаев, культуры и этнографии народов Средней Азии [2.18-212].

Крупный историк-исследователь член-корреспондент АН СССР Михаил Степанович Андреев, как и академик АН Таджикистана Александр Александрович Семенов, был одним из первым, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа в малоисследованном регионе мира, каким в конце XIX – начале XX веков являлся юго-восток Бухарского эмирата, так называемая Восточная Бухара. Судьбы М.С. Андреева и А.А. Семенова нередко переплетались как в науке, так и личной жизни, в процессе создания различных культурно-просветительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовки местных национальных кадров.

На основе изучения многочисленных источников и много значимых трудов можно сделать заключение о том, что выдающийся русский и советский ученый, член-корреспондент АН СССР Михаил Степанович Андреев был этнографом, искусствоведом, культурологом, археологом, путешественником, языковедом, историком, дизайнером, хорошим рисовальщиком, фотографом и переводчиком. Я, как историк читающей курс историографии Отечественной истории, обоснованно называю его историографом истории и этнографии таджикского народа. Еще важно то, что сам М.С. Андреев бережно относился к своему большому наследию, а потому почти во всех случаях указывал дату и место подготовки всех документов, включая копии и черновики, и это есть одна из основных черт характера историографа истории этнографии [3,57,23].

Крупный исследователь – специалист в изучении истории, археологии, этнографии, языков и литератур, религии, географии, биологии М.С. Андреев начинал свою педагогико-научную деятельность как учитель Ташкентской гимназии и преподаватель, заведующий вечерними курсами, этнограф, языковед, секретарь МВД России, переводчик, инспектор, директор Туркестанского восточного института, прошел основные исследовательские пути и стал член-корреспондентом Академии наук СССР, академиком Академии наук Узбекской ССР, Заслуженным деятелем науки Таджикистана и Узбекистана. Основатель этнографического кабинета (впоследствии сектора) и музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан. Изучение жизни и деятельности, члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Степановича Андреева (1873-1948 гг.) тоже является ценнейшим историографическим исследованиям. Поэтому велик вклад М.С. Андреева в исследование и изучение история и культуры таджикского народа.

В начале Михаил Степанович работал в Ходженте заведующим вечерними курсами для местного национального населения. Он продолжал посещать различные места Туркестанского края, усердно занимаясь собранием археологических и этнографических данных, принял участие в качестве переводчика в экспедиции в Восточный Туркестан, которую возглавил известный исследователь Д.А.Клеменц, путешествие прошло через Сибирь, Монголию, Урумчи, Турфон, Лючкун. Андреев М.С совершил поездки по Закавказью, Кавказу, Тифлису, Закаспию, Кушки, Памирским бекствам, Дарваз, Вахане, Ишкашима, Рушан, Кашгар, Гималай, Кара-Кум. Западный Тибет, Яркент, Ташкургану, Шугнану, Восточному Памиру, Ташкенту, Самарканду. Хиве, Бухаре, Ферганскуой долине, Ходжентскому и Джизакскому уездам, Нурату, Кызыл-Куму, Искандаркульской волости, Ягнобу, Матче, Восточному Туркестану, Кашмиру, Ладаку, Пондишеру, Бомбею, Бенгалии, Индии, Индикитаю. Франции, России, Средней Азии и др. В ходе поездки и работе познакомился с известными исследователями Востока С. Ольденбургом. В. Радловым. К. Залеманом, В.В. Бартольдом, А.А. Половцовым, А.А. Семеновым, Л.Я. Штеренбергом, Б.Х. Кармышевым, В.В. Струевем, Б. Гафуровым, Е. Массаном, О.Сухаревой и другими учеными. Кроме изучения истории, культуры и этнографии народов Средней Азии он принимал активное участие в открытии первых школы и вузов, музеев в городах Алмаате, Ташкенте, Маргелане, Ходженте, Самарканде, Сталинабаде и других городах Средней Азии. На основе этих опытов академик Михаил Степанович опубликовал следующие труды: «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище». – Ташкент, 1896 (литогр.); «Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов. Главным образом Средней Азии» // ИСКМОПСИП. 1923. Вып.2. С.1-34; Андреев М.С., Половцов А.А. «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан». СПб. Сборник Музея Антропологии и Этнографии. Т.9. – СПб,1903; «Деревянная колонна в Матче» //ИРАИМК. 1925. Т.4. С.115-118;

«По этнологии Афганистана. Долина Панджшир: (мат-лы из поездки в Афганистан в 1926 г.)» – Ташкент, 1927; «Выработка железа в дилоне Ванча (верховья Аму-Дарьи)». – Ташкент.1926; «По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля)» // Этнография. 1927. № 2. С.323-326; «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира». – Ташкент.1928; «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Мат-лы)». – Сталинабад: Ташкент.1930; «Язгулемский язык: Таблицы глаголов». – Ленинград, 1930; «Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи)» Вып.1/2.-Сталинабад,1953-1958; «Ягнобские тексты: С прил.ягонбско-рус.словаря (Сост. М.С. Андреев, В.А. Ливщиц, А.К. Писарчик)». – Москва, Ленинград, 1957; «Материалы по этнографии Ягноба: (Записи 1927-1928 гг.). – Душанбе, 1970; «Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в./Редактор А.К. Писарчик/». – Душанбе. 1972 (совм. с О.Д. Чехович) и многие другие. Доктор исторических наук Л. Додхудоевой пишет, что «всего список опубликованных работ М.С. Андреева насчитывает 54 работы, из которых 8 изданы уже после смерти ученого при содействии А.К. Писарчик» [4,19]. И новая работа Л. Додхудоевой, несомненно, является ценным вкладом в историографию и источниковедение истории таджикского народа и народов Центральной Азии.

В результате изучения вышеназванных трудов академика Михаила Степановича Андреева можно сделать следующее заключения: он, несомненно, является историографом истории, этнографии и культуры таджикского народа [5,59]. М.С. Андреев собрал многочисленные этнографические, археологические и исторические материалы и написал труды о пережитках языческих обрядов, верованиях, обычаях, традициях коренного населения Средней Азии, о быте и языках горных таджиков, о переселенческом деле в Средней Азии и Закавказье, об истории и культуре тюркских этнических групп (найманы, кунграты, кипчаки, мангыты, сартов, мангыты, алтыбеки, казахские роды и др.), об этнических общинах, составил этнографические карты очень малоизвестной и сравнительно труднодоступной местности края и о других проблемах. Он изучал языки пушту, урди, арабский и др. проводил немало многодельных экспедиций в Таджикистане. И создал ряд обобщающих трудов по истории и культуре таджикского народа [6,151] и народов Центральной Азии.

Многосторонний исследователь истории и культуры таджикского народа, член-корреспондент АН СССР Михаил Степанович Андреев был выдающимся ученым по истории, этнографии и культуре таджикского народа и одновременно является выдающимся дипломатом, опытным работником МВД и МИД, археологом, путешественником, лингвистом-языковедом, историком, этнографом, искусствоведом, картографом, специалистом культурно-просветительной работы, художником, любимым преподавателем, собирателем этнографических материалов, чиновником, отличным администратором и многие другие. Из изученных трудов Михаила Степановича видно, что он всегда сохранял живой интерес к изучению

этнографии, археологии, языков, истории, религии, искусства, учреждений, памятников народов Средней Азии и Республики Таджикистана.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Масов Р.М.* История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш,1988.

2. *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013.

3. *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Подготовка к печати Н. Бабаевой. – Душанбе,2002; *Писарчик А.К.* Михаил Степанович Андреев (1873-1948 гг.)// Памяти М.С. Андреева-Сталинабад,1960.

4. *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013.

5. *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990 гг.). Подготовка к печати *Н. Бабаевой*. – Душанбе, 2002; *Писарчик А.К.* Михаил Степанович Андреев (1873-1948 гг.) // Памяти М.С. Андреева-Сталинабад,1960.

6. История Таджикской ССР. – Душанбе, 1983.

Вохидов Ш. Х., Ансори М. К.
(г. Пенджикент, Республика Таджикистан)

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ – ОРИЕНТАЛИСТ И ПИСАТЕЛЬ ПО ЭТНОГРАФИИ (С ПРИЛОЖЕНИЕМ ГЛАВЫ ИЗ «ОПИСАНИЕ БУХАРСКОГО ХАНСТВА, 1843»)

Ханыков Николай Владимирович родился в 1822 г., умер 3 ноября 1878 г. в Рамбулье близ Парижа. Окончив курс наук в Царскосельском лицее (1837) Ханыков в продолжении двух лет посещал лекции в Санкт-Петербургском университете, а в феврале 1838 г. был по прошению зачислен в департамент внутренних сношений министерства иностранных дел и вскоре за тем получил должность третьего переводчика.

В ноябре того же 1838 г. Ханыков определился чиновником особых поручений при черниговском, полтавском и харьковском генерал-губернаторе, а в марте следующего года был перемещен на ту же должность к оренбургскому военному губернатору и принимал участие в Хивинской экспедиции с 18 ноября 1839 г. по 10 апреля 1840 г., после чего был переведен в Азиатский департамент переводчиком IX класса, с прикомандированием к оренбургскому военному губернатору. Имел призвание к ученым занятиям. Где бы он ни был на службе, он везде интересовался местными особенностями и явлениями. Служба в Оренбурге привела его к изучению восточных языков и литератур. Языки давались ему

очень легко, и в скором времени он приобрел известность среди ориенталистов. Он хорошо знал арабский язык, а персидским владел в совершенстве. Кроме того, основательно изучил мусульманское богословие.

В 1841 г. он отправился в Бухару с посольством майора Бутенева. Эмир Бухарский Наср-Улла, узнав, что в Сибири промывают золото, просил русское правительство прислать ему горных инженеров для обучения этому бухарцев. Таким образом представился благоприятный случай изучить Бухарское ханство во всех отношениях. В состав миссии вошли разные специалисты, обогатившие нашу литературу в высшей степени ценными сведениями. Посольство отправилось в мае 1841 г., а вернулось в Оренбург летом 1842 г.

За эту экспедицию получил в награду 400 червонцев и был определен переводчиком VIII класса для персидского языка в Азиатском департаменте. В научном отношении результатом пребывания Ханыкова в Бухаре явилось его «Описание Бухарского ханства» (СПб., 1834), с приложением географической карты и планов. Этот труд переведен на английский язык под заглавием: «Bokhara, its amir and its people» (Translated by the baron Clement A. de Bode. London, 1851).

Затем в 1844 г. в «Журнале министерства внутр. дел» были напечатаны статьи «Городское управление в средней Азии» (№ 5) и «О населении киргизских степей, занимаемых внутреннею малою ордою» (№ 8).

В январе 1845 г. Ханыков по желанию графа М.С. Воронцова был откомандирован в дипломатическую канцелярию главного управления в Закавказском крае. Ко времени его пребывания на Кавказе относится целый ряд его статей и корреспонденций в Академию наук и разные ученые общества. Так, он составил топографический очерк г. Тифлиса, в записках Археологического общества напечатал статьи «Об археологических исследованиях на Кавказе» (т. IV) и «О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку» (т. IX), а совместно с П.С. Савельевым: «Древности, найденные на Кавказе». Далее он поместил в бюллетенях Академии наук: «Note sur le yarligh d'Abou-Said-Khan, conserve sur les murs de la mosquee d'Ani» ("Bull. hist.-phil.", X, № 6), а в газете «Кавказ» (1850, № 52, 53, 76, 85 и 86) ряд статей под заглавиями «Археологическое открытие» и «Еще археологическое открытие», в которых приводятся мусульманские надписи, открытые в Закавказье, Нахичевани и Ордубане, с их переводом и объяснением.

Избранный в 1852 г. в члены-корреспонденты Академии наук, Ханыков в 1854 г. был назначен генеральным консулом в Тавризе и оставался в этой должности до конца мая 1857 г., после чего был назначен драгоманом V класса при Азиатском департаменте и прикомандирован к наместнику кавказскому князю Барятинскому.

Между тем в том же 1857 г. было решено снарядить ученую экспедицию в Хорасан и Афганистан с целью разрешить разнообразные географические, этнографические и исторические вопросы и пролить свет на древнейшие судьбы Иранского племени и на характер страны, им обитаемой.

Во главе экспедиции, состоявшейся при содействии правительства и Каспийского товарищества, Ханыков тронулся со своими сотрудниками в путь 18 марта 1858 г.; работы велись до весны следующего года, а он сам вернулся в Россию лишь в августе 1859 г.

Результаты этой экспедиции были весьма важны, причем главное было сделано самим Ханыковым. Разработка богатых материалов, собранных во время экспедиции, требовала свободного от службы времени, а потому князь Горчаков, с согласия князя Барятинского, командировал Ханыкова в 1860 г. на три года в Германию, Францию и Англию, чтобы дать ему возможность воспользоваться тамошними богатыми учеными пособиями для предстоящего труда.

Уже в 1861 г., в виде предварительных работ, появились статья Ханыкова «Meched, la ville sainte, et son territoire» (в журнале «Le Tour du Monde») и брошюра «Lettre a M. Reinaud sur un plan archeologique de Herat», а в 1862 г. был напечатан Парижским географическим обществом первый отчет Ханыкова о Хорасанской экспедиции, под заглавием: «Memoire sur la partie meridionale de l'Asie Centrale».

В январе 1863 г. он вернулся в Тифлис, но ненадолго: своими учеными трудами он обратил на себя внимание тогдашнего министра народного просвещения А.В. Головнина, который, чтобы дать Ханыкову возможность окончить этнографическую часть Хорасанской экспедиции, выхлопотал ему в 1864 г. заграничную командировку на два года, с пособием по 800 руб. в год и с сохранением получаемого им в министерстве иностранных дел содержания в 1000 руб. Когда срок этой командировки окончился, Головнин исходатайствовал в 1866 г. продолжение ее еще на три года.

Между тем, вследствие значительного сокращения драгоманата в Азиатском департаменте, Ханыков 24 февраля того же года был уволен от занимаемой должности, причем содержание в 1000 руб. было обращено ему в пенсию. С тех пор он поселился в Париже, состоя там до 1872 г. агентом министерства народного просвещения.

В 1866 г. в Париже вышло продолжение большого труда Ханыкова под заглавием: «Memoire sur l'ethnographie de la Perse». Уже по выходе в свет первой части Ханыков был удостоен Парижским географическим обществом большой золотой медали и избран почетным членом как этого общества, так и географических обществ Лондонского, Берлинского, Итальянского и Венгерского.

В России оценил этот труд, кажется, только Петербургский университет, который в марте 1866 г. возвел Ханыкова в степень доктора истории Востока. Занятия Персией и судьбами Иранского племени естественным путем привели Ханыкова к другому труду, предпринятому Русским географическим обществом, а именно к переводу (с дополнениями) на русский язык из сочинения Риттера «Erdkunde von Asien» главы об Иране. Первая часть этого труда появилась в 1874 г., но тем дело и ограничилось.

Для подобной работы никто в России не был подготовлен в такой степени, как Ханыков. Единственный упрек, который можно ему сделать,

тот, что он нигде не проверял текста Риттерова труда по его источникам, а это было необходимо ввиду того, что Риттер, вследствие спешности и массы труда, далеко не всегда точно передавал чужие известия. Кроме выше уже приведенных трудов, в «Журнале министерства народного просвещения» помещен ряд корреспонденций Ханыкова из Парижа: «О деятельности министерства нар. просвещения во Франции в 1862 г.» (1863), «О библиотеках Британского музея, Геттингенской, Бонской и Брюссельской» (1864), «Сведения об арабо-французских школах в Алжире» (1869). В «Записках Географического общества (1861) напечатана статья о British Association в Бате.

Последним трудом Ханыкова было письмо к издателю «Русского Архива» о Хивинском походе 1839 года («Русский Архив», 1892 г., кн. I).

Ханыков был одним из замечательнейших русских ориенталистов. К сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции.

В конце 40-х годов Ханыков поступил на службу на Кавказ при Воронцове, по дипломатической части. Там он усердно занялся исследованием края во всех отношениях.

Когда в Тбилиси открылся отдел Имперского русского географического общества (в марте 1851 г.), Ханыков был избран помощником председателя и поместил в изданиях отдела ряд статей. В то же время он посылал свои статьи в Петербург в археологическое и географическое общества, а также в Акад. наук. Наиболее ценным трудом его за это время надо признать исследование «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря» («Записки Кавказского Отдела Имперского Русского Географического общества», кн. II), где обнаружил обширное знакомство с восточной литературой, а также с физикой и геологией. Его «Записка» (1853) об изучении языков и наречий Кавказа впоследствии вызвала труды Шифнера и Услара.

В 1853 г. Ханыков получил должность управляющего генеральным консульством в Тебризе. Там он продолжал свои ученые занятия, устроил метеорологическую станцию, но в сентябре 1857 г. был назначен драгоманом при азиатском департаменте с откомандированием к наместнику кавказскому. Находившийся в это время в Петербурге Х. подал вел. кн. Константину Николаевичу обстоятельную записку о снаряжении ученой экспедиции в Хорасан. Начальником ее был назначен Н.В. Ханыков. Экспедиция продолжалась весь 1858 г. и половину 1859 г. В 1860 г. Ханыков, по ходатайству Барятинского, отправился в командировку в Париж для обработки собранных им материалов. В это время по ходатайству министерства народного просвещения, ученая командировка Ханыкова за границу была продлена сперва по 1866 г., а потом еще на 3 года. Результаты экспедиции ученый обнародовал в «Memoires de la Societe de Geographie de Paris», в двух статьях: «Memoires sur la partie meridionale de l'Asie Centrale» (1861) и «Memoires sur l'ethnographie de la Perse» (1866). Первое из них удостоено большой золотой медали Парижского геогр. общества. В 1866 г.

Ханыков, по случаю изменения штатов в мин-ве иностранных дел, был уволен от службы с пенсией.

В том же году совет Имперского Санкт-Петербургского университета возвел Ханыкова в степень доктора истории Востока honoris causa. В 1874 г. появился капитальный труд его «Иран» («Землеведение Азии», Риттера), исполненный по поручению Русского географического общества. Никто другой в России не был так подготовлен к этой работе, как Ханыков, но в этом труде имеются и крупные недостатки, которые могли бы быть исправлены в следующем томе, появление которого было обещано, но не осуществилось. Со времени поездки в Париж Ханыков состоял агентом министерства народного просвещения по руководству занятиями молодых людей, командированных во Францию для усовершенствования в науках. Небольших по объему, но ценных по содержанию статей Ханиыков обнародовал огромное число. Любимой формой изложения своих наблюдений и исследований он избрал «письмо». Таково его письмо Родерику Мурчисону о старом русле Амударьи («Journal of the B. G. S.», 1846), письма Френу, Дорну, Абиху — в «Bulletin scientifique de l'Academie des Sciences» и в других академических изданиях.

Там находятся статьи: о бакинских и дагестанских надписях; поездка в Ани (в «Путешествии» академика Броссе); о книге Хазини «Весы мудрости»; извлечение из Хакани о походе русских в Закавказье; о табризских землетрясениях и о высоте некоторых мест Адербейджана; письмо полковнику Бартоломею о третьей неразобранной надписи сассанидских монет; о результате Хорасанской экспедиции и др. В газете «Кавказ»: о главных результатах археологической деятельности Бартоломея в южном Дагестане и Дербенте; о мюридах и мюридизме; жизнь шейха Абу-Саида Абулхайра; восхождение на Арарат; о персидском поэте Фазиль-хане; воспоминание о Френе и др.

В «Кавказском календаре»: климат Тифлиса; сличение местных мер длины, плоскостей и вместимости с таковыми же русскими мерами; о мусульманском календаре. В «Записках Имперского Русского Археологического Общества»: два письма Савельеву о вещах бронзового периода, найденных в Ставропольской губернии и о бакинских надписях; хождение в Кербелу; два рассказа мирзы Шемса Бухари. Список сочинений Ханыкова помещен в «Journal Asiatique» за 1872 г., том XX, указатель, стр. 394 — 395; в «Zeitschrift der Deutsch. M. G.»: письмо Дорну об одном арабском хронологическом выражении. В трудах British Association: письмо Стивенсу о наблюдениях над скоростью дыхания и кровообращения во время пребывания на Арарате; об этнографии Персии.

В мемуарах американского азиатского общества: «Balance of usdom». В I томе посмертных трудов Френа: письмо Дорну о родословной кокандских ханов. В «Zeit. de Berlin. G. G.» сообщение о карте Хорасана. В «Comptes rendus des Sciences»: о карте Адербейджана, о Хорасанской экспедиции; письмо Флурансу об изменении турецких племен при смешении их с чужими этнографическими элементами. В «Revue de l'Orient»: письмо Дюлорье о

мюридизме; в «Tour du Monde»: отрывки из путешествия в Мешхед. В «Записках Имперсокого Русского Географического Общества»: «Поездка в персидский Курдистан» («Вестник», кн. VI); «Об изменении уровня Каспийского моря» («Вестник», ч. VIII); выписка из письма начальника Хорасанской экспедиции («Вестник», ч. 21), «Антверпенский географический конгресс» («Известия», т. VII).

Н.В. Ханыков составил монографию «Описание Бухарского ханства» (1843). Издал труд «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря», установив значение испарения в изменениях уровня Каспия. В 1858—59 возглавлял экспедицию в Хорасан, результаты которой опубликованы им в «Записках о южной части Центральной Азии» (1861, на франц яз.), «Записках об этнографии Персии» (1866, на франц. яз.) и других трудах. В 1874 перевел на рус. язык часть 8-го тома «Землеведения Азии» К. Риттера с добавлениями и критическими примечаниями. Был награжден большой золотой медалью Парижского географического общества.

Н.Г.ХАНЫКОВ. ОПИСАНИЕ БУХАРСКОГО ХАНСТВА:

«Глава: племена и народонаселение ханства

Рассматривая племена входящие в состав настоящего народонаселения Бухарского Ханства всякий должен будет согласиться, что они составляют смесь самых разнородных частей соединенных в одно целое только верою. Впрочем иначе это и быть не могло, Ханство сие поставленное в начале того огромного пути, по которому двигались массы народов низринувшие Римскую Империю и переменившие совершенно вид Европы, было землею где они отдыхали и потому неудивительно если каждый из них оставил по себе в нем неизгладимый след.

Коренные жители Ханства суть Таджики, происхождение их и время пришествия сюда не известны, мы знаем только из книги Наршахи что когда они пришли с Запада на Зярь-авшан он был незаселен; густые камыши покрывали то место где теперь находится Бухара и служили притоном диким зверям. Таджики Первые начали обрабатывать берега его и применять тогда еще богатые воды его к возделыванию полей и садов и вообще должно иметь высокое понятие о их трудолюбии если верить цветущим описаниям тогдашнего состояния сего края; но судьба не судила им спокойно пользоваться плодами трудов своих, не прошло еще ста лет после первого года Хеджры как последователи пророка вторглись с оружием в мирные жилища их и заставили их силою принять верования свои; но это не могло случиться скоро, четыре раза отклонялись они от магометанства и были снова силою приводимы к нему Аравийскими войсками посылаемыми сюда Калифами и так как роскошная зелень садов и близость текучей воды не могли не быть прельстительными для людей привыкших к пескам Аравии, они оставались здесь жить; но не принимая оседлости кочевали между деревнями Таджиков, впрочем они довольствовались пользованием землею и надсматриванием за верным исполнением правил Корана, во все не вступаясь

в правление потому что мы знаем что в это время управляли Ханством Самманиды, но в конце X столетия ослабленная власть их была окончательно низринута Узбеками, однако сии последние, держались не долго в XII столетии Бухарское Ханство было поглощено наплывом Монгольских орд и Чингиз Хан в порыве разрушения мечети города сделал стойлами лошадей и из всех зданий украшавших его оставил только одну цитадель. Впрочем Узбеки оттесненные Монголами в северные степи за Сыр Дарью не переставали иметь притязания на Бухарское Ханство и мало по малу приближаясь к нему стесняли владения наследников Чингиза так что не редко они распространяли в них ужасы своими вторжениями и увлекали подданных Бухарских в плен. Влияние их на Бухарское Ханство снова так усилилось, что в XIV столетии Амир Тимур должен был силою изгнать их оттуда и возвратив себе наследие предков, завоеваниями со делал его одною из огромнейших монархий мира но по смерти его это продолжалось не долго, Узбеки, опять стали теснить наследников его, и в конце XV столетия снова завладели Мауеро Иняхром в котором они и до ныне господствуют. Из приведенного нами видно, что Бухарское Ханство весьма часто меняло, как жителей своих, так и повелителей и что со всяким разом к народонаселению его примешивались новые племена, примесь эта особенно была значительна тогда, когда Узбеки приходили в Ханство потому что выгоняемые из оного часто отходили довольно далеко от пределов его например на Волгу на Иртыш и так далее и, потом возвращаясь оттуда привлекали за собою племена с которыми они там кочевали. В настоящем же положении народонаселение Ханства состоит из следующих племен:

1) Таджики. От сих коренных обитателей Бухарского Ханства осталось весьма немного, они составляют главное народонаселение города Бухары в прочих же городах их или вовсе нет или очень мало. Главный промысел их состоит в торговле, по миролюбивым своим наклонностям чтобы не сказать по трусости, они воздерживаются от участия в военных подвигах. Отличительные черты характера их суть скупость, наклонность ко лжи и не стойкость в слове. Главные преступления в которых они попадаются суть: кража, мелкое мошенничество, обиды наносимые словами и редко побоями; но убийства никогда, потому что для этого у них не достанет духа. Черты лица их правильны и красивы рост большею частью довольно высокий, цвет кожи белой а волосы и глаза почти всегда черные, в одежде своей хотя они и следуют строго предписаниям Корана, но все таки в ней заметно гораздо более изысканности чем у Узбеков и вообще домашняя жизнь их носит на себе гораздо более отпечатков утонченности, учтивость их в обращении переходит в приторность, особенно же если они нуждаются в том человеке с которым говорят, впрочем хваля других, они и о себе никогда не забывают и если дело коснется до Бухары, то самохвальство и нахальство их делаются невыносимыми, так например нам случалось видеть людей имевших счастье быть при Императорском дворе, видеть великолепие дворцов и зданий Петербурга у которых доставало духа спрашивать нас с самодовольной улыбкой какова Бухара.

2) Аравитяне. Народ этот находится в несколько большем количестве нежели Таджики однако далеко не составляет значительного племени, они рассеяны в северных частях Ханства наиболее же собираются они около Варданзи и Самарканда они до сих пор не покинули привычки предков своих вести кочевую жизнь, с тою только разницею, что здесь более суровой климат заставил променять их палатки на кибитки, весьма малая часть их оседлы и те принуждены к этому торговыми делами. Черты лица их изобличают происхождение их, глаза их большею частью велики и черны равно как я волоса, кожа их принимает в сильной степени солнечный загар, так что многие совершенно черны. Между собою говорят они по Арабски; но это не есть чистый Арабский язык. Главная промышленность их состоит в разведении баранов большая часть мерлушек, как серых так и черных, доставляются ими, на базары Ханства. Мы имели с ними слишком мало сношений чтобы можно было сделать какие-нибудь положительные заключения о их характере; но вообще кажется, что они стоят в нравственном отношении гораздо выше Таджиков потому что в течении нашей жизни, в Бухаре, нам не удавалось слышать о них дурного слова, одно в чем Бухарцы их упрекают, есть некоторая грубость в обращении и незнание светских приличий, хотя сколько я сам мог заметить, эти недостатки состоят в том, что они не душат никого своею учтивостью, как это случается с Таджиками.

3) Узбеки. Племя это есть без сомнения первенствующее не столько по числу сколько по единству в Бухарском Ханстве, они разделяются на роды и отделения подобно нашим Киргизам, имеют старшин и Биев которые, пользуются в своем роде некоторым уважением. Прежде чем мы приступим к описанию мест их кочевья я образа жизни мы думаем полезным представить список всех Узбекских родов и некоторых даже с под отделениями, заимствованный нами из книги Нассяб Намяи-Узбекия, они суть следующая:

1) Мангыт

I) Тук Мангыт.II) Ак Мангыт. III) Кара Мангыт.

2) Минг 3) Юз 4) Кырк 5) Унг 6) Унгачит 7) Джилаир 8) Сарай 9) Кунград I.Канжагалы 1) Урус 2) Кара-Курсак 3) Чульлик 4) Куян 5) Кульдаулы. 6) Мильтяк. 7) Куртугы. 8) Галя. 9) Туп-Кара. 10) Кара. 11) Кара-Бура. 12) Ногай. 13) Билькялык. 14) Дустьник. II.Оинлы 1) Ак-Тана. 2) Кара. 3) Чуран. 4) Туркмян. 5) Куук 6) Бишьбала 7) Кара-калпак 8) Качай. 9) Хядж-Бячча.

III. Куштамгалы 1) Куль-Аби. 2) Бармак 3) Куджяхур 4) Куль 5) Чубурсак 6) Каракалпак-Куштамгалы 7) Сяфярбик 8) Дильбяри. 9) Чачаклы.

IV.Уактамгалы 1) Тартугли. 2) Ага-Майли. 3) Ишыкали. 4) Кызын-Джили. 5) Уюгли. 6) Букаджли. 7) Кайгали.

V. Кыр 1) Джузили. 2) Кусяули. 3) Тирз. 4) Балыкли. 5) Куба.

10) Альчин 11) Аргун 12) Найман. 13) Кипчак 14) Чичак 15) Уйрат 16) Калмак 17) Кар-ту 18) Бурлак. 19) Буслак 20) Самарчин 21) Катаган 22) Галячи 23) Кинягаз. 24) Бутряк. 25) Узой. 26) Кабат. 27) Хытай. 28) Канглы. 29) Узь. 30) Чупьлячи. 31) Тупчи. 32) Утарчи. 33) Упулячи. 34) Джулун. 35) Джид. 36) Джуют. 37) Чиль-джуют. 38) Буй-маут. 39) Уй маут. 40) Аралат 41)

Киреит, 42) Унгут. 43) Кангыт. 44) Халяуат. 45) Масад. 46) Муркут. 47) Беркуут. 48) Куралас. 49) Угьлян. 50) Кары. 51) Аряб. 52) Илячи. 53) Джуляган. 54) Кишлык. 55) Гедой. 56) Туркмен. 57) Дурмен. 58) Табын. 59) Тама. 60) Риндан. 61) Мумин. 62) Юйшун. 63) Берой. 64) Хафиз. 65) Кыргиз. 66) Юйручи. 67) Джуйрят. 68) Бузачи. 69) Сихтиан. 70) Бяташ. 71) Ягрыны. 72) Шульдур. 73) Тумай. 74) Тлеу. 75) Кыр-дар. 76) Киркын. 77) Углан. 78) Гурлят. 79) Иглан. 80) Джимебай. 81) Чилкяс, 82) Уйгур. 83) Агыр. 84) Ябу. 85) Наргыл. 86) Юзак. 87) Кахет. 88) Начар. 89) Куджалык. 90) Бузан. 91) Ширин. 92) Бяхрин. 93) Тюмя. 94) Никюз. 95) Мугул. 96) Каяан. 97) Татар.

Из названных нами племен находятся в Бухарском Ханстве 28 следующих:

1) Мангыт, они кочуют раздельно частью в окрестностях Карши, частью в окрестностях Бухары, многие же из них, особенно старшие родов оседло поселились в двух названных городах.

2) Хытай, кочуют между Бухарой и Кермине.

3) Наймян, кочуют около Зияуеддина, к начальнику которого они относятся в первой инстанции.

4) Кыпчак, кочуют между Кятта, Курганом и Самаркандом.

5) Сарай, кочуют около дороги из Самарканда в Карши.

6) Кунград, отчасти живут оседло в городе Карши отчасти кочуют между Карши и горами Шяхри-Сябзскими.

7) Туркмян, кочуют на Аму-Дарье, и отчасти живут оседло на берегах ее в деревнях.

8) Авралят, кочуют между Карши и Бухарой.

9) Бузачи, кочуют между местечком Бузачи по Каршинской дороге и Бухарой.

10) Дурмян, живут оседло в Хиждуане и окрестностях его.

11) Ябу, частью живут оседло в южной части Бухарского Тумяна, частью же кочуют с родами Хытай, Наймян в Мианкале.

12) Джид

13) Джуют отчасти живут оседло по Аму-Дарье, отчасти, кочуют с Туркменами.

14) Бяташ, вовсе, не кочуют; а живут оседло в Бухарском Тумяне.

15) Бягрин, кочуют в Мианкале в смеси с другими племенами. 16) Кырк. 17) Унг. 18) Унгачит. 19) Калмак. 20) Катаган. 21) Галячи. 22) Узой. 23) Чильджуют. 24) Киреит. 25) Гурлят. 26) Юнхун. 27) Уйгур. 28) Татар.

О месте жительства, сих последних, ничего положительного сказать нельзя, отчасти по незнанию, отчасти потому что некоторые по малосложности своей нигде не кочуют отдельно, а присоединяются к одним из вышеназванных родов, или живут оседло в городах самого Ханства.

Кроме выше названных родов весьма часто удается слышать названия следующих:

Чагатай, кочующие рассеянно с другими родами.

Аймак, живущие оседло в Бухаре.

3) Карлык, живущие оседло в Карши.

4) Каучин, кочующие в окрестностях Карши и наконец.

5) Курамя, место кочевок коих нам точно неизвестно, хотя мы и знаем что они находятся в Ханстве. Причислить сии роды к главным отделениям Узбеков мы не решились, потому что их нет в родовой книге, из которой мы извлекли выше изложенный список. Вероятно они составляют под отделения одного из приведенных нами родов. Старшим родом Узбеков, находящихся в Бухарском Ханстве считается Мангыт; из отделения коего Тук происходит настоящая царствующая династия, кроме того род этот пользуется некоторыми особенными привилегиями.

Узбеки наружности своею много напоминают племена Монгольские; но вообще глаза их больше и черты лица их не много красивее, роста бывают они большею частью среднего, цвет волос бороды их меняется между рыжим и темнорусым, черноволосых же весьма мало. Одежда их весьма проста и состоит большею частью из халатов алачевых или армячинных, голову обвертывают они чалмой из грубой шали, самими ими приготовляемой и окрашенной, обыкновенно красною краскою, многие даже их вовсе не красят и они остаются грязно беловатыми. По образу жизни их надобно разделить: на оседлых, на кочующих земледельцев и на кочующих, нельзя определительно сказать которые роды преимущественно принадлежат к одному из вышеназванных отделов, потому что из всех родов, есть городские жители и почти из всех кочующие. Оседлая жизнь их общая с Таджиками, хотя конечно в домашнем быту первых, заметно более утонченности, которую они невольно заимствуют в Государствах более образованных посещаемых ими по делам торговли. Кочующие живут в кибитках подобно нашим Киргизам, различие в устройстве сих последних заметно только то, что упины делаются короче и оттого вся кибитка ниже, кошма по преимуществу употребляемая черная или темносерая, но внутренность кибитки несколько красивее убрана, нежели в кибитках Киргизов, потому что она развешивают по стенам ее небольшие коврики ими самими приготовляемые, и хотя сии последние весьма грубой работы и окрашены; большею частью темными цветами особенно темнокрасным и даже переходящим в кирпичный, тем не менее присутствие их придает кибитке довольно чистый вид; пища их весьма однообразна и состоит из баранины, мне не удавалось заметить чтоб они употребляли печеный хлеб, кумыз употребляют только те, которые кочуют в Мианкале и имеют возможность содержать табуны, отсутствие которых при большей части из Узбекских кочевок, попадавшихся мне в моих поездках по Ханству, было для меня привыкшего видеть, богатые табунами кочевки наших прилинейных Киргизов весьма поразительно; жизнь их очень однообразна, тем более что по малоземельности им нельзя часто переменять места своих кочевок. Главное их занятие состоит в овцеводстве. Маленькие дети почти совершенно голые и большею частью пешком гоняют овец во круг аула, начальник коего беззаботно сидит в кибитке, предоставляя все домашнее хозяйство своим женам, ничем не отличающимся как по наружности так и по одежде от Киргизок. Во круг кибиток бродят собаки и полунагие дети,

которые или дерутся или брянчат на двухструнной балалайке и извлекают из нее самый несвязные тон, всего смешнее важность с которою говорят о себе Начальники аулов, тем более что они называют себя по чинам Юз-Баши, Мяхрям-Баши, Есаул-Баши в так далее, данным им Бог знает когда и кем. Нелюбопытство их на счет перемен происходящих в краю необыкновенно, так наприм. в двух днях пути от Самарканда к Карши, мне случилось остановится в одном ауле, хозяин которого еще не знал что Абдул-Халик Достарханчи уже не Мухаммед Шериф-Топчибаши, занимает Визирьское место, хотя после смены последнего прошло тогда не менее полутора года. В родах богатых лошадьми как наприм. у Найман, Хытай и т. д. главным занятием молодежи составляет особенная игра называемая кук-бари, она состоит в том, что собираются человек до ста и более верховых и поручают одному из себя взять в стаде хозяина, у которого они в гостях молодого козленка; он туда отправляется и перерезает козленку горло крепко берет в правую руку две задние ноги его и мчится с ним на ожидающую его толпу, те с своей стороны едва завидят его подскакивают как можно скорее к нему и стараются вырвать у него зарезанное животное, если кому случится этого достигнуть, что бывает весьма редко, или по крайней мере оторвать кусок мяса, тот пускается в побег а охотники поделиться с ним его добычей преследуют его; таким образом игра эта длится до тех пор пока кто-нибудь не ускачет с значительным куском мяса домой и не избавит себя таким образом от преследования. Неистовство, с которым они предаются ей чрезвычайно и убийства случаются в ней не редко, обычай перешедший в закон не позволяет родственникам убитого требовать возмездия с убийцы, если погибший нашел смерть в кук-бари. Мне сказывали даже что сам Эмир во время осенних поездок своих в Самарканд, принимает участие в этой игре и не обижается если кто-нибудь толкает его или даже ударит плетью, тем более что сего последнего весьма трудно избежать при первом натиске на привезенного козленка, потому что тогда все всадники столпятся в кучу и махают плетью в право и в лево стараясь открыть дорогу своему коню. О нравственности Узбеков можно сказать столько же мало хорошего сколько о нравственности Таджиков, впрочем надобно заметить, что они гораздо проще в обращении, но за то они легче решаются на разбой, на убийство и на грабеж, нежели Таджики, так что например из 30 или 35 человек зарезанных Эмиром во время 8 месячного пребывания нашего в Бухаре большая часть были Узбеки, осужденные на смерть за одно из выше названных преступлений, но и на подобные поступки они решаются не из храбрости, и потому совершают их, ночью, нападают большим числом, нежели могут их отразить; так чтобы, не потерпеть урона ни от Правительства ни от страдающих, не смотря на то бараиты у них не бывают если случится что один род угоняет у другого лошадей, то они преследуют угонщиков законным порядком. Весьма малая часть их знает грамоте равно как и Таджикский язык и то знающие наиболее живут в городах, впрочем это не мешает им быть ревностными Фанатиками. Мне никогда однако не

удавалось видеть чтобы Узбеки читали Намаз у себя в аулах; и сие последнее сколько мне известно делают они только тогда когда приезжают в город.

3) *Персияне*, сих последних в Бухаре, весьма много, особенно же в невольниках; но для продажи привозят их маленькими партиями, большими же были они переселены из города Мерва в царствование Эмир-Сеида, т. е, когда город сей находился под его властью, он чтобы обезопасить себя, а вместе с тем чтобы и ослабить город стоящий так далеко от центра ханства и который он только этим мог надеется удержать в своих руках, он приказал переселить 4000 семейств Мервийцев в окрестности Самарканда и от них то идет, то чисто персидское племя, которое бросается всякому в глаза, привлекательностью своей наружности и черною окладистою бородою, все они конечно сделались Суннитами; но не менее того в душе они Шии и по этому одному ненавидят Бухарцев и всегда рады будут какому-нибудь политическому перевороту могущему подавить власть Узбеков; особенно же часто воспоминают, они о походе Надир-Шаха, и крепко верят в то, что когда-нибудь и даже в скором времени он повторится. Не менее того Эмир и Бухарские сановники не осторожно вверяют себя Персиянам, так например из 500 человек составляющих Бухарское регулярное войско 450 человек слишком Персиян, равно как и начальник их той же нации, также и при Достарханчи очень много находится Персиян либо отпущенников либо Мервийцев.

4) *Евреи*, они составляют хотя небольшую; но давно водворившуюся часть народонаселения Ханства, наибольшее число их живет в Бухаре, впрочем, кроме того я видел их в Кятта Кургане, в Самарканде и Карши; везде в названных городах отведены им особые кварталы из коих они выселяться не могут, а следовательно и не могут смешиваться с мусульманами. Права их необычайно стеснены, так наприм. они не смеют носить чалмы, а должны покрывать головы свои небольшими шапочками из темного сукна опущенные мерлушкой пальца в два ширины. Сверх того они не могут носить других халатов кроме алачевых и отнюдь не могут подпоясываться широкими платками, а тем более шалями а должны непременно употреблять для этого простую веревку и для того, чтобы они не могли скрыть сего последнего отличия им строго запрещается носить не подпоясанный халат сверх подпоясанного. Но самое главное в унизительное стеснение для Иудеев, по деятельному их образу жизни есть строгое запрещение ездить в стенах города верхом, как на лошади так и на ишаке, это в Бухаре тем более чувствительно, что после не большого дождя улицы делаются не проходимы от грязи, не только для пешехода но иногда и для вершника. Кроме того в городе каждый мусульманин может почти безнаказанно бить Евреев, а за городом почти столько же безнаказанно и убить. Все эти обстоятельства вместе взятые заставляют их желать перемены существующего порядка вещей и этому то надо приписать то расположение, которое они оказывают всякому иностранцу особенно Христианину, тем, более что по их объазиатившимся понятиям, ни мы, ни Англичане не можем приезжать с другими целями как для шпионства и следовательно ко вреду

Бухарцев. Бухарские Евреи по сознанию их соотечественников видевших их здесь и в других местах, суть самые необразованные, многие даже из них вовсе не знают своего языка, а еще большая часть не умеют читать. Нравственность Евреев везде одна и та же и потому об ней мы не распространимся, а окончим наши замечания только тем, что Еврея попавшегося в первый раз в каком-нибудь преступлении не наказывают смертью, а заставляют выкупить жизнь переменою веры и если он на это согласится, что всегда бывает, те его тотчас выводят из жидовского квартала разводят с женой если он женат и вообще весьма долго и строго наблюдают точно ли он исправляет правила Корана и за малейшее отступление от них, наказывают смертью.

Цыгане, в Бухарском Ханстве есть три рода племен, которых я должен причислить к цыганам, как по лице очертанию, так и по образу жизни их называют Джуги, Мязянг и Люли. В Бухарском Ханстве они все считаются мусульманами; но так как женщины их ходят с открытыми лицами, а мужчины весьма мало заботятся о чтении Намаза и вряд ли даже умеют произносить слова его, то скорее всего можно думать, что они подобно своим единоплеменникам в других землях не имеют почти никакой веры, многие из них поселены в Бухаре и в других городах и занимаются продажею пиявок и ворожбой, кочующие же живут в белых бязевых палатках, им позволено кочевать при всех реках, и озерах Ханства если места сии не заняты Узбеками и потому, самая большая часть их расположена на Зярь-авшане около Самарканда, а другая около Каракуля. Главный промысел их подобно нашим цыганам состоит в барышничестве.

Киргизы и *Каракалпаки* занимают степи С. части Ханства; Каракалпаки ближе придерживаются к обработанным полосам оного и в особенности охотно кочуют между Джизахом в Ура-тюпя вообще, должно сказать, что они гораздо беднее наших Киргизов, особенно те, которые кочуют, между Карагатой и Кызыл-кумом, у них айран заменяет кумыз и верблюды заменяют лошадей. Отношение Киргизов к нынешнему Бухарскому Правительству гораздо лучше, нежели они были при покойном Эмир-Сеиде тем более что Насер-Улла, старается всячески их приласкать и к чести его надобно заметить, что они очень хорошо знают что кроме сороковины установленной Кораном, им ничего более платить не придется прикочевавши к пределам Ханства.

Из выше изложенного видно, что Бухарское народонаселение составлено самым не выгодным образом, разнородные Элементы его, живут каждый своею отдельною жизнью, не заботясь одна об других и нет надежды чтобы слияние их в одно целое произошло в скором времени, или даже когда-нибудь при настоящем порядке вещей. Единственное звено связывающее их есть мухаммеданское исповедание, но оно необходимо, потому что иначе разнородные части эти уничтожили бы себя взаимно. Кроме того мы видели что господствующая часть народонаселения состоит почти вся из народов кочующих следовательно далеко уступающих всем другим как в образовании так и в богатстве, наконец в числе отделов

Бухарского народонаселения не малое место занимают и такие, которые прямо ненавидят как народ так и Правительство. Впрочем недостатки эти суть общие почти всем государствам Средней Азии и от этого происходит та легкость завоеваний провинций, её составляющих, которую мы видим в истории Восточных воителей от Тимур-Лянга и до Надир-Шаха.

Определить число каждого из выше названных племен мы совершенно отказываемся, потому что это неизвестно и самому Эмиру, предположения же ни на чем не основанные, подобно тем, которые делает Г. Барон Мейндорф в своем путешествии, или ни к чему не ведут, или ведут к ошибкам, что же касается до всего народонаселения Ханства, то и на этот счет мы должны будем ограничится выводами весьма общими и имеющими только некоторую степень вероятности. К несчастью статистика земель Мусульманских весьма мало обработана и по тому трудно сказать подобно тому как мы делаем в Европе при оценке народонаселения какого-нибудь пространства виденного нами проездом, сколько можно положить жителей на известную квадратную меру; замечания наши ведут нас к заключению что мусульмане; по крайней мере здешних краев; либо по недостатку земли; либо по каким-нибудь другим причинам, селятся весьма тесно, в городах теснота эта неимоверна; для Бухары наприм. из расспросов сделанных нами на месте оказывается, что на 1,7 танапа живут 25,2 человека, в селах конечно народонаселение не должно быть так велико, но тем не менее надобно полагать что и там живут не просторно, если мы заметим, что человек обладающий 400 танапами, что составляет наших 150 десятин считается весьма богатым землехозяевым. Из сего видно, что мы не без основания поступим если заключим народонаселения Ханства между пределами 2 и 2 1/2миллионов, тем более что как мы увидим в своем месте предыдущий расчет, 15 человек на танап для города Бухары весьма мал, я принимая его за нормальную величину и положив что количество земли заселенной людьми составляет сороковую часть всего обработанного пространства мы получим более 3 600.000 жителей для всего народонаселения Ханства; но это число должно значительно уменьшиться если мы заметим что при оценке обработанной земли по Аму-Дарье и по Аби-Шяхри-сябза мы брали её на всем протяжении их в Ханстве, тогда как многие места их берегов или вовсе не обработаны или возделываются кочующими народами каковы наприм. Туркмены и отделения Узбеков наз. Кунград которым нужно гораздо более пространства земли для жизни нежели племенам оседлым» (С.53-77).

Моргунов К. А.
(г. Оренбург, Российская Федерация)

АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВИЧ И МАРИЯ ИВАНОВНА ШИШОВЫ: НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Автором первой книги на русском языке, посвященной комплексному этнографическому описанию таджикского народа, стал Александр Поликарпович Шишов, который не являлся профессиональным этнографом или историком. Он был практикующим врачом. Но любовь к Туркестану и населяющим его народам вылилась в интерес ко всему, что так или иначе связано с историей, географией, природно-климатическими условиям Туркестанского края, а также с этнографией, культурой и бытом местного населения. Скрупулезно собирая всю доступную ему информацию А.П. Шишов проделал большую работу по ее обобщению и издал две книги: «Сарты» (1904 год) и «Таджики (Этнографическое и антропологическое исследование)» (1910 год). При этом сам автор в предисловии к своему изданию «Таджики» подчеркивал неполноту имеющегося материала и считал, что «…настоящий труд послужит указанием, что нами слишком еще мало сделано по изучению бытовых условий тех народов, которые волею судьбы вошли в состав нашего обширного отечества и побудить к более интенсивной работе»[1]. Изданная работа по задумке Шишова была только первой частью его обобщающего труда, но, по-видимому, этот труд так и не был закончен и вторая часть этого интересного комплексного исследования не была опубликована.

Конечно, сегодня, когда накоплен значительный этнографический материал по таджикскому народу, некоторые размышления этнографа-любителя могут показаться наивными или не всегда научными. Так, исследователь из Куляба Р.У. Бокиев характеризует работу А.П. Шишова «Таджики», опубликованную в 1911 году в сборнике «Средняя Азия» (№№ 1-12), как «очень неудачную»[2]. Но все же, несмотря на определенные недостатки, большинство современных исследователей признают ценность этих работ и изложенного в них историко-этнографического материала[3]. Можно с уверенностью сказать, что в дореволюционный период книга А.П. Шишова «Таджики» была единственной работой, претендующей на фундаментальное освещение данного вопроса и выгодно тем отличающаяся от многочисленных описательных работ этнографического характера,

---

[1] *Шишов А.П.* Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Часть I. Этнография. – Ташкент: Тип. «Туркест. Т-ва Печ. Дъла», 1910. – С. 5.

[2] *Бокиев Р.У.* Этнографическое изучение Таджикистана второй половины XIX – первой половины XX вв. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2014. – № 3. – С.48.

[3] См. напр.: *Валиев А.* Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX – начало XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Душанбе, 2015. – С. 233.

посвященных вопросам материальной и духовной культуры таджиков, проживающих на отдельных территориях Туркестанского края.

Подтверждает интерес к этой работе А.П. Шишова и то, что в постсоветский период его книга «Таджики» была переиздана как минимум дважды – в 2006 году в Алматы и в 2015 году в Душанде (на таджикском языке)[1].

Не вдаваясь в подробности анализа содержания произведений А.П. Шишова, что уже достаточно профессионально сделано предыдущими исследователями, хотелось более подробно остановиться на биографии этого замечательного востоковеда-любителя, а также на описании жизненного пути его супруги, стоявшей у истоков женского здравоохранения в Туркестане.

На фото справа: Шишов Александр Поликарпович, 1880-е годы, г. Санкт-Петербург[2].
На обороте бланка паспарту более поздняя надпись: «Мой дед – Шишов Александр Поликарпович (с бородкой и в форме) студент Медико-Хирургической академии в Санкт-Петербурге. Восьмидесятые годы 19 века (с 1881 до 1886 г.).
Фотография Л. Клювера (Людвиг Клювер). г. Санкт-Петербург.
Бланк паспарту изготовлен в литографии «Э.И. Глейцман С.П.Б. и Москва»

Александр Поликарпович Шишов родился 5 декабря 1860 года[3]. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге[4]. Женился на Марии Ивановне Волковой. Супруга А.П. Шишова

---

[1] *Шишов А.* Таджики. Этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – 392 с.; *Шишов А.* Тоҷикон. – Душанбе: «Андалеб-Р», 2015, - 464 с.

[2] Фото размещено на портале «Форумы SU» (название темы: «Фото офицеры РИА Анненское оружие 16-й Сибирский стрелковый. [Электронный ресурс]. URL: https://forums-su.com/viewtopic.php?f=167&t=675869)

[3] По другим данным А.П. Шишов родился в 1859 году.

[4] С 1881 года – Императорская Военно-медицинская академия.

родилась 20 февраля 1859 г. в Екатеринбургской губернии в семье кассира Березовского завода. Окончила Екатеринбургскую женскую гимназию и под влиянием романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» решила не ограничивать свое будущее исключительно супружескими обязанностями, а получить специальность и посвятить свою жизнь служению народу. Еще один роман «На новом пути» К. Долговой, героиней которого была женщина-врач, предопределил выбор профессии. Мария Ивановна переехала в Санкт-Петербург и с немалыми трудностями поступила на единственные тогда в России Высшие женские медицинские курсы. Успешно окончив их в 1886 г. получила специальность врача-гинеколога и педиатра. В этот же период они с А.П. Шишовым поженились. Выбор места службы был предопределен еще на четвертом курсе обучения Марии Ивановны, когда она встретилась с врачом из Туркестана, который рассказал ей об ужасном положении, в котором находятся женщины-узбечки. Отказавшись от выгодного направления на работу в Варшаву супруги выбирали Туркестан.

Первоначально они поехали в Казалинск, где Александр Поликарпович работал младшим врачом лазарета. Затем чета Шишовых перебралась в Коканд, поселились в старой части города, где муж снова поступил на службу в военный лазарет, а супруга также активно занялась врачебной деятельностью, в частности прививанием оспы у местного населения. В 1886 г. ей удалось добиться открытия в Коканде первой в Ферганской области амбулатории для оказания медицинской помощи женщинам и детям. В 1890 г. в ней было лишь 4 койки, спустя 2 года – уже 10. В дальнейшем амбулатория была преобразована в лечебницу на 25 коек. Часто роды протекали тяжело, так как узбечки выходили за муж очень рано, в возрасте 14-15 лет и были еще не готовы к материнству. Но большой трудностью было уговорить женщин-узбечек, боявшихся гнева мужа и осуждения семьи, лечь в лечебницу. Врачебную помощь, в том числе операционную, приходилось оказывать на дому, при отсутствии каких-либо для этого условий. Но все же доверие местных жителей постепенно росло. Помимо лечения Мария Ивановна убеждала родителей отдавать девочек в светскую школу. Для этого она добилась открытия в Коканде женской школы, которая расположилась в одной из комнат амбулатории. Преподавала в школе специально приглашенная учительница-татарка, знающая русский и узбекский языки. Продолжением профессиональной деятельности Шишовых стало их активное участие в деятельности Ферганского медицинского общества[1].

В 1897 г. Шишовы были переведены в Ташкент. Александр Поликарпович стал старшим врачом первого стрелкового Туркестанского батальона в Ташкенте. Скупые биографические данные оживляют воспоминания сослуживцев А.П. Шишова. Вот, например, что писал о нем в будущем выдающийся советский военачальник, Маршал Советского Союза

[1] *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX в. – Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. – С. 249 –252

Борис Михайлович Шапошников: «…старожилом батальона был старший врач статский советник Шишов. … При батальоне был небольшой приемный покой, в котором Шишов принимал больных. Давно бросив медицинскую науку, Шишов увлекался этнографией, написав ряд трудов об узбеках, их жизни и обычаях. Наш эскулап не прочь был выпить. Летом во время жары мы обыкновенно пили лимонад, добавляя в стакан рюмку коньяку, Шишов предпочитал иной способ утоления жажды: в чайный стакан он вливал рюмку лимонада, а остальное доливал коньяком и доказывал, что это прекрасное средство для утоления жажды»[1]. Впрочем, утверждение о том, что Александр Поликарпович забросил медицинскую науку представляется не совсем оправданным. Помимо исторических и этнографических исследований известны и собственно медицинские его работы, например: «Демонстрация диаграмм, иллюстрирующих заболеваемость и смертность гарнизона Туркестанского края за 25 лет, с 1884 по 1909 г.» (15. XI 1909). В то же время им был написан очерк истории города Ташкента.

Мария Ивановна в Ташкенте стала заведующей лечебницей для женщин и детей в старой (азиатской) части г. Ташкента, где очень скоро приобрела большую популярность.

Как и в Коканде супруги принимали самое активное участие в городских и общественных делах. После образования 1 февраля 1900 г. Общества туркестанских врачей Шишовы стали его действительными членами. Александр Поликарпович был избран библиотекарем Общества, а Мария Ивановна – его заместителем. Помимо этого, она была избрана членом ревизионной комиссии Общества, а также входила в состав сформированной 23 декабря 1899 г. комиссии по разработке мер борьбы с острозаразными болезнями в Ташкенте.

В конце 1901 г. Общество установило связь с журналом «Русский врач». По предложению редакции журнала Общество поручило А.П. Шишову составление «Писем из Туркестана». Было решено также систематически высылать редакции краткие отчеты о заседаниях Общества[2].

Доктор Шишов активно участвовал и в городских делах, возглавлял санитарную комиссию городской думы. Однажды этой комиссией было принято решение о закрытии за антисанитарию хлебопекарни по изготовлению выборгских калачей (или кренделей), владельцем которой был Великий князь Николай Константинович. Но уже на следующий же день князь снял для хлебопекарни помещение на противоположной стороне улицы и возобновил изготовление выборгских кренделей, пользующихся большой популярностью у ташкентцев.

Помимо этого, А.П. Шишов входил в состав группы ученых и общественных деятелей Туркестанского края, которые в начале 1918 года создали Общество ревнителей высшего образования. Стараниями этого

---

[1] *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. – М.: Воениздат, 1974. – С. 48.

[2] *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX в. – Ташкент, Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. – С. 224, 249-250.

общества 21 апреля 1918 года был открыт Туркестанский народный университет.

В Туркестанском крае у Шишовых родились пятеро детей: Владимир, Надежда, Александр, Виктор и Ольга. Старший сын, Владимир, впоследствии пошел по стопам отца став врачом, служил в больнице нового города, в качестве военного врача участвовал в Первой Мировой войне.

Средний сын, Александр (1894–1978), учился в Ташкентском кадетском корпусе, который первоначально являлся приготовительной школой для 2-го Оренбургского Кадетского корпуса. После успешного окончания курса школы кадеты переводились без экзамена в Оренбург сразу в 3-й класс. Позднее приготовительная школа была преобразована в самостоятельный Кадетский корпус, первый выпуск которого состоялся в 1908 году. Александр служил в звании поручика в 16-м Сибирском стрелковом полку, участвовал в Первой Мировой войне, кавалер ордена Св. Анны 4 степени. Был женат на Ксении Гавриловне Михайловой (1901–1985). У них было двое детей: Александр и Ольга.

Менее всего сохранилось информации о младшем сыне Викторе, о котором известно только то, что умер он в 1926 году.

Старшая из дочерей, Надежда (1891–1968), окончила гимназию. Вышла замуж за Александра Журавлева (1883–?). Они родили двоих детей. Младшая дочь, Ольга, в замужестве носила фамилию Кружеманцева.

Шишова Надежда Александровна, 5 июня 1907 года, г. Ташкент[1].
Подпись на обороте бланка паспарту: «Сестре Оле от Нади. 5/VI-1907, вторник».
Центральная фотография Ш. Немцовича (Шалом Арелович Немцович). Ташкент. Бланк паспарту изготовлен в типографии Товарищества Тальбот, Вильна.

[1] Архив автора

Шишов Александр Александрович, 23 августа 1907 года, г. Ташкент[1].
Подпись на обороте бланка паспарту: «На память дорогому брату Вите от брата Саши. 23/VIII-1907 года». Более поздняя надпись: «Мой папа Шишов Александр Александрович. Ему здесь всего 11 лет». Центральная фотография Ш. Немцовича (Шалом Арелович Немцович). Ташкент. Бланк паспарту изготовлен в типографии Товарищества Тальбот, Вильна.

Братья Владимир, Александр, Виктор Шишовы. 16 июня 1916 года, ст. Вязьма[2].
Открыточный формат. Подпись на обороте: «Дорогим нашим на память от братьев, отправляющихся в действующую армию. 16/VI-1916, ст. Вязьма Алекс. ж/д.». Подпись.

[1] Архив автора
[2] Фото размещено на портале «Форумы SU» (название темы: «Фото офицеры РИА Анненское оружие 16-й Сибирский стрелковый. [Электронный ресурс]. URL: https://forums-su.com/viewtopic.php?f=167&t=675869)

После революции Шишовы продолжили заниматься своей врачебной деятельностью и общественной.

А.П. Шишов работал школьным врачом при 3-ей детской поликлинике Ленинского района и педагогом. Продолжил он и свои исследования по этнографии и антропологии. В 1928 и 1929 годах опубликовал ряд статей об узбеках в журнале «Медицинский специалист Узбекистана». Когда 5 декабря 1935 г. отмечались 75-летие со дня его рождения и 50-летие врачебной и научно-общественной деятельности, приветствия были получены от Академии наук СССР, Туркестанского географического общества, лечебных учреждений и многих других организаций. В приветствии Отдела охраны здоровья детей-подростков Института санитарии и гигиены Наркомздрава УзССР говорилось: «Ваши научные труды по антропологии особенно ценны для нас … потому что на их базе мы строили дальнейшую работу по охране здоровья детей и подростков в Узбекистане. Желаем Вам еще многие годы служить примером для молодых врачей, которые будут работать также честно, самоотверженно, как это делаете Вы в течение полувека»[1]. Но к сожалению не во всем это пожелание исполнилось. Скончался Александр Поликарпович в Ташкенте 30 мая 1936 г.

Мария Ивановна в советское время также продолжила свою врачебную деятельность, которая нашла признание не только у населения, но и у местных органов власти. Уже 24 февраля 1919 г. Республиканский комитет профсоюза медицинских работников наградил ее почётной грамотой за ее безупречную долголетнюю работу в Туркестане. 13 ноября 1920 г. заведующий местным здравотделом направил М.И. Шишовой грамоту, в которой говорилось: «Исполнительный Комитет, учтя все трудности устройства лечебного дела в старом городе и (ваше) ревностное усердие в исполнении своего гражданского долга перед пролетариатом старого города, приказал мне благодарить Вас от имени исполкома». 27 ноября 1924 г. М.И. Шишова получила адрес от Старогородского здравотдела. В нем, в частности, отмечалось: «Научная медицина, увидевшая свет в Туркестане всего несколько десятилетий назад … Много энергии было потрачено на это Вами...». В принятом в этот же день приказе по Старогородскому исполкому работа Марии Ивановны характеризовалась как «высокополезная, долговременная и безупречная … не за страх, а за совесть. … Исполком Старогородского совета приносит Вам свою глубокую благодарность за проделанную Вами продуктивную работу и заносит Вас в список трудового пролетариата, как Героя Труда, преподнося на память золотые часы с надписью «Герою Труда доктору М.И. Шишовой от Старогородского исполкома»[2].

Официально звание Героя Труда было присвоено Марии Ивановне Президиумом ЦИК УзССР 5 ноября 1932 г. Практическую врачебную деятельность она прекратила по болезни только в возрасте 80 лет. В 1949 г.

---

[1] *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX в. – Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. – С. 258.

[2] Там же. С. 253

научно-медицинская общественность тепло отметила 90-летие со дня рождения М.И. Шишовой. В этом возрасте Мария Ивановна уже не выходила из дома, и чествование было проведено прямо у нее в квартире. В этом же году Мария Ивановна скончалась. Имя М.И. Шишовой было присвоено одной из больниц Октябрьского района Ташкента. Ее жизни и самоотверженному труду на ниве здравоохранения в 1960-е – 1980-е годы была посвящена небольшая исследовательская работа В.Ф. Яровеко, упоминается она и в публицистических статьях Ш. Рашидова, а сами Шишовы стали одними из героев произведения А.В. Алматинской «Гнет: Дыхание бури»[1].

Ибрагимов Э. Х., Олимов А. О.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ПУТЕШЕСТВИЯ И НАУЧНО–ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Николай Михайлович Пржевальский родился в селе Кимборы Смоленской губернии 12 апреля 1839 года. Отец, поручик в отставке, умер рано. Мальчик рос под наблюдением матери в имении Отрадное. Мать — Елена Алексеевна, урождённая Каретникова. Место, где располагалась деревня Кимборово (Смоленская область), находится в четырёх километрах от деревни Мурыгино Починковского района Смоленской области. Здесь установлен мемориальный знак.

По окончании в 1855 году курса в Смоленской гимназии Пржевальский определился унтер-офицером в Рязанский пехотный полк, получив офицерский чин, перешёл в 28-й пехотный Полоцкий полк. Затем поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В это время появились его первые сочинения: «Воспоминания охотника» и «Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края» (1863), за которые в 1864 году он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества. В «Военно-статистическом обозрении…» Николай Михайлович выдвинул смелый геополитический проект. Пржевальский, уклоняясь от кутежей, все время проводил на охоте, собирал гербарий, занялся орнитологией. После пяти лет службы Пржевальский поступает в Академию Генерального штаба. Помимо основных предметов, он изучает труды ученых-географов Риттера, Гумбольдта, Рихтгофена и, конечно, Семенова. Там же он подготовил курсовую работу «Военно-статистическое обозрение Приамурского края», на основе которой в 1864 году его избирают в действительные члены географического общества.

---

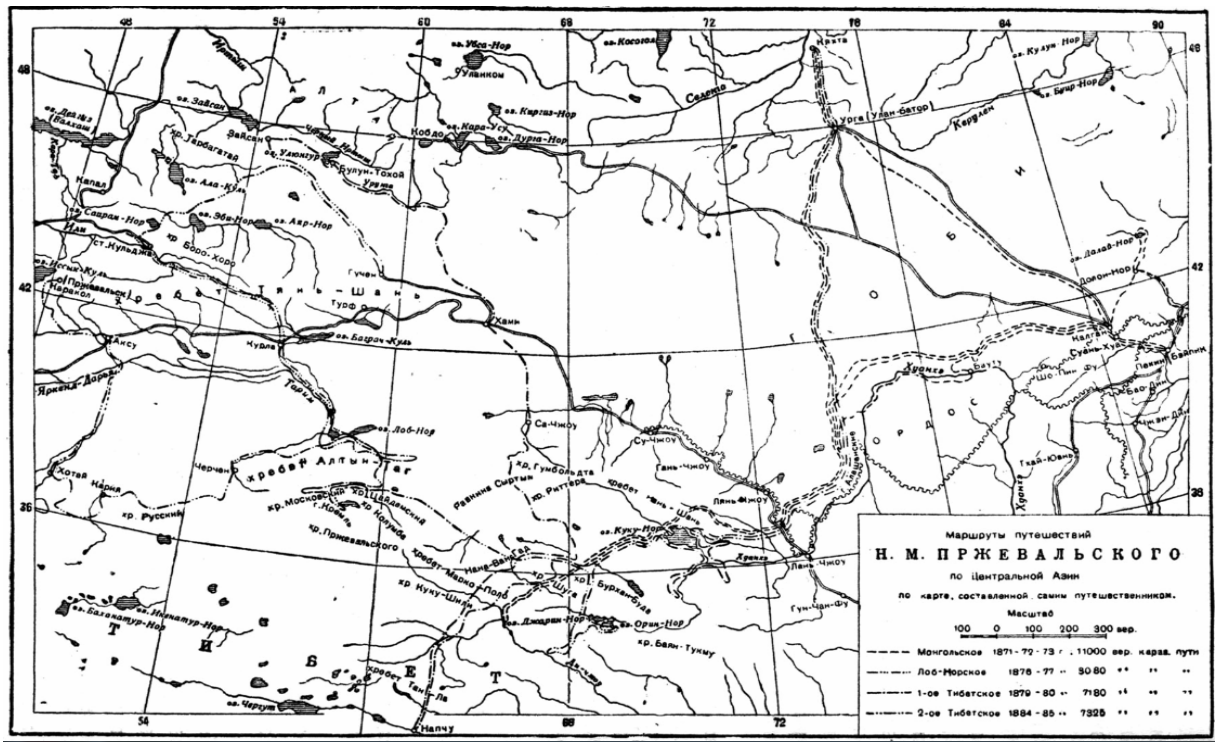
[1] *Яровенко, В. Ф.* Мария Ивановна Шишова. [1859-1949]. - Ташкент: Медицина, 1964. - 11 с.: портр.; 17 см. - (Портреты ученых/ М-во здравоохранения УзССР. Респ. дом сан. просвещения); Рашидов Шароф. Публицистические статьи. Собрание сочинений (Том 5). – М.: Худож. лит., 1980. – 462 с.; Алматинская А.В. Гнет: Дыхание бури. Том. 2. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1961.

Вскоре он добился перевода в Восточную Сибирь. С помощью Семенова Пржевальскмй получил двухлетнюю служебную командировку в Уссурийский край, а Сибирский отдел географического общества предписал ему изучить флору и фауну края. Два с половиной года провел Пржевальский на Дальнем Востоке. Тысячи километров пройдены, 1600 километров покрыты маршрутной съемкой. Бассейн Уссури, озеро Ханка, побережье Японского моря. Подготовлена к печати большая статья «Инородческое население Уссурийского края». Собрано около 300 видов растений, изготовлено более 300 чучел птиц, причем многие растения и птицы на Уссури обнаружены впервые. Он начинает писать книгу «Путешествие в Уссурийском крае».

В 1870 году Русское географическое общество организовало экспедицию в Центральную Азию. Начальником ее был назначен Пржевальский. Вместе с ним ехал подпоручик М.А. Пыльцов. Их путь лежал через Москву и Иркутск и дальше – через Кяхту в Пекин, где Пржевальский получил в китайском правительстве разрешение на путешествие. Он направлялся в Тибет.

Пржевальский первым из европейцев проник в глубинную область Северного Тибета, к верховьям Хуанхэ и Янцзы (Улан-Мурен), и определил, что именно Баян-Хара-Ула является водоразделом между этими речными системами. Он вернулся в Кяхту в сентябре 1873 года, так и не достигнув столицы Тибета – Лхасы.

По пустыням и горам Монголии и Китая Пржевальский прошел более 11 800 километров и нанес на карту (в масштабе 10 верст в 1 дюйме) около 5700 километров. Научные результаты этой экспедиции поразили современников. Пржевальский дал подробные описания пустынь Гоби, Ордоса и Алашани, высокогорных районов Северного Тибета и котловины Цайдама (открытой им), впервые нанес на карту Центральной Азии более 20 хребтов, семь крупных и ряд мелких озер. Карта Пржевальского не отличалась точностью, так как из-за очень тяжелых путевых условий он не мог делать астрономические определения долгот. Этот существенный недочет позднее был исправлен им самим и другими русскими путешественниками. Он собрал коллекции растений, насекомых, пресмыкающихся, рыб, млекопитающих. При этом были открыты новые виды, получившие его имя, – ящурка Пржевальского, расщепохвост Пржевальского, рододендрон Пржевальского. Двухтомный труд «Монголия и страна тангутов» (1875-1876) принес автору мировую известность, был переведен на ряд европейских языков.


Маршруты путешествий
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО
по Центральной Азии
по карте, составленной самим путешественником.
Масштаб
100 0 100 200 300 вер.
Монгольское 1871-72-73 г. 11000 вер. карав. пути
Лоб-Морское 1876-77 " 3080 " " "
1-ое Тибетское 1879-80 " 7180 " " "
2-ое Тибетское 1884-85 " 7325 " " "
Урга (Улан-Батор)
Кяхта
Кулун-Тохой
Хамы
Турфан
Лоб-Нор
Сучжоу
Ганьчжоу
Лянь-Чжоу
Гун-Чан-Фу
Напчу
Хотан
Яркенд
Кашгар
Аксу
Кульджа
Хребет Алтын-Таг
Равнина Сиртын
Хребет Тянь-Шань
Хребет Тан-Ла
Хребет Куку-Шили
Хребет Марко-Поло
Хребет Пржевальского
Хребет Русский
Хребет Московский
Хребет Кокшаальский
Хребет Черчен
Хребет Гумбольдта
Хребет Риттера
Хребет Шуле
Хребет Бурхан-Буда
Хребет Хрустальный
Хребет Ала-Тау
Хребет Ферганский
Хребет Хуанхе
Хребет Хуанхе
Хребет Ша-Шо-Пин-Фу
Хребет Тхай-Юнь
Хребет Ян-Ван-Дзы
Хребет Ян-Ван-Дзы
Хребет Тхай-Юнь
Хребет Хунгт
Хребет Ала-Тау
Хребет Ферганский
Хребет Кокшаальский
Хребет Черчен
Хребет Гумбольдта
Хребет Риттера
Хребет Шуле
Хребет Бурхан-Буда
Хребет Хрустальный

В начале июля экспедиция вернулась в Кульджу. Пржевальский был доволен: он изучил Лобнор, открыл Алтынтаг, описал дикого верблюда, добыл даже его шкуры, собрал коллекции флоры и фауны.

Здесь же, в Кульдже, его ждали письма и телеграмма, в которых ему предписывалось непременно продолжать экспедицию.

Во время путешествия 1876-1877 годов Пржевальский прошел по Центральной Азии немногим более четырех тысяч километров – ему помешали война в Западном Китае, обострение отношений между Китаем и Россией и его болезнь: нестерпимый зуд во всем теле. И все-таки это путешествие ознаменовалось двумя крупнейшими географическими открытиями – низовьев Тарима с группой озер и хребта Алтынтаг.

Отдохнув, Пржевальский в марте 1879 года начал путешествие, названное им «Первым Тибетским». От Зайсана он направился на юго-восток, мимо озера Улюнгур и вдоль реки Урунгу до ее верховьев, пересек Джунгарскую Гоби – «обширную волнистую равнину» – и определил ее размеры. Во время этого путешествия он прошел около восьми тысяч километров и произвел съемку более четырех тысяч километров пути через районы Центральной Азии. Впервые исследовал верхнее течение Желтой реки (Хуанхэ) на протяжении более 250 километров; открыл хребты Семенова и Угуту-Ула. Описал два новых вида животных – лошадь Пржевальского и медведя пищухоеда. Его помощник, Роборовский, собрал огромную ботаническую коллекцию: около 12 тысяч экземпляров растений – 1500 видов. Свои наблюдения и результаты исследований Пржевальский изложил в книге «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» (1883). Итогом трех его экспедиций были принципиально новые карты Центральной Азии.

Вскоре он подает в Русское географическое общество проект об исследовании истоков Хуанхэ.

В ноябре 1883 года началось очередное, уже четвертое путешествие Пржевальского.

За два года был пройден огромный путь – 7815 километров, почти совсем без дорог. На северной границе Тибета открыта целая горная страна с величественными хребтами – о них в Европе ничего не было известно. Исследованы истоки Хуанхэ, открыты и описаны большие озера – Русское и Экспедиции. В коллекции появились новые виды птиц, млекопитающих и пресмыкающихся, а также рыб, в гербарии – новые виды растений.

В 1888 году увидела свет последняя работа Пржевальского «От Кяхты на истоки Желтой реки». В том же году Пржевальский организовал новую экспедицию в Центральную Азию. Они достигли поселка Каракол, близ восточного берега Иссык-Куля. Здесь Пржевальский заболел брюшным тифом. Он умер 1 ноября 1888 года. На могильном надгробии начертана скромная надпись: «Путешественник Н. М. Пржевальский». Так он завещал. В 1889 году Каракол был переименован в Пржевальск.

Пржевальский лишь в очень редких случаях пользовался своим правом первооткрывателя, почти всюду сохраняя местные названия. Как исключение

появлялись на карте «озеро Русское», «озеро Экспедиции», «гора Шапка Мономаха».

Научные труды Пржевальского получили мировую известность и были изданы во многих странах. В 1891 г. в честь Пржевальского Русское Географическое Общество учредило серебряную медаль и премию его имени. В 1946 г. была учреждена золотая медаль им. Н.М. Пржевальского, присуждаемая Географическим обществом СССР. Именем Пржевальского названы: город, хребет в *системе Куньлуня,* ледник на *Алтае,* другие географические объекты, а также ряд видов животных (*лошадь* Пржевальского) и растений, открытых им во время путешествий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Использованы материалы с сайта http://100top.ru/encyclopedia/
2. *Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. 2-е изд. – М., 2012, с. 408.
3. Использованы материалы Советской военной энциклопедии в 8-ми томах, том 6.
4. *Мурзаев Э. М.* Н. М. Пржевальский. Изд. 2-е. – М., 1953.
5. *Юсов Б.В.* Н.М. Пржевальский. – М., 1985.

Пирумшоев Х.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ТАДЖИКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Несмотря на то, что России в начале XIX в. пришлось затратить много сил на ведение войн с Турцией (1806-1811 гг.), Ираном (1808-1809 гг.) и Швецией (1808-1809 гг.), результаты, их для России были удачными. В 1801-1812 гг. в состав России были включены: Финляндия, Восточная и Западная Грузия, Азербайджан, Дагестан, Ингушетия и Молдавия. Наконец, грозная но победоносная Отечественная война 1812 г., европейские походы и события разворачивающиеся в Европе после окончательного поражения Наполеона, неблаговидная роль жандарма Европы, «хотя и поглощали почти всецело внимание русского правительства, но все же, Александр I не проявлял равнодушия к русско-среднеазиатским отношениям с самого начала своего царствования.

Эмир Хайдар занял трон после смерти своего отца Шахмурада в 1800 г. Он всячески стремиля поддержать дружественную связь с Россией. В 1803 г. в Бухару было отправлено посольство под начальством Я.П. Гавердовского.[1]

[1] *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. – Т.XXII. – СПб., 1867. - №11. – С.43.

В декабре 1803 г. в Петербурге были послы из Бухары: диванбеги Мир Мухаммад Амин и курчибаши Мирзамухаммад Юсуф Байкшиев. Они были приняты Александром I и канцлером А.Р. Воронцовым. Тот же Амин посетил Россию в 1805 г.[1]

В целом, положительно характеризуя русско-бухарские отношения в начале XIX в. Н.А. Халфин пишет: «Теплый приём, оказанный всем приехавшим в начале XIX в., посланцам эмира Хайдара, удовлетворение почти всех их просьб и пожелания, правительства дружественные связи с Бухарой, изыскивало средства и возможности расширять торговлю, которая приносила доход обоим сторонам».[2]

Были и случаи, когда некоторые представители официальных кругов предлагали иным способом, т.е. силовым путем добиться улучшения торговых и дипломатических отношений с Бухарой. В частности это прослеживается в проекте одного из членов Комитета по азиатским делам князя Г.С. Волконского, предложившего применения силового и административного нажима обеспечить нормальную торговлю.[3] Но эти факты в общем осторожном отношении большинства представителей внешнеполитического ведомства российского правительства не были ярко заметными.

Одним из наиболее важных событий в истории взаимоотношении России с Бухарой является отправка миссии А.Ф. Негри в эмират в 1820 г. Она была организована по велению императора Александра I в ответ на просьбу эмира «видеть русского посольства Бухарии».[4] При анализе действия посольства А.Ф. Негри следует особое внимание уделить работе Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару»[5] как на одно из первых обстоятельных исследований, отражающих различные стороны жизни Бухарского ханства конца XVIII – начала XIX вв. Книга Е.К. Мейендорфа по справедливой оценке Н.А. Халфина является «едва ли не первое обстоятельное описание Бухары, принадлежащее перу европейского путешественника».

По данным Е.К. Мейендорфа численность населения Бухары составляла приблизительно 2.478.000, из них узбеки 1.500.000, таджики – 650.000, остальные туркмены (200.000), арабы (50.000), персы (40.000), калмыки (20.000), киргизы (казахи) и каракалпаки (6.000), евреи (4.000), афганцы (4.000), лезгины (2.000), цыгане (2.000). А в самом городе Бухаре по его

---

[1] Там же. – С.60.

[2] *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. – С.97.

[3] См. там же. – С.85-103.

[4] Просьба эмира Хайдара передана через посланцев во главе с Азимджан Мириджаном посетившем Санкт-Петербург в 1815-1816 г. и вторично в 1819-1820 гг.

[5] *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 182 с. Хотя отдельные ее отрывки печатались на русском языке в журналах «Северный архив», «Московский телеграф», «Мануфактура и торговля», «Казанский вестник», «Азиатский вестник» в 1825-1826 гг., но впервые данная книга одновременно была издана в 1826 г. в Париже и Йене на французском и немецком языках. На русском языке в переводе Е.К.Бетгера она появилась лишь 150 лет спустя, т.е. в 1975 г.

подсчетам проживало до 700.000 жителей, «три четверти которых таджики, в основном ремесленники».[1]

Е.К. Мейендорф с большой симпатией отзываясь о таджиках, пишет: «Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна – победившая и госпоствующая, другая – побежденная и подчиненная. Первую составляют узбеки, вторую – таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики оличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы… Лицо таджика всегда выражает самые совершенные кротость и безмятежность… Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они – купцы, ремесленники и земледельцы; кочевая жизнь не доставляет им никакой радости. Большинство умеет читать и писать, и, кроме духовенства, составляют наиболее цивилизованную часть бухарского населения»[2].

По сути Е.К. Мейендорф впервые ознакомил западноевропейских и русских читателей с таджиками.

Во второй четверти XIX в. число русских посетителей в Средней Азии по сравнению с предыдущими периодами увеличилось. По подсчетам Д. Голосова за второй четверти XIX в. кроме экспедиций, а их было около десяти, Среднюю Азию посетили свыше 60-ти русских посетителей.[3]

Среди посетивших край после Е.К. Мейендорфа касательно характеристики таджиков особый интерес представляют сведения члена посольства К.Ф. Бутенева организованного по просьбе эмира Насрулло в 1840 г., для содействия России в поисках драгоценных металлов в Бухаре, чиновника МИД, титулярного советника, «знатока племен» и участника хивинского похода (1839 г.) Николая Ханыкова.[4]

Хотя членами экспедиции были собраны «обширный и разнообразный материал для характеристики, как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения», но среди них особое место принадлежит труду Н.В. Ханыкова «Описание Бухарского ханства и материалы, собранные А. Леманом по флоре и фауне ханства».[5] Труд Н.В. Ханыкова не потерял своего значения и по сей день, благодаря общему содержанию материала, научного изложения, обоснованности заключения и вывода автора по всем многообразным проблемам, вовлеченным в орбиту своего исследования.

Касательно этнографической характеристики таджиков Н.В. Ханыков указывает, что таджики являются коренными жителями края, они впервые начали обрабатывать эту землю, возделывать поля и сады, отличаются своим трудолюбием. Но нашествия арабов нарушили их размеренную жизнь. Затем

---

[1] Там же. – С.95.

[2] *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С.103 - 105.

[3] См. список: *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1839 году отряда русских войск под начальством генерал-адъютанта Перовского // Военный сборник. – Т.XXIX. – СПб., 1963. - С.15-16. – Примеч. 17.

[4] *Халфин Н.А. Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. – М.,1977. – С.19-20.

[5] См.: *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.

автор упоминает об их самостоятельном управлении и развитии в период Саманидов. Их династия, отмечает Н. Маев, «окончательно низвергнута узбеками». Он так же указывает на череду завоевательных войн со стороны татаро-монголов, от которых край окончательно избавил Тимур (видимо он неперечислял Тимура к узбекам). Говоря об упрочения власти узбеков, Н. Ханыков пишет, что «Узбеки опять стали теснить наследников его (имеет ввиду Тимура. – Х.П.) и в конце XV столетия снова завладели Мауеро-иняхром (Мавераннахром. – Х.П.) в котором они доныне господствуют»[1]. Следует заметить, что Н.Ханыков отмечая, что таджики «составляют главное народонаселение города Бухары» вместе с тем выдвигает предположение о том, что «в других городах их вовсе нет или очень мало»[2]. Причиной этого неверного его вывода заключается в том, что он кроме г. Бухары, не посещал других местностей ханства.

О результатах своего сопоставительного наблюдения между таджиками и узбеками Н. Ханыков пишет:

«Узбеками наружности своей много напоминают племена монгольские… По образу жизни их надобно разделить: на оседлых, на кочующих земледельцев и на кочующих, нельзя определительно сказать которые роды преимущественно принадлежать к одному из вышеназванных отделов (по определению Н. Ханыкова из 97 родов в Бухаре проживало: мангыти, Хытаи, Найманы, Кипчаки, Сараи, Кунгурады, Туркмены, Араляты. Бузачи, Дурманы, Ябу, Джуды, Джуюти, Бяташи, Багрини, Кырки, Унги, Унгачати, Калмани, Катагани, Галячи, Узои, Чильджути, Киреити, Гурляти, Юйхуни, Уйгури, Татари, Чагатаи, Аймаки, Карлыки, Каучини, Курамийцы. – Х.П.), потому что из всех родов есть городские жители и почти из всех кочующие. Оседлая жизнь их общая с таджиками, хотя конечно в домашнем быту первых, заметно более утонченности, которую они невольно заимствуют в государствах более образованных посещаемых ими по делам торговли»[3].

Далее, он, указывая на нравственные их различия, отмечает: «О нравственность узбеков можно сказать, столько же мало хорошего, сколько о нравственности таджиков, впрочем, надобно заметить, что они гораздо проще в обращении, но зато они легче решаются на разбой, на убийство и на грабеж, нежели таджики»[4].

Следует заметить, что Н. Ханыков и в последующие годы, не переставая изучать таджиков, приводил немало ценных сведений об этническом происхождении таджиков, их место в истории и культурной жизни Средней Азии. Это особенно заметно в его работах посвященных изучению истории и этнографии персов[5].

---

[1] *Ханыков И.* Описания Бухарского ханства. – СПб., 1843. – С. 53-55.
[2] Там же. – С. 55.
[3] Там же. – С.66-67.
[4] Там же. – С.69-70.
[5] См.: *Ханыков Н.В.* Экспедиция в Хорасан (перев. с франц.). – М.: Наука, 1973. – С. 8,12,59,94; *Он же.* Записки по этнографии Персии (пер. с франц.). – М.: Наука, 1976. – С.30, 63, 59, 102 и др.; *Он же.* Примеч. ко 2-й главе кн. К.Риттера. Жители восточного рубежа Ирана, аборигены и

«Вообще таджики, – пишет он, – хорошо сложены, их отличают густые черные бороды; по характеру – это веселые, остроумные деятельные люди, но легкомысленны, любят роскошь и торжественность обрядов». Г-н Перти относит персов к арийско-океанической расе, представителям которой, по его мнению, присущи следующие основные особенности: «Овальной формы головы, открытий лоб, выступающий нос; скулы на щеках либо небольшие, либо едва заметны. Глаза продолговатого разреза, часто голубые, волосы светлые, каштановые и черные, бороды густые, кожа более или менее светлая, на щеках румянец»[1].

Касательно отличительных черт и сходства таджиков и персов Н. Ханыков заметил: «Персы, или таджики (как они ими себя называют), – весьма распространенный в Азии народ. Они расселились на Иранском нагорье до реки Инд; их встречают даже в Туране и в Западной части Верхней Азии. Они основали поселения в России и в Сибири… Таджики, проживающие в современной Персии, среднего роста, светлокожи, с живым и острым умом. Они вежливы, но в их характере вследствие подчинения деспотической власти выработались черти лживости, угодничества и плутовства, склоны к чувственным удовольствиям»[2].

Все это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. в русской историографии появляются более конкретные сведения о таджиках. Другими словами, к началу присоединения Средней Азии к России в востоковедческих кругах России уже появляется более четкое представление о таджиках. В этом плане не мало сведении о таджиках проникало через работы западноевропейских путешественников, представителей дипломатических и разведывательных кругов.

Махмудов О. Р.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ОТ ГЕОГРАФИИ ДО ДЕМОГРАФИИ ХОДЖЕНТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

С конца 60-х годов XIX века в Средней Азии, в частности и на территории Северного Таджикистана, вели научные исследования отдельные группы ученых и различные научные общества, сложившиеся в Ташкенте[1]. Их прежде всего интересовали естественные богатства, недра земли и производительные силы Худжандского округа, типы хозяйственной деятельности населения, вопросы и состояние ирригационных сооружений и земледелия.

переселенцы. Таджики. См.: *Риттер К.* Иран. Перевел и дополнил Н.В. Ханыков. – СПб., 1874. – С.551-592.

[1] *Ханыков Н.В.* Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977. – С.70.

[2] Там же. – С.82-83.

На первых порах эти крупномасштабные работы и исследования нашли свое отражение на страницах газеты «Туркестанские ведомости», которая выходила на русском языке с 1870 г. по 1917 г[2]. В газете привлекались и печатались ученые, в частности В.В. Бартольд, Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, В.Ф. Ошанин, Н.Н. Пантусов, И.В. Мушкетов, Г.А. Арандаренко, А.Д. Гребенкин, А.Л. Кун, А.П. Хорошхин, А.А. Кушакевич и др., научная деятельность которых была тесно связана с изучением истории, этнологии, краеведения, культуры и промысла и занятия таджикского народа.

Многими своими успехами русская администрация обязана первому начальнику Худжандского уезда, ученому – энтомологу и весьма просвещенному офицеру А.А. Кушакевичу (1827-1882). Согласно исследованию Ш.Т. Юсупова, А.А. Кушакевич являлся также историком хозяйства и топографом края. Еще в 1866 году он был назначен председателем комиссии по организации Худжандского уезда, а затем и его начальником. В последующие годы А.А. Кушакевич объехал все города, кишлаки и аулы и составил расспросную карту Худжандского уезда. Он собрал значительный материал по различным направлениям типов хозяйственной деятельности населения, в том числе и города Худжанда. А.А. Кушакевич опубликовал на страницах серииного издания «Туркестанский сборник» и газеты «Туркестанские ведомости» многочисленные статьи по вопросам уровня и состояния сельского хозяйства, ирригации, садоводства. Именно его перу принадлежат интересные наблюдения по хозяйственному районированию традиционной земледельческой культуры, например, хлопководства, зерноводства, огородничества, возделывания бахчевых культур и др[3]. Его весьма удивил широкий размах уровня и состояние ремесленного производства и торговли города Худжанда. По материалам, собранным А.А. Кушакевичем в Худжанде в конце 60-х годов XIX в., на 17 тыс. населения имелось 8 меднолитейных мастерских медников, 50 маслобойн, 48 мясных лавок. Количество торговых лавок и ремесленных мастерских составляло 1141[4]. По инициативе А.А. Кушакевича в 1867-1970 гг. в Худжанде состоялась первая выставка народного творчества ремесел Худжанда[5]. В целом он дал более правильную оценку экономическому состоянию и потенциалу города Худжанда, и Уратюбе (ныне Истаравшан). Уже в те годы ремесленники Худжанда производили более 270 наименований ремесленной продукции, включая письчую бумагу. За свое исследование «Топографическое описание Ходжентского уезда» А. Кушакевич был награжден русским географическим обществом серебряной медалью[6].

В конце 60 – х гг. XIX левобережье Сырдарьи в районе Фархадских ворот стало местом ирригационной и мелиоративной деятельности людей. Дело в том, что группа инженеров-топографов Самарканда подготовили проект орошения Худжанда водами Сырдарьи. Как известно город Худжанд и его пригороды постоянно ощущали крайнюю нужду в орошении своих поливных земель. Мимо него – как писал А.П. Федченко – протекала Сырдарья

размером больше, чем Рейн, но оросить ее водами посевных земель было невозможно.

В связи с этим начались поисково–изыскательские работы по освоению пригорода кишлаков Костакоз, Исписар, Котма, Овчи-калача, Гулякандоз и Нау, включая районы Голодной степи, с целью орошения названных кишлаков водами Сырдарьи и посева там хлопка. С этой целью там производилась нивелировка левобережной части реки, начиная от районов современной плотины Фархад на западе и до крепости Махрам на востоке, включая названные местности пригорода Худжанда. Работа по нивелировке была завершена в 1870 году. Согласно одному из проектов, головную часть канала предполагалось поместить в районе крепости Махрам, и тем самым можно было обеспечить надежный самотек воды по каналу, открывающий возможность оросить также черезводовода не только плодородные земли окраин Худжанда, но и Голодной Степи. Практические работы начались только в 1885 г. В этой связи в селении Хаштияк Спитаменского района был заложен поселок Запорожский, куда были переселены русские крестьяне из Запорожья. Однако первому проекту не суждено было осуществиться. Водоприемник второй очереди канала позже переименованный в «Канал Императора Николая I», поместили в 2 км. восточнее сельской общины Бекабад, помешавшаяся в то время на левобережье Сырдарьи, несколько ниже современной Фархадскской плотины. Позднее водоприемник этого канала переместили несколько ниже селения Коштегирман, а трасса канала прошла южнее городища Мунчактепа[7].

Эпопея с проблемой орошения Голодной степи каналами, проложенными по левому берегу Сырдарьи и прилегающими к Худжандскому уезду, продолжались до 1913 г. Открытие последней очереди каналов, состоялась в 1913 г. на котором присутствовал Худжандский поэт-просветитель Тошходжа Асири. В своей стихотворной оде «Восхваление канала Бекабад» поэт отразил подлинную мечту таджикского и узбекского крестьянина оросить безжизненную голодную степь[8].

Большой вклад русские исследователи внесли и в изучение полезных ископаемых Худжанда и его округи. Интерес к подземным кладовым Средней Азии у России появился со времен правления Петра I в связи с так называемым вопросе о «песочном золоте». Для этой цели Петр I в 1718 г. направил в Среднюю Азию своего посла Флорио Беневени, который за время своего пребывания в Бухаре с 1718 по 1725 гг. посетил также районы Ферганской долины и в своем дневнике сообщал, что «Золота песочного довольно по Сырдарье, а наипаче под Ходжентом, городом по вершине той Сыр реки»[9]. Он направил в Петербург образцы песочного золота, добываемые золотомойщиками Худжанда. Флорио Беневени сообщает также, что песочного золота можно отыскать также в Андижане и Маргелане. Он также сообщает,что «Оное золото привозят сюда (либо в Ходжент или Бухару) на размен золотых (монет) или на товар. Своего золота и, своих приисков у России тогда еще не было»[10].

У Петра I, затеявшего невиданные по размаху строительные работы в Петербурге, была заинтересованность, в приобретении золотых приисков Средней Азии, в том числе на Сырдарье.

В 1813 г. переводчик Ф.Назаров, проезжавший по дороге из Ташкента в Коканд, в районе поселка Кансай увидел рудокопов, добывающих бирюзу. Вот что писал он: По тракту на Коканд мы прошли мимо горы Ходжент, в 15 верстах от горских жителей. По дороге находятся обработанные поля, а вокруг горы вырытые ямы, где ташкентцы добывают бирюзу[11].

Как теперь установили геологи, этот карьер находился в горах Карамазара, в местности Фирузакон, расположенный в 40 км. к северо-востоку Худжанда на южных предгорьях Карамазара между Кураминским хребтом и горами Мевагул. На поверхности месторождения геологами отмечены 4 древние выработки карьера, переходящие в подземные выработки. Здесь в средние века добывали высококачественную небесно-голубую и голубовато-зеленую бирюзу. Первый начальник военного гарнизона Худжанда полковник И.Г.Фавицкий в 1867 г. отправил в Петербург в Российское географическое общество несколько образцов минералов худжандских гор, в том числе бирюзу, полученную в Фирузаконе местными рудокопами Мулло Сангдном и Муллой Авезом[12]. Геолог Г. Д. Романовский, посетивший район Фирузакона в 1874 г., нашел там куски чистой бирюзы, размером около 3/4 дюйма толщины и 1 дюйма длины. Он полагал, что с помощью шурфовки можно найти и более чистую и крупную бирюзу. Т.Д. Романовский дал также рисунок небольшого участка копии[13].

Большой вклад в изучении природных богатств худжандского округа внес Мушкетов И.В. (1850-1902). В 1872 г. Он окончил Петербургский горный институт. В 70-х годах XIX в. в горах Тянь-Шаня и в районе Худжанда его отряд открыл ряд месторождений полезных ископаемых. Изучил геологическое строение месторождений (угля, меди, олова и серебра) в горах Карамазара. В 1875 г. и позже неоднократно посещал Худжанд. В 1881 г совместно с Г.Д. Романовским составил первую геологическую карту Туркестана. В 1877-1879 гг. И.В. Мушкетов совершил большое путешествие с целью геологической разведки на Памир, в Бухару, Гиссар, а также по р. Амударье[14].

В 1881 г. И.В. Мушкетов предпринял экспедицию на Заравшанский ледник. Ученый впервые выдвинул подлинно научную концепцию геологического строения Средней Азии, а также установил последовательность ее формаций[15].

И.В. Мушкетов в конце 70-х годов XIX в. вновь вернулся в район Худжанда. Он начал исследовать геологическое строение горы Моголтау, а также юго-западную часть Кураминского хребта. Первые сведения о геологическом строении северо-западного предгорья Туркестанского хребта связаны именно с именем И.В. Мушкетова. Ученый, в частности, на левом берегу горной речки Аксу близ селения Тагояка и крепости Нау, обнаружил золотоносные прослойки, размером 4 аршин[16].

И.В. Мушкетов в 1877 г., будучи в Худжанде, посетил горы Моголтау и бирюзовые копии в районе Бирюзасай[17]. Он же в своей капитальной работе привел перечень минералов, обнаруженных им в горах близ Худжанда и Истаравшана. В частности, он пишет о том, что «медный блеск» можно обнаружить в окрестностях Истаравшана,[18] кварц и халцедон в худжандских горах. Горный хрусталь, аметист найдены по реке Пскему. Опал и агат обнаружены в верховьях реки Чоткала, гранат и бирюзив горах Карамазара. Очень темно-серый мрамор найден в горах Карамазыра, близ города Худжанда[19].

Еще в начале XVI в. тимуридский царевич Мирза Бабур отмечал следующее: «К северу от крепости Худжанда и реки Сейхун, которая протекает мимо (Худжанда), стоит гора Мевагул. Говорят на этой горе находятся бирюзовые месторождения»[20].

В 70-80-х годах XIX в. город Худжанд стал одним из центров геологических изысканий русских исследователей. По инициативе русских ученых были открыты в южной части Кураминского хребта, особенно в районе Карамазара, богатейшие залежи многих полезных ископаемых, в том числе меди, серебра, сурьмы, свинцовые, марганцовой руды, золота, селитры, соли, озокерита и др.

В 1867-1868 гг., в зимнее время, для обогрева солдатской казармы крепости Худжанда, по инициативе первого начальника военного гарнизона полковника П.Г. Фавицкого, в 40 км к юго-западу от Худжанда, в местности горной речки Кокин-сай было обнаружено месторождение каменного угля. Разработка и добыча угля этого карьера были весьма выгодны, и в 1868 г. к её разработке вступил, упомянутый нами полковник П.Г. Фавицкий.

Месторождение каменного угля, разрабатывающееся полковником П.Г. Фавицким, состояло из 6 параллельных пластов, выходящих на земную поверхность в урочище Кокина-сай. В 1868 г. уголь, добытый из копии, был доставлен в Худжанд, где был использован для отопления зданий. В 1869 г. 16000 пудов угля было доставлено к Ирджарским порогам по цене 40 коп за один пуд для нужд паровых судов Аральской флотилии для навигации 1870 г. В открытии названной угольной копи активное участие принимали и местные жители - рудокопы.

На копях Кокин-сая главным образом работали таджики из города Худжанда и киргизы из окрестных местностей. Результаты добычи каменного угля из Кокин-сая за 1868-1871 гг. составили 105000 пудов. Уголь добываемый в копях, поставлялся по казенным и частным заказам в Худжанд, Спитамен, Истаравшан на урочище Ирджар и для нужд Аральской флотилии[21].

В том же, 1866 г., по поручению начальника физического отдела Туркестанской ученой экспедиции Н.А. Северцова, горный инженер и заведующий горной партии штапс-капитан Никольский произвел горно-разведочную поездку для научных изысканий на территории Худжандского уезда, в ходе которой на северо-западе от Худжанда были обнаружены выходы кристаллических пород сланцев в селении Бурлык-бурлытау. Здесь же было

обнаружено месторождение гипса, разработанного местными жителями и употребляемого на беление стен и домов[22].

В 1874 г. ученые-геологи И.В. Мушкетов и Г.Д. Романовский посетили месторождение каменного угля Кокин-сай и это месторождение ими было признано самым лучшим в Туркестанском крае.

В начале XX в. это месторождение принадлежало предпринимателю Е.М. Краузе и являлось главным конкурентом вновь открытых богатых залежей каменного угля в Сулюктинском ущелье, где промышленником Н.А. Овсянниковым было создано промышленное предприятие. Урочище Сулюкта находилось в Исфанейской волости Худжандского уезда. В 1904 г. к разработке каменного угля здесь приступили ташкентские предприниматели Н.А. Овсянников и Т. Глаз. В месторождении Сулюкта уголь добывают и в настоящее время. Этим углем пользуются жители Худжанда, жители Джаббар Расуловского района и других населенных пунктов Согдийской области.

В 1878 г. в Ферганскую долину была организована экспедиция академика А.Ф. Миддендорфа вместе с его помощником-ботаником Смирновым. Приезд ученого в Худжанд пришёлся на зимнее время. Он в своем капитальном труде «Очерки Ферганской долины» писал о том, что в этот период Сырдарья становится очень маловодной. Он видел на дне реки огромные каменные валуны, скатившиеся с гор Моголтау во время землетрясения[23].

Интерес русских исследователей и предпринимателей к богатым недрам Худжанда был вызван еще и тем, что город Худжанд в географическом плане располагался на очень выгодном месте, особенно для торговли. Один безымянный автор в «Записке о значении Бухарского ханства для России» придавал важное значение Худжанду в торговле между Бухарой и Кокандом. Автор записки отмечал, что «Ходжент играл важную посредническую роль в торговле между Кокандом и Ташкентом. Все товары, привозимые из России и предназначенные для Кокандского ханства и Восточного Туркестана, отправлялись прямо в Коканд через Ходжент, который служил как бы воротами к Коканду»[24]. Данная записка была составлена в 1867 году.

Исследование богатых недр Кураминского хребта продолжалось и в последующие годы. Так в 1913 и в 1914 гг. А.И. Касатанье в руднике Кони Мансуре произвел долгосрочное исследование и определил, что появление многочисленных шахт связаны с многовековой добычей полезных ископаемых.

Геолог и палеонтолог В.Н. Вебер (1871-1940) в 1915 г. посетил Худжанд и в горах Карамазара открыл месторождения свинца, мышьяка, угля. Полиметаллические месторождения Кансая он определил как самые перспективные и впервые описал Кштутское месторождение угля[25]. В этой благородной работе русским ученым активно помогали местные рудокопы, такие как: Мулло Сангин, Мулла Авез, Эшонходжа Усманов из квартала Ниёз Декча. Последний имел достаточное представление о химии и металлургии чугуна и других сплавов[26].

На город Худжанд, как на один из развитых центров шелководства, обратили свои взоры ученые-энтомологи В.Ф. Ошанин и Г.А. Лопатин. В 1881 г. они посетили Худжанд, где познакомились с шелководством, а также с опытом народных селекционеров. В.Ф. Ошанин лично изучив шелководство, одновременно посетил мастерские ремесленников в их домах[27]. А.А. Кушакевич и В.Ф. Ошанин и двое ученых – энтомологов помогали коконоводам Худжанда в борьбе против шелковичной болезни.

По сведениям А.А. Кушакевича худжандцы ежегодно производили белее 10 тыс. пудов ценных сортов кокона. В 80-х годах XIX в. производство кокона выросло в Худжанде почти вдвое. В 1881 г. в городе было заготовлено 28262 пуда кокона. Другой пример, если в 1892 г. в Самаркандской области насчитывалось 546 шелкомотальных мастерских, то из этого количества 475 находились в Худжандском уезде[28]. В связи с чем А.А. Кушакевич еще в 1867 г. восклицал, что в Худжанде лучшие вышивальщики шелком по сукну и кожи[29].

Как явствует из источников, к борьбе с болезнями шелковичных червей автивно подключился также А.П. Федченко. Так, например, он путешествуя по Кокандскому ханству в 1871 г., обнаружил болезнь чибрины у худжандских шелковичных червей. И по возвращении из Коканда сразу обратил на эту проблему внимание администрации и специалистов, которые приняли меры против распространения данной болезни. А.П. Федченко также считал, что шелководство в Худжандском уезде было развито сильнее, чем во всякой другой местности Средней Азии. По сведениям составителя «Путеводителя по Туркестану», на выставке шелководов, организованной с 28 августа по 10 сентября 1900 г. в городе Самарканде, особое внимание посетителей привлекали экспонаты худжандского шелковода Мирсалеха Заитбаева, который из всех местных шелководов первый приобрел микроскоп и научился пользоваться для наблюдения за болезнями шелкопряда. Представленная им целлюлярная грена была удостоена серебряной медали[30]. В этом была большая заслуга и русских ученых этимологов А.П. Федченко и В.Ф. Ошанина. Тот же А.П. Федченко в апреле 1871 г. по дороге в Коканд остановился в Худжанде, осмотрел худжандский паром и высоко отзывался о нем. На пароме Худжанда впервые были применены весла, что весьма обрадовало А.П. Федченко[31].

Ученый имел также прямые контакты с местным населением и высоко отзывался о них.

Другой худжандский изобретатель Мирсодиков Мирвали, примерно в те жегоды изобрел высокопроизводительный ткацкий станок, получивший название «дуконимошина». На этом станке он внедрил ткань бумажной и шелковой материи хоса и дорби шириной до 120 см[32].

В рассматриваемое время русские исследователи проделали также большую работу и в области истории, этнографии и культуры Худжанда и его округи. В числе таких энтузиастов на первом месте стоял А.Л. Кун.

А.Л. Кун в 1870 г., сразу же по завершении Зарафшанской экспедиции, с группой русских ученых, в числе которых находился и автор «Дневника

Искандеркульской экспедиции» Мустаджир, посетили Худжанд. А.Л. Кун и позже, в связи с изучением истории Кокандского ханства, неоднократно проездом посещал Худжанд. В личном архиве ученого, хранящемся в Петербургском, отделении Институтов археологии и Востоковедения, мы обнаружили его личные полевые этнографические и археологические отчеты за 1870 г., проведенные им в Худжанде. Один из них, к примеру, озаглавлен так: «Загадки, приметы, пословицы и поговорки жителей Ходжента». В другой пожелтевшей тетради мы находим список мазаров, мечетей, медресе и кварталов города, составленный на арабской графике. Очень возможно, что этот отчет был подготовлен по поручению А.Л. Куна его самаркандским знакомым по Искандеркульской экспедиции Мирзо Мулла Абдурахман Мустаджиром[33].

Кун А.Л. родился в Ставропольской губернии. Окончил в 1865 г. Петербурский университет. В ноябре 1867 года был направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. В 1871-1872 гг. участвовал в Искандеркульской экспедиции генерала Абрамова. В ходе этой экспедиции ознакомился с бытом, языком, в том числе населения горного Ягноба, с памятниками истории и культуры таджикского населения Верхнего Заравшана. В 1872 году на одном из заседаний Туркестанского ученого общества А.Л. Кун сделал обстоятельный доклад на тему «Ягнобцы». Он был одним из первых, кто высказал мысль о том, что ягнобцы являются потомками согдийцев.

В 1870 г. А.Л. Кун произвел археологические раскопки пригородной местности Арал. В 1871 г. губернатор края К.Д. Кауфман направил полевой отчет А.Л. Куна в Российское императорское археологическое общество, с заголовком «Описание местоположения старого Ходжента, называемого также туземцами Арал (Остров)». А.Л. Куну принадлежит также заслуга в составлении схематической карты Худжанда. Одна из особенностей данной карты заключается в том, что в неё А. Кун, помимо обычных общественных кладбищ города, отметил особыми кружками и пунктирами, находящиеся в пределах усадеб горожан семейные кладбища, называвшиеся «дахмак»-ом. Подобное захоронение О.А. Сухаревой зафиксировано в Бухаре, а в XV в. и в Герате.

А.Л. Кун также сфотографировал несколько архитектурных памятников Худжанда и Истаравшана, в том числе отрезок крепости «Боги Хаким» в Худжанде и поместил их в своем альбоме. Данный альбом по предложению Генерал-губернатора края Кауфмана было предложено поместить на Политехнической выставке, которая открылась в 1871 г. в Ташкенте. В настоящее время «Альбом А.Л. Куна» хранится в библиотеке Салтыкова-Щедрина в г. Сан Петербурге.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Кушакевич А.А.* Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе 1990. – С. 7.

2. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С. 414.
3. *Кушакевич А.А.* Сведения о Ходжентского уезда. // ЗИРГО по общей географии 1871 г. Т.4. – Самарканд, 1872. – С. 24.
4. Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе. – С. 96.
5. Краеведческие этюды в «Таджики» Б.Гафурова // Академик Бобохон Ғафуров ва масъалахои тахкики таърихи халки точик. – Худжанд, 2008. – С. 167.
6. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С. 414.
7. *Мирбобоев А.К.* География и экология бассейне Сырдарьи. Глава из книги: «Дахмаки куркота» (материальная культура уструшаны) Вып. 6. – Душанбе, 2003. – С. 283.
8. *Шарипов Х.* Наш родной очаг. – Худжанд, 2007 (на таджикском языке). – С. 31.
9. Посланник Петра I на Восток. Посольства Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718 по 1725 гг. – Москва, 1986. – С. 130.
10. Там же. С. 81.
11. *Мирбобоев А.К.* Бирюза Ходжентская // Коммунист Таджикистана. – 27.12.1987. – С.161.
12. Туркестанский сборник. – Т.16. – С. 239.
13. *Рамоновский Т.Д.* Об исследованиях месторождений некоторых общеполезных минералов, находящихся в Сырдарьинской Области // Записки русско- технического общества. – СПб., 1875. – Вып. 9. – С.15.
14. *Мушкетов М.В.* Собрание соч. – Вып. 1-2. – СПб; 1910., 1912. – С. 3.
15. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С.515.
16. *Мушкетов М.В.* Собрание соч. – Вып.1-2 СПб; 1910., 1912. – С.214.
17. Там же. С. 3.
18. Там же. С. 104.
19. Там же. С. 105.
20. Бобур- наме. Записки Бабура. – Ташкент, 1989, или 1958. – С. 12
21. *Негматов Н.Н., Мальцев Ю.* Из истории добычи каменного угля в Худжантском уезда Туркестанского края (тезисы докладов международной конференции, посвященной 60-летию Таджикской-Памирской экспедиции. – Худжанд, 1994. – С. 79.
22. Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей. – Душанбе. – С. 89
23. *Мейдорф Е.К.* Очерки Ферганской долины. – СПб. 1882. – С. 223
24. *Кушакевич А.А.* Сведения о Ходжентского уезда. // ЗИРГО по общей географии 1871 г. Т.4. – Самарканд, 1872. – С. 23-24
25. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С. 197.
26. *Шарипов Х.* Наш родной очаг. – Худжанд, 2007 (на таджикском языке). – С. 197.
27. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С. 578.

28. *Шохназаров А.И.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб., 1908. – С. 388.
29. *Кушакевич А.А.* Город Ходжент и Ура- тюбе // Материалы по статистике Туркестанского края. – Вып. 1. – Спб; 1872. – С. 52.
30. Путеводитель по Туркестану и среднеазиатской железной дороге с историческим очерком. // Шелковое дело (Русский Туркестан) Ташкент-1905. – С. 158.
31. Худжанд. Энциклопедия. – Душанбе, 1999. – С. 582.
32. Там же. С. 490
33. Архив востоковедов. ИВАН СССР. Фонд А.Куна.

Денисов Д. Н.
(г. Оренбург, Российская Федерация)

ОРЕНБУРЖЦЫ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА ТАДЖИКИСТАНА

В советское время на основе новых принципов государственной организации науки было налажено систематическое исследование природных ресурсов и производительных сил всех регионов и республик СССР, в том числе и Таджикистана, для наиболее полного задействования, раскрытия их потенциала в народном хозяйстве и повышения уровня социально-экономического развития, благосостояния населения. Это предусматривало не только организацию регулярных экспедиций, но и переход к стационарным исследованиям на основе создания сети местных образовательных, научных, академических центров, подготовки национальных кадров.

Свое участие в этой важной работе на территории Таджикистана приняли и уроженцы Оренбургского края, прежде всего, в сфере изучения ботаники, физиологии растений, процессов их фотосинтеза и водопотребления, организации на научных основах растениеводства, акклиматизации и внедрения в культуру новых видов диких растений для использования их сырья в промышленности и фармацевтике.

Пионером исследований физиологии растений не только в Таджикистане, но и всей Средней Азии стал заведующий Сектором растениеводства Ботанического института Академии наук Таджикской ССР, кандидат биологических наук **Михаил Иванович Матвеев**.

Он родился 8 (21) ноября 1902 г. в г. Бузулуке Самарской губернии (ныне Оренбургской области). В 1920 г. окончил среднюю школу в родном городе. В 1923 г. поступил в Саратовский государственный университет, где в 1928 г. успешно завершил курс обучения по биологическому циклу естественного отделения педагогического факультета под руководством выдающегося российского и советского ботаника, будущего академика АН СССР и ВАСХНИЛ, организатора и первого директора Института

физиологии растений имени К. А. Тимирязева Андрея Андреевича Рихтера (1871–1947).

После нескольких лет педагогической работы М. И. Матвеев в 1931 г. принял участие в ботанической экспедиции на территорию Таджикской ССР в рамках развернувшихся по всему Советскому Союзу широкомасштабных исследований по проверке местной флоры на каучуконоскость. Эта задача была поставлена советским ученым постановлением Совета труда и обороны СССР от 17 января 1931 г. для обеспечения бурного роста промышленности в годы Первой пятилетки отечественным сырьем для резиновых изделий и ликвидации зависимости от дорогостоящего импорта каучука из бразильской гевеи. В течение 3 лет 30 специальных экспедиций охватили самые разнообразные природно-климатические районы СССР – от мыса Посьет в Дальневосточном крае до Армении и от Сибири до Таджикистана. Экспедициями было произведено 4925 анализов, исследованию на каучуконосность подверглись 1048 видов растений из 316 родов и 95 семейств. По результатам 609 видов растений показали содержание каучука или близких веществ[1]. Из их числа были отобраны наиболее перспективные виды с самой высокой долей ценного сырья: тау-сагыз, кок-сагыз, крым-сагыз, которые стали разводиться на десятках тысяч гектаров до постепенной замены натурального сырья синтетическим каучуком.

Поисками отечественных заменителей гевеи руководил Всесоюзный научно-исследовательский институт каучука и гуттаперчи в Москве, где в 1931–1937 гг. М. И. Матвеев работал микрохимиком и фитопатологом, а его учитель А. А. Рихтер занимал должность заместителя директора по научной части.

В 1937 г. Михаил Иванович переехал на работу в качестве физиолога растений на вновь организованную Варзобскую горно-ботаническую станцию, расположенную в ущелье реки Кондара, на высотах от 1000 до 2700 м над уровнем моря, в 25 км к северу от г. Сталинабада (ныне Душанбе). С этого времени и до конца жизни он полностью посвятил свою научную деятельность Таджикистану, где сосредоточился на изучении водного режима плодовых культур и лесных пород. Прежде такие исследования в Средней Азии никогда не проводились. Михаил Иванович впервые выявил существенные различия в приспособлении различных древесных пород (грецкого ореха, бухарского миндаля, персика) к засушливым условиям региона и связал их с историей происхождения этих видов. По результатам многолетних исследований ученый в 1948 г. защитил в московском Институте физиологии растений АН СССР диссертацию на ученую степень кандидата биологических наук, опубликовал монографию и научные статьи, к которым до сих пор обращаются специалисты в области растениеводства[2]. При этом свой богатый накопленный опытом экспериментатора и обширные научные знания он охотно передавал студентам и начинающим ученым, к которым всегда относился с особой чуткостью. В Таджикском государственном университете М. И. Матвеев читал специальный курс по водному режиму растений.

Последние 5 лет жизни Михаил Иванович отдал решению народнохозяйственной задачи по переносу из Центрального Китая и разведению в Таджикистане в качестве промышленной культуры дерева эвкоммия, которая является источником натурального каучука и лекарственного сырья. Под руководством М. И. Матвеева с 1949 г. эвкоммия начала выращиваться на опытных участках экспериментальных баз Ботанического института АН Таджикской ССР, а с 1951 г. проходила опытно-производственные испытания в лесхозах республики. Биология растения, первые итоги его выращивания в Таджикистане и перспективы использования в народном хозяйстве были обобщены ученым в монографии, которая стала наиболее авторитетным пособием по данной культуре[3].

3 февраля 1954 г. Михаил Иванович Матвеев скончался в г. Сталинабаде (ныне Душанбе)[4]. Однако заложенные им работы по внедрению эвкоммии в культуру Таджикистана были продолжены Н. А. Масляным. И хотя с развитием в 50-е годы химических методов получения искусственного каучука она утратила свое значение для производства резины, но сохранила его для фармацевтической промышленности. Прекрасно прижившаяся в Таджикистане эвкоммия остается сырьевой основой для выпуска сильнодействующих препаратов от гипертонии, подагры, болезней почек, печени и некоторых ревматических заболеваний.

Если М. И. Матвеев был первопроходцем в исследованиях физиологии растений, их водопотребления в Средне-Азиатском регионе, то другой оренбуржец **Виктор Леонидович Вознесенский** стоял у истоков изучения физическими методами процессов фотосинтеза во всем Советском Союзе.

В. Л. Вознесенский

Он родился 3 февраля 1919 г. в г. Оренбурге в семье инженера-механика железной дороги. Поступил на физический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, где на последних курсах его застала Великая Отечественная война. После ускоренного выпуска В. Л. Вознесенский в августе 1941 г. ушел в армию, как многие молодые физики в то время, прошел краткосрочные курсы метеорологов и до конца войны обеспечивал вылеты военной авиации на основе наблюдения и прогнозов погоды. С февраля 1944 г. по май 1945 г. он служил непосредственно на фронте старшим метеорологом аэрометеорологической станции 171-го батальона аэродромного обслуживания

в звании старшины. В составе 5-й воздушной армии участвовал в освобождении от фашистов правобережной Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. За время службы показал себя прекрасным, опытным специалистом, обеспечил более 5000 боевых самолетовылетов штурмовой и истребительной авиации, в том числе 1100 вылетов самостоятельно в качестве исполняющего обязанности начальника аэрометеорологической станции при работе на 2-х точках в комендатурах. По свидетельству его командира, на фронте Виктор Леонидович работал, совершенно не считаясь со временем суток и отдыхом, по 15 часов в день, а при необходимости и больше, замещая больных и отсутствующих сотрудников. Несмотря на огромную перегрузку, качество работы военного метеоролога всегда оставалось на высоком уровне. Он безупречно производил анализ и обработку синоптических карт и кольцовок, в результате чего оправдываемость оперативных прогнозов погоды составляла в среднем 94,5 %. За весь период его службы не было ни одного случая внештатной поломки или аварии самолетов по вине метеослужбы. Также образцово и систематически старшина Вознесенский проводил занятия по метеорологии, передавая свои знания личному составу полков и метеостанции. За напряженную работу в годы войны он был представлен командованием батальона к ордену Красной Звезды, но 16 июня 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги»[5].

После демобилизации В. Л. Вознесенский вернулся в Ташкент и стал преподавать на родном физическом факультете Среднеазиатского университета. Однако время отпуска он проводил в Таджикистане, где на Памирской биостанции работала его жена, также выпускница САГУ, специалист по морфологии растений Анастасия Петровна Стешенко (1918–1999), и жила их маленькая дочь Лена. Здесь Виктор Леонидович заинтересовался физическим методом изучения фотосинтеза растений с помощью меченых атомов – радиоактивных изотопов углерода, который только начинал внедряться в СССР. Для этого биологам были необходимы не только новые приборы, но и помощь квалифицированного специалиста-физика в их настройке, управлении и доработке, которые и помог им освоить В. Л. Вознесенский. В результате именно в Таджикистане, на Памире впервые в СССР были проведены измерения интенсивности фотосинтеза радиометрическим методом в естественных условиях произрастания растений.

Участие физика по образованию В. Л. Вознесенского в совместной работе с ботаниками привело к тому, что он, вникнув в физиологию растений и потребности этой науки в сложной аппаратуре, в сентябре 1953 г. принял настойчивое предложение стать сотрудником только что организованной лаборатории фотосинтеза в Ботаническом институте имени В. Л. Комарова, в Ленинграде от ее руководителя, советского физиолога растений Олега Вячеславовича Заленского (1915–1982), с которым они познакомились на Памире.

На новом месте Виктор Леонидович занялся усовершенствованием измерительных методов и приборов для изучения газообмена растений.

К тому времени уже широко применявшийся за границей изотопный метод имел существенные ограничения. С помощью счетчиков Гейгера удавалось регистрировать только часть излучения поглощенной листьями радиоактивной углекислоты. Это позволяло характеризовать процесс фотосинтеза только в терминах «больше – меньше», но не измерять точный объем газообмена в миллиграммах. Однако для того, чтобы по радиоактивной метке определить интенсивность фотосинтеза количественно, требовались принципиальные усовершенствования метода. Именно эту задачу поставил и решил В. Л. Вознесенский в своих первых работах в Ботаническом институте. Он сконструировал герметические камеры, в которые вводили меченую углекислоту определенных удельной радиоактивности и концентрации, а затем помещали листья растений. После определенной экспозиции на свету можно было сравнить уменьшение радиоактивности углекислоты в атмосфере камеры с накоплением метки в листьях. Это сравнение позволило вывести формулы, по которым с учетом ряда физических величин и можно было рассчитать интенсивность газообмена в точных единицах. Сообщение о предложенном улучшении метода измерения фотосинтеза с применением радиоактивного изотопа $^{14}CO_2$ получило широкий отклик в среде физиологов растений. В 1960 г. В. Л. Вознесенский успешно защитил кандидатскую диссертацию по этой разработке в Институте физиологии растений в Москве[6]. В дальнейшем этот метод был положен в основу исследований фотосинтеза по всей стране, в различных ботанико-географических зонах СССР.

В. Л. Вознесенским совместно с О. В. Заленским и О. А. Семихатовой была проведена большая работа по критическому рассмотрению всех основных методов изучения газообмена растений, результатом которой стала первая фундаментальная монография по этому вопросу в Советском Союзе[7]. Как представитель точных наук, Виктор Леонидович уделял большое внимание математической обработке экспериментальных данных, написав специальное учебное пособие для облегчения знакомства биологов с правилами статистики[8].

Параллельно с разработкой изотопного метода он трудился и над усовершенствованием предложенного в Германии метода определения поглощенной при фотосинтезе углекислоты по изменению электропроводности раствора щелочи, через которую продувается воздух, прошедший через камеру с листьями растений. Главным недостатком данного метода было то, что электропроводность зависит от температуры, а введение температурной поправки не только снижало точность измерения, но и практически исключало возможность его применения для изучения фотосинтеза в естественных условиях. В. Л. Вознесенский впервые сконструировал и лично собрал прибор, с помощью которого определялась не сама электропроводность, а соотношение электропроводности растворов после камеры с листьями и после контрольной камеры[9]. Это соотношение

уже не зависит от температуры, что делало определение газообмена более корректным. Предложенный Виктором Леонидовичем метод оказался очень привлекательным из-за малогабаритного и легко управляемого прибора, удобного для использования в полевых условиях. К автору стали приходить десятки заявок со всей страны от научно-исследовательских учреждений и отдельных ученых с просьбой дать описание или консультацию для изготовления на месте нового прибора. В результате проектная лаборатория АН СССР даже запустила его в мелкосерийное производство для нужд исследователей фотосинтеза. Правда, в 1970-е годы необходимость в нем отпала, поскольку физиологи растений получили в свое распоряжение принципиально новый метод определения концентрации углекислоты с помощью инфракрасного газоанализатора, который быстро регистрировал ее изменения и записывал их с помощью самописца.

Но и в новых условиях В. Л. Вознесенский разработал специальную приставку к инфракрасному газоанализатору, которая позволила на порядок повысить чувствительность прибора. Серьезной проблемой при использовании газоанализаторов была и остается калибровка приборов. Виктор Леонидович предложил ее собственный упрощенный метод. Кроме того, много сил он отдал подготовке специального методического сборника по газоанализаторам, который вышел в свет уже после его смерти[10].

В свои последние годы В. Л. Вознесенский описал метод одновременного определения с помощью газоанализаторов всех элементов газообмена растений. Этот метод был основан на теоретической разработке О. Д. Быкова, которую Виктор Леонидович довел до состояния рабочей методики.

При этом В. Л. Вознесенский не был сугубо лабораторным ученым, а экспериментально отрабатывал и лично применял на практике предложенные им методы, проводя в течение ряда лет полевые исследования в жарких пустынях Средней Азии. На основе их материалов в 1974 г. он защитил в Ботаническом институте докторскую диссертацию, а затем и опубликовал монографию по фотосинтезу пустынных растений (на примере Каракумов)[11]. Эти работы получили широкое признание в научных кругах.

Скончался Виктор Леонидович в 1987 г. по возвращению из очередной научной экспедиции, куда врачи не рекомендовали ему ездить по состоянию здоровья. Похоронен он был на Южном кладбище г. Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга)[12].

В целом своей разносторонней работой, сочетанием новых технических разработок с полевыми ботаническими исследованиями Виктор Леонидович Вознесенский заслужил репутацию одного из наиболее авторитетных специалистов по фотосинтезу растений в СССР, оставив многочисленных учеников и последователей также в Чехословакии, Румынии и Китае.

Таким образом, уроженцы Оренбургского края, работая на территории Таджикистана, в Ботаническом институте АН ТССР, на Варзобской и Памирской биостанциях, положили начало новым направлениям и методам исследования физиологии растений не только в регионе Средней Азии, но и в

масштабах всего СССР, оказав влияние на развитие советской и мировой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Лапин А. К. Культура каучуконосов // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. – М.: Сельхозгиз, 1936. – С. 65–73.

[2] Матвеев М. И. Исследование водного режима некоторых древесных растений Таджикистана: Дисс. … канд. биол. наук. – М., 1947; Он же. К вопросу о водном режиме грецкого ореха // Сообщения Таджикского филиала АН СССР. – 1947. – Вып. 2. – С. 27–30; Он же. Сосущая сила листьев некоторых древесных пород в Таджикистане // Сообщения Таджикского филиала АН СССР. – 1948. – Вып. 4. – С. 23–24; Он же. О водном режиме персика, привитого на бухарском миндале // Сообщения Таджикского филиала АН СССР. – 1948. – Вып. 3. – С. 30; Он же. Об одном из методов определения потребности растений в воде // Сообщения Таджикского филиала АН СССР. – 1949. – Вып. 9. – С. 27–30; Он же. К познанию экологических форм древесной растительности горного Таджикистана // Труды Таджикского филиала АН СССР. – 1951. – Т. 8. – С. 3–57; Он же. Водный режим некоторых древесных растений горного Таджикистана. – Сталинабад: Изд-во Акад. наук Тадж. ССР, 1953. – 84 с. и др.

[3] Матвеев М. И. Гуттоносное растение эвкоммия и ее культура в Таджикистане. – Сталинабад: Изд-во Акад. наук Тадж. ССР, 1952. – 58 с.

[4] Шульц Г. Памяти М. И. Матвеева (1902–1954) // Ботанический журнал. – 1956. – Т. 41. – № 1. – С. 298–299.

[5] Вознесенский Виктор Леонидович // Портал «Память Народа» [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie43437852/ (дата обращения: 15.12.2018); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 3171. Л. 147–147 об.

[6] Вознесенский В. Л. Сравнительная характеристика и теоретические основы радиометрического метода исследования фотосинтеза растений: Автореферат дисс. … канд. биол. наук. – М., 1960. – 23 с.

[7] Вознесенский В. Л., Заленский О. В., Семихатова О. А. Методы исследования фотосинтеза и дыхания растений. – М.; Л.: Наука, 1965. – 305 с.

[8] Вознесенский В. Л. Первичная обработка экспериментальных данных. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 83 с.

[9] Вознесенский В. Л. Кондуктометрический прибор для измерения фотосинтеза и дыхания растений в полевых условиях. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. – 47 с.

[10] Инфракрасные газоанализаторы в изучении газообмена растений: Сб. науч. ст. – М.: Наука, 1990. – 137 с.

[11] Вознесенский В. Л. Интенсивность, динамика и адаптационные особенности углекислотного газообмена растений жарких пустынь: на

примере Юго-Восточных Каракумов: Дисс. ... докт. биол. наук. – Л., 1974. – 378 с.; Он же. Фотосинтез пустынных растений. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 256 с.

[12] Филиппова Л. А., Семихатова О. А., Зубкова Е. К. Вознесенский Виктор Леонидович (1919–1987) // Ботанический журнал. – 1996. – Т. 81. – № 2. – С. 100–106.

Аюбов А. Р.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ТРУДАХ А.Н. БЕРНШТАМА

Александр Натанович Бернштам является крупнейшим исследователем древностей Средней Азии. Он обладал ярким дарованием, исключительной трудоспособностью и целеустремленностью. Наибольшее значение имеют его труды по истории и археологии Средней Азии и особенно по истории кочевых народов.

В 1950–1952 гг. в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии под руководством А.Н. Бернштама проводила работы Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиции. Ее сотрудники раскапывали в основном курганы эпохи железа, а также изучали наскальные изображения в местности Саймалы-Таш и поселения земледельцев в Фергане, датирующиеся I тыс. до н. э. и эпохой средневековья.

Фергана – развитая историко-культурная область Средней Азии в древности. Вопросы истории, археологии и этнографии Ферганы особо изучены в советский период. В этом большая заслуга принадлежит А.Н. Бернштаму. В частности, он писал об итогах археологических работ в Фергане, древнем населении области, о кочевых народах и вторжении гуннов. Особое внимание исследователь уделял социальным проблемам гуннского общества и характеру их взаимоотношений с земледельцами, населявшими территории нынешних Ферганской долины и Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае. По его мнению, гунны сыграли важную роль в истории древней Средней Азии.

Массовое появление гуннов на территории Средней Азии относится к середине I в. до н. э., ко времени откочевки из Центральной Азии северных гуннов под водительством Чжичжи шаньюя. Однако, сколь бы ни были важны для политической истории Средней Азии эти кратковременные вторжения гуннских орд, они не оставили для того времени сколько-нибудь значительных следов.[1]

В канун массового прихода гуннов в Среднюю Азию, Семиречье и Центральный Тян-Шань были заняты сакоусуньскими племенами, часть которых проникла прежде всего в Фергану и в район Средней Сырдарьи. Проникновение усуней в Фергану послужило условием создания усуньской -

кушанской династии Ферганы и в названии «кушан» мы видим закономерное видоизменение этнонима «усунь», согласно нормам тохарского языка. Не случайно восточная часть Ферганы именуется «область Хюсюнь»: здесь ясно выступают фонетические связи с термином кусан (кушан).

По Фергане в это время были расселены племена парикании, от имени которых происходит современное название долины Паргона - Фергана; на юге Ферганы были племена аристеи: в Северном Припамирье, в Алайских долинах были расселены кумеды (китайские гюаньду) и другие более мелкие, например, племена уш.

Совершенно несомненно, что сакские племена были весьма разнообразны по своему этническому составу. Отличалась, видимо, и экономика отдельных сакских племен. Так, например, экономика сырдарьинских саков отличалась связанностью пастушеских форм скотоводства с земледелием и охотой, а, следовательно, ее характерной чертой являлась оседлость. Эта группа саков втягивалась в оседлую жизнь Согда, о чем свидетельствует и Арриан, сообщающий, что во время походов Александра саки - жители городов по левому берегу Яксарта подняли восстание.

Возможно, что эти факты позволили Диодору приписать сакской царевне Зарине образование городов, всего вероятнее - временных ставок, horometria. Преобладающая группа саков оставалась кочевой и жила восточнее Сырдарьи. В связи с предлагаемым делением среднеазиатских восточных саков на две группы, мы склонны выделить саков сырдарьинских и семиреченских. Первых, видимо, отличал и Птолемей, называя жителей Яксарта - яксартами. Пользуясь термином Птолемея, мы называем саков, живших по Яксарту яксартским и саками.[2] Отличными от них были семиреченские саки, которых, благодаря тому, что их памятники концентрируются по Тян-Шаню и его отрогам, лучше называть тянь-шаньскими, ибо, только с этой группой связано впоследствии формирование тюркских племен, в то время как с южной ветвью (припамирской) связан уже этногенез иранских племен.[3]

Название Фергана иногда возводят к париканиям, о которых Геродот говорит, как о кочевниках, обитающих в Персии, однако обозначение Ферганы в китайских источниках - Давань, а также другие наименования этой области заставляют задуматься над тем, всегда ли за названиями стран или областей скрываются названия племен. Изучая топонимику, можно проследить передвижения племен. Так, например, город Амуль на Оксе носит то же имя, что и город в Табаристане, на южном берегу Каспийского моря, причем в обоих случаях оно связано, вероятно, с племенем мардов или амардов, которое источники отмечают и в других районах Ирана. Достаточно указать, что племена двигались в основном с востока на запад, и поэтому не следует удивляться, что названия, засвидетельствованные для Персии, можно обнаружить и в Средней Азии.[4] К югу от Арахосии и Сеистана лежала первоначально неарийская земля. В этой сатрапии, именуемой Мака в надписях Дария, обитали, согласно Геродоту, мики (Mykoi, древнеперс.

Мака), утии (древнеперс. Yautiya) и парикании. Первые дали свое имя современному Мекрану («берег Мака»), а название последних сохранилось в средневековом имени города Парихан, Бариз арабских географов.[5]

Гипотеза о локализации геродотовых париканиев в Фергане принадлежит английскому исследователю Э. Херцфельду. В дальнейшем эту идею поддержали советские ученые, в частности К.В. Тревер, А.Н. Бернштам и Ю.А. Заднепровский. Они также считали, что парикании являлись древними жителями Ферганы.[6] Как пишет А.Н. Бернштам, по Фергане были расселены племена парикании, от имени которых происходит современное название долины Паргона — Фергана; на юге Ферганы были племена аристеи.[7] Ю.А. Заднепровский ссылаясь на сведения Помпония Мелы считает, что «…париане помещались на Яксарте, к северу от согдийцев и бактрийцев, и, следовательно, в Ферганской долине».[8] Однако Б.А. Литвинский в рецензии на его книгу высказывает свое отрицательное отношение к этой гипотезе.[9]

Некоторые исследователи сопоставляют название Фергана, в местном произношении «Паргона» с именем этнической группы «парикании». Название «Паргона» этимологизируется из иранских диалектов как «межгорная долина». Такая этимолгия соответствует действительности. По мнению А.Н. Бернштама, парикании, очевидно, и была одним из центрально-ферганских и наиболее многочисленным племенем.[10] Среди населения Ферганы распространена идея о том, что Фергана судя по названию является долиной ангелов. Согласно авестийским учениям, каждый человек имеет своего ангела (фаришта), который появляется у него в душе ещё до рождения и остается вечно.

Наряду с париканиями некоторые исследователи полагали, что в Фергане также проживали саки.[11] В начале I тыс. до н. э. население среднеазиатских степей перешло к кочевому скотоводству. Возникновение и распространение его в степях Средней Азии и Евразии ознаменовали новый этап в этнической истории - на арене стали появляться племена и союзы племен, выступавшие в письменных источниках под общим наименованием саков и массагетов.[12]

Одним из первых на территории Ферганы проводил археологические раскопки А.Н. Бернштам. Он отмечал некоторое сходство элементов культуры населения Ферганы и саков Семиречья и предполагал о существовании сакских племен на территории Ферганы. Он предлагал даже локализацию отдельных племен этой группы. Однако А.Ю. Заднепровский опровергает эти положения А.Н. Бернштама и считает, что археологические материалы недостаточно проясняют этот вопрос. И поэтому, Ю.А. Заднепровский пишет, что «вопрос об обитании сакских племён на территории Ферганской долины остаётся открытым».[13] По мнению Н.Г. Горбуновой населением Ферганы были сакские племена.[14] Свою точку зрения по этой проблеме также высказал Б.А. Литвинский. Археологические раскопки на правом берегу Сырдарьи показали, что примерно вдоль верхнего, частично среднего течения реки обитали саки. Этот участок

располагался северо-восточнее Ферганской горловины, в районе Кайраккума. Исследователь называет их «саки, которые за Согдом».[15] Б.А. Литвинский считал, что что кайраккумские поселения VI – IV вв. до н.э. принадлежали сакам.[16]

Археологические материалы, найденные в могильниках Ширинсая и Мунчак-тепе показывают разнородность населения. А.Н. Бернштам это объясняет, как результат проникновения в этот район гуннов. По его словам, вторжение гуннов в Среднюю Азию, в частности, и в район Ширинсая было чревато усилением тюркского этногенеза. Начали складываться тюркоязычные группы племен и облик культуры, свойственный современному тюркоязычному населению Средней Азии.[17] Однако в письменных источниках не имеются сведения о проникновении гуннов в Среднеазиатском междуречье. Следуя этому, А.Н. Бернштам противоречив сам себе в другом месте пишет: «Ввиду того, что Согд занят кушанами, впоследствии эфталитами, путь гуннов лежал не южнее Сырдарьи».[18]

Важным вопросом этнокультурных отношений в древней Фергане является этническая принадлежность населения области. Население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры, вероятно, говорило на близких и родственных языках и диалектах восточноиранской семьи языков. О языке непосредственно древних ферганцев прямых сведений не имеются. Только в начале средних веков китайские путешественники Сюань Цзан и Хой Чао указывали на существование особого ферганского языка: «Их язык отличается от языков соседних стран», — пишет Сюань Цзан (первая треть VII в.) о населении Ферганы. Примерно через 100 лет Хой Чао пишет то же самое: «Язык жителей Ферганы совершенно отличен и не одинаков с языками других стран».[19]

Языковая и этническая принадлежность андроновских племен Ферганы была иранской. В свое время С.П. Толстов предполагал, что во взаимоотношениях анауских племен с носителями кельтеминарской и степных культур бронзового века нужно усмотреть «одну из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индоиранской группы индоевропейцев в частности».[20] Дальнейшие исследования других ученых уточнили и развивали гипотезу С.П. Толстова. Особо важное значение приобретало установление преемственности развития племен степных культур бронзового века и ираноязычных, скифских племен.[21] Судя поэтому, с учетом антропологических и лингвистических сведений была выдвинута гипотеза о принадлежности срубных и андроновских племен к древним иранцам, к числу восточно-иранских племен.[22] По Б.А. Литвинскому, опиравшемуся на целый ряд неопровержимых доказательств, значительный пласт населения Ферганы VII-II вв. до н.э. – это сакское население.[23]

Очень спорным вопросом истории древней Ферганы является определение и локализация столицы области. По этому вопросу имеется и точка зрения А.Н. Бернштама. В китайских хрониках эпохи Хань имеются

названия двух таких городов – Гуйшань и Эрши. Но конкретные указания для локализации их отсутствуют. Более определенные предположения высказаны о местоположении города Гуйшань. В «Ши цзы» - исторических записках истории Китая с древнейших времен до I в. до н. э., составленных Сыма Цянем, широко использованы отчеты Чжан Цяна - знаменитого путешественника и дипломата, по поручению императора Хань посетившего примерно в 125 г. до н. э. Давань и соседние с ним западные страны. В этой хронике наименование столицы Давани не указано, но в примечании выдающегося русского китаиста Н.Я. Бичурина со ссылкой на позднего комментатора приведено название столицы — город Гуйшань.[24] В более поздней хронике «Цянь Ханьшу» сказано «Правление даваньского владетеля в городе Гуйшани».[25] В этой же хронике, когда речь идет о войне с Даванью, в качестве главного города страны называется Эрши, а командующий ханьским войском получил почетное наименование Эршыский.[26] Получается, что в Давани в один и тот же период было две столицы — Гуйшань и Эрши. Это положение позднее А. Н. Бернштам объяснил хронологической сменой — переносом столичных центров.

Отождествление города Гуйшаня с Касаном вслед за В.В. Бартольдом приняли С.П. Толстов и М.П. Грязнов. В ходе тщательного обследования Ферганы в 1946-1947 гг. и открытия крупнейшего Мархаматского городища А.Н. Бернштам отождествляет его с другим столичным городом Ферганы — Эрши. И впервые высказывает мнение, что в докушанский период столицей Давани являлся город Эрши, а позднее, в кушанский период столицу перенесли на север Ферганы в Касан - город Гуйшань.[27] В одной из работ он точно определяет дату переноса, связывая с утверждением кушанской династии, очевидно в I в. н.э.[28]. В ряде работ 1947-1952 гг. А.Н. Бернштам развивает положение о хронологической последовательности смены столичных центров Давани.

А.Н. Бернштам при описании культа лошади в Давани упоминает племена аристеи. Вот что он пишет: «О существовавшем в Давани культе лошади можно судить по наскальным изображениям у г. Ош на скалах Айрымач-тау и у с. Араван. Лошадей разводили племена аристеи. Это отразилось в наскальных изображениях у древней столицы Ферганы, города Эрши (развалины в с. Мархамат, Мархаматского района, Андижанской области). Имя города Эрши есть не что иное, как китайское произношение племенного названия Арист».[29]

Другим вопросом, в исследовании которого есть заслуга А.Н. Бернштама, является тюркизация сако-согдийского населения Ферганы, Семиречья и Восточного Туркестана. Тюркизация согдийских поселений в Семиречье и Китайском Туркестане привела к полному исчезновению согдийского языка в этих районах. По свидетельству Махмуда Кашгарского, во второй половине XI в. жители Баласагуна и других городов Семиречья были уже двуязычны («говорят они по-тюркски и по-согдийски»). Заимствования из согдийского в тюркские языки, равно как и из тюркских в согдийский, прослеживаются уже в памятниках VIII в.

Приток новых тюркоязычных племен знаменовал собой, как правило, начало или завершение данного процесса, однако физической смены населения не наступало - основную массу складывающихся тюркских народов (например, узбеков, туркмен) составляли местные, ранее ирано-язычные народности - согдийцы, хорезмийцы, парфяне и др. В этом заключается важнейшая особенность этногенеза как таджикского, так и большинства тюркских народов Средней Азии.

В процесс тюркизации ираноязычного населения заметна роль гуннов и эфталитов. Появление гуннов в I в. до н.э. - II в. н.э. было чревато двумя обстоятельствами: во-первых, усилением тюркского этногенеза и формированием монголоидного расового типа, во-вторых, передвижением кочевников Семиречья, Тян-Шаня и Сырдарьи в глубь Среднеазиатского междуречья.[30] Не без их влияния укрепляется созревшее именно в эти столетия кушанское государство.

В китайских летописях имеются сведения о том, что в Фергане вследствие нашествия тюрков Кушанское господство начало терять свое территориальное господство, известно, что в 627-649 гг. северную Фергану завоевали тюрки и управляли ею из города Гесай (Касан), а на юге в городе Хумынь представитель древнеиранофергана́ской династии-Аляошень. В связи с тем, что издревле кроме Риштана на юге Ферганской долины не было других древних городов, тем самым Хумынь является доисламским названием Риштана.[31] В VIII в. в «Хумынь», то есть в Риштан из города Решт прибывают и в последующем ассимилируются с местными жителями, рештцы, которые присвоили городу название своей исторической родины.

В исторической науке существуют проблемы, связанные с происхождением индоиранцев. Важно заметить отнесение к индоиранцам тех или иных археологических культур, выявление реальных путей их движения. Существуют несколько теорий по данной проблеме:

Колыбель индоиранцев – Индия. Отсюда они распространились в Иране, дошли до Малой Азии, проникли в Среднюю Азию;

2. Родина индоиранцев – Венгрия. Перепрвившись в Малую Азию, они затем через Месопотамию, Северный Иран прошли в Индию, а также продвинулись на север – в Среднюю Азию;

3. Родина индоиранцев – причерноморские и северокавказские степи. Отсюда через Кавказ они продвинулись в Местопотамию и дальше, как в предыдущем варианте;

4. Индоиранцы сложились в Средней Азии, затем отдельные их группы проникли в Месопотамию и Индию, другие, позже, заняли Иран;

5. Индоиранцы с севера через Центральные Гималаи проникали в Индию, а затем прошли на запад.[32]

Многие исследователи, в том числе А.Н. Бернштам придерживаются четвертого варианта вышеуказанных теорий. Археологические исследования ещё в советское время позволили более конкретному решению этого вопроса. С.П. Толстов выдвинул идею о том, что процессы сложения индоевропейских племен протекали на территории Средней Азии в

обстановке контакта между носителями охотничье-рыболовецкой, а затем скотоводческо-земледельческой культуры севера и носителями культур крашенной керамики юга.[33] А.Н. Бернштам сопоставлял индоиранцев с андроновскими племенами.[34]

Таким образом, из вышеизложенного следует, что А.Н. Бернштам оставил заметный след в изучении истории древней и раннесредневековой Ферганы. Его труды занимают большое место во многих отраслях исторической науки. По мнению А. И. Тереножкина, сакскую культуру в Средней Азии открыл именно А. И. Бернштам. С более чем полувековой дистанции отчетливо виден масштаб личности А.Н. Бернштама - яркого неординарного исследователя, первооткрывателя многих археологических памятников Средней Азии, специалиста, который вывел отечественную археологию и востоковедение на новый качественный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – С.90
2. *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – С.257
3. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. – С.90
4. *Фрай Ричард.* Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.*А. Дандамаева*; Пер. с англ. *В.А. Лившица* и *Е.В. Зеймаля*. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Вост. лит., 2002. – С.73
5. Там же. – С.79
6. *Тревер К.В.* Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI-IV вв. до н.э.) // История народов Узбекистана. Т.I. – Ташкент: Издательство АН УзССР, 1950. – С.41; *Бернштам, А.Н.* Древняя Фергана. – Ташкент: Издательство АН УзССР, 1951. – С.7; *Заднепровский Ю.А.* Об этническом составе населения древней Ферганы // КСИИМК. – 1956. - Вып. 61. – С.43
7. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. – С.85
8. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА СССР. – №118 – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1962. – С.8
9. *Литвинский Б.А.* Рец. на книгу: Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // Советская археология. – 1965. - № 4. – С.266
10. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана. – С.7
11. Там же. – С.7
12. *Заднепровский Ю.А.* Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата: Наука, 1989. – С.257
13. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. – С.198

14. *Горбунова Н.Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. – Л., 1961. – С.15

15. *Литвинский Б.А.* Саки которые за Согдом // Памяти М.С.Андреева. Труды АН Тадж. ССР. ИИАЭ. 120. – Сталинабад, 1960. – С.92

16. *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайракумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) – Душанбе: Издательство АН Тадж. ССР, 1962. – С. 296

17. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. – С.20-21

18. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана. – С.16

19. *Бернштам А.Н.* Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726 г. н. э.) // ВДИ. – 1952. – № 1 (39). – С.193

20. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: Издание МГУ, 1948. – С.68

21. *Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.66

22. *Бернштам А.Н.* Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности // КСИЭ. – Вып. 26. – 1956. – С.19; Киселев С.В. Исследование бронзового века па территории СССР за 40 лет // СА. – 1957. – № 4 – С. 40.

23. *Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1976. – С. 52.

24. *Бичурин Н.Я.* Собрание сочинений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 149.

25. Там же. – С.186.

26. Там же. – С.163.

27. *Бернштам, А.Н.* Из истории Восточной Ферганы и Алая: Краткий. Отчет экспедиции 1946 г. // ИКиргФ АН СССР. – 1947. – №6. – С. 115-119.

28. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана // КСИИМК, 1947. Вып. 21. – С. 87.

29. *Бернштам, А.Н.* Древняя Фергана. – С.11.

30. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. – С.192.

31. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана. – С.23; Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726 г. н. э.). – С. 193.

32. *Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайракумов. – С. 292.

33. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – С. 68.

34. *Бернштам А.Н.* Советская археология Средней Азии // КСИИМК. – 1949. – вып. XXVIII. – С. 16.

Хафизова М. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД РУССКИХ ВОЕННЫХ В БЛАГОУСТРОЙСТВО ХУДЖАНДА

Худжанд – один из древнейших городов Центральной Азии. В Худжанде и его окрестностях в самом начале 1 тыс. до н.э. сложилась городская культура и древнеземледельческая цивилизация, основанная на искусственном орошении. Худжанд всегда играл важную роль в региональной торговле. Товары из серебра, ртути, бирюзы, шёлка и др., производимые в Худжанде и его окрестных городах, через трансазиатские пути попадали в Бухару, Кабул, Итиль, Булгар, а через них в Восточную Европу и Древнюю Русь.

К моменту присоединения территории Северного Таджикистана к России местное население было доведено до крайне отчаянного положения, вызванного постоянными междоусобными войнами Бухары и Коканда, а также набегами кочевых калмыков, кипчаков, узбекских племён минг и юзами, продолжавшимися вплоть до 1864-1865 гг. Эти набеги особенно пагубно отражались на положении ремесленного и купеческого сословия. Ввиду постоянной нестабильности политической ситуации, многие улицы и переулки Худжанда имели ворота, которые запирались на ночь. При тревожном сигнале «ёвомад» (грабитель пришёл), ворота запирались, и дружины самообороны приступали к ночной вахте. Посланник Петра 1 Флорио Беневени, посетивший в 1719 г., писал что «Худжандом недавно черные калмыки завладели» [1]. Вскоре их сменили кипчаки, затем бухарцы. Так продолжалось бы до бесконечности, если бы не приход русских войск, поставивших навсегда заслон на пути междоусобных войн кочевых тюркоязычных народов, для большой части которых война и грабежи мирного населения считались единственным средством выживания. Именно эти и другие обстоятельстваи явились одним из положительных моментов вхождения территории Средней Азии, и в частности, Северного Таджикистана, в состав Российской империи.

В конце 60-х городов XIX века Худжанд уже был включен в экономическую орбиту Российского капитала. С именем русских исследователей связано изучение истории, этнографии, природных богатств и производительных сил Худжанда. Поистине большой вклад внесли ученые биологи В.Ф. Ошанин, А.П. Федченко, геологи Г.Д. Романовский, И.В. Мушкетов, пелеонтолог В.Н. Вебер, историки В.В.Бартольд, А.П. Шишов, М.С. Андреев. Наряду с этими именами хотим перечислить Кушакевича А.А. и Лыкошина Н.С. – начальников Ходжентского уезда. Хотя по профессии они были военными, но по сути дела были исследователями этого края и внесли немалый вклад в его развитие.

Худжандский уезд – административно-территориальная единица с системой военно-гражданского управления царской России, была образована в 1867 году в составе Сырдарьинской, а с 1886 г. Самаркандской области

Туркестанского генерал-губернаторства. Территория составляла 11,515 верст. По административному устройству делился на 11 волостей с тремя участковыми приставами [2]. Полковник Кушакевич Аполлон Александрович в 1866 году был назначен председателем комиссии по организации Худжандского уезда, а затем с 1867 года его первым начальником. Он был не только просвещенным офицером, но и являлся также историком хозяйства и первым топографом края. А.А. Кушакевич объехал все города, кишлаки и аулы и составил расспросную карту Худжандского уезда. За свое исследование «Топографическое описание Худжандского уезда» А.Кушакевич был награжден русским географическим обществом серебряной медалью. Он собрал значительный материал по различным направлениям типов хозяйственной деятельности населения, в том числе и города Худжанда. Его перу принадлежат интересные наблюдения по хозяйственному районированию традиционной земледельческой культуры, например, хлопководства, шелководства, зерноводства, огородничества, возделывания бахчевых культур и др. Еще в 1867 году восклицал, что в Худжанде лучшие вышивальщики шелком по сукну и кожи. [3]. По инициативе А.А. Кушакевича сентябре 1869 году в Худжанде состоялось первая выставка изделий народных промыслов уезда. Кушакевич А.А. на основе личных наблюдений, археологических материалов и свидетельство очевидцев подготовил серию оригинальных очерков о Худжанде, с которым более ста лет назад ознакомил читателей «Туркестанских ведомостей». Поэтому в полном мере можно считать Кушакевича А.А. исследователем Средней Азии. Аполлон Александрович не только был учёным но и хорошим администратором. В 1867 году в Худжанде была построена первая православная церковь. При церкви постоянно действовала приходская школа, которая также содержалось за счет средств городского бюджета. Первоначально в приходской школе учились всего 9 мальчиков. В следующие годы, в связи с увеличением европейского населения, возросло и количество обучающихся.

Одной из первых и неотложных задач новой администрации стали мероприятия по возведению деревянного моста через реку Сырдарью. Стратегическая необходимость такого сооружения была совершенно очевидной. Мост через реку кратчайшим путем соединял бы Худжанд с Ташкентом и другими городами Ферганской долины. При поддержке начальника уезда Кушакевича А.А. в 1870 году началось строительства моста. Подряд на строительства данного объекта был отдан отставному офицеру артиллерии Н.Д. Флавицкому, исконному жителю Петербурга. Мост строили более года по проекту Ленханова. Проектировании моста также участвовал петербургский инженер путей сообщений Зубов. 3 мая 1874 г мост был сдан в эксплуатацию и просуществовал до 1907 год.

Лыкошин Нил Сергеевич родился в семье потомственных дворян Смоленской губернии в 1860 году. После окончании 1-го военного Павловского училища началось его военная карьера. С 1889 года служил в разных должностях в Туркестанской генерал-губернаторстве и дослужил до

военного губернатора Самаркандской области [4]. В 1906 году в чине полковника приступил к обязанностям начальника Худжандского уезда. Именно во времена его правления наступил коренной перелом к лучшему во взаимоотношениях между местным населениям и русскими. Нил Сергеевич был прекрасным знатоком истории, культуры и религии народов края. Владел таджикским и узбекскими языками, именно это обстоятельство сыграло немалую роль в сближении его с местным населением. Н.С. Лыкошин один из первых среди русских востоковедов перевел с французского языка на русский язык монографию Наршахи «История Бухары». Он являлся одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895 г.). Его перу принадлежали десятки статей и книг где он с большой симпатией отзывался о таджикском населения края. В частностив своем очерке «Встреча весны – Сайл в Худжанде» опубликованном в «Туркистанских ведомостях» в 1903 году описал праздновании худжандцев праздника Навруз. Именно по его инициативе в 1909 году в городе было отведено специальное место для проведения праздника. В 1910 году при поддержке Нил Сергевича при здании начальника Худжандского уезда была открыта первая общественная библиотека. В сборе книг у населения русской части Худжанда большое старание приложил некий Б.А.Черневицкий, который составил первый каталог библиотеки. При Лыкошине снабжение населения перодическими изданиями во многом улучшилось. Подписчики Худжанда стали регулярно получать газеты «Туркистанский курьер», «Голос Ферганы», «Асхабад», «Новое время», «Русское слово», «Биржевые ведомости», журналы «Нива», «Природа и люди», а также другие издания.

Приход русских в один из очагов зарождения земледельческой культуры – Ферганскую долину и, в том числе, в город Худжанд, имел большое общественно-политическое и культурное значение. Данным актом навсегда прекратилась междоусобная война между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, несшая пагубное бедствие для населения Худжандского оазиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Беневани Ф.* Посольство Флорио Беневани в Персию и Бухару в 1718-1725 годах // Посланник Петра I на Востоке – М.,1986

2. Энциклопедия Худжанда.1997. – С.803

3. *Мирбабаев А., Махмудов О.* Худжанд – по пути нового исторического прогресса. – Худжанд, 2009. – С.63

Ализода Б. П.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)
Тоатов Ф. Х., Эркаев С. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

«Развитие и расширение долгосрочных и устойчивых отношений сотрудничества со странами – участницами Содружества Независимых Государств и нашим главным стратегическим партнёром, Российской Федерацией, также является одной из наших главных целей. По сути, уровень, содержание и характер многоаспектных отношений Таджикистана и России определяют не только геополитические интересы и экономический прагматизм, но и духовно-культурные предпосылки и многообразные человеческие связи» **(Из послания Президента Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 23 апреля 2014 г. Душанбе) [1, 4].**

Современный уровень научного исторического знания – результат длительного процесса познания и осмысления истории прошлого. Овладение многовековым опытом изучения истории является одним из важнейших аспектов профессиональной подготовки квалифицированного историка. Под историографией стали понимать уже не историю в буквальном смысле этого слова, не науку о прошлом, а историю самой исторической науки. В дальнейшем так называли специальную историческую дисциплину, которая занималась изучением истории исторической науки. Под историографией сегодня понимают исследования как по истории исторических наук в целом (изучение состояния и развития исторических знаний на его отдельных временных и пространственных этапах), так и исследования по истории разработки отдельных проблем, совокупность научных трудов, посвященных конкретной проблеме (так называемая проблемная историография).

Специалисты по историографии, продолжая традиции своих предшественников, определяли предмет историографии как историю исторической науки, т.е. как процесс формирования и развития научного познания прошлого, выраженный в общих и конкретных исторических концепциях. Поэтому предмет историографии предполагает также изучение исторической науки как социального института, форм организации научной деятельности, особенностей распространения и функционирования исторических знаний. Основная задача историографии включает в себя не только научное познание прошлого, основанное на анализе источников, применении специальных научных методов исследования и теоретического осмысления прошлого, но и более широкий аспект исторического знания – историю исторической мысли, т.е. общие представления о мире, истории, сформированные в философии истории, общественной, художественной

сфере. Предмет историографии – история исторических знаний, которые не только обогащают представление о прошлом, но и являются наиболее распространенной формой исторического сознания общества, его отдельных групп. Функционирование исторических знаний в общественной практике сегодня является одним из важных аспектов историографического исследования. В этом русле одной из ярких, судьбоносных проблем в истории таджикского народа является проблема истории присоединения Средней Азии к России.

Изучая и исследуя данную проблему можно сказать следующие: как в иностранной и русской дореволюционной, так и в советской, в том числе независимой историографии, проблемы истории присоединения или завоевания Средней Азии получило широкое освещение. Опубликовано большое количество работ и в Средней Азии, и в России. Но оценка этого события в разные периоды была неоднозначной. Например, русские дореволюционные историки и исследователи стремились отразить этот процесс как благородное, гуманистическое действие передовой цивилизованной страны по отношению к отсталым народам с целью приобщения их к мировой цивилизации. А советские же ученые, оценивая этот акт как проявление реакционной политики России, в то же время отмечали его прогрессивные последствия. В советский период всё было подчинено главной задаче – теоретическому обоснованию необходимости включения среднеазиатского региона в революционную ситуацию, в последующие преобразования и строительство социалистического общества на территории Средней Азии. Изучаемому периоду (200 лет) толкование этой проблемы несколько раз изменено, например, до конца 30-х годов XX века ученые – историки применяли в основном термин «завоевание Средней Азии со стороны Россией», в послевоенный период в историко-научных трудах утвердилось другое понятие – «присоединение Средней Азии к России». В годы независимости больше применялось выражение «завоевание Средней Азии со стороны России». Понятие «присоединение Средней Азии к России» поддерживают ученые историки (Р. Масов, З.Ш. Раджабов, Г.Х. Хайдаров, С.А. Абдуллоев, С.А. Эркаев и многие другие) в годы независимости. Почти во всех научно-исторических трудах всегда применяли исторические термины – «завоевание», присоединение», «добровольное присоединение», «экспансия», «колониальный захват», «вхождение», «свободное вхождение», «самостоятельное вхождение» и др.

Обобщая этому историческую проблему, можно сказать, что в целом в историографии истории таджикского народа и научно-исторической науки утвердился широкий диапазон употребляемых историко-юридических терминов. Например, крупный историк и историограф данной проблемы, бывший директор института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистана академик Р.М. Масов предлагает следующие историко-юридические термины:

- завоевание Средней Азии Россией;
- присоединение Средней Азии к России;

- добровольное присоединение;
- экспансия Средней Азии;
- колониальный захват Туркестана, или Средней Азии;
- колонизация края;
- вхождение края к России;
- освоение края Россией. [2, 210]

Процесс присоединения Средней Азии к Российской империи шел не везде одинаково. Одни районы были завоеваны, другие принимали зависимость добровольно. Население многих среднеазиатских городов и кишлаков, недовольное тяжелым гнетом кокандского и хивинского ханов и бухарского эмира, феодалов и духовенства добровольно изъявляло желание перейти в русское подданство. Северные и южные киргизы, туркмены отдельных районов Мургабского оазиса, узбеки Ферганской долины, таджики Памира и долины Зеравшана, население других районов Средней Азии не раз обращалось к русским властям с просьбой присоединить их территории к Российской империи и изъявляло желание принять русское подданство. Во многих случаях реакционно-фанатичное духовенство и английские агенты, используя лозунг «священной войны» против иноверцев – русских, всячески препятствовали присоединению к Российской империи. Тем не менее движение за переход в русское подданство и присоединение к России не прекращалось и, если говорить честно и объективно, на современном этапе эта тенденция не прекратилась.

Взаимоотношения между русскими и другими народами среднеазиатского региона, русско-таджикские отношения складывались с VII века до нашей эры и прошли несколько исторических этапов. На территории городов и областей Российской Федерации русскими археологами найдено большое количество монет разных периодов взаимоотношений, и особенно эпохи Саманидов. О связях двух древних народов – таджикско-русского - и двух государств имеются подтверждения и в письменных источниках. Однако нельзя сказать, что таковыми они оставались всегда, и в определенные исторические периоды эти взаимоотношения по различным причинам временно прерывались, тем не менее, последующие государственные образования, политическая власть в которых находилась в руках разных завоевателей, не смогли полностью прервать экономические и культурные связи таджиков с Россией. Если обратить внимание на историографию истории данной проблемы, русско-таджикские взаимоотношения развивались и намного динамичнее и более успешно. Причинами тому были следующие факторы: расово-языковое сходство, близость географического расположения, оседлый образ жизни таджиков и русских, общие черты государственных образований обеих народов, выгодные для каждой стороны торгово-экономические связи и другие.

Русско-таджикские, Российско-среднеазиатские, русско-среднеазиатские, а еще точнее Российско-Таджикистанские взаимоотношения сложились, по историческим данным, в очень давние времена, как было сказано выше. Эти взаимоотношения изменялись,

развивались, укреплялись в соответствии с теми историческими переменами, которые происходили в жизни государств и народов Средней Азии и России и, можно сказать, плодотворно продолжаются они и в годы независимости. Если обобщить изучение истории и историографии данной проблемы, можно сказать следующее: отношения между таджикским и русским народами, несмотря на все просчеты, упущения, негативные явления, недостатки и иногда противоречия, как показывает исторический опыт, сыграли огромную роль в исторических судьбах таджикского народа на всех исторических этапах взаимоотношений.

Изучив и обобщив историю и историографию проблемы «полтора века общего пути», посвященной 154-летию присоединения Средней Азии к России, и особенно таджикского народа, можно сделать следующие выводы.

Присоединение Средней Азии к Российской империи явилось важным историческим событием для среднеазиатских народов, и в том числе таджикского. Основоположники марксизма еще в 50-х годах XIX века указывали на прогрессивную роль России по отношению к Востоку.

Исторические последствия присоединения Средней Азии к России и таджикского народа имеют большое прогрессивное значение [3, 21].

Завоеванные Российской империей территории Средней Азии были присоединены к территории России. Трудящиеся Средней Азии установили непосредственный контакт с российским пролетариатом, с крестьянством и демократической интеллигенцией, чего не было ни в одной колониальной стране, у которых, как правило, территория метрополий была оторвана от колоний, и связь пролетариата метрополий с колониальными народами или отсутствовала, или была очень слабой.

Средняя Азия была завоевана русским царизмом в тот период, когда в России формировался самый сильный созидательный и революционный в истории класс-пролетариат, когда центр революционного движения переместился из Западной Европы на восток, в Россию

Россия была многонациональным государством, и русский пролетариат был тесно связан с трудовыми массами национальных окраин. Это открывало широкие возможности создания единого фронта трудящихся для борьбы против буржуазно-помещичьего гнета.

Средняя Азия, и в том числе территория современного Таджикистана, была присоединена не только к России самодержавной, буржуазно-помещичьей, но и к России революционно-пролетарской, в которой народы Средней Азии были вовлечены в общий поток революционного движения, руководимого передовым российским рабочим классом и боевой революционной социал-демократией, а затем ленинской партией большевиков [4, 96].

В Средней Азии, как и в других окраинах Российской империи, присоединение к более развитому государству влекло за собой определенные социально-экономические изменения: появление промышленности, зарождение национального пролетариата, ослабление феодально-патриархальных отношений и возникновение капиталистических отношений.

Народные массы Средней Азии, в том числе таджики, страдавшие от жестокого произвола феодалов и феодального государства, были заинтересованы в присоединении к России, от которой они ждали перемен в своем тяжелом положении. После присоединения Средней Азии к России были уничтожены рабовладение и работорговля, отмена рабства и торговли людьми закреплены договорами, заключенными между Россией и Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Упразднение глубоко устаревшего и реакционного института рабовладения и работорговли, ликвидация феодальной раздробленности и вековых феодальных междоусобиц явились крупным шагом по пути общественного прогресса. Хотя общественный строй в Средней Азии в царский период в своей основе оставался феодальным, в Туркестанском крае стали развиваться новые, более прогрессивные капиталистические отношения. Это, естественно, привело к быстрому возникновению ряда промышленных отраслей. Формированию первых отрядов рабочего класса, росту классового самосознания трудящихся. Под непосредственным воздействием революционного движения в центре Российской империи, под руководством русского рабочего класса и его партии большевиков трудящиеся Средней Азии, в том числе таджики, встали на путь революционной борьбы против национального и социального гнета. Братское общение с русским народом подготовило почву для того, чтобы во время Октябрьской социалистической революции трудящиеся Средней Азии выступили как активная сила в борьбе против эксплуататорских классов, за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, за социализм и за народную демократию.

Хотя опубликованы многочисленные научно-исторические труды по этой проблеме явно недостаточно ещё проанализированы историография и историческая научная литература. В заключение хочется подчеркнуть, что с присоединением Средней Азии к России исчезла, прежде всего, угроза насильственного уничтожения таджикского народа, была прекращена имевшаяся прежде продажа таджиков в рабство, произошли изменения в социально-экономической жизни таджикского народа, наш народ был относительно избавлен не только от голодной смерти, но и от распространенных в то время массовых заболеваний и благодаря всё тому же процессу присоединения, таджики получили возможность приобщаться к передовой культуре русского народа и народов мира, русскими учеными - историками, востоковедами, географами, биологами, лингвистами, этнографами и работниками госаппарата (Н.В. Ханыков, В.В. Бартольд, М.С. Андреев, А.А. Семенов, Н.А. Северцов, А.П. Федченко, П.П. Семенов-Тёншанский, И.В. Мушкетов и многие другие), и именно они определили, кто есть кто и, что представляли собой таджики в прошлом, они смогли оценить ту великую роль, которую сыграли таджики в развитии экономики, торговли, культуры народов края) [5]. С тех пор систематически и последовательно началось изучение прошлой истории и культуры таджиков, были прекращены внутриусобные кровавые войны, территории, где компактно проживали таджики, были избавлены от насильственного захвата

их внутренними и внешними врагами. Надо особо подчеркнуть, что многие районы с исконным таджикским населением (Памир), уже раньше настоятельно обращались к русским властям с просьбой о добровольном присоединении. Когда это было осуществлено в действительности, были созданы наиболее благоприятные условия для обеспечения работой, оплатой их труда. Основную массу рабочих на промышленных предприятиях, железных дорогах, в сельском хозяйстве здесь составляли именно таджики. Население старых и новых созданных городов после присоединения состояло в основном из таджиков и т.д. Вместе с положительной стороной присоединение края к России имело отрицательные его стороны – под угрозой оказались таджикский язык и культура народа, все среднеазиатские народы (в том числе таджики) назывались не по национальному признаку, а такими общими определениями, как «сарты», «туземцы», «инородцы», «басурмане», «чужие», «неверные» и так далее.

Надо сказать, что история социально-экономических и культурно-политических отношений между Таджикистаном и Российской Федерации в годы независимости в историографии истории таджикского народа изучены не полностью, в том числе миграционные процессы.

Республики Таджикистан и Российская Федерация являются как стратегическими и дружественными партнерами. Таджикский народ на протяжении всей своей истории, особенно в течение 150 лет, неизменно опирался на поддержку и бескорыстную помощь великого русского народа. Ещё одним ярким примером тому могут служить политические события 90-х годов XX века (я был один их активных участников этих событий – С.Э.), когда над таджикским народом нависла реальная опасность распада таджикской государственности и исчезновения ее, угроза его культуре и истории, его свободе и независимости. Велика роль русского народа и России в установлении мира и законного правительства на древней таджикской земле [6, 9]. Свободный таджикский народ был, есть и навеки будет с великим русским народом и Российской Федерацией. Развитие и расширение долгосрочных и устойчивых отношений сотрудничества с нашим главным стратегическим партнёром, Российской Федерацией, также является одной из наших главных целей, по сути, уровень, содержание и характер многоаспектных отношений Таджикистана и России определяют не только геополитические интересы и экономический прагматизм, но и духовно-культурные предпосылки и многообразные человеческие связи, расово-языковое сходство [7, 197].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Послание Президента Мажлиси Оли Республики Таджикистан. «Народная газета» № 18 (19936) 30 апреля 2014 года. – С. 4.

2. *Масов Р.* Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. – Душанбе, 2005. – С. 210.

3. *Хайдаров Г.Х.*, Абдуллоев С.А. История таджикского народа (колониальный период). – Худжанд, 1996. – С.5; *Хайдаров Г.Х.* История таджикского народа XX век. – Худжанд, 2001. – С.21.

4. *Раджабов З.Ш.* Таджикский народ в период присоединения Средней Азии к России. В кн.: Таджикская Советская Социалистическая Республика. – Душанбе, 1984. – С. 96.

5. Беседа с академиком Р. Масовым и председателем КПТ Ш.Д. Шабдоловым (23.09.2013)

6. *Эркаев С.А.* Всемирно-историческое значение мира и национального единства. – Худжанд, 2010. – С. 9.

7. История таджикского народа. Том IV. – Душанбе, 2010. История таджикского народа. Том 2, кн.2. – Москва, 1964. – С.127-197.

Абдуллоев М. Х. (г. Куляб, Республика Таджикистан),
Эркаева Н. С. (г. Ипсиланти, США),
Эркаев С. А. (г. Худжанд, Республика Таджикистан),
Муродиён Х., Саидмуминов А. С. (г. Бохтар, Республика Таджикистан)

ТРУДЫ А.А. СЕМЕНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ

Если обращатся к истории роли русских специалистов в изучении истории таджикского народа, видно, что в результате присоединения Средней Азии к России, в жизни народов Средней Азии, в том числе таджикского народа, произошли значительные изменения, особенно в культурной жизни народов древнего края. Демократические идеи проникали в Среднюю Азию различными путями (появилась русская и западноевропейская жизнь – начали работать врачи, инженеры, рабочие, революционеры, учителя, просветительство, появились типографии, заводы, фабрики, железная дорога, русско-туземные школы, издавались газеты, журналы и книги и многое другое). Проникновение передовой русской культуры и через русскую западноевропейской культуры в жизнь народов Средней Азии подрывало догмы мусульманской идеологии. Под влиянием русской прогрессивной общественно-политической мысли в Средней Азии возникло течение, известное под названием просветительство [1, 169]. Необходимо всестороннее исследование данной проблемы.

Надо признать, в этом историческом процессе произошли кардинальные изменения в жизни таджикского народа, и это дало возможность русским ученым, специалистам шире развернуть изучение социально-экономической и культурно-политической жизни народов Средней Азии, в том числе таджикского народа. Уже во второй половине XIX века был организован ряд научных экспедиций. Прочные основы географического изучения Туркестана заложил известный русский географ П.П. Семенов-Тяньшанский и продолжал плодотворно работать над физико-

географическим изучением Памира Н.А. Северцев. Известный русский ученый А.П. Федченко первый исследедовал Ферганскую долину и Алай, открыл на Заалайском хребте высочайший пик (ныне пик Сомони), обследовал Кара-Кумы и Зеравшанскую долину. И.В. Мушкетов составил первый список туркестанских минералов и вместе с Г.Д. Романовским – первую геологическую карту Туркестана. Экспедиции осуществлялись в невероятно трудных условиях бездорожья, в непроходимых горах и пустынях, с весьма примитивным оборудованием, на скудные средства. Потом по инициативе географов А.П. Федченко и В.Ф. Ошанина был создан местный отдел «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», который организовал экспедицию антрополога Л.В. Ошанина в Каратегин и на Памир, ботаника А.Э. Регеля – по исследованию верховьев Амударьи, Каратегина и Дарваза. Флора территории современного Таджикистана изучалась ботаниками В.Л. Комаровым и В.И. Липским. В 1871 г. было создано «Среднеазиатское научное общество», ставившее целью сбор и публикацию данных по истории и этнографии народов Средней Азии. П.С. Савельев и П.И. Лерх собирали материалы по нумизматике; В.В. Григорьев издал ряд трудов по древнейшей истории края; академик В.В. Вельяминов-Зернов изучал историю Бухарского и Хивинского ханств. Известные русские путешественники по Средней Азии Б.А. Федченко, И.В. Мушкетов, В.П. Наливкин, Б.А. Кирхгоф, Д.Л. Иванов, М.И. Чайкин и многие другие вели регистрацию археологических памятников, изучали древние города, собирали этнографические и экономические данные о населении Средней Азии. В начале 1897 г. по инициативе В.Ф. Ошанина и С.И. Жилинского было организовано Туркестанское отделение «Русского географического общества», которое проводило великолепную работу по научному изучению края и были созданы многие другие отделения. Большое значение для развития астрономии в Средней Азии имело основание в 1873 г. Ташкентской обсерватории. Особо важную роль в научной жизни края сыграли созданные тогда же метеорологическая станция, этнографический, исторический и археологический музеи и др., и появилось просветительство [1, 133. 2, 906]. Об этом опубликована многочисленная литература.

Если исследовать в этом направлении – по изучению истории и культуры народов Средней Азии, в том числе таджикского народа, велика роль академика Академии наук Таджикистана Александра Александровича Семенова (1873-1958 гг.) и его научного наследия как продолжателя дела великих русских ученых по изучению истории и культуры народов Средней Азии. Основные страницы биографии, обширная научная, преподавательская, изыскательская, экспедиционная и административная деятельность Александра Александровича и собранные им коллекции уникальных образцов письменного наследия, искусства и ремесла народов Востока, неразрывно связаны с важным древне–историческим периодом – научно-культурным освоением российскими учеными специалистами – исследователями Центральной Азии и Таджикистане в конце XIX и первой половине XX века.

Если говорить правду, академик Александр Александрович Семенов был одним из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа в малоисследованном регионе мира, каким в конце XIX – начале XX веков являлся юго-восток Бухарского эмирата, так называемая Восточная Бухара.

О жизни и трудовой деятельности академика А.А. Семенова написано много книг и статей, и особенно надо отметить новой научной труд Л.Н. Додхудоевой («Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы)». – Душанбе. 2013. 266 стр.). Она является ценнейшим историческим источником по изучению истории и культуры таджикского народа. Работа Ларисы Назаровны может быть первой публикацией всех документов Александра Александровича, хранящихся в этнографическом архиве института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Автором была проведена всесторонняя и тщательная археографическая обработка сохранившихся документов, описание каждого листа, каждой фотографии, негативов, иллюстраций и научных трудов. Надо отметить, что ранее учеными не были подвергнуты источниковедческому анализу материалы академика Александра Александровича Семенова, имеющие ценные источники для изучения истории и культуры Центральной Азии. Л.Н. Додхудоева на конкретных примерах показала значимость тех или иных документов, что позволило ей представить многоаспектное историческое измерение имеющихся документов. В этом труде впервые вводимые в научный оборот факты и свидетельства позволили составить достаточно цельную картину деятельности академика Александра Александровича, выявить его талант и вклад в развитие науки, в изучение и сохранение уникального культурно-исторического наследия, языка, фольклора, памятников не только таджикского народа, но и других народов Центральной Азии и Таджикистана.

В начале XX века расширяются исследования истории и культуры, природных богатств Центральной Азии. Ученые – энтузиасты, молодые инициаторы создают новые научные общества («Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», «Туркестанское медицинское общество», «Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края и многие другие. Тогда русскими учеными был опубликован целый ряд научных трудов, имеющих источниковедческое значение. Например, в области естественных наук к ним относились ботанические исследования В.Л.Комарова и И.А.Райковой, работы геологов Д.Л.Иванова, К.И.Богдановича, С.Н.Михайловского и Д.В.Наливкина, выявившие некоторые особенности рельефа и геологии Памира и Центрального Таджикистана, работы М. А. Менабира «Зоологические участки Туркестанского края» и Л.С.Берга «Рыбы Туркестана» и др. По истории Центральной Азии вышли труды крупного востоковеда-академика

В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошения Туркестана» и ряд других. В этот же период были изданы первые монографии по этнографии таджиков –«Горцы верховья Пянджа» и «Орнамент горных таджиков» А.А. Бобринского, написанные на основе большого полевого материала, собранного автором. Среди этих великих ученых, одновременно активным учредителем и участником этих научных обществ, был и А.А. Семенов. Он публикует два тома материалов для изучения наречий таджиков Центральной Азии и «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза». Вместе трудов А.А. Семенова появляются работы будущих известных этнографов М.С. Андреева, А.А. Половцева, И.И. Зарубина и многих других.

Академик Александр Александрович Семенов был одним из основных учредителей и активных участником научной организации «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» организованного в 1925 году в городе Ташкенте. По мнению академика Р.М. Масова она является важной вехой в изучении истории, лингвистики и культуры таджиков в начале XX века [3,69]. Деятельность общества всесторонне и широко поддерживал руководитель Таджикской АССР и был одновременно почетным председателям общества. Общество играло большую историческую роль, когда для развития науки в Таджикистане в тот период не было необходимой базы и соответствующих научных кадров. Перед созданным впервые научным учреждением по изучению истории и культуры таджиков стояло множество проблем, решение которых требовало огромной научно-исследовательской работы и больших материальных расходов. По составленному в начале февраля 1925 года плану «Общество» приступило к этнографическому, филологическому, историческому, физико-географическому и экономическому исследованию республики [4,327]. Поэтому основное внимание уделялось организации различных экспедиций для сбора археологического, этнографического материала и музейных экспонатов. Результаты научных экспедиций первоначально подытоживались в специальных докладах, которые заслушивались на общих открытых собраниях членов общества с привлечением широкого круга общественности: партийных, советских работников и тех, кто интересовался вопросами истории, этнографии, литературы таджикского народа. Вскоре оно издало сборник «Таджикистан», куда вошли статьи В.В. Бартольда, М.С. Андреева, Н.Л. Корженевского и других исследователей, в том числе статьи А.А. Семенова. История создания указанного общества и его научная деятельность в достаточной степени освещены в работах таджикских историков А.А. Семенова, З.Ш. Раджабова, М.Р. Шукурова, Г.Х. Хайдарова, Е.Г. Шаголова и др. В нем также упоминаются почти все обобщающие труды, изданные по истории таджикского народа советского периода, в коллективных работах, посвященных истории культурного строительства в Таджикистане за годы Советской власти. Главное место в работе «Общество» занимало изучение

дореволюционной истории, этнографии и литературного наследия таджикского народа. Научная деятельность «Общества» сосредоточивалась в двух отделах: физико-географическом и экономическом, историко-филологическом и этнографическом [5,8].

«Общество» сыграло положительную роль в развитии советского источниковедения и историографии Таджикистана. Она по существу явилось единственным научным учреждением (созданным по объективным причинам не в самой республике, а за ее пределами), которое непосредственно занималось всесторонним изучением дореволюционной истории таджикского народа. За годы своего существования «Общество» завоевало заслуженное признание и популярность в научных кругах нашей страны и за ее пределами. Об этом свидетельствует обширная научная переписка по обмену изданных «Обществом» научных трудов с зарубежными научными организациями и отдельными учеными, которые заказывали выпускаемую исследовательскую продукцию [6.9]. В деятельности «Общества» велика роль академика А.А. Семенова. На основе этих опытов академик Александр Александрович опубликовал свою следующие труды: Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч.1. Грамматический очерк и памятники народного творчества. – Москва, 1900. – С.19-54; Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – Москва, 1903; очерк поземельного и налогового устройства Бухарского ханства. – Ташкент, 1929; Старый таджикский и персидский военный термин *хасак,* его значение и вещественная форма// Изв. ТФАН СССР. – № 15 – 1949. – С.69-74; Материальные памятники иранских культуры в Средней азии. Сталинабад, 1944; Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Ези // Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. – Сталинабад, 1956; Культурный уровень первых Шейбанидов // Советское востоковедение. – Москва, 1956; О среднеазиатской бумаге. (Сорта среднеазиатской бумаги, ее производство и способы окраски // Изв. ТФАН СССР. Отд. обществ. наук. – №1-1963. В переводах А.А.Семенова и с его комментариями изданы важные исторические первоисточники: «Мукимханская история» Мухаммад Юсуфа Мунши, «Убайдулла наме», «Среднеазиатский трактат по музыке Дарвеша Али (XVIII в.)», «История Шугнана, Бурхан ул-Дин-хан-и Кушкеки», «Каттаган и Бадахшан», «Рашид ад-Дин.Сборник летописей», «Дневник похода Тимура в Индию» Гияасаддина Али и многие другие [7,8]. Он начинал свою научную деятельность как этнограф в составе экспедиции в Горный Таджикистан, организованной «Обществом естествознания, антропологии и этнографии» при Московском государственном университете под руководством известного путешественника, этнографа и искусствоведа А.А.Бобринского и прошел основные исследовательские пути и стал академиком Академии наук Таджикистана. Будучи блестящим знатоком древностей Востока он собрал великолепную коллекцию средневековых рукописных книг (переводил и с

комментариями издал), различные изделия прикладного искусства, фотографии, рисунки, планы, негативы, эстампажи и многое другие. А.А. Семенов в своих трудах широко использовал как исторический источник труды русских ученых – В.Л. Комарова, И.А. Райковой, Д.Л. Иванова, К.И. Богдановича, С.Н. Михайловского, Д.Н. Наливкина, М.А. Менабира, Л.С. Берга, В.В. Бартольда, А.А. Бобринского, М.С. Андреева, А.А. Половцева, И.И. Зарубина, Н.Л. Корженевского, В.И. Даля, В.В. Рдлова. И.Н. Березина, В.В. Вельяминова-Зернова, Г.Н. Потанина, Н.А. Аристова, Н. Ханыкова, В.В. Григорьева, И.В. Мушкетова, Д.И. Щербакова и многих других, труды местных исследователей и изданий многочисленных обществ и написал многочисленные труды, статьи, имеющие источниковедческую ценность [8.155,221].

В заключение хочу коротко сказать, что все сохранившиеся документы и труды академика Александра Александровича Семенова представляют особый научный интерес вне зависимости от их объема в силу своей уникальности и является историческим источником в изучении истории, этнографии, археологии и культуры народов Востока и том числе таджикского народа в конце XIX – первой половине XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История таджикского народа. Том II. Кн.2. – Москва, 1964.
2. История таджикского народа. Том IV. – Душанбе, 2010.
3. *Масов Р.М.* История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1988.
4. Из истории культурного строительства в Таджикистане. 1924-1941 гг. Сб. документов, Т.1. – Душанбе: Ирфон, 1966.
5. *Шагалов Е.С.* Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966.
6. *Семенов А.А., Козачковский В.А.* Историческая наука в Таджикистан за 25 лет. – Докл. АН Тадж. ССР, вып. 12. – Сталинабад, 1954.
7. *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семенова и М.С.Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013.
8. История Таджикской ССР. – Душанбе, 1983.

Турсунов Б. Р.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Кокандское ханство являлось одним из крупнейших государств в истории Центральной Азии в позднефеодальной и новой эпохе. Среди источников особую роль играет русскоязычные письменные источники. По тематике они разнообразны, среды них имеются источники географического, экономического, политического и исторического характера, каждый из которых без сомнения является ценным источником.

Одно из первых сведений географического характера мы находим на страницах «Книги глаголемой Большого чертежа» - источника, написанного в XVI в. В книге имеются сведения о географическом расположении Ферганы и других регионов Центральной Азии, которые в определенный период были в составе ханства. В «Книге Большого чертежа» относительно событий 1243 г. мы встречаем называние реки Сыр-Дарьи в форме Сыр, отмеченная как географическая и политическая граница Мавераннахра (18, с.8-9).

Впервые в русских источниках, в произведениях А. Левшина и позднее Ч.Ч. Валиханова, встречаются сведения о Джунгарском государстве, описывается политическая ситуация в Восточном Туркестане, Кокандском ханстве в середине XVIII в., проникновение джунгар и их военные столкновения Кокандским ханством (17, с.87-88, 247.; 5, с.140.; 6, с.316).

Ф. Назаров, одним из первых, в 1813 г. побывал в Коканде, его принял кокандский правитель Умар-хан. Цель его визита была связана с преодолением инцидента, возникшего в связи с гибелью двух кокандских послов в России. О статусе Ф. Назарова имеются разные мнения. В литературе его называют послом Российской империи. Но Ф. Назаров в своей книге себя отмечает в ранге переводчика. Ознакомление с книгой показывает, что кроме него в составе делегации были сотник и несколько солдат сопровождавших их. Это подтверждает, что он был в ранге посла Российской империи, представившего письмо и подарки императора. В его воспоминаниях имеются сведения о Чилмахрамской переправе, расположенной между Аштским районом и Канибадамом. Говоря о Канибадаме, в частности он отмечает расположение в нем более 1000 дворов. Также перечисляет крупные города, крепостей и укрепления ханства, в их числе упоминается Наманган, Коканд, Махрам, Худжанд, Ура-Тюбе. Ф. Назаров подробно описывает крепостные сооружения городов Худжанд, Ура-Тюбе, которые имели важный стратегический характер. И в будущем, эти сведения были использованы русскими военными при проникновении в Кокандское ханство (25).

В принадлежащем анонимному автору «Обозрении Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», тоже имеются ценные и интересные

научные материалы, политической жизни и борьбы в Кокандском ханстве. Это первое полноценное исследование Кокандского ханства в русской историографии. В работе конечно вместе с извлечениями из местных исторических хроник имеются оригинальные материалы относительно Кокандского ханства. (27)

Ценный исторический очерк принадлежит перу профессора В.В. Веляминова-Зернова. Основываясь на доступных ему материалах, он рассказывает о политической жизни ханства в период правления Мухаммад Али-хана, Шерали-хана, Худаяр-хана, особенно затрагивает его рассказ, связанный с трагическими событиями – «кипчакской резни» и казни их вождя Мусулманкул мингбаши (7).

Исследование небольшого размера академика А. Кун, посвящено последним годам существования Коканского ханства. В нем имеется сведения об административном делении ханства, состоящего в последние годы своего существования из 15 бекств. Также, имеется материалы о налоговых повинностях и обязательствах при Худаяр-хане. В таблицах отмечается название бекств и общий объем их налоговой повинности, что является бесценным источником при изучении налоговой системы Кокандского ханства (16, с.71-85).

Сведения Н. Сверцова, побывавшего в плену у кокандцев, имело стратегический характер. Автор в нем описывал те укрепления и крепости, где он побывал, во время плена. Также, отмечалось вооружение каждой из них. Естественно в дальнейших действиях во время штурма, эта информация пригодилась Российской армии (33).

Тематика исследования крупного ученого, основателя русского востоковедения, академика В.В. Бартольда, многогранна. В его исследованиях мы находим сведения разнообразной тематики. О географии – о горах и крупных реках, о экономической жизни – об искусственной оросительной системы, налогах и налоговой системе, о структуре средневековых городов Средней Азии, а также их топографии, имеются ценнейшие сведения об урабанизационных процессах. В работе известного востоковеда также читаем сведения об этнических группах – сартах, и высокую, объективную оценку об исторической роли таджиков в истории и цивилизациях Центральной Азии. (3.;4) Академик В.В. Бартольд в своих исследованиях, на основе архивных материалов более точно отмечает начало проникновения Российской империи на территорию Кокандского ханства. Это имеет огромное научное значение при освещение исторических событий тех лет (2).

В произведении другого востоковеда-академика Н. Веселовского, также описывается проникновение Российской империи на территорию Кокандского ханства. Описываются участники войны, оборона Чимкента (8).

В книге К. Абаза названный «Завоевание Туркестана», описывается история проникновения Российской империи, военные действия русской регулярной армии в течение 1852–1876 гг. и завоевание территории Кокандского ханства от крепости Ак-Мечеть до столичного города Коканд. (1)

В нашей работе, при сравнительном анализе материалов, широко использовался как один из источников «Хронологический указатель военных действий русской армии и флота». Он ценен тем, что в период проникновения и до покорения Кокандского ханства Российской империей, все события ежедневно отмечены, в форме сводки. (35) Конечно, относительно некоторых сводок возникают вопросы, не всегда точно указано число участников военных событий, погибших из числа мирного населения. Но, несмотря на отмеченные недостатки, данный источник имеет огромное значение при освещении событий тех времен.

В работах, непосредственного участника военных действий и погибшего во вовремя захвата крепости Махрам, подполковника А.П. Хорошхина, имеется сведения этнографического характера, также имеется сведения о политической истории Кокандского ханства. (34)

Одним из источников, относительно проникновения и военных действий Российских войск, является книга поручика В.Н. Зайцева, посвященная жизненному пути 4-го Туркестанского линейного батальона. Хотя этот книга написано в стиле мемуаров, в ней, на основе архивных материалов, официальных сводок, русскоязычных письменных источников и воспоминаний участников военных действий, подробно, год за годом описан боевой путь одного из батальонов русской регулярной армии. Как показывает автор, 4-й Туркестанской линейный батальон активно участвовал основных военных действиях русской армии против Кокандского ханства, Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Автор, старается показать героизм русского офицера и солдата, при военных походах против Кокандского ханства. (14)

В работах М.Н. Галкина имеются материалы относительно расположения различных этносов и их продвижения на территорию Средней Азии в период и после проникновения Российской империи на территорию Кокандского ханства. (9)

А.И. Добросмыслов описывает краткую истории городов Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент. Ценны те материалы, где на основе различных источников автор рассказывает кратко о генезисе городов, проникновении и завоевании Российской империей территории Кокандского ханства, в которое входили перечисленные города, как военные укрепления, крепости или города ханства. Другая работа А.И. Добросмыслова, посвящена центральному городу Туркестанского генерал губернаторства – городу Ташкенту, и имеет огромную научную ценность. (11; 12)

Академик А.Ф. Миддендорф, в течение более двух месяцев изучавший Ферганскую долину, написал классическую книгу, о географическом расположении, климатических условиях, составе и плодовитости почвы, об агрокультуре, эффективности сельского хозяйства долины, а также, он с восхищением несколько раз отмечает трудолюбие народов, населявших долину. Частично встречаются материалы об этническом составе населения Ферганской долины. Поэтому работу А.Ф. Миддендорфа можно считать,

одним из весомых научных исследований, как источник, который имеет, определённое значение в изучение истории ханства. (24)

Первой более подробной работой по политической истории Кокандского ханства является книга В. Наливкина. Хотя в дальнейшей судьбе этого исследования сыграла роковую роль отрицательная характеристика академиков Н. Веселовского и вслед за ним В.В. Бартольда, но до того момента и даже после, в течение нескольких десятилетий в русском востоковедении, не было такого полноценного исследования по истории Кокандского ханства. В книге на основе исторических хроник историков Кокандского ханства и других доступных источников В. Наливкин освещает огромный период политической истории Кокандского ханства. (26) Главным недостатком работы В.П. Наливкина, как справедливо отметили вышеотмеченные корифеи русского востоковедения, является то, что при изложении исторических событий В.П. Наливкин не указывает использованных источников. (13)

О некоторых городах и крепостях, таких как Наманган, Чимкент, Махрам, в последние годы существования Кокандского ханства, и политических событиях в ханстве, дает сведения русскоязычный анонимный очерк, (15) который является ценным источником второй половине XIX в.

Работа Н. Петровского на первый взгляд, кажется поверхностно освещающий историю ханства, но в нем мы читаем много ценнейших сведений о политической жизни ханства. В этом отношении, в очерке имеется много оригинальных материалов, которые ценны для истории. При написание этой работы, автор использовал доступные ему источники и сведения, а также привлекал для решения вопросов истории Кокандского ханства непосредственных участников событий тех времен. Одним из его персонажей, был последний правитель Ура-Тюбе, Абдугаффарбек. Из уст последнего автор записывал некоторые интересные исторические сведения, которые имеют огромную историческую ценность при изучении истории последних лет существования Кокандского ханства. (29)

В «Заметке» генерала Д.И. Романовского много интересных фактов, относительно блокады и захвата городов Худжанда и Ура-Тюбе, о проявленном героизме при защите горожан, и смерти тысяч безвинных людей. Также в работе имеются материалы о дипломатических отношениях и военных действиях, между Россией и среднеазиатскими государствами – Кокандом и Бухарой. В приложении к книге приведены ценные архивные материалы, которые, еще более поднимают ценность этой книги. (30)

О географическом расположение, рельефе, природных условиях имеется много научных русскоязычныхизданий. Одним из них является исследование академика П.П. Семенова, вице–председателя Императорского Русского Географического Общества. В работе он одним из первых охарактеризовал расположение Ферганской долины, окружающих долину горных систем. (28)

Относительно вакфного имущества имеется сведения в работе М.Н. Ростиславова. Он отмечает в качестве одной из категорий вакфа – «мустадарак». М.Н. Ростиславов более подробно охарактеризовал и другую категорию вакфа – вахми-авлат (авлодий вахм), когда по завещанию владельца управление вакфным имуществом передавалось родственникам. (31.;32)

Заслуживают внимания сведения А. Шахназарова относительно категории земель и налогов (38). В работе, конкретно характеризуются основные виды частного владения – «милк». А. Шахназаров имущество религиозных организаций отмечает, не как «вакф» или «вакуф», а называет его «вахм». Такое называние до сих пор используется у населения Ферганской долины, применительно к имуществу религиозных учреждений.

При исследовании этнического состава населения, а также уточнении места расположения летовок и зимовок полукочевых и кочевых племен, а также поселений оседлых жителей, численности населения с его этническим составом в эпоху Кокандского ханства, нами использованы разнообразные исследования. В первую очередь, в исследовании служили основой статистические материалы, материалы переписи населения на территории бывшего Кокандского ханства. При освещении этнических вопросов и этнических процессов, мы больше полагались на материалам 1911-1920 гг. (20.;21.;22)

Исследования Н. Шаврова, Г.К. Гинса, О.А. Шкапского, Н.А. Маева, Черданцева тоже посвящены оросительной системе среднего и нижнего течения р. Сыр-Дарьи (10.;40.;19.;36). В работе также использованы имеющие весомое значение при исследования экономической жизни Кокандского ханства материалы отчётов, в которых имеются сведения об экономическом положение региона. Это отчеты К.К. Палена, и Н.Ф. Петровского, выпущенные в разное время и имеющие большую ценность в нашей работе (39.;23). Исследование Н. Шаврова, ценно тем, что в нем дан польный список оросительной системы Ферганской долины, которая существовала в Кокандском ханстве. Некоторые оросительные сеты были более древними, и были созданы намного раньше, еще до образования Кокандского ханства (37).

Таким образом, перечисленные источники и литература дают возможность представить, историю Кокандского ханства частично в XVIII и более подробно XIX вв. Вместе с местними историческими хрониками, русскоязычные источники дают возможность описать полную картину событий истории Центральной Азии в позднефеодальной и новой эпохе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Абаза К.К.* Завоевание Туркестана. – М.: Кучково поле, 2008. – 256 с.

2. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и в России. – СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1911. – 282 с.

3. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Том I. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – 760 с.

4. *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Сочинения. Том III. – М.: Наука, 1963. – С. 210-237.

5. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений. В 5 томах. Том III. – Алма-Ата: АН Каз. ССР, 1964. – С. 140.

6. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений. В 5 томах. Том II. – Алма-Ата, 1962. – С. 316.

7. *Веляминов-Зернов В.В.* Исторические известия о Коканском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худаяр-Хана // Труды восточного отделения Императорского археологического общества. Часть вторая. – СПБ., 1856.

8. *Веселовский Н.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод, приложение. – СПб, 1894.

9. *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. – СПб.: Издания Я.А. Исакова,1868. – 336 с.

10. *Гинс Г.К.* Основная начала проекта водного закона для Туркестана. (С приложением проекта в редакции междуведомственной комиссии). – СПб., 1912.

11. *Добросмыслов А.И.* Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент. – Ташкент: Эл. пар. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. – 204с.

12. *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. – Ташкент: Эл. паров. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. – 520 с.

13. *Зимин Л.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще (1800-1810 гг.). – Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского воен. Округа, 1913. – С.101-108.

14. История 4-го Туркестанского линейного батальона за период 1771 по 1882 год. /Составлено поручиком *В.Н. Зайцевым*. – Ташкент, 1882.

15. Коканское ханство по новейшим известям // Военный сборник. – 1869. – № 7. – С. 68-110.

16. *Кун. А.* Очерки Коканского ханства. (Читано в общем собрании 4 февраля). // ИРГО. - СПб., 1877. – 71-85.

17. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1-2. – СПб., 1832. – С.87-88, 237.

18. *Макшеев А.И.* Географические сведения Книга Большого Чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае //ЗИРГО по отд. Этнография. Том VI. С. 8-9.

19. *Маева Н.А.* Топографический очерк Туркестанского края. Орфография и гидрография края. Русский Туркестан / Сб. изданный по

поводу политехнической выставки. Выпуск первый. География и статистика. Под редакцией *Н.А. Маева*. – М.: Университетская типография, 1872.

20. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане // Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом *К.К. Паленом*. – Спб., 1911. Ч. 1. Отд. 1. – С. 62 Ч.II. Отд. 1. Таблицы. – СПб., 1911. – Ч.II. – Отд. 1.

21. Материалы Всероссийских переписей 1917 г. Перепись населения Ферганской области. – Ташкент: Госиздат, 1924.

22. Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике // Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент. – Т., 1924. Вып. IV. Составлен *И.П. Магидовичем*, редактор *Д. Красновский*. – С.1,20-21, 42-56, 61-80.

23. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. // Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённый по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом *К.К. Паленом*. – Спб., 1911. Ч. 1. Отд. 1. – С. 62 Ч.II. Отд. 1. Таблицы. – СПб., 1911. – Ч.II. – Отд. 1.

24. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1882. – 480 с.

25. *Назаров Ф.* Записка о некоторых народах и землях средней части Азии. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. - 77с.

26. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. – Казан: Типография Императорского Университета, 1886. – 216 с.

27. Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // ЗИРГО книжка III. – СПб., 1849.

28. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России. С приложением карты окраин Российской империи. / под редакцией *П.П. Семенова*. Вице-Председателя Императорского Русского Географического Общества. – СПб.: Типография АО Брокгауз - Ефрон, 1900. – С. 135.

29. *Петровский Н.* Очерки Коканского ханства // Вестник Европы. 1876. – С. 733-734.

30. *Романовский Д.И.* Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб.: Типография второго отделасобственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. – 291 с.

31. *Ростиславов М.Н.* Очерк видов земельной собственности в Туркестанском крае. // Туркестанские ведомости. 1874. № 5.

32. *Ростиславов М.Н.* Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос. // Туркестанский сборник. 1883. Т. 323. – С. 269.

33. *Сверцов Н.* Месяц плена у Коканцев. – СПб., 1860. http://www.vostlit.info/Texts/ Dokumenty/M.Asen /XIX/1840-1860/Severcov/1.JPG/ Дата обращения: 10.10.2016 г.

34. *Хорошхин А.П.* Сборник статьей касающихся Туркестанского края. – СПб., 1976. – 532 с.

35. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Том IV. 1855-1894 гг. – СПб.: Военная типография, 1911. – 198 с.

36. *Черданцев Г.Н.* Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. – Ташкент, 1911. – 55 с.

37. *Шавров Н.* Водное хозяйство Туркестана и закаспийской области. В связи с проектом водного закона. – СПб.: Типография Усманова,1911. – 74 с.

38. *Шахназаров А.* Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. (С рисунками). – СПб.: Типография Спб. Градоначальства,1898. – 152 с.

39. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. // Отчет Министерству Финансов Агента в Туркестанском генерал губернаторстве *Н.Ф. Петровского*. – Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1904. – 107 с.

40. *Шкапский О.* К вопросу об орошении земель в Туркестане. (По поводу проекта привлечения частных капиталов для орошения свободных земель). Доклад *О.А. Шкапского* прочитанный в заседании III Отделения И.В.Э.О. 12 декабря 1909 года. http: // www.cawater-info.net/library/shkapskiy/pages/18.ntm Дата обращения: 30.11.2016.

Шарипов Ш.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ГАФУРОВСКИЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКИ (1956-1977 ГГ.)

В историю советской и мировой востоковедческой науки академик Б.Г. Гафуров вошел не только как известный исследователь, но и как талантливый организатор, внесший большой вклад в развитие научных исследований в области ориенталистики, организации научных центров и воспитания высококвалифицированных кадров ученых-востоковедов. Академик Б. Г. Гафуров свыше 20 лет (1956-1977 гг.) возглавлял Институт востоковедения АН СССР – ведущий и крупнейший центр мирового востоковедения. Благодаря деятельности этого учреждения советская ориенталистика достигла крупных успехов, и поднялось на высокую ступень своего развития.

Значителен и неоценим вклад Б.Г. Гафурова в развитие, организацию и пропаганду достижений советской и мировой ориенталистики. С именем этого ученого связаны важные решения, события и перемены, происходившие в востоковедческой науке.

Известный индолог, доктор исторических наук, бывший директор Института востоковедения Академии наук России Р.Б. Рыбаков в своем выступление на Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.Г. Гафурова, которая проходила в Нью-Дели (Индия) 28-29 июля 1999 года отмечал: «Время, когда Б.Г. Гафуров возглавлял наш Институт (1956-1977гг.)-старейший и крупнейшей гуманитарный научный

центр страны, «главный штаб» отечественного востоковедения-остается Золотым Веком всей нашей отрасли, память о котором хранит и те, кому (как мне) посчастливилось быть принятым в науку самим Гафуровым, и те поколения, которые пришли уже после его ухода из жизни, но впитали в себя светлую ауру гафуровских традиций.

Чем дальше уходим мы по жизни от времени общения с живым Гафуровым, тем яснее становится, для нас масштаб его личности. Он не был прост, это низенький, плотный, величественный человек в неизменной тюбетейке и сильным восточным акцентом. Таджикский Сталин, партийный функционер – и мусульманин, совершивший хадж. Жесткий руководитель, диктатор – и добрый, отзывчивый друг и наставник. Тонкий и лукавый дипломат – и человек бесстрашной искренности даже в самое страшное время. Вдохновитель смелых научных дискуссий и несгибаемый коммунист.

Не знавшие его могут подумать, что сказанное относится к разным людям.

Но в нем все эти разнородные черты были сплавлены в единый уникальный характер, в уникальную и неповторимую личность. Он был частью своего времени, но две важнейших составляющих его натуры – мудрость и благородство – позволили ему сотворить в советском пространстве свое особое, гафуровское время» [2,117].

Бободжан Гафуров возглавил Институт востоковедения АН СССР в трудное время. Это было время, когда, по словам академика Е.М. Жукова, тогдашний уровень изучения проблем Востока в стране еще сильно отставал от требований, предъявляемых жизнью. Поэтому деятельность центра советского востоковедения подвергалась острой критике на XX съезде КПСС.

Учитывая критику в адрес института на этом съезде и в высших эшелонах советского руководства Президиум АН СССР принял специальное Постановление, в котором отмечалось, что Институт востоковедения работал неудовлетворительно, не справился с решением важнейших задач, стоящих перед ним. В Постановлении подчеркивалось, что в институте не было организовано глубокое изучение важнейших процессов общественной жизни и развитие культуры Востока, за последние годы не было создано крупных обобщающих трудов, показывающих распад имперской системы. Совершенно справедливо в Постановлении отмечалось, что институт не стал подлинным центром востоковедческой науки, не координировал деятельность многочисленных групп востоковедов, работающих в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и национальных республик [9,20-26, 81].

Именно в такое ответственное время Бободжан Гафуров Постановлением Президиума АН СССР от 16 июля 1956 года, №378 [8,151-152] был назначен директором ИВ АН СССР. Назначение Б.Г. Гафурова на должность крупнейшего востоковедческого центра оказалось исключительно удачным. Действительного члена Академии наук Таджикистана, доктора

исторических наук Бободжана Гафурова знали в стране как известного политического и государственного деятеля, ученого и как крупного специалиста по Востоку. Многолетняя работа в аппарате ЦК Компартии Таджикистана (1936-1956 гг.), где он прошел путь от инструктора по печати до секретаря ЦК по идеологии (1941-1944 гг.), второго секретаря ЦК Компартии Таджикистана (1944-1946 гг.), затем первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана (1946-1956 гг.) [4,6] наделила Б.Г. Гафурова политическим и организационным опытом, сочетавшимся с глубоким знанием истории и культуры. Этот опыт сделал многогранным его природный талант историка-востоковеда, сформировал его как талантливого организатора науки, привил ему вкус к постановке и решению крупных организационных, сложных теоретических, методологических и практических проблем.

С приходом Б.Г. Гафурова наступил качественно новый этап в развитии советского востоковедения. Благодаря природному таланту и организаторским способностям Б.Г.Гафурова ориенталистика стала более глубокой, всеобъемлющей, разносторонней и оперативной. На посту директора Института востоковедения АН СССР ярко проявились способности Б.Г. Гафурова как талантливого организатора науки: его умение видеть новое, верно замечать важнейшие направление и цели исследования, обеспечить достижение положительных результатов исследовательских работ концентрацией необходимых сил и средств на главных направлениях. Он уделил много времени реорганизации института, перестройке его структуры, сделав работу этого учреждения более гибкой и оперативной. Были образованы ряд новых отделов и секторов, улучшилась тематика научно исследовательских работ, значительно расширился круг специалистов института. Одновременно создавались новые востоковедческие центры, учебные заведения не только в городах Москва и Санкт-Петербург, но и в союзных республиках. По инициативе и с помощью Б.Г. Гафурова были организованы востоковедческие центры в Армении, Грузии, Азербайджане.

Выступая на юбилейной научной конференции посвященной 70-летию Б.Г. Гафурова с участием ведущих востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и других союзных республик, которая проходила 28 декабря 1979 года в столице Таджикистана – г. Душанбе тогдашний директор Института востоковедения АН СССР, известный востоковед, дипломат, политический и государственный деятель, академик Евгений Максимович Примаков (он затем занимал высокие и ответственные посты в высшем эшелоне политической власти – был председателем Палаты союзов Верховного Совета СССР, руководителем Внешней разведки, министром иностранных дел РФ, Премьер-министром Правительства Российской Федерации) говорил: «Б.Г. Гафуров стал директором Института востоковедения АН СССР в 1956 году и более 20 лет руководил его работой. Он был одним из редких ученых и руководителей, который понимал комплексный характер востоковедческой науки. В сравнительно короткий срок он дал чрезвычайно много Институту

востоковедения, сумел создать и собрать большой дружественный дееспособный коллектив специалистов, занимающихся историей, литературой экономикой, культурой, религией и языками стран Востока и нацелить его на решение актуальных задач. До прихода Б.Г.Гафурова в Институт востоковедения АН СССР работали всего 70-75 человек и при нем число сотрудников выросло до 750-800 человек. Деятельность Б.Г.Гафурова способствовала качественному развитию отечественного востоковедения, приближению ее к жизни, к практическим задачам и ориенталистика превратилась из кабинетной науки в оперативную, идущей рядом со временем и отвечающей требованиям жизни и времени [5,178-179]».

В декабре 1989 года в Душанбе широко отмечали 80-летие со дня рождения академика Б.Г. Гафурова, с участием известных востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызии и других республик Советского Союза, а также зарубежных стран США (известный востоковед, профессор Гарвардского университета доктор Ричард Фрай), Индии (профессор Алигархского исламского университета Мансура Хайдар), Афганистана (Генеральный консул Республики Афганистан в Таджикистане, профессор Акрам Усман и профессор Кабульского университета доктор Джалолиддин Сиддики).

Член делегации Москвы, заведующий Сектором Института востоковедения АН СССР, академик АН Таджикистана, Заслуженный деятель науки Республики Таджикистан, доктор исторических наук, профессор Б.А. Литвинский в своем выступлении на юбилейной научной сессии, 22 декабря 1989 года отмечал: «После своего назначения директором ИВ АН СССР Б.Г. Гафуров с присущей ему энергией, смелостью и инициаторством занялся перестройкой деятельности института.

Когда Бободжон Гафуров пришел в институт, там работали около 100 человек, работали по старому методу, занимались в основном классической ориенталистикой. Современные проблемы Востока остались на втором плане. Б.Г. Гафуров добился того, чтобы институту представили большие возможности, инициативу, самостоятельность и институт постоянно рос. Начался приток больших свежих сил. В институт пришли опытные, авторитетные ученые и смелые, энергичные, молодые исследователи. При смерти Бободжана Гафурова количество сотрудников ИВ АН СССР приблизилось до 850 человек. Институт востоковедения АН СССР переориентировался на современные проблемы Востока [3,154-155].

Коренное изменение и реорганизация деятельности Института востоковедения АН СССР по словам самого Б.Г.Гафурова сводилась к следующему:

Во-первых, была значительно изменена тематика научно-исследовательских работ, что нашло свое выражение в проекте пятилетнего плана работы института.

Во-вторых, изменена внутренняя структура института с целью обеспечения лучших возможностей для более глубокого изучения стран Востока.

В-третьих, были налажены контакты с научными учреждениями и учеными зарубежного Востока.

В-четвертых, была создана Центральная восточная библиотека со своими фондами и правом международного обмена.

В-пятых, было создано Издательство восточной литературы, которые публиковало произведения советских и известных зарубежных востоковедов на русском и иностранных, в том числе на восточных языках [4, 17-18].

Б.Г. Гафуров был инициатором публикации серии письменных памятников Востока. Решением бюро Отделения истории АН СССР в марте 1964 года была создана серия книг «Памятники письменности Востока» под председательством Бободжана Гафурова. Благодаря этому, многие классические сокровища – творения ученых, поэтов, писателей, уникальные источники стали достоянием всего человечества. Б.Г. Гафуров возглавлял и редколлегию серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX-начала XX века». Он горячо поддержал предложение об издании десятитомного собрания сочинений корифея востоковедческой науки академика В.В. Бартольда, участвовал в работе редакционных коллегий и выступил в качестве ответственного редактора этого замечательного издания, которое лежит в основе всех востоковедческих исследований и без нее не может обойти ни один серьезный исследователь, занимающийся проблемами Востока.

В результате принятых мер в начале 60-х годов XX века Институт востоковедения АН СССР превратился в крупнейшее в мире востоковедческое учреждение и успехи отечественного востоковедения были естественным следствием существенных изменений и реорганизаций института и напряженной и плодотворной коллективной работы его сотрудников под руководством Б.Г. Гафурова.

Проблема координации деятельности востоковедческих центров всегда находились под пристальным вниманием Б.Г. Гафурова и этому важному вопросу посвящены ряд всесоюзных совещаний востоковедов, проходивших в Ташкенте (июнь 1957 г.), в Москве (июнь 1961 г.) и в Тбилиси (ноябрь 1964 г.) [6, 60].

Велика роль Б.Г. Гафурова в значительном расширении и укреплении международных связей советских востоковедов. Этому Б.Г. Гафуров содействовал своей работой по организации в Москве XXV Международного конгресса востоковедов (1960 г.), активным участием во многих других международных форумах, а также своей работой на посту председателя Советского комитета по основному проекту ЮНЕСКО «Взаимное признание ценности культур Востока и Запада» (сокращенно проект – «Восток - Запад» и Президента Международной ассоциации по изучении культуры Центральной Азии (МАИКЦА). В рамках осуществления проекта «Восток-Запад» (1957-1966 гг.) предусматривавший укрепление связей между западными и восточными странами, Б.Г. Гафуров посетил ряд стран Востока и Запада, участвовал в работе многих международных встреч ученых [6,20].

После окончания срока и реализации проекта «Восток - Запад» Б.Г. Гафуров активно и плодотворно участвует в осуществлении нового проекта ЮНЕСКО «Изучение цивилизаций Центральной Азии», принятого по его инициативе в 1967 года в штаб- квартире ЮНЕСКО в Париже. Б.Г. Гафуров как Президент МАИКЦА внес большой личный вклад в успешную реализацию этой программы и проведение международных конференций, симпозиумов и совещаний ЮНЕСКО, посвященных проблемам археологии, истории, культуры, философии, истории науки, социального и культурного развития, этнической истории стран Центральной Азии в Душанбе (1968 г.), Нью- Дели (1869 г.), Самарканде (1969 г.), Кабуле (1979 г.), Исламабаде (1979 г.), Ашхабаде (1972 г.), Улан- Баторе (1972 г.), Душанбе (1972 г.) и ряде других встреч конференциях ЮНЕСКО, в которых он участвовал и благодаря его усилиям и поддержки многие страны Востока получили достойное место в этой авторитетной международной организации [6, 21-22].

Академик Б.Г. Гафуров достойно представлял советскую востоковедческую науку на многих крупных международных форумах ученых. Он возглавлял советскую делегацию востоковедов в Мюнхенском (1957 г.), Московском (1960 г.), Делийском (1964 г.), Парижском (1973 г.), Канадском (Мехико, 1976 г.) конгрессах востоковедов мира. Участие Б.Г. Гафурова в работе международных форумов востоковедов и обобщающие статьи ученого о работе, значении и итогах этих встреч являются важной вехой жизни, деятельности, творчества Б.Г. Гафурова и составной частью истории отечественного и мирового востоковедения [6, 20-21].

Большое значение Б.Г. Гафуров придавал расширению и укреплению международного сотрудничества в области востоковедения, установлению контактов с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными, изданию коллективных работ, участию наших ученых в различного рода востоковедческих конференциях, конгрессах, симпозиумах, проходивших как в Советском Союзе, так и в странах Востока и Запада.

Престиж и авторитет отечественного востоковедения был предметом постоянной заботы Б.Г. Гафурова. В большой степени благодаря усилиям Б.Г. Гафурова, опиравшегося на дееспособный коллектив вверенного ему учреждения, оно превратилось в крупнейший центр востоковедения мирового значения [2, 18-19].

Б.Г. Гафуров неизменно подчеркивал целесообразность привлечения к совместным изысканиям зарубежных востоковедов, особенно представителей стран Востока, и своими конкретными практическими шагами способствовал налаживанию сотрудничества их в той или иной форме с советскими коллегами. В итоге мировая востоковедческая наука обогатилась совместными публикациями ориенталистов разных стран. Это неизмеримо расширило международные связи ИВ АН СССР, подняло и укрепило его авторитет в мировой науке. Институт востоковедения АН СССР посещали авторитетные ученые- ориенталисты всего мира, видные

зарубежные политические и общественные деятели, послы иностранных государств.

Возглавляемый Б.Г. Гафуровым ИВ АН СССР внес важный вклад в дело укрепления дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между народами Востока и Запада, развития научных контактов между разных стран.

Б.Г. Гафуров превратил востоковедение в большую науку и дипломатию и внес большой вклад в установление дружественных отношений со странами Востока.

В этом большую положительную роль сыграл научные поездки Б.Г. Гафурова во многие страны Европы, Америки, Азии и Африки и его личные и дружественные контакты с зарубежными учеными. Б.Г. Гафуров постоянно поддерживал творческие контакты с учеными востоковедами западных стран, и особенно с учеными стран Востока. Многолетняя дружба и сотрудничество связывали его с известными индийскими учеными и политическими деятелями- бывшим министром культуры и образования Индии доктором Хумаюном Кабиром, бывшим послом Индии в СССР, профессором Сайид Нурул Хасаном, афганским ученым, поэтом, общественном деятелем Халилулло Халили, известным пакистанским археологом, профессором Ахмадом Хасаном Дони, американским востоковедом Ричардом Фраем, чешским востоковедом Иржи Бечкой и другими.

Б. Г. Гафуров достойно представлял советскую ориенталистику за рубежом и внес большой вклад в развитие международных научных связей советских востоковедов. Его научные поездки, выступления находили широкий резонанс в мировой науке и обществе. Б.Г. Гафуров как великолепный знаток Востока, как непревзойденный знаток обычаев, обрядов, традиций Востока, восточного характера и тонкостей Востока был наделен особой восточной мудростью, пользовался большим авторитетом и уважением среди высшего эшелона политического руководства страны, дипломатов, государственных и общественных деятелей зарубежных стран.

«Восток дело тонкое, - этот принцип Б.Г. Гафуров проповедал гораздо раньше, чем он появился на экране и стал крылатой фразой» [1, 87]. Его мысли как крупного специалиста по многим политическим, национальным и другим вопросам Востока вызывали всегда большой интерес среди руководства страны и за рубежом, к его мнению и советам всегда прислушивались с особым уважением. Здесь, конечно, немаловажную роль сыграл его личные качества: он обладал большим житейским опытом и дипломатическими способностями в сочетании с чисто восточными чертами характера [41, 117]. Б.Г. Гафуров являлся общепризнанным ученым-востоковедом, имел за плечами солидный стаж работы в высших партийных и политических инстанциях, обладал большим организаторским талантом, немаловажными факторами выступали его большой жизненный опыт и национальная принадлежность (сын таджикского народа, Таджикистан – частица Востока, а таджики – один из древнейших и цивилизованных

восточных народов), его высокая культура и другие положительные черты. Он как ученый, политический и государственный деятель, как тонкий и искусный дипломат внес неоценимый вклад в дело укрепления контактов, взаимопонимания, сотрудничества между народами Востока и между Востоком и Западом.

Характерной чертой Б.Г. Гафурова как ученого, общественного и государственного деятеля, являлось то, что он умел каждую международную встречу ученых превратить в фактор укрепления дружеских связей между государствами, которые они представляли на этих форумах.

Б. Г. Гафуров отличался от своих предшественников, которые возглавляли ИВ АН СССР тем, что он был академически образованным государственным, политическим деятелем и государственно мыслящим академиком. Б.Г. Гафуров, как руководитель крупнейшего мирового востоковедческого центра, выступал в защиту угнетенных народов Востока, в поддержку национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки своими исследованиями и практическими делами.

Развитию советского и мирового востоковедения Б.Г. Гафуров способствовал не только как организатор, но и своими научными исследованиями. Он разработал и глубоко осветил исторические судьбу таджиков (таджиковедение- одно из отраслей востоковедения в целом). Б.Г. Гафуров своими научными трудами и венцом своих работ - книгой «Таджики» положил основу таджикской исторической науки XX в., создал себе славу ученого-востоковеда с мировым именем, ибо в этой книге заложена самое суть, самое сущность истории и культуры таджикского народа.

В научном творчестве ученого важное место занимает тема определения и оценка вклада центрально азиатских народов в мировую культуру и проблемы пробуждения и национально-освободительного движения народов Востока. В своих трудах учёный убедительно доказал, что народы Востока принимали активное участие в мировом историческом процессе, в создании мировой истории и культуры и внесли достойный вклад в общую сокровищу мировой цивилизации.

Вклад Б.Г. Гафурова в развитие советского и мирового востоковедения высоко оценен отечественной и мировой научной общественностью. Неустанные усилия ученого на научном поприще и научно- организационной области достойно отмечены: в 1958 году он избирается членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 году действительным членом (академиком) АН СССР. За активную общественно- политическую деятельность и большие заслуги в развитии советского востоковедения Б.Г. Гафуров был награжден орденами Трудового Красного Знамени (1968 г.), Октябрьской революции (1975 г.), наградами иностранных государств, был избран почетным доктором и членом ряда авторитетных зарубежных университетов и научных обществ.

Бободжан Гафуров как политический лидер Таджикистана за большие заслуги в деле развитии экономики, культуры и науки республики был

награжден Советским Правительством высшей советской наградой- шестями орденами Ленина.

Указом Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона от 8 сентября 1997 года за большие заслуги, самоотверженность в деле становления независимости Республики Таджикистан, мудрой государственной деятельности, развития цивилизации и национального самосознания Бободжану Гафурову присвоено высокое звание «Герой Таджикистана».

Академик Бободжан Гафуров безусловно, является одной из замечательных фигур в истории новой цивилизации таджикского народа в XX веке. Он внес большой и неоценимый вклад в развитие востоковедения, в изучении истории, культуры стран Востока. Его имя навечно вписано в летопись отечественной и мировой ориенталистики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В масштабе века. Сборник воспоминаний о Б.Г. Гафурове- ученом, политике, гражданине. – М: Посольство Республики Таджикистан в РФ, 1999. – 186 с.
2. *Гафуров Б.Г.* Избранные труды. – М.: Наука, 1985. – 544 с.
3. Звезда – сияющая знанием и добром. (Сборник статей, воспоминаний и документов о великом сыне таджикского народа, Герое Таджикистана, академике Бободжане Гафурове). Составитель и автор предисл. Ш. Шарифов. – Худжанд: Наргис, 1999. – 200 с.
4. *Мухтаров А.М.*, *Шарипов Ш.* Академик Бободжан Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 96 с.
5. *Мухтаров А.М., Шарипов Ш.* Академик Бободжан Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 208 с.- На тадж. яз.
6. *Шарипов Ш.* Вклад академика Б.Г. Гафурова в развитии востоковедческой науки. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Худжанд: Типография «Наргис», 2002. – 31 с.
7. *Шарипов Ш.* Академик Б. Гафуров- политик и дипломат XX века// Таджикистан и современные международные отношения: регионализм и глобализм. Материалы международной научно- теоретической конференции, г. Худжанд, 19- 20 мая 2007 года. – Худжанд: ТГУ ПБП, 2007. – С. 95- 97.
8. Постановление Президиума АН СССР от 16 июля 1956 г., № 378 // Архив АН СССР (РАН). Ф. 411. Оп. 3. Ед. кр. 373. Л. 151- 152; ЛО Архив АН СССР (РАН). Ф. 152. Оп. 1 (1956). № 1. Л. 81; ЦГА Республики Таджикистан. Ф. 177. Оп. 1. Д. № 14. Л. 1. О назначении академика АН Тадж. ССР Б.Г. Гафурова директором ИВ АН СССР. – 1956. – № 9. – С. 89.
9. Постановление Президиума АН СССР от 7 сентября 1956 г. «О задачах и структуре ИВ АН СССР»// ЛО Архив АН СССР (РАН). Ф.152. Оп. 1 (1956). № 1. Л. 20-26, 81. О задачах и структуре ИВ АН СССР// Вестник АН СССР. – 1956. – № 11. – С. 104-105.

10. *Рыбаков Р.Б.* Продолжая диалог культур и цивилизаций// Б.Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сб. докладов участников Международной конференции, посвященной 90-летию Б.Г. Гафурова июля 1999 г., Нью-Дели. – М.: Посольство Республики Таджикистан в РФ, 2000. – С. 116- 120.

Саидова Д. Н., Исмоилова Д. А., Амонова З. Г.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

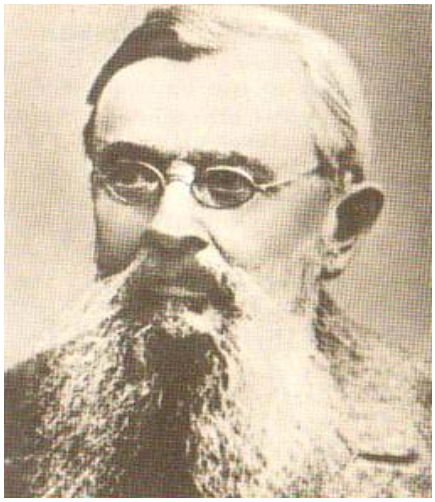
РОЛЬ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВИЧА ОШАНИНА В ИЗУЧЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТАДЖИКИСТАН)

В.Ф. Ошанин – известный русский путешественник, географ и натуралист, имя которого навсегда останется связанным с открытием им грандиозного хребта Памирской горной системы, названного им хребтом Петра I, огромного ледника Федченко и исследованием горной области Каратегина.

Ошанин родился 21 декабря 1844 г. в селе Политовке Данковского уезда Рязанской губернии и по происхождению принадлежал к мелкопоместному дворянству. Первоначальное образование получил дома, затем в Рязанской гимназии, а в 1861 г. поступил в Московский университет на естественноисторическое отделение физико-математического факультета.

Университетские годы Ошанина (с 1861 по 1865 г.) прошли в занятиях преимущественно зоологией беспозвоночных у профессора А. П. Богданова, среди ближайших друзей – А. П. Федченко, В. Н. Ульянина (в первые годы) и С. Н. Алфераки.

Питомец Московского университета, Ошанин вместе с А.П. Федченко является членом-основателем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и активным членом старейшего естественноисторического общества нашей страны – Московского общества испытателей природы.



В первые годы московского периода Ошанин приступает к изучению настоящих полужесткокрылых насекомых (Hemiptera Heteroptera). Этому делу он посвящает свою жизнь и становится признанным авторитетом в этой области в нашей стране и за ее пределами. Полевые исследования его в эти годы (1866-1867) были приурочены к окрестностям Москвы и Московской губернии, но захватывали также родную ему Рязанскую губернию и смежные уезды Тульской и Тамбовской. Он создал обширные энтомологические коллекции для Зоологического музея Московского университета и напечатал ряд работ в «Известиях Общества

любителей естествознания, антропологии и этнографии», в том числе и результаты обработки полужесткокрылых Зеравшанской долины на материалах, собранных первой экспедицией А. Федченко.

Изучение материалов этой экспедиции приводит его к заключению о необходимости отнести зеравшанскую фауну к Средиземноморской зоогеографической области, но с выделением ее в отдельный округ. Впоследствии эти взгляды были им подробно разработаны в получившем широкую известность труде «Зоогеографический характер фауны полужесткокрылых Туркестана» (Спб., 1891). В этой работе, равно как и в работе, посвященной гемиптерофауне Сибири, Ошанин выступает вполне определившимся зоогеографом. Он – биолог, зоолог, энтомолог, но, попав в Среднюю Азию (Ташкент) в 1872 г., он не мог не стать и стал географом и зоогеографом в самом широком смысле этих понятий.

Ошанин создал полную сводку всех известных в то время данных о полужесткокрылых Сибири, с зоогеографической характеристикой фауны и с делением Сибири на основании распространения этого отряда насекомых на зоогеографические округа.

В 1868 г. Ошанин для завершения своего зоологического образования едет за границу и работает у проф. Лейкарта в Гисенском университете, а в весенние месяцы вместе с Федченко и Ульяниным – в Неаполе; изучение беспозвоночных морской фауны он продолжает на берегу Атлантического океана, в Конкарно, на западном берегу Франции. Второй раз Ошанин посетил Западную Европу (Германию, Южную Францию, Италию) в 1872 г. для усовершенствования в знании шелководства. Влияние известных путешествий А.П. Федченко (1868–1871) и Н.А. Северцова в Среднюю Азию, а также участие в обработке энтомологических коллекций первого из них побудили Ошанина в 1872 г. переселиться в Среднюю Азию. Заняв должность директора Туркестанской школы шелководства в Ташкенте, он пробыл здесь до 1906 г., т. е. 33 года.

Уже в первые годы своего пребывания в крае Ошанин осуществил свои самые важные географические экспедиции. Первой по времени была экспедиция в Алайскую долину. Присоединившись к военной экспедиции на Памир генерала М.Д. Скобелева 1876 г., Ошанин пересек Алайский хребет через перевал Арчатдаван и вышел в восточную часть Алайской долины. Здесь он отделился от экспедиции и направился вниз по долине, пройдя ее с востока на запад до устья реки Коксу.

По этой последней Ошанин поднялся на перевал Караказык и на пути в Ферганскую долину вторично пересек Алайский хребет. Таким образом, он первым осмотрел Алайскую долину из конца в конец, за исключением небольшого восточного ее отрезка. Наиболее важным результатом этой первой его крупной экспедиции было обстоятельное физико-географическое описание Алайской долины, сравнительно небольшое по объему, но интересное и важное свежестью материала и широкой постановкой ряда научных проблем.

По личным наблюдениям и тщательно собранным расспросным сведениям Ошаанин дал первый набросок морфологии Алайского хребта и сведения о высоте его снеговой границы. Исследуя растительный покров долины Ошанин отмечает высотную зональность в его распределении различая здесь три зоны: 1). зону альпийских лугов от снеговой грницы до 3 566 м 2). зону настоящих лугов от 3566 до 3200м и 3). зону ковыльной степи от 3200 до 2 743 м абс. высоты. Привлекает его внимание и возможня организация в Алйском хребте горноклиматических здравниц. Эт его идея в советских условиях ншла блестящее рзрешение. В живописной долине реки впоследствии был построен первоклассный курорт.

Более значительной для развития наших представулений о географии нагорной Средней Азии была его экспедиция в Каратегин в 1878 г под названием: «Ученая экспедиция Туркестанского отдела Общества любителей естествознания антропологии и этнографии». Экспедиция состояла из военного топографа Г.Е. Родионова, М. П. Невесского на каторого возлагались сборы растений и самого Ошанина – руководилеля экспедиции принявшего на себя «описания пройденных стран и составление зоологических коллекций». Маршрут экспедиции намечался очень болшой, но по разным обстоятельствам памирская часть предположенного маршрута не могла быть выцполнена, и работы ее были ограничены одним Каратегином.

Каратегин того времени был одной из малоизвестных территорий, а что касается восточного участка ее, то можно сказать – и вовсе неизвестной для науки. Выступив из Самарканда 25 июля, экспедиция прошла через перевал Тахта – Карача в современную Кашка–Дарынскую область, откуда перевалом Лян – гари – мардан в Яккабагском хербете (отроги Гиссарского хребета) вышла в долину Сурхан – Дарьи и «через Файзабад вступила 18 августа на Каратегинскую территорию у истоков Обигармской реки». Следуя дальше правым берегом Сурхаба экспедиция обнружила на левом берегу реки величественный хребет, «почти незамаскированный предгорьями», который «встает высокой стенью и тянется от устья Муксу вдоль всей южной границы Каратегина». Открытый хребет экспедиция назвал хребтом Петра I.

Этим открытием было положено начало систематическому исследованию большой горной области блестяще продолженному 50 лет спустия советской памирской экспедицией 1928 г. Наряду с открытием хребта Петра I Ошанин описал также хребет, идущий вдоль правого берега Сурхоба, высокий сильно расчлененный, который был назван Каратегинским. Совершив эти крупные географические открытия Ошанин тем не менее скромно заявляет в своем отчете что «самым интересным результатом экспедиции является съемка, сделаная во время пути Г.Е. Родионовым», отводя тем самым своим выдающимся исследованиям второе место. Не имея возможности пройти к лтынмазару прямым путем вверх по реке Муксу из-за непрходимости ее ущелья, экспедиция Ошанина направилась от устья Муксу кружным путем: сперва вверх по Сурхобу, а затем поперечной долиной Алтын-дары через перевал Терсагар в Заалайском

хребте. На этом небольшом торезке маршрута Ошанин сделал чрезвычайно важное и крупное открытие. Следуя от Алтынмазара вверх по Сельсу и подходя к устью реки Баляндкиик, правого притока Сельсу, он неожиднно для себя обнружил громадный ледник, запиравший своим концом всю двухкилометровую ширину долины реки Сельсу. Этот ледник был назван им в честь погибшего на леднике Монблана его друга «ледником А.П.Федченко». Впоследстивии выяснилось, что ледник этот оказался одним из величайших горных ледников земли. Ошнин дал первое его описание. За Картегинскую экспедицию Ошанин получил Малую золотую медаль Географического общества.

В период 1879-1905 гг. он предпринимал многочисленные поездки и экспедиции, частью служебного характера. Так, в 1881 г. он объехал Ташкентский, Джизакский и Ходжентский уезды с целью организации борьбы с прусом, а в 1884 г. в качестве руководителя экскурсии учащихся посетил Голодную степь, Джизак, Самарканд, Пенджикент, Замин, Ура-Тюбе. В 1886 г. Ошанин экскурсировал тоже с учащимся в долинах Чирчика, Пскема и Угама. В 1887 г. он был командирован для описания последствий ужасного землетрясения, разрушившего город Алма-Ата, причем посетил, кроме Верного, северный берег озера Иссык-Куль до Каркола. В промежутках между этими длительными поездками Ошанин пользуясь летними или весенними каникулами, почти ежегодно предпринимал поездки по всей Средней Азии, деятельно собирая коллекции насекомых.

В этот период Ошанин был ближайшим образом связан с пионерами русской географической науки в Туркистане – Н.А. Северцовым, И.В. Мушкетовым, Ф. Миддендорфом, Г.Д. Ромновским и др.

В конце 1906 г., выслужив пенсию, Ошанин покинул Ташкент и переселился в Петербург, чтобы лично наблюдать за печатанием своего капитального труда.

Ошанин являлся неизменным советчиком экспедиций, нправлящихся в Среднюю Азию. Связь его с этой страной оставалась тесной и крепкой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Кириченко А.Н.* Василий Федорович Ошанин// Отечественные физико-географы и путешественники. – Москва: ГУП изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – С.317-322.

2. Атлас Таджикской ССР. Под. ред. *К.В. Станюкович*. ГУК. – Душанбе, 1968. – 200 с.

3. *Рахимов А.И.* История и методика гидрогеоэкологических исследований водных ресурсов Таджикистана. – Худжанд: Меъроҷ, 2014. – 172 с.

4. Таджикистан: Природа и природное ресурсы. Под ред. *Х.М. Саидмуратов, К.В. Станюкович.* – Душаанбе: “Дониш”, 1982. – 6 с

Гайбуллоева М. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

АРХЕОЛОГ Н.Н. НЕГМАТОВ – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Начало археологии современного Таджикистана и начало научной деятельности академика Н.Н. Негматова приходятся на одно время. В 1946 г. стартовали полевые исследования и раскопочные работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции (СТАЭ, с 1952 г. – Таджикская археологическая экспедиция – ТАЭ), руководителем которой был назначен известный учёный-востоковед с мировым именем А.Ю. Якубовский. Для участия в работах СТАЭ-ТАЭ были привлечены специалисты из ведущих научных центров СССР – академических институтов Москвы и Ленинграда. Однако, с началом раскопочных работ остро встал вопрос подготовки квалифицированных специалистов-археологов из числа местных кадров. Первым таджикским археологом стал Нуман Негматов, выпускник Ленинабадского государственного педагогического института имени С.М. Кирова (ЛГПИ, ныне Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова). Сразу же, после завершения учёбы в ЛГПИ в 1948 году, Н. Негматов был рекомендован для продолжения учёбы в аспирантуру по специализации «археология». Научным руководителем Н. Негматова стал сам А.Ю. Якубовский.

Формирование Н.Н. Негматова как археолога началось в стенах Института истории материальной культуры Академии наук СССР, в г. Ленинграде (совр. Санкт-Петербург), однако, все полевые исследования, он проводил в Таджикистане, в составе Согдийско - Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), руководимой член-корреспондентом АН СССР Александром Юрьевичем Якубовским. Первые полевые сезоны будущий археолог Н.Н.Негматов проводил в Уструшане и Согде (Пенджикенте) с коллективом СТАЭ, в котором были такие учёные, как М.М. Дьяконов, А.И. Тереножкин, А.П. Окладников, Л.С. Бретаницкий, В.Л. Воронина, О.И. Смирнова и др. В свободные от раскопок часы, А.Ю. Якубовский уделял внимание своим аспирантам, занимался с ними, делился опытом, давал задания, исполнение которых обязательно проверял. Этим самым он приучал молодых учёных доводить начатые дела и исследования до конца.

Защита диссертации по раннесредневековой Уструшане завершила начальный этап открытия этой области Н.Н. Негматовым. После возвращения в Таджикистан Негматов начинает археологическое изучение Уструшаны и на все последующие годы жизни и научной деятельности археология Уструшаны становиться основной темой исследований. В начале 50-х гг. Н.Н. Негматов провёл большой объём работ по фиксации

археологических памятников Уструшаны. Вначале в составе Усрушанского отряда ТАЭ, под руководством О.И. Смирновой, а затем самостоятельно.[1]

В ходе работ Усрушанского отряда ТАЭ (1949-1950 гг.) Н.Н. Негматов вместе с А.М. Мандельштамом учился распознавать в холмах остатки сооружений, собирая с поверхности памятника фрагменты керамики, определяли его предварительную и относительную датировку, снимали глазомерный план и закладывали разведочные шурфы. Всё это происходило под руководством внимательного педагога О.И. Смирновой. В дни полевых работ востоковед и нумизмат О.И. Смирнова стремилась передать молодым аспирантам все свой опыт и поделиться знаниями. Трудности полевого быта и трудоёмкая работа на раскопе не пугали Н.Н. Негматова. Он буквально впитывал опыт своих наставников по вскрытию и зачистке культурных слоёв памятника, учился аккуратно работать с находками и точно регистрировать их, различать особенности фрагментов керамики и других находок из раскопа, вести дневниковые записи с полным описанием всех проведённых работ. Принято считать, что первой подлинно научной публикацией об археологических памятниках Уструшаны является обширная статья О.И. Смирновой. Однако, в получении описанных в статье данных есть большой вклад Н.Н. Негматова. Этот научный и полевой опыт первых лет археологической школы помогал Н.Н. Негматову уверено и однозначно решать возникшие позднее вопросы археологии Уструшаны.

Говоря о научных публикациях Н.Н. Негматова по археологии Уструшаны следует прежде всего отметить его статьи в серийном издании «Археологические работы в Таджикистане». Первый выпуск АРТ вышел в 1955 г. и содержал статьи-отчёты о полевых работах сезона 1954 г.[2] Именно тогда Н.Н.Негматов начать публиковать результаты археологических раскопок в Уструшане. Сначала он опубликовал статью «Уструшана – древняя область на севере Таджикистана» в газете «Ленинабадская правда»,[3] а затем издал в «Археологических работах в Таджикистане» статью «О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 году»,[4] научно-популярный обзор раскопок «Новый очаг древнетаджикской культуры: Раскопки в Шахристане».[5] Первые результаты раскопок были представлены и в его докладах на конференциях. Так, в 1956 г. в Душанбе (Сталинабаде) состоялось Второе совещание археологов и этнографов Средней Азии, на

---

[1] *Мирбабаев А.К.* Тридцать лет Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ)// АРТ. - Вып. 24(1984 г.). - Душанбе: Дониш, 1993. - С.18.

[2] *Негматов Н.Н.* Предварительный отчёт о работах Худжандского отряда в 1954 г.//Тр.АН Таджикской ССР. - Т.XXXVII/ - Сталинабад, 1956. - С.33-41

[3] *Негматов Н.Н.* Уструшана - древняя область на севере Таджикистана //Ленинабадская правда. - 1954. - 6 апр.

[4] *Негматов Н.Н.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г.// Тр.АН Таджикской ССР. - Т.LXIII. - Сталинабад, 1956

[5] *Негматов Н.Н.* Новый очаг древне-таджикской культуры: Раскопки в Шахристане//Коммунист Таджикистана.

котором Н.Н. Негматов выступил с докладом «Археологические раскопки в Шахристане».[1]

Первые же публикации археологических раскопок памятников Уструшаны показал большие способности Н.Н. Негматова. Так, при определении памятника, Н.Н. Негматов не ограничивался полученными в ходе раскопок данными, а привлекал очень широкий круг источников: прекрасное знание научной литературы и обширные познания письменных источников позволяли Н.Н. Негматову, в рамках исследования рассматривать памятник на широком историческом фоне, обеспечивать развитие и взаимный обмен достижениями разных наук. Вышеприведённая характеристика стиля работы Н.Н.Негматова проявляется во всех его научных работах: в докладах и заметках, статьях и монографиях.

Руководство Таджикской археологической экспедиции доверило Н.Н. Негматову возглавить раскопки в Уструшане в полевом сезоне 1955 г. Для этого в составе ТАЭ был организован Ходжентско-Уструшанский отряд. В 1955 году Н.Н. Негматов провёл первые крупные стационарные раскопки памятников Уструшаны. Он начал раскопки городища Калаи Кахкаха II. Начало раскопок оказалось удачным. Здесь был раскопан верхний ярус здания, состоящий из четырёхкомнатной парадной постройки. Центральное и переднее помещения её были украшены настенной живописью, а колонны и перекрытия центрального помещения также декорированы превосходной резьбой.[2] Работы по изучению Шахристанских городищ (Калаи Кахкаха I и II) были продолжены и в следующем, 1956 году.[3] Во второй год раскопок в Шахристане археологический отряд Н.Н. Негматова был сильно укреплён: в состав отряда, кроме самого Н.Н. Негматова вошли А. Мухтаров (младший научный сотрудник), Т.И. Зеймаль, Е.Д. Салтовская и В.А. Вишневский (старшие лаборанты) У. Пулатов и С. Марофиев (студенты - практиканты). Говоря о составе отряда в 1956 году, следует отметить, что все члены отряда впоследствии стали известными учёными Таджикистана и внесли большой вклад в развитии отечественной истории и археологии Уструшаны в том числе. Отряд провёл значительный объём раскопочных работ. На территории Уструшаны Н.Н. Негматов продолжил раскопки крупных городищ Калаи Кахкаха I и II в Шахристане. На Калаи Кахкаха II были вскрыты средний и часть нижнего яруса холма. Здесь был вскрыт длинный коридор, протянувшийся по направлению север-юг. В южном конце коридора сохранилась часть бесступенчатого подъёма (пандуса), ведущего на крышу помещений среднего яруса. Как оказалось, стены коридора возведены из глинобитных разрезанных блоков (пахса), с обмазанной гладкой

---

[1] Нуман Негматович Негматов. Материалы по биобиблиографии учёных Таджикистана. - Вып.72. - Душанбе, 1998. - С.13

[2] *Негматов Н.Н.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. // Тр.АН Таджикской ССР. - Т.LXIII (63). Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. - Сталинабад, 1956. - С.61-69

[3] *Негматов Н.Н.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г. // Тр.АН ТаджССР/Ин-т истории, археологии и этнографии. - 1959. - Т.93: Археологические работы в Таджикистане в 1956 г, вып.4. - С.95-107.

поверхностью. Коридор был перекрыт сводом из сырцовых кирпичей, сохранившаяся высота коридора от пола до пяты свода 1.55 м. Зачистки показали, что с коридором связаны несколько помещений, в которых сохранились суфы. Для изучения палеоантропологии Таджикистана особую ценность представляют обнаруженные здесь 50 человеческих черепов прекрасной сохранности.[1]

В этом же полевом сезоне 1956 года Н.Н. Негматов проделал значительную работу для «Археологической карты Таджикистана»: им были обследованы окрестности селений Сароби и Холдор-кипчак, где особенно интересным оказалось городище Иски-кишлак; в ущелье Актанги зафиксированы большое поселение из камня и несколько групп примыкающих к нему курганов, в ущелье Шахристанского Каттасая открыта целая цепь холмов, расположенных на выступающих гребнях предгорий и тянущихся от Шахристана до выхода ущелья в Саватскую долину.[2]

По результатам полевых исследований 1956 г. Н.Н. Негматов написал подробный отчёт, который опубликован в четвёртом выпуске серийного сборника «Археологические работы в Таджикистане. Эта статья Н.Н. Негматова - одна из первых научных публикаций учёного по конкретным археологическим памятникам, стала важной вехой в археологическом изучении Уструшаны и основой для обобщающих работ в будущем.

С 1954-1955 гг., будучи старшим научным сотрудником сектора археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, Н.Н. Негматов возглавил археологические раскопки в Худжанде и Уструшане. К началу 60-х годов им было обследовано значительное количество памятников – в ходе маршрутно-рекогносцировочных, разведочно-раскопочных и стационарных работ археологов – стали проявляться и контуры археологической карты.

Эти полевые работы значительно обогатили знания Н.Н. Негматова. И хотя уже им были опубликованы ряд работ по Уструшане, именно в период раскопок пришло понимание незаменимости археологического источника для изучения Уструшаны. И, как результат, впервые вопросы археологического изучения Уструшаны были поставлены в первой монографии Н.Н. Негматов "Уструшана в древности и раннем

---

[1] *Негматов Н.Н.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г. // АРТ. - Вып.4 (1956 г.). - Сталинабад, 1959. - С.115-127

[2] *Негматов Н.Н.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г.//АРТ. - Вып.4. / Тр.АН ТаджССР, т.91. - Душанбе, 1959; *Негматов Н.Н.* Археологические раскопки в Шахристане//Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. - М.-Л., 1959; *Кияткина Т.П.* Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан 2) (По материалам раскопок Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г.) // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. - 1961, № 1(24). - Душанбе, 1961. - С.47-58

средневековье"[1], а в научно-популярной форме - в книге «Археологи рассказывают».[2]

В своём отчёте о полевых исследованиях 1957 года, Негматов Н.Н. подводит итоги раскопок нижнего яруса на Калаи Кахкаха II. Отмечает, что сразу же после изучения нижнего яруса были начаты исследования архитектурных деталей, в частности уникального по сохранности западного фасада замка. На городище Калаи Кахках I было вскрыто 7 помещений коридорного типа. В этом же году при Ходжентско-Уструшанском отряде была создана археологическая группа Ленинабадского историко-краеведческого музея, которая вела раскопки на холме Тирмизактепа (Караултепа) недалеко от городищ Калаи Кахкаха I и II. В отчёте Н. Негматов отмечает успехи своих учеников, молодых археологов У. Пулатова и С. Марофиева, которым удалось полностью вскрыть десятикомнатное здание коридорного типа.[3]

Результаты вышеуказанных работ и других исследований Н.Н.Негматова нашли отражение в его статьях и отчётах.[4]

В 1958 году, после завершения работ на Калаи Кахкаха I и 2 силы отряда были брошены на новый объект: под руководством Н.Н.Нематова молодые археологи У.Пулатов и С.Марофиев заложили раскоп на холме Уртакурган. Результаты работ были опубликованы в отчёте Н.Н.Негматова в сборнике «Археологические работы в Таджикистане». Н.Н.Негматов пишет, что в полевом сезоне 1958 г. был снят только верхний слой, однако стало ясно, что здесь находится один из замков Уструшаны.[5] Одновременно велось изучение интересного погребального комплекса Тепаи Пирмухаммад, расположенного на предгорной террасе у юго-восточной окраины пос.Шахристан. Как показали исследования, могильник содержал погребения первых веков н.э. и X-XII вв.[6]

В том же 1959 г. в самом авторитетном и признанном в мире научном журнале «Советская археология» была опубликована статья Н.Н. Негматова «Уструшанский замок в Шахристане», написанная в соавторстве с Т.И. Зеймаль.[7]Объектом исследования стало городище Калаи Кахкаха II, расположенное к юго-западу от современного посёлка Шахристан, на

---

[1] *Негматов Н.Н.* Уструшана в древности и раннем средневековье. - Сталинабад, 1957.

[2] *Негматов Н.Н.* Древняя и раннесредневековая Уструшана //Археологи рассказывают. - Сталинабад, 1959. - С.114-134

[3] *Негматов Н.Н.*, *Зеймаль Т.И.* Раскопки на Тирмизак-Тепа//Известия АН Тадж.ССР. Отделение общественных наук. - Вып.1 (24). - Душанбе, 1961.

[4] *Негматов Н.Н.* О работе Ходжентско-Уструшанского отряда в 1957 г.//Тр.АН ТаджССР/Ин-т истории, археологии и этнографии. - 1959. - Т.103: Археологические работы в Таджикистане в 1957 г, вып.5. - С.95-107.

[5] *Негматов Н.Н.* Работы Ходженско-Уструшанского отряда в 1958 г. // АРТ. - Вып.6 (1958) - Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР - Т.27. - Душанбе, 1961.

[6] *Негматов Н.Н.*, *Салтовская Е.Д.*, *Кияткина Т.П.* Изучение погребальных памятников кочевников на территории Уструшаны //АРТ. - вып.6. (1958) / Тр. Ин-та истории им.А.Дониша. - Т.27. - Душанбе, 1961 -

[7] *Негматов Н.Н.*, *Зеймаль Т.И.* Уструшанский замок в Шахристане. //Советская археология. - 1959. - № 2. - С.205-217

естественном холме левого берега Шахристансая. По внешнему этот памятник был для археологов большой загадкой. Только раскопки могли дать ответы на все вопросы. Прежде всего, для Н.Н. Негматова было ясно, что все памятники в Шахристане тесно связаны друг с другом и именно поэтому они получили одинаковое название. Для этого Н.Н. Негматов в начале статьи даёт краткое, но предельно ясное описание памятника. Городище Калаи Кахкаха Iрасположено к югу от городища Калаи Кахкаха I. Их отделяет естественный, но искусственно заглубленный овраг. Часть террасы, на котором расположено городище Калаи КахкахаII, почти лишена лёссовых отложений, подстилающим здесь является слой плотной гальки. В плане городище представляет почти правильный квадрат размером 210х230 м. Для характеристики фортификации замка Н.Н. Негматов отмечает, что памятник был обведен с запада и юга двумя, а с севера и востока одним рядом стен, общая протяженность которых составляет около 800 м. Стены прослеживаются в виде валов. Северная стена, сложенная из сырцовых кирпичей размером 54х27х10 и 50х25х9 см сохранилась лучше других стен. В северо-восточной углу городища находился холм - остатки замка, который позднее был раскопан. Вся остальная территория городища представляет собой почти ровное пространство, задернованное лёссово-галечниковой поверхностью.

В статье «Уструшанский замок в Шахристане» представлены результаты раскопок памятника, которые были проведены в 1955-1959 гг. под руководством Н.Н. Негматова и Т.И. Зеймаль. Выяснилось, что Калаи Кахкаха II - эта одна из двух цитаделей Бунджиката, расположена на высоком холме и была окружена мощными и высокими стенами. В восточной части Калаи Кахкаха II, над левым берегом Шахристансая располагался дворец (остальное пространство в пределах стен оставалась незастроенным) - здание, состоящее из трёх ярусов (первый и второй ярусы были заняты в основном жилыми и хозяйственными помещениями, третий - парадными). Н.Н. Негматов пришёл к заключению, что дворец на Калаи Кахкаха II погиб от пожара, уничтожившего и настенную живопись в парадных помещениях (от нее сохранились лишь небольшие участки), и деревянные балки и колонны, украшенные резьбой (на одном из уцелевших фрагментов - изображение мужчины-тритона, имеющего вместо ног змеиный хвост). Три яруса дворца были расположены по склону холма, а связывал их сооружённый вокруг центрального прямоугольного пахсового столба сводчатый пандус из шести маршей. Статья Н.Н.Негматова и Т.И.Зеймаль стала заключительной и обобщающей для первого полностью раскопанного уструшанского памятника. Дополнительным научным материалом о замках Уструшаны стали раскопки еще одного замка - Тирмизактепа. По раскопкам памятника была написана и опубликована ещё одна совместная статья Н.Н.Негматова и Т.И.Зеймаль.[1]

---

[1] *Негматов Н.Н.*, *Зеймаль Т.И.* Раскопки на Тирмизактепе//Изв.АН ТаджССР. Отделение общ. наук. - 1961. - №1. - С.67-83.

В эти годы Негматов вёл очень интенсивные раскопки, что отразилось и на количестве публикаций по археологии Уструшаны. Так, под его руководством в 1959-1962 году были завершены раскопки Чилдухтарон. Здесь на гребне горы, господствующей над городищами Калаи Кахкаха, располагается ансамбль каменных построек, возникший и функционировавший в IX-XI вв. Он включает семикомнатный жилой дом, разделённую на несколько секций металлическую мастерскую, «малую» и «большую» мечети, две группы хозяйственных и кухонных помещений, парадную, открытую во двор лоджию и около десяти крытых и открытых мавзолеев с одиночными и групповыми захоронениями. Это целый ансамбль с гражданскими, производственными, мусульманскими культовыми и мемориальными постройками. Раскопки его дали серию образцов поливной керамики, великолепные памятники торевтики и многое другое. Итоги работ были представлены Н.Н.Негматовым в докладе «Комплекс Чил-Духтарон как историко-культурный памятник» на Сессии, посвящённой итогам полевых исследований 1963 года (Москва) и нескольких статьях в «Археологических работах в Таджикистане».[1]

С начала 60-х годов XX века все археологические работы в районах Согдийской области (за исключением верховьев Зарафшана) проводил Северо-Таджикистанский археологический отряд Института истории имени Ахмада Дониша АН Таджикской ССР (начальник Н.Н.Негматов) уже по комплексной программе исследований, охватывающей ряд проблем истории и истории культуры широкого хронологического диапазона - от эпохи бронзы до позднего средневековья.

За эти почти 10 лет Н.Н. Негматов провёл значительные археологические исследования на территории Уструшаны. Хотя в этот период был перерыв в публикациях очередных выпусков «Археологических работ в Таджикистане», Н.Н.Негматов напечатал ряд статей и книг, среди которых нам хочется отметить три крупные работы - публикация монографии «Средневековый Шахристан»[2], подготовка и публичная защита докторской диссертации «Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. - I тыс.н.э.)».[3] и, наконец «Исследования в Северном Таджикистане в 1970 году».[4] В последней из перечисленных работ нашли отражения раскопки археологических памятников Уструшаны. Так, в 1961-1966 гг. были осуществлены раскопки

---

[1] *Негматов Н.Н.* Работы Ходжентско-Уструшанского отряда в 1958 г. //Тр. Ин-та истоии им.А.Дониша АН ТаджССР. - 1961. - Т.27: Археологические работы в Таджикистане в 1958 году, вып. 6. - С.113-120; *Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д.* О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. //Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. - 1962. - Т.34: Ахеологические работы в Таджикистане в 1960 году, вып 8. - С.69-89.

[2] *Негматов Н.Н.*, *Хмельницкий С.Г.* Средневековый Шахристан. (Материальная культура Уструшаны, вып.1). - Душанбе, 1966. - 198 с.

[3] *Негматов Н.Н.* Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина 1 тыс. до н.э. - 1 тыс. н.э.). Дисс. д-ра ист. наук. (МГУ имени М.В. Ломоносова). - М., 1968. - 1023 с.

[4] *Негматов Н.Н.* Исследования в Северном Таджикистане //АРТ. - Вып.X (1970 г.). - М.: Наука, 1973. - С.79-105

крупного пригородного раннесредневекового феодального замка Чилхуджра - великолепного двухэтажного здания хорошей сохранности с мощными стенами, укреплёнными угловыми башнями и укрепленным же особыми стенами ибашнями двориком с хозяйственно-жилыми помещениями. Парадные «малый» и «большой» залы второго этажа замка были украшены настенной живописью, резными деревянными колоннами и потолками. Чилхуджра имеет единственный в своём роде великолепно сохранившийся бесступенчатый круглый пандусный подъём, ведущий на второй этаж и крышу здания. Здесь же найдены три замечательные согдийские надписи на дощечках, фрагменты деревянной скульптуры с человеческими головами, золотой брактеат, коллекция деревянных ложек, фрагмент древнейшего в Таджикистане музыкального инструмента и др.

В статье отражены и материалы раскопок 1963, 1967-1969 гг., когда были вскрыты две группы помещений северного жилого и ремесленного квартала городища Калаи Кахкаха 1, давшие очень интересные материалы.[1]

Интересную часть статьи составляют материалы по изучению «зоны молчания», расположенной к востоку от селения Шахристан. Здесь изучалась большая группа естественных всхолмлений, в которые были впущены захоронения без какого-либо выделения могильных ям и без сопровождающего покойников инвентаря. Раскопки и более подробное изучение самого высокого холма этой группы - Чоршохатепа - привели Н.Н. Негматова к выводу, что данный памятник представляет собой своего рода «дахму молчания». Конструкция «дахмы молчания» проста: естественный холм предварительно вертикально обрезан по краям и превращён в ровный прямоугольник, который взят со всех сторон в пахсовый кожух значительной высоты, а затем весь верх холма и кожуха перекрыт рядами плотных длинных пахсовых поясов, уложенных вперевязку. Таким образом, был получен монолитный высокий кубический, чуть ссужающийся вверху, объём, на вершине которого находилось самое венчание «дахмы» с её не дошедшими до нас собственно обрядовыми сооружениями.

Как было отмечено выше, статья Н.Н. Негматов «Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.» получилась очень объёмной, так как Н. Негматов представил обзор результатов почти всех раскопочных работ десятилетия. Так, в 1966 г. были проведены раскопки ряда могильных сооружений кладбища Кахкаха I, расположенного у северного подножия городища Калаи Кахкаха I. В 1968 г. здесь же рядом вскрыты остатки очень плохо сохранившейся постройки, возможно, мазара. Впоследствии раскопки этого кладбища были продолжены Таджикской этнографической экспедицией МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством С.П. Полякова.

В 1963-1967 гг. проводились раскопки горного селения Хоняйлов («Ханские пастбища») и прилегающих к нему двух синхронных кладбищ

---

[1] *Сергин В.Я.* Раскопки на городище Кахкаха 1//сообщения Гос. Республиканского объединённого музея историко-краеведческого и изобразительных искусств. - Вып.4. - Дшанбе, 1966. - С.29-58; *Негматов Н.Н.* Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.//АРТ. - Вып.X(1970 г.). - М.: Наука, 1973. - С.79-105.

Хоняйлов и Мачитли в ущелье Актанги северного склона Туркестанского хребта. Здесь было вскрыто около 100 жилых и хозяйственных помещений, составляющих семь комплексов, часть центральной улицы селения и около 40 погребальных сооружений. Из четырёх полностью раскопанных комплексов три представляют собой отдельные здания со своей законченной многокомнатной планировкой, единым входом, а два из них имеют ещё и дворовые участки. По-мнению Н.Н. Негматова по всем признакам это типичные сельские дома частных владельцев.[1]

В 1962 г. были проведены топографические съёмки около трёх десятков холмов западной части Шахристанской котловины между селениями Карапчи, Янгикурган и Увак. Здесь выявлен большой земледельческий оазис с многочисленными замками феодалов и усадьбами крестьян. В 1969 г. на одном из интереснейших памятников этой зоны - Тоштемиртепа были начаты раскопки. Памятник этот расположен между руслами двух древних каналов, в 5 км к востоку от кишлака Увак. Памятник в плане квадратный, состоит из центрального холма и окружающего двора с мощными валами стен, воротами и предвратным лабиринтом в середине северной стены.

В 1965-1969 гг. проводились раскопки холма Актепа в Спитаменском районе. Холм представляет собой остатки главного здания большого раннесредневекового компактного селения. В своём ядре холм содержи остатки весьма мощного замка с угловыми прекрасно сохранившимися башнями и сложной системой подземных лабиринтов-ходов. Впоследствии замок со всех сторон был обстроен другими, также монументальными, постройками, а центральное ядро превращено в своего рода культовый центр - дом огня.

В 1965 г. были проведены разведочные работы на холме Караултепа между поселками Нау и Пролетарск. Здесь расчищена часть хорошо сохранившегося коридорообразного сводчатого помещения.

В 1962-1964 гг. были проведены раскопочные работы по изучению остатков позднесредневековых памятников. В центре Уратюбе (совр. Истаравшан) были произведены раскопки бекского дворца на возвышенности Мугтепа. В западном углу городища раскопаны отрезок фортификационной стены и несколько жилых и хозяйственных помещений XVIII-XIX вв., а в цетральной части городища - остатки большой мечетиXIX в. Кроме того, изучалась фортификация ряда поздних крепостей Северного Таджикистана (Навканда, Хитойреза, Куштегирмон, Махрам и др.).[2]

В 1962, 1965-1966 гг. производились исследования на территории города Канибадама, где изучались поздняя историческая топография города,

---

[1] *Негматов Н.Н.* Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.//АРТ. - Вып.X(1970 г.). - М.: Наука, 1973. - С.80

[2] *Негматов Н.Н.* Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г.//АРТ. - Вып.X (1970 г.). - М.: Наука, 1973. - С.82; *Марофиев С.Ш.* Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана XVIII-XIX вв.: (Ист.-археол. очерк): Дисс. ...канд. ист. наук. - Душанбе, 1967. - 254 с.

сохранившиеся до нашего времени архитектурные памятники. Один из памятников города - мадраса Мир Раджабдодхо был подвергнут исследованиям и инструментальным обмерам. На территории города были заложены 23 небольших стратиграфических шурфа, давших значительный материал к характеристике истории и культуры города в средние века и новое время, решивших одновременно вопрос о локализации раннесредневекового города Канда в центральной части современного города.

В 1963 г. было осуществлено археолого-архитектурное изучение памятников крупного средневекового селения Сомгор. Здесь подвергнута съёмкам, описанию и шурфовке Сомгорское городище, изучался и обмерен Сомгорский Гумбаз.

Сидикова Р. О.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МУШКЕТОВ. СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ОТЕЦ РОССИЙСКОЙ СЕЙСМОЛОГИИ

Таджикистан является страной древней культуры, чья история исчисляется тысячелетиями, однако изучение его природы началось только во второй половине 19 века, после присоединения Средней Азии к России. По инициативе Российской Академии наук и различных научных обществ в первую очередь Русского Географического общества в Среднюю Азию в том числе и в Таджикистан, направлялись экспедиции возглавляемые опытными исследователями.

Среди них один из первооткрывателей Средней Азии Иван Васильевич Мушкетов, известный путешественник, геолог и географ в своих работах раскрыл почти полную картину геологического строения огромной территории и заложил основы палеогеографии Средней Азии и Таджикистана.

Иван Васильевич Мушкетов родился 21 января 1850 года в станице Алексеевской в семье бедного казака Василия Евграфовича Мушкетова. Учился в Новочеркасовской классической гимназии. Преподаватель естествознаний гимназии сыграл важную роль в жизни Ивана Васильевича, так как от него в первые узнал о геологии как о науке о Земле.

От преподавателя гимназист Мушкетов в первые узнал о трудах Ломоносова. «Минералы и металлы сами во двор не придут, требуют глаз и рук для своего прииску». Эти слова Ломоносова глубоко запали в душу Ивана Васильевича, он с особенным усердием изучал естественные науки. Жизнь приучила его к самостоятельности. Под руководством учителя гимназисты часто отправлялись в краеведческие экскурсии, осматривали песчаные карьеры, знакомились с месторождениями полезных ископаемых и горными породами. Мушкетов учился читать геологическую историю Земли.

Преподавателя Номикосова радовало страстная любовь Мушкетова к геологии, «Быть тебе, Ванюша, горным инженером!» - часто говорил старый учитель своему питомцу.

В 17 лет Мушкетов заканчивает гимназию и поступает в факультет истории и литературы Петербургского университета. Но в конце концов любовь к геологии победила и в 1868 году Мушкетов переходит на первый курс Горного института, старейшего учебного заведения, которое выпустила из своих стен многих выдающихся русских геологов и горных инженеров.

После окончания Горного института в 1872 году Мушкетов отправляется на Южный Урал на изучение золотых россыпей.

Летом 1873 года Мушкетов получает письмо от Г.Д. Романовского в котором тот предлагал ему начать изучение геологии Туркестана. Это предложение заинтересовало Ивана Васильевича, и осенью этого года он приезжает в Ташкент где был назначен младшим чиновником особых поручений по горной части при туркестанском генерал-губернаторе. Начать работу в Туркестане Мушкетову приходилось в сложной и обострённой политической обстановке. Районы, в которых предстояло работать Мушкетову, не имели хороших дорог, приходилось совершать трудные восхождения на высокогорные перевалы и ледники.

Летом 1874 года Иван Васильевич закончил сборы к первому путешествию по Туркестану. Решено было в начале исследовать западные предгорья Тянь-Шаня, хребет Кара-Тау посетит долину Сыр-Дарьи и Бадамские горы. Места, в которых работал Иван Васильевич были почти не изучены в отношении геологического строения и минеральных ресурсов. Так, изучая геологическое строение местности, Мушкетов расшифровал «белые пятна на карте средней Азии».

Помимо изучения геологии и минеральных ресурсов Тянь-Шаня, Мушкетов вел наблюдения за климатическими особенностями местности, старался, как можно подробнее, описывать растительность горной местности. Множество мелких медных, серебро-свинцовых и других месторождений было открыто, описано и изучено Мушкетовым в горах Алтын-Эмель Заилийского Ала-Тау. Подробно описывая залежи бурого железняка, графита и других полезных ископаемых.

В течение лета и осени 1875 года Мушкетов прошел по горам Тянь-Шаня около 4 тыс. км. Благодаря исследованиям Ивана Васильевича, наука обогатилась не только знаниями о минеральном богатстве этой горной страны, но и так же об ее орографии и геоморфологии. Он решительно опровергал взгляды Гумбольдта и других учёных по вопросу о вулканизме Средней Азии. В частности Мушкетов сделал важный вывод о том, что горные хребты Тянь-Шаня образовались не одновременно, а в течении разных геологических периодов, что землетрясения не зависит от вулканических явлений.

Высоко оценивая заслуги Мушкетова перед русской наукой, учёные Петербургского горного института решили привлечь его в свой коллектив. Но для этого Мушкетов должен был защитить диссертацию и получить

ученую степень или звание. Исследования в Туркестане были не закончены, и материалы для диссертации Иван Васильевич решил собрать на Урале.

1 декабря 1877 года было знаменательной датой в жизни Мушкетова. В этот день на заседании ученого совета Петербургского горного института он блестяще защитил диссертацию и получил учёную степень адьюнкт-профессора по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений.

Лето 1877 года Мушкетов посвятил изучению горных хребтов Алая и Памира. Результаты поездки оказались интересными и ценными. Мушкетову удалось первому среди русских и иностранных учёных расшифровать геологическое строение некоторых районов Северного Памира, Алая и Ферганской области, обнаружить и описать единственное в своем роде месторождение бирюзы, месторождения углей и нефтяных залежей.

В июне 1878 года Иван Васильевич снова отправляется в Туркестан. В сравнительно короткий срок Мушкетову удалось изучить геологическое строение восточной части Алайского хребта. Основным итогом проведенных Мушкетовым исследований в этом районе было опровержение теории иностранных геологов о вулканизме Средней Азии.

Пятое путешествие Мушкетова по Туркестану состоялось летом 1879 года. Руководимая им экспедиция пересекла отроги Алайского хребта и спустилось к Аму-Дарье. Далее поплыли на лодке, попутно изучая строение берегов и собирая образцы.

Лето 1880 года Иван Васильевич решил посвятить изучению крупнейшего ледника Средней Азии под названием Зеравшанский. Подъём на ледник был очень трудным, но еще более тяжёлым и опасным был спуск. Две недели продолжалось штурм ледника. Кроме геологических наблюдений на леднике произведена съёмка его и сделано множество рисунков.

16 сентября 1880 года сразу по приезду в Петербург Мушкетов выступил на заседании Минералогического общества с обширном докладом о восхождении на Зеравшанский ледник, принадлежавщий к типу, так называемых переметных ледников, которые так развиты на Алае и Памире.

Восхождение на Зеравшанский ледник заканчивается цикл работ Мушкетова в Туркестане. Собранные за 6 лет материалы сделали Мушкетова крупнейшим знатоком геологии Туркестана. Вместе с профессором Г.Д. Романовским он составил геологическую карту горных районов Средней Азии. Изданная в 1884 году, она на протяжении многих десятилетий оставалось единственной геологической картой Туркестана.

За шесть лет Иван Васильевич Мушкетов охватил исследованиями большую часть Тянь-Шаня, Северный Памир, Алайскую систему и западную часть пустыни Кызылкум. Благодаря его усилиям физические и геологические карты Средней Азии были в значительной степени исправлены и дополнены.

В 1886 году вышла монография «Туркестан». За эту книгу Мушкетов получил Золотую медаль Русского географического общества.

В 1877 году Мушкетов был избран профессором по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений в Горном институте.

В Горном Институте Иваном Васильевичем была создана школа русских геологов, одним из талантливых учеников Мушкетова был В.А. Обручев.

В 1887 году в Верном произошло мощное землетрясение. Он снова приезжает в Среднюю Азию для изучения последствий Верненского землетрясения. С этих пор учёный занимался вопросами физики и геологии Земли. Нередко Мушкетова называют «Отцом российской сейсмологии». Иван Васильевич подготовил и воспитал целую плеяду видных геологов и географов.

Умер Иван Васильевич в возрасте 52 лет в 1902 году от воспаления лёгких.

СЕКЦИЯ 2
«Роль российских и советских исследователей в изучении материальной культуры, духовного наследия и природного богатства Таджикистана»

Дубовицкий В. В.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА: РИСУНОК И ФОТОГРАФИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАДЖИКИСТАНА И ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В исторических исследованиях, и в особенности – в области этнографии и археологии, видеоинформация всегда играла важную роль. Фиксация произошедшего события, а еще важнее – артефакта материальной культуры или археологической находки, приводит к широкому применению вначале рисунка, а затем фотографии, кино - и видеосъемки. Именно эти средства позволили сохранить для истории исторические факты прошлого Средней Азии, являвшейся предметом интенсивного и широкого изучения, прежде всего, русскими учеными и исследователями в конце XIX – нач. XX вв.

Нужно отметить, что на первом этапе исторических исследований в регионе, который, по мнению автора, охватывает период с момента экспедиции К.Ф. Бутенева (1841-1842гг.) до начала крупномасштабного присоединения северной и центральной части Средней Азии к России (1864г.), был периодом широкого использования в видеофиксации карандашного рисунка, с последующим переведением его для публикации в гравюры. Это было связано с дороговизной, громоздкостью и сложностью фототехники того периода, недоступной большинству исследователей.

Однако и в более поздний период рисунок оставался главным средством видиофиксации исторических фактов. Наибольшее число такого рода рисунков выполнены самими участниками экспедиций А.П. Федченко, активно исследовавшего территорию Северного Таджикистана в период 1868-1871 гг. Среди них (в силу естественнонаучных целей экспедиций) превалируют зарисовки географических и другого рода природных объектов (перевалы, горные вершины, водоемы, растения и животные), однако, вместе с тем, имеются несколько зарисовок бытовых построек, крепостей и антропологических типов жителей.

В гораздо большей степени фиксация исторических объектов характерна для художественного творчества Н. Каразина – русского художника-баталиста и писателя, участника присоединения Средней Азии к России. В 1874 г. и в 1879 г. ему, как знатоку края, Императорским Русским географическим обществом было предложено принять участие в научных экспедициях для исследования бассейна Амударьи. За рисунки, которые были приложены к журналам этих экспедиций, Н.Н. Каразину были

присуждены высшие награды на географических выставках Парижа и Лондона, он избирается членом Императорского Русского географического общества (ИРГО[1]. Известны его зарисовки крепостей гг. Ура-Тюбе и Гиссара, а также ряда населенных пунктов Восточной (Горной) Бухары по правому берегу Амударьи.

Уникальный вклад в видеофиксацию исторических объектов и этнографических типов не только Таджикистана, но и всей Средней Азии внес Лев (Леон) Семенович Барщевский.

С 1876 г. выпускник 2-го Константиновского военного училища, числился в составе Самаркандского топографического гарнизона в качестве офицера 17-го линейного Туркестанского батальона; заканчивал же он свою туркестанскую службу в 1896 г. уже в звании подполковника.

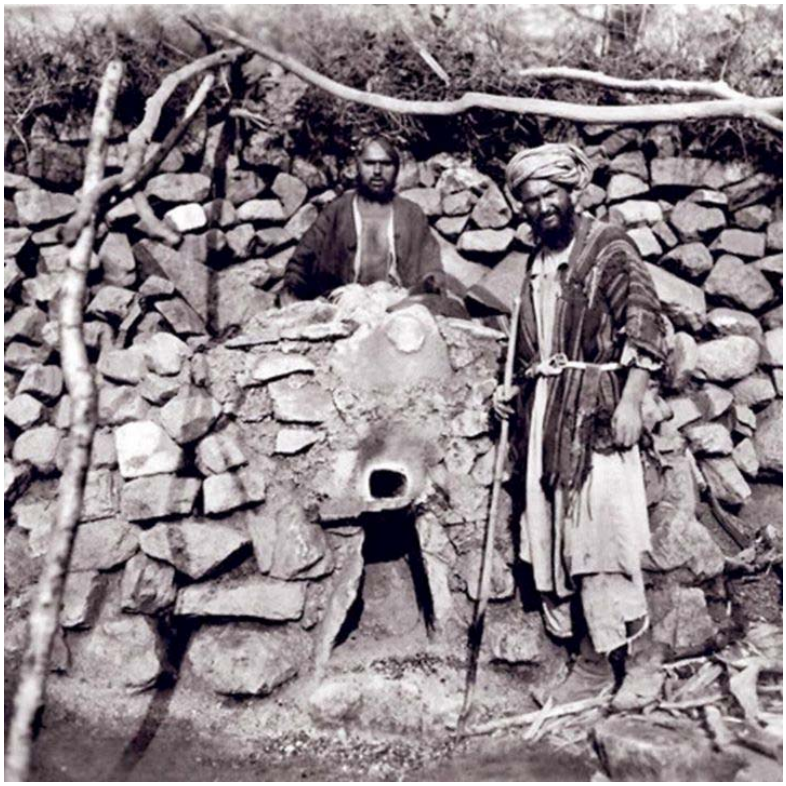
Не считая короткого пребывания в Пенджикенте (куда он был откомандирован в 1889г.), весь среднеазиатский период жизни Л.С. Барщевского связан с Самаркандом. Именно отсюда в 1896г. он был, по свидетельству его польских биографов, депортирован в Седлцу (Siedlce) за отказ принять православие. И сюда же в 1897 г. он вновь был вызван для участия в экспедиции по поиску монолита для сооружения саркофага скончавшемуся годом раньше царю Александру III, по окончании которой снова вернулся в Польшу. В 1904-1906 гг. Л.С. Барщевский принимал участие в русско-японской войне.

По роду своей службы и в силу личных пристрастий он участвовал не менее чем в двадцати экспедициях и рекогносцировочных поездках по Туркестанскому краю, обычно носивших сугубо геолого-топографический характер. Не случайным потому представляется и тот факт, что известный русский ботаник В.И. Липский в знак благодарности своему спутнику (выполнявшему в экспедиции роль коллектора, фотографа, а зачастую и переводчика) один из вновь открытых ледников Гиссарского хребта назвал именем Барщевского (по другим данным, В.И. Липский назвал его именем один из перевалов Зеравшанского хребта)[2].

Роль Л.С. Барщевского в исследование Средней Азии высоко оценил Ю.О. Якубовский, отец известного советского археолога А.Ю. Якубовского: «Спросите любого из ученых исследователей нашего края - русских и иностранных - Бонвало, Н.И. Веселовского, графа А.А. Бобринского, В.И. Липского, Н.Н. Щербину-Крамаренко, профессора В.В. Бартольда - чем каждый из них был обязан этому страстному путешественнику-любителю, избороздившему со своим проводником Якубом вдоль и поперек и Бухарские владения, и Зарафшанский бассейн. Добрая половина коллекций Самаркандского музея пожертвована Львом Семеновичем: прекрасные фотографические снимки, разнообразные предметы по археологии, великолепные коллекции минералов и образцы руд, представленных из открытых им месторождений. Немало положил он труда и денежных затрат

[1] *Дубовицкий В.В., Дубовицкая И.М.* Первые русские в Таджикистане. Биобиблиографический справочник. – Душанбе, 2015. – С.84.
[2] *Дубовицкий В.В.* Рыцарь царства Флоры // Комсомолец Таджикистана. 1989. 24 мая.

на разработку каменного угля, и дело это погибло только потому, что не встретило никакой материальной поддержки»[1].



Л.С. Борщевский. Литейная печь Самарканд, конец XX в.

Собственные географические наблюдения и этнографические заметки Л.С. Барщевского были частично изданы в Польше его двоюродным братом Витольдом Барщевским. Большая же часть рукописного архива Барщевского, заключающего в себе наблюдения по естественной истории, географии, геологии, археологии и краеведению до сегодняшнего дня не опубликована.

Судьбу рукописей разделила и фотоколлекция Барщевского, насчитывающая 590 негативов на стекле и находящаяся ныне в архиве лаборатории Варшавского университета. Специалисты оценивают ее, как вторую по значимости после знаменитого Туркестанского альбома А.Л. Куна. Среди них около 118 клише воспроизводят антропологические типы Туркестана и этнографические предметы.

Большой вклад в фотофиксацию исторических объектов и событий внесли офицеры Памирского отряда, созданного в 1893 г. на Восточном Памире. Авторство большинства снимков установить в настоящее время, к сожалению, не представляется возможным – они сохранились в различных коллекциях и частично опубликованы в научной и периодической печати того времени. Среди сотен снимков и стеклянных пластин «памирских коллекций» подробности службы русских солдат и

[1] *Горшенина С.* Туркестанская коллекция Леона Барщевского// Общественное мнение. Ташкент, 1998. №2. С.144–149 (http://svetlana.gorshenina.free.fr/3RU48 Barshchevskij coll.pdf).

офицеров на Памире. На многих из них запечатлены эпизоды служебной деятельности казаков 6-го Оренбургского казачьего полка, расквартированного в то время в г. Ош в Ферганской долине и участвовавшего в освобождении Памира и Горного Бадахшана от афганских и китайских войск. В частности, на приведенном в данной статье фото (март 1894 г.) среди офицеров Памирского поста запечатлены два казачьих офицера. Третий слева – сотник Хлебников[1], участвовавший в бою с афганцами на р. Аличур 12 июля 1892 г[2].

Офицеры Памирского поста, 1894 г.

В «памирской коллекции» того времени сохранилось также немало фото древних крепостей домусульманского периода, этнографических типов местного таджикского и киргизского населения, а также праздников, проведения полевых работ и др.

Особую ценность в плане изучения истории региона имеют изо- и фотоколлекции ученых-историков М.С. Андреева и А.Е. Маджи, сформированные в начале XXв. В настоящее время фотоколлекция М.С. Андреева, хранящаяся в Отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, насчитывает около 1000 единиц фотоснимков и негативов, рисунков, планов, эстампажей, сделанных

[1] Генерал-майор Хлебников в 1918 г. был расстрелян красными на ст. Платовка близ Оренбурга.
[2] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т.III. – СПб., 1906. – С.414 -415

на территории Таджикистана, Узбекистана, Южного Казахстана, Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии[1].

Большой, в значительной части неисследованный, массив изоматериалов содержится и в личном архиве А.Е. Маджи (1898-1962 гг.) – воспитанника Лазаревского института восточных языков в Москве и САГУ в Ташкенте[2]. Особую ценность представляют снимки наскальных рисунков и средневековых надписей из Северного Таджикистана, ныне исчезнувшие в результате хозяйственной деятельности, а также сотни зарисовок этнографических типов и архитектурных объектов, сделанные на территории Таджикистана и Узбекистана.

Отдельно можно выделить фотоколлекцию А.Е. Маджи, собранную им на территории Афганистана в 1925-1926 гг., запечатлевшею этнографические типы и быт таджиков Панджшерского ущелья.

Таким образом, видеоматериалы, касающиеся исследований таджиков и Таджикистана в конце XIX – нач. XX вв., составляют большой пласт ценнейшей исторической информации, во многом не использованной и не введенной в научный оборот.

Камолов Х. Ш.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1870 г. ГЕНЕРАЛА А.К. АБРАМОВА В ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА И ДОЛИНЫ ФОНДАРЬИ

После присоединения города Самарканда к России (5 мая 1867 г.) генерал-майор Александр Константинович Абрамов в 1868 г. был назначен начальником вновь образованного Зарафшанского округа. Согласно договору между Бухарой и Россией от 23 июня 1868 г. горные владения верховья Зарафшана также должны присоединится к Зарафшанскому округу. В это время в горных бегствах верховья Зарафшана правили полузависимые эмиры и пользуясь сложным горным рельефом, своими тяжелыми поборами и налогами угнетали народ, бесчинствовали и часто нападали друг на друга. Такая атмосфера им была по душе и, естественно, они никому не хотели подчиняться. В течение долгого времени труднодоступные дороги и высокие горы создали им условия для сохранения своей полузависимости. Но, после того как образовался Зарафшанский округ с центром в Самарканде Туркестанское генерал-губернаторство считало важным делом подчинения этих горных бегств к Зарафшанскому округу. Выполнение этой миссии было поручено

[1] *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А.Семенова и М.С.Андреева(архивные документы). – Душанбе, 2013. – 266 с.
[2] *Дубовицкий В.В.* Андрей Евлампиевич Маджи: полвека исследований в Центральной Азии. – Душанбе, 2018. – 286 с.

начальнику Зарафшанского округа генералу А.К. Абрамову. В конце весны и начале лета 1870 года в составе 200 вооруженных казаков, пехотной роты и взвода пулеметчиков Абрамовым была предпринята рекогносцировочная экспедиция к верховьям Заравшана, долине Фондарьи, Ягнобу и озеру Искандаркуль. Именно благодаря этой экспедиции вскоре последовало присоединение мелких полузависимых горных бегств: Фалгар, Масчох, Фон, Киштут и Могиён к Зарафшанскому округу. Она также оказала большую услугу науке исследованием малоизвестной горной страны. Генерал А.К. Абрамов за успешное завершение экспедиции в верховьях Зеравшана получил орден святого Владимира 2-й степени с мечами.

В состав экспедиции вошли ботаник А.П. Федченко, горный инженер Д.К. Мишенков, топограф А.М. Скасси и капитан А.Д. Гребенкин, знавший диалекты местных языков, а возглавил ее востоковед Александр Людвигович Кун, 24 ноября 1868 г. перешел на службу в Туркестанское генерал-губернаторство чиновником, состоящим в распоряжении генерал-губернатора Кауфмана. Именно в этот период А.Л. Кун при поддержке генерал-майора А.К. Абрамова участвовал во многих научных экспедициях и военных походах в разных регионах Средней Азии, в том числе в научной экспедиции в верховье Зарафшана, долине Фондарьи и на Искандаркуль.

25 апреля 1870 г. Самарканда экспедиция отправилась в сторону долины верховья Зарафшана. По дороге экспедиция останавливается в селениях Ёри, Руди Обнок (Пенджекент), Урметан, Дардар, Варзимунор, Шаватки Боло, Шамтич (Фалгар), Ревомутк, Лангари Ёз, Табушн, Палдорак и Водиф (Масчох) и через месяц, т.е. 26 мая экспедиция по узким тропинкам то по левому, то по правому берегу реки Зарафшан добралась до ледника Зарафшана. 28 мая по той же дороге экспедиция пустилась в обратный путь и 10 июня добирается до селения Варзиманор. 14 июня экспедиция из Варзиманора направляется в сторону долины Фондарья и 15 июня прибывает в Искандаркуль

На востоке от озера Искандаркуль, на возвышенном месте ныне находиться каменная глыба, где на ее восточной стороне высечено на старом алфавите слово «рускіе 1870 VI». Без всякого сомнения, это надпись была сделана во время экспедиции генерала А.Л.Абрамова. Интересно, что эта каменная глыба потом стала «памятной книгой» людей, посетивших озеро Искандаркуль.

С 19 по 24 июня экспедиция генерала Абрамова изучает верховья долины Фон до перевала Анзоб и долину реки Ягноб до местности Оби Кули Варсовут и 25 июня она возвращается и по дороге, ведущей в селение Паструд (другое ущелье, параллельно с дорогой ведущая в Искандаркуль), добирается до озера Кули Калон, 27 июня прибывает в селение Панджруд, 28 июня экспедиция находилась в Пенджакенте и 29 июня прибывает в город Самарканд.

Несмотря на то, что цель этой экспедиции в основном была военная, т.е. подчинение горных бегств Зарафшанскому округу, однако присутствие ученых в ее составе и изучение этнографии, духовной и материальной культуры горных таджиков, которые в последствии отражались в их трудах, считались для российской и европейской науки открытием. Например, «Заметки о Когистане» А.Д. Гребенкина[1] и «Заметки о верхнем Зеравшане» А.П. Федченко[2] до сих пор имеют важное научное и познавательное значение. Востоковед А.Л. Кун написал серию статьей об этой экспедиции. Но самое главное под его руководством его секретарь Абдуррахман ибн Мухаммад Абдуллатиф Мустаджири Самарканди, который везде сопровождал его, вел на таджикском языке (по А.Л. Куну на самаркандском таджикском наречии) дневник этой экспедиции. Этот дневник стал известным под названием «Рузномаи сафари Искандаркул» – «Дневник искандаркульской экспедиции».

В 1987 г. стараниями известных таджикских востоковедов А. Афсахзод и М. Муллоахмадова на основе рукописи «Рузномаи сафари Искандаркул» написанном на арабском вязе, которая хранилась в фонде восточных рукописей бывшего ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, был подготовлен к печати на таджикской кириллице этот дневник. В данной статье, опираясь на материалы этого варианта дневника Мустаджира, автор старается определить значение экспедиции 1870 г. генерала А.К. Абрамова в изучении материальной и духовной культуры верховья Зарафшана и долины Фондарьи.

В предисловии к рукописи «Дневника искандаркульской экспедиции», написанном А.Л. Куном, о цели его вхождения в состав данной экспедиции отмечается: «Отправляясь с искандаркульским рекогносцировочным отрядом генерала-майора Абрамова я имел главную задачу собрать материалы для исследования языка таджиков, живущих по долинам Заравшана и его притокам и приблизительно определить ту черту до которой проникли в горы тюркские племена занявшие долины рр. Сырдарьи и Амударьи и при этом, где будет возможно собрать сведения как об этнографии туземцев, так и об остатках древностей края».[3]

По существу, сочинение «Дневник искандаркульской экспедиции» – это отчет военной экспедиции в долину верхнего Зарафшана и Фондарьи русскому правительству, который предназначался для разведывательных сведений Царской России. Но несмотря на это оно имеет огромное значение для изучения социально-экономической и материально-духовной истории, а также географической и природно-климатической особенности долины Зарафшана, Фона, Ягноба и озера Искандаркуль второй половины XIX века. Данный источник даёт обильный материал по этнографии, особенно об

---

[1] *Гребенкин А.Д.* Заметки о Когистане //Туркестанские ведомости, 1872. №21-27.

[2] *Федченко А.П.* Заметки о верхнем Зеравшане // Материалы для статистики Туркестанского края. Сб.вып.1. Петербург, 1873.

[3] *Абдуррахмони Мустаджир.* Рузномаи сафари Искандаркул (Дневник искандаркульской экспедиции) Под. к печати А.Афзахзод и М.Муллоахмадов. Душанбе: Ирфон, 1987.С.8-9.

обрядах и обычаях как сватовство, свадьбы, траур и похорон, рождения ребёнка, одевание, и т.д. таджиков верховья Зарафшана и долины Фондарьи. Без сомнения, описание обычаев и традиции горных таджиков Мустаджиром заслуживает отдельного исследования, ибо автор старался точно отображать увиденное и услышанное.

Административное деление внутри Фалгарского, Масчинского, Фонского и Ягнобского бегства определилось под названием сада. Каждое вышеуказанное бегство разделилось на три сада – нижняя, средняя и верхняя. Например, Мустаджир в нижней саде Фалгарского бегства включает следующие селения: Дардар, Зероватк (Зеробод), Кум, Мадм, Вашан, Вешканд, Реват, Урметан, Ёвон, Вота, Киштудак; его средняя сада состоит из селений: Гузарибод, Фатмев, Испагн, Томин, Зосун, Сангистон, Варзиманор, Куруд, Зиндакон, Хишикат, Искодар; в верхнюю сада Фалгара входят селения: Шамтич, Дарг, Вешаб, Шаватки Боло, Шаватки Поён, Похут и Рарз. [1]

В сочинении автор обращает особое внимание на численность жителей каждого селения, на существование мактабов (начальных школ), мехмонхоне (дом для гостей), мечетей и мазарах долины Зарафшана, Фона и Ягноба. Согласно сведениям автора в каждом селении существовали более 10 дворов и каждое селение имело свою школу и мечети. Большие селения как Урметан, Рарз, Марзич, Джик, Водиф, Хишортоб, Обурдан, Палдорак и т.д. имели от двух до четырех школ. Зимой, начиная с шести лет мальчики приходили в школу. В некоторых школ, например в селении Обурдан Масчинского бегства, мальчики учились и летом.[2] В начальных школах мальчики обучались арабскому алфавиту, счёту по абджаду (система счета основанного на числовом значении букв арабского алфавита) и затем переходили к изучению коротких сур и аятов из Корана. Когда они заканчивали Хафтияк, (название последней части Корана, которая печаталась отдельной книгой и читалась в мусульманских начальных школах) в честь такого события каждый родитель приглашал преподавателя (муллу) и три-четыре уважаемого старика к себе в гости и в присутствии их по своей возможности вручал преподавателю подарки. Это обычно одна коза, или материалы и две тангы. После Корана мальчики занимались Чахор китоб, авторство, которой, приписывают шейху Аттару. В этой книге изложены законы шариата (исламская религиозная правовая система) и методы нравственного воспитания мусульманина.

Школа для девочек имелась не в каждом селении. Согласно Мустаджиру в селениях Пенджекент, Урметан и Обурдан были специальные начальные школы для девочек, в которых преподавали образованные женщины – бибиотуны.

Обычно в каждой школе долины Зарафшана преподавал один учитель, и учились от 10 до 20 учеников. Программа обучения вышеназванных предметов в начальных школах длилась не более трех лет, после чего юноши

[1] Там же. С.26-60
[2] Там же. С.103.

по возможности своей семьи продолжили свою учебу в медресе Самарканда, Бухары и Уратюбе.

Школы, работающие в режиме традиционных форм, функционировали в основном в мечети и иногда в мехмонхоне (дом для гостей). В долине Зарафшана и Фондарьи каждое селение, в соответствии со своей территорией и населением, имело мечети. Мустаджир пишет: «Селение Рарз имеет сто дворов. Данная местность состоит из четырех кварталов и каждый квартал имеет свою мечеть… В каждой мечети существует мактабхона (начальная школа), где зимой обучаются дети… Селение Похут (30 дворов) имеет три мечети и одну школу, которая находится в доме для гостей (мехмонхона)… В селении Шамтич (15 дворов) имеются две мечети и одна школа… В селении Обурдан (60 дворов) две мечети и две школы, которые функционируют в домах для гостей… В селении Хадишар (60 дворов) две мечети и одна школа… В селении Ревомутк (60 дворов) четыре мечети и одна школа… В селении Махшевад (60 дворов) три мечети и три школы… В селении Хишортоб (100 дворов) две мечети и две школы…»[1].

В сочинении «Дневник искандаркульской экспедиции» есть выборочные сведения о 73 мазарах и святых местах Фалгара, Матчи, Киштута, Магияна и Ягноба.[2] Мустаджир появление мазаров в долинах Зарафшана, Фона и Ягноба относит к более позднему времени, в период правления халифа Умара, что представляется нам спорным.[3] Ныне доказано, что многие мусульманские мазары, в том числе высокогорных районов Зарафшана, появились и были объектами поклонения задолго до возникновения ислама.

О некоторых мазарах, о которых сообщил Мустаджир: по дороге из Фалгара в Масчу в селении Сангистон расположен мазар Мавлана Шамсуддин Мухаммад Хатиба, известный под названием Лангар. Мавлана Шамсуддин Мухаммад Хатиб упоминается также под именем Мавлана Алоуддин Балогардон. По поводу этого мазара Мустаджир отмечает: «Там находится старый курган, который был благоустроенным во времена святого. Там стояла мечеть, настоятелем которой был Мавлана, теперь она разрушена. Над могилой святого имеется ханака, перед ней стоят два дерева карагача, как два чёрных сооружения. Там у святого был сад, где росли абрикосы, персики, яблоки, тутовник и вишня».[4]

По словам Мустаджира, Мавлана Шамсуддин Мухаммад Хатиб умер 445 лет тому назад. Исходной является дата искандаркульской экспедиции 1870 г., следовательно, он умер в 1425 г. Но, на одном намогильном кайраке, найденным в селении Сангистон, вырезан месяц и год смерти Мавлана Мухаммади Хатиб следующим образом: «Случилось время смерти Мавлана Мухаммад Хатиб в предвечернее время 17 числа счастливого месяца

---

[1] Там же. С.52-53, 54, 60, 61, 65, 66, 122, 145.
[2] *Камол Х.* История мазаров Северного Таджикистана. Душанбе: Деваштич, 2005. С.27.
[3] *Абдуррахмони Мустаджир.* Рузномаи сафари Искандаркул. С.88.
[4] Там же. С.49.

рамазана в месяц года 844» (9 февраля 1441 г.). [1]

О мазаре Мавлана Шамсуддина Сабзпуш, расположенном в фалгарском селении Вешаб, краткое сообщение имеется только в сочинении «Дневник искандаркульской экспедиции». Мустаджир об этом мазаре сообщает следующее: «В этой местности (селение Вешаб) есть (погребение), которое относят к святому Мавлана Шамсуддину Сабзпуш. Над погребением святого имеется ханака, которую построили двадцать восемь лет назад по приказу эмира Насруллах. Около мавзолея святого имеется ошхона (помещение для изготовления еды), где готовят пищу из мяса животных (коз и баранов), принесённых в жертву паломниками и раздают людям».[2] Ханака мазара по Мустаджиру был построен в 1842 г.

Абдурахман Мустаджир, посетивший мазар Ходжа Исхака в Фанских горах сообщает о нём следующие сведения: «Пройдя эту местность (селение Хайронбед), две тысячи шагов шли по каменистой и скалистой тропинке, слева от нас была река, а справа гора. Дошли до селения Махшеват. Вверху находится гора под названием Джанвархона. Здесь в скале имеется пещера, а в ней находится святой, которого считают Ходжа Исхаки Вали. В старину он воевал с кафирами (неверными) и был ранен стрелой, которая попала в грудь и вышла со спины. После ранения святой добрался в эту пещеру, повернулся лицом к кибле и умер мученически. Ниже пояса тело святого погребено голубиным помётом, а выше пояса тело не изменилось, скелет покрыть засохшей кожей, видны черты лица».[3] Мустаджир добавляет: «На расстоянии одного олчина (мера длины) от входа сидит святой лицом к горе. До груди погребён в землю, выше груди до головы открыт, лицо повёрнуто в сторону киблы. Правая рука святого поднята вверх, а левая отвалилась и лежит на земле. В левой части головы выше глаз и уха сохранилась засохшая кожа, а в правой части кожа не сохранилась. Вокруг святого выложена стенка из двух рядов камней, один из которых выше другого. Отсюда внутрь вела тропинка, по которой Искандартура [А.Л. Кун] со свечой прошёл на два или три олчина внутрь и обнаружил, что на протяжении пяти-шести олчинов всё покрыто птичьим и голубиным помётом. Продвигаясь дальше, он увидел впереди большой камень. Тропинка поворачивала и шла в сторону киблы (на юго-запад) и там находились пять-шесть человеческих скелетов. Отсюда Искандартура вернулся обратно и около тела святого заметил, что вверху, со стороны восхода, имеется отверстие откуда лучи солнца попадали на голову святого. Бедный тура (А.Л. Кун) с трудом спустился с того места. Посмотрев все труднодоступные уголки этой местности, мы вернулись обратно».[4]

Автор этих срок исследовал историю появления этого мазара в горах Фона и была выдвинута гипотеза о том, что данный мазар принадлежит Ходже Исхаку Хатлони – наставнику суфийского ордена кубравии-захбии-разавии и руководителю восстания против тимурида Шахруха с целью

---

[1] *Камол Х.* История мазаров Северного Таджикистана. С.80.
[2] *Абдуррахмони Мустаджир.* Рузномаи сафари Искандаркул. С.58.
[3] Там же. С.122.
[4] Там же. С.135.

создания суфийского государства.[1]

В этом сочинении также имеются сведения о мазарах благочестивых и образованных женщинах этого региона – о Бибиче (селение Киштудак), Бибилайли (селение Урметан), Бибизохиде (селение Мадм), Ходжа Бибиавлиё (селение Дардар), Бибифаранджипуш (селение Куруд), и Розиябону (селение Шаватки Боло).[2]

Согласно Мустаджиру экономическая жизнь Кухистана (верховья Зарафшана) особо не отличалась от сопредельных областей: это разрозненные неблагоустроенные селения, разрушенные сторожевые крепости, висячие треснутые мосты, узкие опасные дороги, малоурожайные земли, изнуряющий труд, многочисленные невыносимое поборы и подати, трудное положение и обнищание народа. Набеги и разграбления усугубили кризисное состояние региона. Описывая географическое положения, занятость населения селения Урметан (ныне в Айнинском районе) Мустаджир пишет, что два года тому назад (т.е. в 1868 г.) масчинцы совершили налет, разграбили жителей селения и разрушили крепость.[3] Мустаджир далее отмечает, что когда он вместе с А.Л. Куном и двумя сопровождающими лицами добрались до летовки жителей Урметана, побеседовав с одним стариком, спрашивали его, почему они так бедно живут? Он ответил: «От рук масчинцев мы стали такими (нищими)». Спрашивали его, когда последний раз масчинцы были здесь? Он ответил: «Масчинцы три-четыре раза совершили налет под руководством Рахимшоха баходура на селении Урметан. Здесь побывала их маленькая группа». [4]

Причину миграции жителей селения Варзиманора (ныне центр Айнинского района) Мустаджир видит в неоднократном совершении грабежей и разбойных нападений со стороны масчинцев: «Здесь раньше жили 50 семьй… В связи с частыми разбойными нападениями масчинцев они мигрировали… В селении Варзиманор сейчас осталась 20 семей».[5] Бесспорно, тяжелые горные климатические условия, где жизнь человека зависила от природы, вынуждали местное население совершать такие непристойные поступки в отношении своих соседей. Все это свидетельствует о тяжелом положении дел Кухистана.

Мустаджир в своем дневнике описывая социально-экономическую жизнь долины Зарафшана, обстоятельно пишет о способах ведения хозяйства, о земледелии, садоводстве, животноводстве; описывает особенности топографического расположения крепостей, селений, перевалов, дорог, горных тропинок, мостов и речек этой долины.

Согласно Мустаджиру из зерновых здесь выращивались пшеница, ячмень, джугара, просо, кунак, рис, кунджут, индау, маш, горох, фасоль. Широко было развито садоводство, ибо благоприятный климат и орошение

---

[1] *Камол Х.* История мазаров Северного Таджикистана. С.88-96.
[2] *Абдуррахмони Мустаджир.* Рузномаи сафари Искандаркул. С. 27, 34, 38, 41, 46, 57.
[3] Там же. С.30.
[4] Там же. С.35.
[5] Там же. С.45.

создавали условия для выращивания многих сортов винограда, яблок, персиков, абрикосов и слив. Почти во всей долины Зарафшана выращивали огромное количество тутовых деревьев разных сортов (в Масчинском бегстве до селения Лангари Ёз[1]), а также черешню, грушу, айву, вишню, орехи и другие плоды. Население долины привозило свои сухофрукты для продажи в Самарканд, Шахрисабз, Джизах, Пенджекент, Хисар и Уратюбе и приобрело здесь товары для нужд своих семей и хозяйств. Часто весной и осенью из города Уратюбе и Пенджекента купцы привозили в селения среднего и верхнего Фалгара хлопчатобумажные ткани, такие как ситец и тик (сорт хлопчатобумажной ткани) и обменивали их на домашних животных.[2]

В это время в верховье Зарафшана не было особо развито ремесленное производство. В отдельных селениях функционировали ткачи-вязальщики. кузнецы, плотники, токари, мастера по вытёсыванию деревянных блюд (табаќтарош), валяльщики войлока (намадмол), трепальщики шерсти или хлопка (наддоф), гончары (кулол), ткачи рогожи (раѓзабоф), маслобойщики (джувозкаш) и мастера готовящий халву (халвогар). Например, в селении Дардар (80 двор) занимались тканьём карбоса, в селении Искодар (100 двор) трепанием хлопка и тканьём карбоса в селении Рарз (90 двор) тканьём карбоса, в селении Шаватки Поён (20 двор) и Шаватки Боло (20 двор) тканьём карбоса, в селений Пастигав и Хадишар (60 двор) тканьём карбоса, в селений Ревомутк (60 двор) и Ланглиф старательскими работами, в селении Маргеб (30 двор) тканьём рогожи из овечьи шерсти. [3]

Мустаджир сообщает о тех профессиях, которые преобладали в некоторых селениях долины. Например, в селении Варзиманор население занималась старательскими работами, производством нашатыря и купороса;[4] в селениях Пете, Канте, Габируд, Работ Пинён (долина Фондарья) жители в основном занимались изготовлением купороса;[5] в долине Фондарьи в местности под названием Кони навшодир (дословно «Месторождение нашатыри») каждый год, два раза – летом и осенью люди извлекали из горящей горы (огненной горы) нашатырь. Это месторождение было государственное и имело своего охранника. Только в присутствии амина – местного правителя, население имело право заниматься этим делом. Здесь также занимались извлечением серы.[6]

Мустаджир подчёркивает, что старательскими работами в долине Фондарьи занимались жители долины Фалгара, а население Фондарьи этим делом не занималось.[7] В селении Пинён (долина Фондарья) Мустаджир пишет о наличии печи для обжига гончарных изделий (хумдон) и отмечает, что летом для изготовления блюд и чашек иногда гончары прибывали сюда

---

[1] Там же.С.91.
[2] Там же.С.111
[3] Там же. С.41, 42, 53, 55, 65, 97, 143.
[4] Там же. С.45.
[5] Там же.С.119, 155, 160.
[6] Там же.С.153-154.
[7] Там же.С.160.

из города Самарканда или Пенджекента и продавая свою продукцию, осенью уезжали.[1]

Старатели в Масчинском бегстве были освобождены от уплаты налогов. Золото, которое они кустарным способом добывали весной (месяц хамал) и осенью, продавали в Уратюбе и приобретали необходимых вещей для семьи и хозяйства.[2] В Масчинском бегстве не было гончаров, – пишет Мустаджир. Мастера вытёсывали из дерева блюда наподобие кувшина, а кувшины для сохранения масла они приобретали в Уратюбе.[3]

В каждой саде (административное деление) работали три-четыре кузнеца, которые делали инструменты для хозяйственных нужд и подковывали верховых животных.

Автор сочинения «Дневник искандаркульской экспедиции» даёт интересные сведения о типах жилищ и их планировки в селениях верховья Зарафшана. Для долины Зарафшана характерно разнообразные климатические условия – от резко континентального, жаркого и сухого климата равнин до сурового климата высокогорья. Поэтому тип жилища в этой долине зависел, прежде всего, от природных условий, а также формы хозяйства, и традиций населения. Селения верховье Зарафшана раскинулись среди зеленых садов и виноградников. В то время здесь в основном наблюдается каменные и глинобитные постройки. Народные мастера возводили дом сообразно со статусом семьи. Например, Мустаджир пишет, что «в центре крепости Обурдан (Масчинское бегство) есть дом с четырьмя колоннами, который на крыше имеет дымоходное отверстие. Такие дома называют кошгарча (маленький Кошгар). Двадцать лет как стало традицией строительство таких домов. Некоторые богатые и правитель области позволяют себе построить такие дома».[4]

По описанию Мустаджира, тип жилища верховья Зарафшана характеризуется как многокомнатный дом с однорядной обстройкой внутреннего двора одно или двухэтажными жилыми и хозяйственными помещениями. Жилище застроены террасами, нередко плоские кровли домов или хозяйственных помещений, расположенных ниже, служили двором или улицей для вышележащих. Согласно наблюдениям Мустаджира к традиционным жилищам верховья Зарафшана относятся каменные и глинобитные плоскокровельные стоечно-балочные дома.[5]

Сообщение Мустаджира о полуразрушенных и разрушенных крепостей в селениях Урметан, Кум, Рарз, Обурдан, Сарвода, Тудахо, Такфон, Хишортоб, Киштут, Магиян[6] и т.д. дает археологам конкретное направление для проведения археологических раскопок в этих местах.

Мазары сельской и горной местности отличаются по своей планировке,

---

[1] Там же.С.161.
[2] Там же.С.97.
[3] Там же.С.92.
[4] Там же. С.92.
[5] Там же. С.114.
[6] Там же. С.30, 40, 51, 62, 120-121, 123-124, 137, 144, 165.

строительному материалу, оформлению и величине от мазаров, расположенных в городах. Первые строились по местным архитектурно-строительным традициям, характерным для сельских районов и с подручным строительным материалом – глина (сырцовый кирпич) и дерево. Например, вышеупомянутый мазар Мавлоно Мухаммада Али, построен из сырцового кирпича. Здесь стены отштукатурены глиной, смешанной с соломой, деревянные колонны айвана и деревянные конструкции ханака украшены резьбой индивидуального характера, потолок деревянный. Такую же архитектуру имеют мазар Мавлоно Шамсуддина в селении Пасруд, относящийся к XIX в. и мазар в Ягнобском селении Сокан.

Мазары часто строили на возвышенностях, горах, в красивой местности, где протекала вода и было много чинар (платанов), орешника, арчи (ёлка) и других деревьев. По этому поводу Мустаджир отмечает, что «у входа в низовье Джиндон (селение Табушн Масчинского бегства) есть святой под названием Ходжаи Джахон. Его могила находится на верху горы и окружена тридцатью зелёными берёзами... В местности Табушн тоже имеется (могила) святого под названием Хазрати Мулло. Рядом с могилой находится огромный тополь шириной в 16 газов».[1]

На многих мазарах ставили различные бытовые предметы – косы, пиалки, медные кувшины, чайники, блюда и др. Раньше путники с наступлением темноты не шли ночевать в селение, а останавливались в мазарах, где было специальное помещение для гостей. Мустаджир рассказывает, что «в этом селении (Вешаб) есть (могила) святого по имени Мавлана Шамсуддин Сабзпуш. Рядом с мавзолеем этого святого есть специальное помещение для приготовления пищи. Те, которые приносят животных для пожертвования, закалывают их здесь, готовят пищу и кормят посетителей».[2]

С другой стороны, мазар был надёжным местом для ночлега, так как грабители и разбойники, из боязни кары святого, не заходили туда и не беспокоили путников. Эти путники пользовались, оставленной в мазаре посудой. Во всех мазарах имеются светильники, возжигание которых, как правило, является обязанностью шейха-настоятеля. Мустаджир рассказывает, что «настоятелей мазаров в Фалгаре, Масче и Фоне назначали из числа жителей своего кишлака, из потомков прежних шейхов-настоятелей данного мазара».[3]

Место расположения мазаров неразрывно связано с прозрачными и лечебными водными источниками. Большинство мазаров на долины Зарафшана и Фондарьи расположены у водных источников в окружении чинар (платанов), ореховых и еловых деревьев и вечнозелёных рощ. Мустаджир рассказывает, что в этих горах (горы Киштудак) «растут еловые деревья, тополя, дикий виноград и боярки, дикая ива, мисвок и мушша (род кустарников). Здесь много разных деревьев. В этой местности находится

[1] Там же. С.73
[2] Там же. С.58.
[3] Там же. С.161

(могила) святой Бибича. Здесь есть источник, прозрачная вода которого напоминает святую воду Кавсара (райского источника)».[1] О расположенном в селении Урметан мазаре говорится, что «пройдя две тысячи шагов, а то и больше мы прибыли к мазару Бибилайли. Очень благодатное место, там имеется сад, а рядом находится источник с холодной прозрачной водой».[2] Пить воду из этого источника и привязать лоскут ткани к веткам окружающих деревьев в знак уважения к мазару и во исполнения своих желаний составляло важную часть обряда посещения, что сохранился до наших дней. Мустаджир сообщает, что «когда по подъему добрались на верх горы (подъем Рабат около Маргеба), то увидели там еловое дерево. Каждый прохожий привязывает к ветке этого дерева лоскут ткани с намерением совершить жертвоприношение после благополучного преодоления этого пути».[3]

С мазарами, относящимися к святым водным источникам, связан обряд, по которому посетители опускают руку на дно источника и берут оттуда камушек (как правило, камушки круглые, полированные, имеющие цвета – белый, голубой, чёрный), который бережно хранят дома в специальном месте, как святой предмет из мазара. Мустаджир рассказывает: «Когда непорочные люди загадывают желания и опускают руку в священный источник, то находят драгоценный камень или хорошую бусинку. А когда коварные люди опускают руку (в источник), то вытаскивают змей и лягушек”.[4] Это мнение, безусловно, связано с суеверием, но оно имеет символическое значение и преследует благородные цели. Святые источники являются воплощением чистоты и добродетели. Поэтому посетители должны приходить сюда с добрыми намерениями, чтобы после поклонения найти в себе силы для преодоления вражды и обид.

Мустаджир в своем дневнике определяет социальные слои населения и дает нам общее представление о социальной иерархии общества долины Зарафшана, Фондарьи и Ягнаба. Он выделяет два основных социальных слоя: богатый (высший) и бедный (низший). Распределение населения по этим уровням завысило от их экономического состояния. Мустаджир отличал людей богатых от бедных в долинах Зарафшана, Фондарьи и Ягноба следующим образом. В Фалгарском бегстве человек считал себя богатым, если имел двести баранов и коз, две лошади, две коровы и два осла. В Масчинском бегстве человека, который имел сто или больше баранов, считался богатым. В этом бегстве люди, считающиеся бедными, имели землю и немного домашних животных. В Ягнобе если человек имел одну лошадь, три коровы, 40 баранов и коз, считался богатым. Считающие себя бедным имели одного осла, две коровы, 8 баранов и коз.[5]

---

[1] Там же. С.27.
[2] Там же. С.34.
[3] Там же. С. 144.
[4] Там же. С.27.
[5] Там же. С.110, 92, 150.

Таким образом, подытоживая свои рассуждения о значении экспедиция генерала А.К. Абрамова в верховье Зарафшан и Фондарьи, можно прийти к выводу, что экспедиция имела огромное значение в изучении материально-духовной культуры горных таджиков во второй половине XIX в., что отражено в трудах А.Д. Гребенкина, А.П. Федченко, А.Л. Кун и А. Мустаджира.

Анварова М. Н.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД «ЛАТАИФ АЛ-АМСАЛ» РАШИДУДДИНА ВАТВАТА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ПЕРСИДСКО–ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сравнительный анализ содержания «Латаиф ал-амсал» с другими аналогичными словарями, составленными до рассматриваемого нами труда, показывает, что Рашидуддин Ватват при создании своей книги в основном опирался на труд Майдани Нишапури «Маджма' ал-амсал». «Латаиф ал-амсал» Ватвата первый двуязычный паремиологический словарь, в котором, по признанию самого автора, «предания и рассказы, относящиеся к ним (то есть к пословицам и поговоркам – М.А), написал на персидском языке, чтобы польза от словаря была полной и выгода всеобщей» [8,40].

Именно потому, что книга «Латаиф ал-амсал» была первым опытом двуязычного паремиологического словаря, и благодаря преданиям и рассказам на персидском языке, в последующие века большинство авторов словарей и другие ученые в своих работах часто использовали комментарии и толкования Ватватом. Сравнительный анализ содержания «Латаиф ал-амсал» со словарями, составленными после труда Ватвата, убедительно доказывает, что последуюшие авторы очень продуктивно использовали труд Рашидуддина. Можно констатировать, что Рашидуддин Ватват внес огромный вклад в становлении и развитии паремиологических словарей в персидско - таджикской литературе.

Одним из сочинений, в котором можно рассмотрет влияние «Латаиф ал-амсал» Рашидуддина Ватвата, является «Нафаис ал-фунун фи араис ал-уюн» Шамсуддина Мухаммада Омули. Труд Омули представляет собой авторитетную энциклопедию, двенадцатую науку (фан), которая посвящена паремиологии. После изложения сути науки о пословицах автор приступает к перечислению пословиц и их переводу. Сопоставление двух интересующих нас произведений показывает, что Омули в процессе своей работы в большинстве случаев использовал «Латаиф ал-амсал» Ватвата. Шамсуддин Мухаммад Омули заимствует текст Ватвата без изменениями. Общность двух книг можно заметить сразу, сопоставив их предисловия. В небольшом по объему предисловии «Латаиф ал-амсал» Ватват отмечает пользу и выгоду пословиц, и их собирание [8,39-40].

В предисловии книги Шамсуддин Мухаммад Омули дает очень краткую характеристику и значение пословицы. По объему предисловия Омули напоминает введение к книге Ватвата, за исключением причины написания книги.

Схожесть двух произведений более всего наблюдается в толковании пословиц, в преданиях и рассказах, приведенных авторами для разъяснения возникновения пословиц. Прежде всего, общность проявляется в том, что в большинстве случаев, Омули выбирают и комментируют одни и те же пословицы, что и Ватват.

Несомненен тот факт, что Омули использовал словарь Ватвата как первоисточник. Хотя Омули в отличие от Ватвата не дает перевода самих пословиц, но в переводе причин их возникновения, случаев использования, преданий и рассказов, связанных с ними, прослеживается отчетливая общность между двумя книгами. Например:

«**Латаиф ал-амсал**»

إنَّ فى المَعَاريض لَمَنْدوحَة عن الكذبِ [8,43]

Перевод пословицы: Уклончивые речи (намёки) избавляют ото лжи.

Эту пословицу привёл Имран ибн Хусайн. Он является сподвижником Пророка (с). Смысл пословицы заключается в том, что произносить загадочные речи, переходить от открытого высказывания к иносказанию есть средство избежания явной и бесполезной лжи.

Эту пословицу используют, когда кто-либо прибегает ко лжи, неприятной и вынужденной, обременяющей и затрудняющей.

Рассказ: В наше время жил несправедливый царь, который принудил благочестивого человека составить документ о его (царя-М.А.) справедливости и великодушии, получить подписи людей путем угроз и устрашения. Ученый благочестивый муж написал, что внешнее состояние всех мусульман, особенно состояние правителей, которые являются пастырями молитвенников и защитниками страны, таково, что, как только наденут платье блага (то есть становятся царями), стараются благодарить Благотворителя и склоняются к справедливости и спокойствию и отдаляются от стоянки несправедливости и разврата, и « «ما شهدتُ إلاّ بما علمتُ» (не могу подтвердить, пока не увижу). Эти слова, которые он написал иносказательно, правильные, и если бы он написал открыто, что царь является справедливым и богобоязненным и далеким от несправедливости и злодеяний, это было бы ложью и противоречило бы шариату и благородству (футувват). И всё, что похоже на это, относится к избранным иносказаниям и допустимым уловкам [2,43].

«**Нафаис ал-фунун**»

إنَّ فى المَعَاريض لَمَنْدوحَة عن الكذبِ [2,184]

После арабского текста пословицы Омули приводит толкование: Эту пословицу сказал Имран ибн ал-Хусайн, который был из числа сподвижников Пророка (с). То есть говорить загадочные слова и из прямой речи переходить в иносказание есть путь избегания явной лжи. Эту

пословицу нужно использовать, когда кто-либо хочет солгать и предполагает, что он вынужден это делать [2,184-185].

Сравнительный анализ приведенной пословицы показывает, что толкование пословицы в этих книгах практически одинаковое. В первую очередь, оба источника приписывают пословицу Умрану ибн Хусайну-сподвижнику Пророка (с). Текст толкования книги Омули однозначно свидетельствует, что автор заимствовал его с незначительными изменениями из произведения Ватвата. Рассказ в книге Ватвата более подробен, Омули же в «Нафаис ал-фунун» приводит тот же рассказ с сокращениями и в более лаконичной форме.

В стиле изложения рассказов наравне со схожестью наблюдаются некоторые отличия. Например, Ватват везде в своей книге до приведения текста рассказа обязательно приводит заголовок «Ҳикоят». Омули же в двенадцатой главе своей книги «Нафаис ал-фунун» вообще не использует заголовок «Ҳикоят».

Приведем еще один пример.

«**Латаиф ал-амсал**»

إنّ الشَفيقُ بسوء ظنّ مُوْلع [8,46]

Перевод пословицы: Жалеющий зломыслием, воспламенён [8, 69-70].

Как видим, Омули особое внимание уделяет случаю использования пословицы: и даже не приводит персидский перевод самой пословицы. Персидский эквивалент пословицы в обеих книгах идентичен.

Отличие двух сопоставляемых источников проявляется, прежде всего, в том, что у Ватвата толкование пословиц более подробное по сравнению с «Нафаис ал-фунун». Данное соображение подтверждает сравнение первой пословицы «Нафаис ал-фунун» и с пословицей № 6 «Латаиф ал-амсал».

«**Латаиф ал-амсал**»

آفة الجمَالِ الخُيَلاءُ [8,44]

Перевод пословицы: Красование и похвальба наносят ущерб добродетели.

Это слова Пророка (с). Однако необходимо знать, что хуяло’- красование и похвальба - бывает двух видов: первый вид-то, которое любит Бог Всемогущий, и другой - то, которое Бог Всемогущий не любит. То хуяло’, которое любит Бог Всемогущий - это красование и похвальба перед врагами на арене сражения, порицания и боя с копьём. Как рассказывает Мухаммад ибн Исхок ибн Ясор Пророк (с), в день битвы Ухуда вышел в двойной кольчуге и у него в благословенной руке был меч. Пророк (с) спросил: кто возьмет из моей руки сей меч так, как подобает ему? Эмир правоверных Умар поспешил (к Пророку (с)) и сказал: «Я, о Пророк Бога»! Пророк (с) отвернулся от него и не дал ему меч. Он сказал второй раз: «Кто возьмет из моей руки сей меч так, как подобает ему»? Забир ибн ал-Аввом поспешил и сказал:» Я, о Пророк Бога». Пророк отвернулся и от него и не дал ему меч. Третий раз сказал: «Кто возьмет из моей руки меч так, как подобает ему?» Абу Дуджона Симок ибн Хараша ал-Ансори поспешил и сказал: «О Пророк Бога (с), как подобает взять этот меч»? Пророк (с) сказал:

«Подобает его брать, бить врагов религии Бога Всемогущего столько, чтобы он раздвоился». Этот Абу Дуджона был очень смелым и отважным. Его известной привычкой и чертой характера было то, что он грациозно вступал на арену сражения и красовался перед врагами и, несмотря на большую численность врагов, не считал за людей. В день сражения его знаком был красный платок и по нему узнавали его. И когда он на поле сражения завязывал красный платок, люди знали, что в битве проявит чрезмерную смелость и враг будет истреблен. Взяв из руки Пророка (с) меч, он вынул красный платок и завязал голову и, читая «раджаз» и требуя противников, вышел на поле битвы и стал шествовать между двумя строями. Пророк (с) сказал: «Такое поведение Бог Всемогущий не любит, разве только на этом месте». Потом он сражался и был бесподобен в битве «جزاهُ الله عن دينه خيرا“.

Та похвальба, которую Бог Всемогущий не любит это когда человек гордится плохими делами и неприемлемыми поступками и красуется высокомерно, спесиво и с апломбом.

Эту пословицу нужно говорить там, где кто-то гордится своей красотой и совершенством, из-за эгоизма и красования не обращает внимание на своих друзей и не замечает их [8,44-45].

Как видно Рашидуддин Ватват очень подробно и конкретно говорит о происхождении пословицы. Автор «Нафаис ал-фунун» в отличие от Ватвата излагает приведенные выше сведения очень сжато:

آفة الجمَال الخُيَلاءُ - Эту пословицу сказал Пророк (с), и её нужно говорить, когда кто- либо гордится своей красотой и совершенством и из-за эгоизма не проявляет уважение к людям. Нужно знать, что надменность бывает двух видов. Один вид, который Бог Всемогущий не любит - и это надменность вследствие высокомерия и гордости и проявление гордости плохими делами и неправедными поступками [2,185].

В завершающей части толкования Ватвата и краткого комментария Омули наблюдается схожесть, особенно в той части, где слово «хуяло’» (самодовольство, кичливость, надменность) разъясняется на основе высказывания Пророка (с). Общность проявляется не только в содержательном плане, но и в стиле изложения, в частности использования одинаковых слов и словосочетаний. Рассмотрим последний отрывок в двух книгах.

«**Латаиф ал-амсал**»: «Та надменность («хуяло’»), которую Бог Всемогущий не любит - это надменность плохими делами и неприемлемыми поступками, прохаживание высокомерно, спесиво, с апломбом».

«**Нафаис ал-фунун**»: «Нужно знать, что надменность бывает двух видов: один вид, который не любит Бог всемогущий, это прохаживаться с высокомерием и гордостью и проявление гордости плохими делами и неправедными поступками».

Ниже приведем еще несколько примеров, доказывающих, что основным источником книги «Нафаис ал-фунун» послужил «Латаиф ал-амсал» Ватвата:

ترك الظبي ظله [8,54]

Перевод пословицы: Оставила газель свой дом, место и обитель. Смысл слова «зил» в данном случае - «дом газели», под сенью которого она находится. Когда охотник находит её обитель, газель покидает его. Говорят, газель убегает и больше не возвращается в то место, поэтому и говорят:

ترك الظبي ظله

Пословицу говорят, когда у кого-то к чему–нибудь возникает отвращение к чему-либо, и он оставляет это место и никогда не приближается к нему [8,53].

Точно таким же стилем и такими же словами и оборотами Омули приводит эту пословицу в своей книге «Нафаис ал-фунун»: **ترك الظبي ظله** - Смысл слова «зил» в данной пословице – дом газели, где она обитает, и приближение охотника к этому месту приводит газель в волнение, и она из-за страха перед охотником убегает и больше туда не возвращается. Поэтому говорят: **ترك الظبي ظله**

Пословицу говорят, когда у кого-то к чему-нибудь возникает отвращение, и он оставляет это место и никогда не приближается к нему [2, 191-192].

Необходимо отметить, что Омули исправляет тавтологию, прокравшуюся в текст книги Ватвата. В первом предложении издания Хабибы Данишамуз ошибочно слово «маъни» напечатано дважды: «Маънои **зил** дар ин «маънои» хонаи оҳуст». Омули приводит правильный вариант текста: «Маънои зил дар ин «масал» хонаи оҳуст».

Можно уверенно предположить, что ошибка прокралась в текст «Латаиф ал-амсал» во время публикации. Другой пример:

تمام الربيع الصيف [8,54]

Перевод пословицы: Конец весни приходит лето.

Омули повторяет толкование Ватвата с незначительными изменениями и, кроме того, не приводит случай использования пословицы.

تمام الربيع الصيف - Как видно, Омули вносит в текст Ватвата три незначительных изменения: «бахор» вместо «бахорон», «чун» вместо «ва», «гуянд» вместо «гуфтанд».

В отдельных случаях Ватват приводит поэтический персидский эквивалент пословицы:

أتعب من رايض مهر [8,57]

Перевод пословицы: Измученный больше, чем укротитель жеребенка. Кто объезжает жеребенка, несомненно, терпит мучения и тяготы и трудности в управлении им, и эта пословица близка к пословице: « لا يعدم شقيٌّ مُهراً »

Бейт:

رنج بیند ز کرّه رایض از آن میزند تازیانه همواره‌اش

Терпит тяготы укротитель жеребёнка, поэтому

Постоянно бьет его кнутом. [8,57]

Затем Ватват приводит сатирический рассказ, в принципе не имеющий отношения непосредственно к содержанию пословицы, несмотря на то, что один из его героев является укротителем. Омули приводит и толкование пословицы, и рассказ с сокращениями и незначительными изменениями.

أتعب من رايض مهر - Перевод пословицы: Каждый, кто хочет укротить жеребенка, неизбежно будет мучиться в (процессе) укрощения. Говорят, одна женщина сказала укротителю: очень трудная у тебя профессия, потому что поиск пропитания связан у тебя с задом (имеется в виду объездка жеребенка – М.А). Укротитель сказал: О хозяйка, не печалься, ибо расстояние между орудием моей профессии и орудием твоей профессии не более, чем четыре пальца. Данную пословицу говорят, когда кто- либо испытывает трудности и тяготы из-за какого-либо дела [2,192].

Следует отметить, что Омули пропускает вторую арабскую пословицу. Более того, Омули сокращает и персидский стих, приведенный Ватватом, для внесения ясности и четкости в смысл пословицы. Бейт можно считать, в известной мере, персидским эквивалентом арабской пословицы. Необходимо отметить, что в отдельных случаях Омули следует принципу Ватвата в цитировании персидских стихотворных отрывков. Например, после приведения арабской половицы - **التينة تنظر الى التينة** пишет: И Аджам (то есть персы) говорит:

Макун бо бадомӯз ҳаргиз диранг,
Ки ангур гирад зи ангур ранг.[5,193]
Не нужно (проявлять) медлительность с грубым человеком,
Ибо виноград спеет, глядя на другой виноград.

(Русский эквивалент пословицы: **с кем поведешься, от того и наберешься**). Источником подтвердительного стихотворного отрывка Омули, несомненно, является известная и сегодня персидско - таджикская пословица: **«Сосед извлекает урок от (состояния) соседа, виноград краснеет (спеет), глядя на другой виноград».**

Сравнительный анализ двух произведений позволяет прийти к следующим выводам:

а) труд «Латаиф ал-амсал» Ватвата является основным источником двадцатого раздела «Нафаис ал-фунун» Шамсуддина Мухаммада Омули, посвященного арабским пословицам и их толкованию на персидском языке;

б) Омули творчески использовал принципы и стиль работы Ватвата;

в) Шамсуддин Мухаммад Омули избрал принцип сокращенного изложения материала книги Ватвата;

г) Омули не приводит персидский перевод пословиц;

д) Если каждая глава книги Ватвата содержит десять пословиц, то в разделах сочинения Омули размещены от 10 до 22 пословиц. Так, раздел буквы «алеф» содержит 22, «бо» 20, «то»-20, «коф» -15, «мим»-15, «лом»-12 пословиц. Следовательно, общее количество пословиц «Нафаис ал–фунун» больше, чем в труде Ватвата.

На основе сказанного выше можно сделать вывод, что «Латаиф ал-амсал» Рашидуддина Ватвата являлся важнейшим источником развития и распространения паремиологических словарей в персидском языке. Авторы большинства аналогичных словарей заимствовали из книги Ватвата прежде всего персидское толкование пословиц, о чем свидетельствует сравнительный анализ двух паремиологических словарей с «Латаиф ал-

амсалом» Рашидуддина Ватвата. И можно сделать вывод, что «Латаиф ал-амсал» Ватвата являлся важнейшим источником развития и распространения паремиологических словарей на персидском языке.

Список использованной литературы:

اصفهاني،حمزة بن الحسن. سوائر الامثال على افعل/ تحقيق فهم سعد. بيروت: الناشر:عالم
آمولى محمد، نفائس الفنون/ تصحيح ابوالحسن شعرانى. تهران: انتشارات اسلاميه 1 الكتب،1988.
2 1336، جلد 1.2.3
3 دحخدا علىاكبر، لغتنامه دحخدا/ دحخدا علىاكبر.تهران: 1342ص
.4 دحخدا، امثال و حكم/ دحخدا.تهران: انتشارات اميركبير، 1338 ه
.5 الزمخشري ، المستقصى فى الامثال العرب /جار الله محمود بن عمر الزمخشري. **دار الكتب العلمية. بيروت: 1408ه-1987م.**
6 الحموي، ياقوت. معجم الأدباء. 2 جلد / ترجمه عبدالمحمد آيتي. - تهران: سروش. 2002/1423/ 1391ص.
7. خيرالدّين شمس پاشا، معجم الامثال العربية/ خيرالدّين شمس پاشا.مركز ملک فيصل لبوحوث و درسات اسلامية الرّياض: طبع اوّل 1423\2002 .
8. وطواط رشيد الدين، لطائف الامثال و طرائف الاقوال/ به كوشش حبيبه دانشآموز.تهران:مؤسسه انتشارات ميراث مكتوب1391/ 290 ص.

Зокирова З. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД РУССКИХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ТАДЖИКИСТАНА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАДЖИКСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История становления и развития подлинной исторической науки в Таджикистане, организация и развитие научного центра, высших учебных заведений, в том числе исторических факультетов в структуре вузов, подготовка и воспитание высококвалифицированных кадров-историков, исследователей, имеющих ученую степень и ученое звание в нашей республике, связано с советской эпохой. Именно в этот период в Таджикистане благодаря помощи и поддержке крупных и известных научных центров и вузов Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Киева, Ташкента и других городов Советского Союза был создан первый научный центр республики - Таджикская База Академии наук СССР (1933 г.), позже реорганизованная в Таджикский филиал Академии наук СССР (1948 г.), и в последствии - самостоятельная Академия наук Таджикской ССР (1951 г.); были организованы первые высшие учебные заведения; начинается процесс подготовки ученых из числа местных кадров и формирование научного потенциала Таджикистана.

Формирование, становление и развитие новой, подлинной таджикской исторической науки, подготовка ученых-исследователей с учеными степенями, в том числе, из числа женщин является продуктом советской эпохи.

Нужно отметить, что женщины-историки Таджикистана внесли и продолжают вносить достойный вклад в исследование и изучение различного периода истории, культуры и цивилизации таджикского народа - древнейшей, древней, средневековой, новой и новейшей истории и обогащали и обогащают таджикскую историческую науку своими научными трудами.

Заслуга и вклад женщин-историков Таджикистана, безусловно, огромны в становлении и развитии таджикской исторической науки и ее различных направлений, областей и периодов, в том числе, в области археологии, нумизматики, антропологии, этнографии, эпиграфики, археографии, медиевистики, манускриптологии, исследования истории искусства, архитектуры, науки, просвещения, образования, культуры, промышленности, сельского хозяйства и других областей политической, социально-экономической и культурной жизни таджикского народа.

Следует отметить, что в становлении и развитии исторической науки в Таджикистане в советский период и в эпоху независимости огромен вклад и заслуга русских и русскоязычных женщин-историков, которые жили и проживают в нашей республике и плодотворно работали и продолжают работать в научно-исследовательских учреждениях и вузах Таджикистана. Именно они находились в первых рядах женщин-исследователей истории и культуры таджикского народа, внесли достойный, огромный и незабвенный вклад в развитие науки и просвещения, культуры и образования, подготовке и воспитании научных кадров, преподавателей высших учебных заведений из числа местных кадров, были достойным примером подражания для молодых, начинающих исследователей-таджичек, представителей местной интеллигенции.

Достаточно только перечисление имен и фамилий русских и русскоязычных женщин-историков Таджикистана, упоминание направлений их научно-исследовательских работ, чтобы представить широту, размах научных изысканий и их ценный вклад в исследовании и изучении различных периодов истории, культуры и цивилизации таджикского народа.

В области древнейшей истории, археологии, нумизматики, антропологии исследовательскую работу вели и ведут такие известные ученые, как Е.А. Давидович, Т.П. Кияткина, М.А. Бубнова, Т.В. Беляева, Е.Д. Салтовская, А.Г. Амосова, Т. Филимонова, Э. Гулямова, Галина Каримова, и их вклад неоценим в изучении древнейшей, древней и средневековой истории таджикского народа.

В становление, развитие таджикской этнографии, искусствоведения, их различных направлений и областей, большой вклад внесли известные этнографы и искусствоведы, такие как А.К. Писарчик, С.П. Русайкина,

Л.Ф. Моногарова, М.Х. Кармышева, Т. Белинская, Э. Гейзер, Зоя Таджикова, Гузель Майдинова, Неля Юсупова, Елена Негматуллаева и другие.

История советского периода и эпохи независимости и ее различные проблемы нашли свое отражение в исследованиях известных историков, таких как К.А. Богомолова-Гафурова (супруга известного востоковеда, академика Б.Г. Гафурова), Л.П. Сечкина, З.М.Шевченко, Т. Каширина, З. Богуманова, В.М. Николаева, В. Дзидзишвили, Н. Митюкова и молодых исследователей, таких как Ш. Данильченко, Неля Искандарова, Е.В. Давлятова, Ольга Изатшоева, А.А. Класс, Н.В. Пивоварова и других.

Историко-партийное направление, исследование и изучение истории Коммунистической партии Таджикистана и ее руководящая деятельность в развитии различных областей политической, социально-экономической, культурной жизни, промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, культуры, науки, образования и т.д. посвящены исследования В.М. Ионовой, Б.Н. Гутницкой, М.С. Щупиковой и других.

Как было отмечено выше, в исследование и изучение древнейшей, древней и средневековой истории и культуры таджикского народа, особенно в археологическом изучении Таджикистана огромный и неоценимый вклад внесли именно русские и русскоязычные женщины-историки.

Одной из самых известных и признанных специалистов в области археологии и нумизматики в Таджикистане, в бывшем Советском Союзе и за рубежом является доктор исторических наук, профессор Елена Абрамовна Давидович (супруга известного археолога, академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского). Она внесла огромный вклад в становление и развитие таджикской археологии и нумизматики.

Крупные научные достижения, всемирно известные археологические открытия, успехи таджикской археологии, подготовка кадров для республики - все это связано с именем этих двух великих тружеников науки.

Е.А. Давидович долгие годы работала в Отделе археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана, который возглавлял академик Б.А. Литвинский, и личная заслуга Е.А. Давидовича в развитии исторической науки, археологии и, особенно, одной из ее направлений - нумизматики огромна и неоценима.

В дальнейшем эти два всемирно известных археолога – Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович, по приглашению академика Б.Г. Гафурова, директора крупнейшего центра мировой ориенталистики – Института востоковедения АН СССР, переехали из Душанбе в Москву и продолжали свои исследования в области изучения древней истории, культуры и цивилизации таджиков и других народов Центральной Азии.

Фундаментальные и обобщающие монографии, многочисленные книги, статьи плодотворного учёного Е.А. Давидович преимущественно посвящены проблемам археологии и нумизматики Таджикистана, Центральной Азии, и автор на основе археологических находок и нумизматического материала детально и скрупулёзно анализирует древнейшую, древнюю и средневековую историю таджикского народа, особенно различных сфер политической,

социально-экономической, торговой, культурной жизни нашего народа, и мысли, обобщение, заключение маститого исследователя имеют принципиальное научное значение для отечественных и зарубежных специалистов.

Докторская диссертация Е.А. Давидович «Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии X-XVIII веков» [2], которая была защищена в 1964 г., является образцом фундаментального исследования в области нумизматики, как ценного исторического источника.

Это монументальное научное исследование состоит из 14 глав, в котором очень детально и глубоко анализированы особенности денежно-торговых отношений эпохи Саманидов, сведения нумизматики относительно развития феодальных отношений в IX-X веках, особенности денежных отношений в XI-XII веках, сведения нумизматики о хронологии и генеалогии Караханидов, денежные отношения и их особенности в XIII-XV вв., классификация серебренных монет XVI-XVII вв., денежная реформа Убайдуллахана Аштарханида в 1708 году, денежные отношения и техника чеканки в эпоху Аштарханидов (Джанидов), меры веса (метрология) XVII-XVIII вв. в Бухарском ханстве и т.д.

Археолог, нумизматик с мировым именем Е.А. Давидович явилась ведущим и признанным специалистом в области нумизматики среди отечественных и зарубежных исследователей, и ее труды получили высокую оценку и популярность в Таджикистане, бывшем Советском Союзе и за его пределами; она, бесспорно, является одной из основоположников таджикской нумизматической науки.

Одним из важных, сложных и запутанных проблем отечественной исторической науки и историографии является вопрос сложения единого таджикского народа, его этнической субстанции и этнического состава, хронологические этапы и географические границы сложения единого таджикского народа.

Этому запутанному, спорному и весьма сложному вопросу посвящена диссертация антрополога (антропология – наука, изучающая расовую принадлежность человека и историю его физического и умственного развития) Т.П. Кияткиной «Формирование антропологического типа таджиков по палеонтологическим данным» [8], которая была защищена в 1965 году в Диссертационном совете Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в Санкт – Петербурге.

Известный ученый Т.П Кияткина, как единственный специалист в области антропологии, долгие годы работала в Отделе археологии и нумизматики Института истории, археологии, этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана, возглавляла Кабинет антропологии названного Отдела, и это высоко эрудированная, талантливая, очень милая, красивая дама взяла на свое хрупкое женское плечо тяжелый труд антрополога. В своих научных работах на основе археологических, антропологических, палеонтологических материалов, найденных в различных регионах

Таджикистана, исследовала процесс сложения единого таджикского народа, его основные этапы и этническую, расовую принадлежность таджиков.

Одной из известных археологов Таджикистана, которая внесла большой вклад в археологическое изучение республики, в расширение размаха и площади археологических раскопок, в развитие таджикской археологической науки, является М.А. Бубнова. Её ценные научные труды, публикации посвящены истории археологического, геологического изучения подземных полезных ископаемых, особенно различных видов металла, истории древних рудников, технике их освоения, разработке драгоценных металлов на основе археологических открытий.

Археолог Е.Д. Салтовская долгие годы работала в Отделе истории материальной культуры Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Академии наук Таджикистана, возглавляемого известным ученым-археологом, академиком Н.Н. Негматовым, и в 1971 году под его руководством защитила кандидатскую диссертацию на тему «Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье». [3]

Автор работы на основе археологических находок приходит к такому заключению, что Фергана с древнейших времен была одной из крупнейших центров цивилизации оседлого земледельческо-ремесленного, торгового и кочевого скотоводческого населения. В этом регионе происходили жизненно важные, трансформационные этнические, языковые, этнокультурные и другие процессы, которые оказали большое влияние и сыграли решающую роль в формировании и исторической судьбе народов этой плодотворной долины и жителей прилегающих к ней областей.

Сотрудница отдела археологии и нумизматики Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана А.Г. Амосова в 1985 году в Ленинграде (Санкт-Петербург) защитила свою диссертацию на тему «Каменный век Бешкентской долины». [1]

В своем исследовании автор работы на основе материалов археологических раскопках и геолого-естественных исследований описывает геологический строй и структуру природно-экологического условия Бешкентской долины, анализирует археологические и культурные слои, находки каменного века - орудия труда, охоты и повседневной жизни – и дает интересную типологическо-техническую характеристику этих находок, сопоставляет с аналогичными находками из других регионов и областей Центральной Азии и Таджикистана.

Археолог Галина Рахимовна Каримова в 1996 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Археологическое изучение Афгано-Таджикской депрессии» [7] под руководством известного археолога, признанного и авторитетного специалиста в области археологии Центральной Азии, особенно каменного века, члена-корреспондента АН Республики Таджикистан, доктора исторических наук, профессора Вадима Александровича Ранова. Исследование написано на основе серии «Материалы археологической экспедиции Франции в Афганистане», журнала «Афганистан», материалов советско-афганской археологической экспедиции

и других научных публикаций. В работе отражены основные этапы археологического изучения территории Афганистана, памятники каменного века Афгано-Таджикской депрессии, итоги изучения каменного века Афганистана, его периодизация и сравнительно-сопоставительный анализ каменного века Южного Таджикистана с Северным Афганистаном.

В 2007 году археолог Т.Г. Филимонова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии».[16] Автор диссертации в своей работе анализирует геологические, природно-климатические, экологические особенности Северного Афганистана и Южного Таджикистана, историю изучения верхнего палеолита и мезолита на территории Таджикистана, стоянки верхнего палеолита в предгорьях Гиссарского хребта, стоянки верхнего палеолита и мезолита в среднем бассейне реки Вахш, дает характеристику хозяйственной деятельности на основе функционального анализа археологических находок, хронологию и периодизацию памятников, культурную периодизацию стоянок верхнего палеолита и мезолита Афгано-Таджикской депрессии.

В становлении и развитии таджикской этнографии большая заслуга принадлежит известным этнографам А.К. Писарчику, С.П. Русайкиной, Л.Ф. Моногаровой, З.К. Широковой, М.Х. Кармышевой, Г. Майдиновой и другим.

Антонина Константиновна Писарчик была одной из известных и признанных этнографов Средней Азии и в течение многих лет возглавляла и работала в Секторе этнографии Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана. Её научные труды и публикации посвящены жилищной культуре, одежде, национальной кухне и другим народным традициям таджиков различных регионов Средней Азии, особенно горных и проживающих в равнине таджиков. Труды А.К. Писарчик известны и популярны среди отечественных и зарубежных ученых-этнографов.

Известной этнограф Л.Ф. Моногарова в 1951 году в Диссертационном совете Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язгулямцы. (Опыт этнографического описания)». [17, 149-151] Исследование Л.Ф. Моногаровой посвящено этнографическому изучению долины Язгулам, Горно Бадахшанской Автономной области Таджикистана.

Этнограф З.А. Широкова исследовала одежду горных таджиков [18], и ее публикации обогатили историографию материальной культуры таджиков, особенности кройки и швейного искусства горных таджиков.

Одной из известных и авторитетных специалистов в области истории таджикского костюма в древности и средневековье является доктор исторических наук, профессор Гузель Майтдинова. Её докторская диссертация посвящена истории одежды таджиков, генезису таджикского костюма, видам костюмов, технологии кройки, подготовке швейных изделий, производству различных видов ткани, красок, орнаменту тканей, вышивке и другим особенностям искусства одежды таджиков на основе археологических находок и сведений письменных источников.

В исследовании истории таджикского искусства и его различных видов, в том числе музыкального искусства, таджикского народного театра, женских украшений, ювелирного, декоративного искусства, художественной отделки, резьбы по дереву большой вклад внесли известные искусствоведы Т. Белинская, Э. Гейзер, Зоя Таджикова, Нелли Юсупова [19], Елена Нигматуллаева и другие. Благодаря научным публикациям вышеназванных ученых-искусствоведов шедевры таджикского искусства и изящные предметы народных промыслов стали достоянием научных кругов и всех любителей эстетики.

В области историко-партийного исследования, истории Компартии Таджикистана и её направляющей и руководящей деятельности в различных областях политической, социально-экономической, культурной жизни общества свой вклад внесли женщины-историки.

Исследование Б.Н. Гутницкой «Борьба Коммунистической партии за индустриализацию Таджикистана (1926-1933 гг.)» [17, 16-18], В.М. Ионовой «Борьба Коммунистической партии за Советскую власть в Северном Таджикистане» [17, 30-31], М.С. Шупиковой «Партийная организация Таджикистана в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в послевоенные годы» [17, 102-103] и другие посвящены вышеназванным проблемам истории республики в историко-партийном фокусе исторического исследования.

История советской эпохи и постсоветский период отражены в работах известных историков К.А. Богомоловой-Гафуровой, Л.П. Сечкиной, З.И. Шевченко, В.М. Николаевой, Т. Кашириной, З. Богумановой, К. Митюковой, А. Класс, Ольги Изатшоевой, Елены Давлатовой, Н. Секретовой, В.З. Дзидзишвили, Ш. Данильченко, Н.В. Пивоваровой и др.

Известная учёная К.А. Богомолова-Гафурова в 1954 году в Диссертационном совете при Институте истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана защитила кандидатскую диссертацию на тему «Из истории коллективизации сельского хозяйства Таджикистана. (На материалах северных районов)» [17, 188-189]. В работе отражен процесс борьбы за коллективизацию сельского хозяйства в Худжандском округе и других районах Северного Таджикистана, вопросы водно-земельной реформы, социально-экономическая, культурная трансформация в жизни жителей села северного региона республики.

Одной из известных и плодотворных исследователей истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., боевого подвига посланцев Таджикистана на фронтах ВОВ и трудового подвига народа в тылу, вклада таджикского народа и таджикистанцев в обеспечении Победы над фашисткой Германией является Л.П. Сечкина. Перу этой труженицы науки относятся ряд фундаментальных и обобщающих монографий и многочисленных научных статей, и её публикации обогатили таджикскую историографию истории ВОВ. Л.П. Сечкина в 1961 году подытожила результаты многолетних своих научных изысканий и в Диссертационном совете при Таджикском государственном университете имени В.И. Ленина

(Таджикский национальный университет) защитила кандидатскую диссертацию на тему «Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны». [15] В дальнейшем она продолжила тему «Таджикистан в годы ВОВ» и опубликовала ряд ценных работ по названной проблематике.

Одной из первых исследователей истории создания библиотек в Таджикистане и их деятельности в деле пропаганды знания и просвещения в целях повышения культурно-политического уровня народа является З.М. Шевченко. В 1969 году она под руководством академика З.Ш. Раджабова в Диссертационном совете ТГУ имени В.И. Ленина (Таджикского национального университета) защитила диссертацию на тему «Развитие библиотечной работы в Таджикистане» [17, 256-258]. В работе детально анализируется история создания первых публичных государственных библиотек, формирование библиотечных сетей в республике, их деятельность в области пропаганды научных знаний и повышения политического, культурного сознания народных масс. З. М. Шевченко долгие годы возглавляла Центральную научную библиотеку имени Индиры Ганди Академии наук Таджикистана и внесла достойный вклад в развитие библиотечного дела в республике.

История и деятельность Советов Таджикской АССР и его документы, как ценные и уникальные исторические документы, проблемы культурной жизни таджикского села нашли свое отражение в исследованиях Т. Кашириной и З. Богумановой.

Исследование К.Д. Митюковой «Становление и укрепление высших государственных органов власти и укрепления Таджикской АССР» [11] посвящено истории формирования, развития и укрепления высших органов государственной власти и управления в Таджикской АССР в 1924-1929 гг.

Исторический опыт конституционного строительства в Таджикистане, основные его этапы и принятие конституции в нашей республике нашли свое отражение в работе А.А. Класс [9].

Историк Н.А. Секретова в 1992 году защитила диссертацию на тему «Военно-политическая деятельность частей Красной Армии в Бухарской Народной Советской Республике» в Диссертационном совете при Институте истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикистана под руководством академика Р. Масова. В работе анализируется процесс формирования частей Красной Армии и их деятельность в восстановлении, укреплении Советской власти в Бухарской Народной Советской Республике и культурно-политическая работа среди трудового народа.

История создания и деятельность Таджикско-Памирской научной экспедиции, и её вклад в изучении природных богатств, истории, культуры и этнографии таджикского народа отражены в работе В.З. Дзидзишвили [5].

Научно-организационная деятельность одного из организаторов и руководителей научного центра в Таджикистане – Таджикской базы АН СССР (1932), затем Таджикского филиала Академии наук СССР (1941) проанализирована в диссертации Ш. А. Данильченко [4].

Исследование Н.П. Пивоваровой «История туризма в Таджикистане» [12] посвящено страницам истории туризма в Таджикистане в советской эпохе и в период независимости республики.

Огромен вклад русских и русскоязычных женщин-историков Таджикистана в становлении, развитии таджикской исторической науки, в воспитании и подготовке высококвалифицированных кадров для научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений республики.

Нужно отметить, что в рамках одной статьи невозможно всесторонне и подробно осветить огромный вклад русских и русскоязычных женщин-историков республики и проанализировать их научные труды в области археологии, этнографии, искусства, древней, средневековой, новой и новейшей истории таджикского народа, и этот вопрос достоин отдельного, глубокого изучения, пристального внимания и дальнейших научных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Амосова А.Г.* Каменный век Бешкентской долины. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1985.
2. *Давидович Е.А.* Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии X-XVIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М.:1964.
3. *Давлятова Е.В.* Деятельность руководящих национальных кадров Таджикистана в 1917-1924 гг. (Историографический аспект). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1994.
4. *Данильченко Ш.А.* Научно-организационная деятельность академика Е.Н. Павловского в Таджикистане. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1990.
5. *Дзидзишвили В.З.* Таджикско-Памирская экспедиция АН СССР: история организации и проблемы исследования. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1988.
6. *Изатшоева Ольга Амиршоевна.* Возникновение и деятельность масовых дехканских организаций в Таджикистане 1918-1932 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1988.
7. *Каримова Галина Рахимовна.* Археологическое изучение Афганистана и проблемы каменного века Афгано-Таджикской депрессии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1996.
8. *Кияткина Т.П.* Формирование антропологического типа таджиков по палеантологическим данным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1965.
9. *Класс А.А.* Исторический опыт конституционного строительства в Таджикистане. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2015.

10. *Майтдинова Гузель.* Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Душанбе, 1997.

11. *Митюкова К.Д.* Становление и укрепление высших государственных органов власти и управления Таджикской АССР. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1989.

12. *Пивоварова Н. В.* История туризма в Таджикистане. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2010.

13. *Салтовская Е.Д.* Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1971.

14. *Секретова Н.А.* Военно-политическая деятельность частей Красной Армии в Бухарской Народной Советской Республике. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1992.

15. *Сечкина Л.П.* Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1968.

16. *Филимонова Т.Г.* Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 2007.

17. *Холджураев Х.* Диссертация историков по материалам Таджикистана. – Душанбе: ТГУ имени В.И. Ленина, 1970. – 283с.

18. *Широкова З.А.* Одежда таджиков горного Таджикистана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Душанбе, 1971.

19. *Юсупова Нелли.* Изобразительная и орнаментальная система и вышивка в художественных тканях Таджикистана XIX-XX вв. Автореф. дисс. ... канд. искусствовед. – Минск, 1974.

Муинова З. М., Ходжаева А. Х., Охунова С. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ПУТЕШЕСТВИЕ СУПРУГОВ ФЕДЧЕНКО В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Передавая русская культура в первые была принесена в Среднюю Азию ее первоисследователями: П.П. Семеновым-Тян-Шанским, И.А Северцовым, супругами Федченко, И.В. Мушкетовым и многими другими. Одними из первых исследователей Средней Азии были Алексей Павлович Федченко и его супруга Ольга Александровна Федченко. Несмотря на короткий срок пребывания им было сделано так много в деле географического и естественно-исторического изучения Средней Азии, что результаты их исследований сохраняют практическую и научную ценность до настоящего времени.

Алексей Федченко родился в 1844 году в Иркутске, где окончил гимназию. В 1864 году окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, и некоторое время преподавал в учебных заведениях, одновременно увлеченно занимаясь

ботаникой и энтомологией. Так, первым его печатным трудом стал «Список двукрылых, Московского учебного округа».

Федченко (Ольга Александровна) – жена А.П. Федченко, дочь профессора Московского университета А.О. Армфельда. Родилась в 1845 г., 11 лет поступила в Николаевский институт воспитательного дома. Еще в институте Федченко занималась коллекционированием; в 1861 и 1862 г. составила гербарий Можайского уезда, которым пользовался Н.Н. Кауфман для "Московской флоры". Наиболее интересные экземпляры ее энтомологической коллекции вошли в "Список двукрылых московского учебного округа". По окончании курса института Федченко, занималась переводами и уроками, хотя материально была вполне обеспечена. В 1867 г. вышла замуж за. А.П. Федченко и помогала мужу в его антропологических исследованиях. В 1868 г. Федченко сопровождала мужа в его поездке в Туркестан, где провела с небольшим перерывом 3 года. В Самарканде и Ташкенте она составила гербарий местной флоры, при чем собрала до 1800 видов, в том числе много новых. Рисовала виды посещаемых местностей и делала для мужа рисунки для его работ. В 1873 г. Федченко перевела с английского "Историю и географию верховьев Амударьи" Генри Юля. Этот перевод, с примечаниями и дополнениями Федченко самого Юля и Ханыкова , был удостоен серебряной медали русского географического общества. В тоже время она помогала мужу при издании "Путешествий в Туркестан". После смерти мужа Федченко продолжала издание "Путешествия в Туркестан". В 1874 г. Федченко написала "Fedtschenko's Reisen in Turkestan, 1868 - 1870 г." (Petermanns "Mitth." 1874, тетрадь VI, с картой). С 1877 г. состояла несколько лет секретарем совета общества любителей естествознания. С 1881 по 1887 г., при участии сына, пополнила гербарий Можайского уезда. В 1884 г. в ботаническом саду университета Федченко занялась разборкой гербариев и определением растений. В последние годы Федченко предприняла, вместе с сыном своим (ботаником), ряд поездок с ботаническими целями: на Урал в 1891 и 1892 г., в Крым в 1893 г., в Закавказье в 1894 г., в Туркестан в 1897 г. Наконец, в 1901 г., также вместе с сыном, предприняла путешествие на Памир (до границы Афганистана) и собрала богатый ботанический материал. Напечатала совместно с сыном ряд флористических работ, как например "Материал к флоре Южного Алтая"; "Список растений, собранных в Омском уезде в 1898 г."; "Note sur quelques plantes de Boukharie"; "Materiaux pour la Flore de Crimee"; "Materiaux pour la Flore de Caucase"; "Ranunculaceae Русского Туркестана"; "Высшие тайнобрачные Русского Туркестана"; "Каталог гербария туркестанской ученой экспедиции".

В шестидесятые годы научная работа кипела в стенах Московского университета, особенно в среде натуралистов, и ярким тому примером стало создание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, одним из членов-основателей которого был Алексей Федченко. С этим обществом затем была связана вся дальнейшая научная работа молодого ученого, его многочисленные командировки. Наконец, с обществом связано

и главное дело жизни Алексея Федченко – научные исследования в Средней Азии, или, как тогда говорили, в Туркестане. Наука обязана этому обществу еще и тем, что богатейшие материалы, собранные Алексеем Федченко, стали достоянием ученых всего мира.

В декабре 1867 года в Петербурге проходил Первый съезд естествоиспытателей, на котором шла речь о возможности научных исследований на почти недоступных ранее просторах Туркестанского края. А уже в начале следующего года на заседании Общества любителей естествознания обсуждался вопрос о кандидате на поездку в Туркестанский край. Сообщая об этом генерал-губернатору края К. Кауфману, председатель общества Г. Щуровский писал: «Выбор пал на молодого ученого, секретаря антропологического отдела общества, члена-основателя Алексея Павловича Федченко. Будучи специалистом по зоологии и антропологии, он имеет необходимейшие сведения по ботанике и геологии и будет в состоянии также удовлетворить наиболее существенным требованиям по изучению края в области этих наук. Маршрут экспедиции пролегал по долине Зеравшана. Небольшие глинобитные дома кишлаков утопали в зелени садов. Ученых радовали не только сады, но и степь, полыхающая алыми маками, кишащая животными, птицами, насекомыми. Исследователи сделали богатые сборы.

Город Каттакурган стал отправным пунктом для ряда экскурсий в окрестные горы. Так, в горах Актау супруги Федченко посетили Джизманское ущелье, расположенное на границе с Бухарой. Ученый выяснил, что главный кряж состоит из превосходного белого мрамора. Поездка в горы стала очень полезной для натуралистов. Они познакомились с обилием интересных растений, множеством горных птиц.

Отряд двинулся по долине Зеравшана, направляясь к Пенджикенту. Жители его уже прослышали, что русский ученый интересуется дикими животными края. Поэтому они преподнесли А. Федченко в подарок горного барана, за которым специально посылали охотников. Ученый был обрадован и попросил достать для барана пару. И в самом деле, в Самарканд был доставлен еще один великолепный экземпляр.

На окраине Пенджикента Алексей Федченко и его спутники осмотрели любопытное ирригационное сооружение Средней Азии – подземный арык («кяриз»). Его построили дехкане много веков назад. Однако междоусобицы, войны пагубно сказались на этом творении народа. Кяриз обвалился, орошаемая им земля запустела. И вот теперь пенджикентцы, поверив, что на их земли пришел мир, под руководством своего муллы взялись за восстановление кяриза. А.Федченко подробно ознакомился со строительством, стремясь помочь местному населению.

Из Пенджикента путешественники проехали вверх по долине Зеравшана, а затем другим берегом реки вернулись в Самарканд. Лето супруги Федченко провели в городе. Закончив обработку собранных в походе образцов флоры и фауны, они совершили несколько экспедиций к озерам в окрестности Самарканда. Коллекция исследователей пополнилась новыми оригинальными экземплярами.

Супруги Федченко уже жили планами нового похода в Зеравшанскую долину. Они узнали, что из Самарканда выступила военная экспедиция генерала А.Абрамова и что проникнуть в верховья Зеравшана можно будет, только примкнув к этому отряду. Пришлось спешить, идти кратчайшими маршрутами, в том числе, и по висячим мостам-оврингам.

Повернули в долину Джиджикдарьи (ныне Искандер-дарья). Река вытекала из озера Искандеркуль. Небольшие размеры озера несколько разочаровали путешественников - по рассказам очевидцев оно представлялось им значительно большим.

В июне месяце отряд направился вверх по Фандарье и Ягнобдарье, дойдя до селения Анзоб. На Ягнобе путешественники встретились с людьми, говорящими не на таджикском, а на каком-то особом, непонятном языке. Трех ягнобцев с разрешения генерала Абрамова лингвист Кун пригласил с собой в Самарканд. Там он записал ряд ягнобских слов и все то, что они смогли поведать о происхождении ягнобцев (потомков древних согдийцев).

2 июня 1870 года путешественники в селении Оббурдон встретились с отрядом генерала А. Абрамова.

Затем участники похода двинулись вниз по долине реки Матчи (Верхнего Зеравшана) к Варзиминору (ныне город Айни), а от него долиной реки Фандарьи направились к озеру Искандаркуль. Дорога в теснинах Фандарьи в те годы лепилась по узким карнизам и оврингам, свисающим над самой рекой, на которых путник держался, по выражению поэта Бедиля, «как слеза на кончике ресницы».

У озера Искандаркуль путешественники пробыли несколько дней. В один из них они совершили поездку по долине реки Сарытаг, впадающей в озеро. А. Федченко выяснил, что именно этим путем в начале XVI века прошел знаменитый Бобур, упоминающий в своей книге «селение Сарытаг».

Поход к истокам Зеравшана позволил супругам Федченко обогатить свои коллекции новыми образцами. Так, среди собранных насекомых более пятисот видов ранее не встречались ученым. Новыми оказались и большинство из четырехсот собранных видов растений. «В это путешествие, – писал ученый, – впервые пришлось нам пройти все зоны растительности до предела вечных снегов и, таким образом, было положено начало изучению горной флоры и фауны западной оконечности Тянь-Шаня».

Первым крупным городом одним из экспедиции А. Федченко на пути был Ходжент. Ознакомившись с городом, его торговлей и ремеслами, А. Федченко писал: «Ходжент – город многих и притом самых важных для здешнего края производств (шелководство, хлопок, ткачество, крашение). К тому же есть все условия для дальнейшего развития этих и многих других отраслей промышленности: благоприятный климат, трудолюбивое и понятливое население, близость каменного угля, соседство с богатым Кокандом, нахождение на Сырдарье».

Далее экспедиция двинулась в бассейн реки Исфары. Здесь А. Федченко сделал крупное географическое открытие – в истоках реки он обнаружил большой ледник, ранее неизвестный науке. Путешественники

тщательно обследовали его и составили подробный план. По праву первооткрывателя Алексей Федченко назвал ледник именем своего учителя – Г. Щуровского. Спустившись с ледника к селению Ворух, путешественники двинулись на восток, направляясь кратчайшим путем через Карабулак в бассейн Соха. В Сохе Федченко получил от местных жителей ряд интересных сведений о притоках Соха и о путях в Каратегин. Однако "караул-беги" (начальник) кокандского конвоя, сопровождавшего путешественников, наотрез отказался идти вверх по Соху к возможным ледникам и перевалам, ссылаясь на возможность нападения каратегинских повстанцев и трудности горных дорог. Поэтому путешественники двинулись от Соха к востоку по Хайдерканской лощине и, преодолев невысокий перевал, к ночи были в Охне. На следующий день они достигли кишлака Шахимардан

Экспедиция под руководством А. Федченко многое сделала для изучения горных районов Средней Азии. Алексей Федченко по праву считается первооткрывателем Заравшанского, Гиссарского, Туркестанского, Алайского и Заалайского хребтов и Алайской долины. Много трудов приложил ученый для исследования горных рек Туркестана, верховий Амударьи и Сырдарьи, гидрологического режима этих рек и их значения для искусственного орошения. А. Федченко был одним из пионеров в изучении ледников Средней Азии. Исследования А. Федченко носили комплексный характер. Ученого интересовала не только природа во всех ее проявлениях, но и человек с его хозяйственной деятельностью, пути сообщения, торговые связи, перспективы развития экономики. Обратил он, между прочим, внимание и на шелководство. Край, который с древних времен находился на Великом шелковом пути, теперь сам разводил тутового шелкопряда. Однако А. Федченко заметил, что предприниматели стараются вывозить в Европу грену, в то время как выгоднее и полезнее было бы экспортировать готовый шелк. И он обратился к администрации края с предложением увеличить производство шелка-сырца в самой Средней Азии. Вся жизнь и деятельность Алексея Федченко была связана со Средней Азией

Завершением первого этапа научных работ А.П. Федченко в Туркестанском крае была научная обработка собранных материалов. Только в гербарии оказался 791 вид растений, а также семена 120 растений, в том числе семена сумбула. Они были переданы в университетский ботанический сад.

Московский университет за успехи в области исследования природы Туркестана присудил А. Федченко премию Щуровского - дорогой микроскоп. В то же время Общество любителей естествознания наградило О. Федченко золотой медалью за туркестанский гербарий и альбом рисунков. И.И. Скорнякову была присуждена серебряная медаль, юнкеру Вельцену, сопровождавшему Федченко в поездке по долине в качестве коллектора, - бронзовая.

Научные результаты путешествий супругов Федченко оказались весьма важными, вот некоторые из них:

1. Была составлена на основания инструментальной съемки, первая точная карта южной части Зеравшанской долины, а также положила первую и твердую основу картографии верхнего Зеравшана.

2. Собраны данные по топографии и геологии долины с окружающими горами.

3. Барометрический измеренный высоты несколько точек, в том числе несколько вершин и перевалов.

4. Доставлены расспросные сведения о верховьях Зарафшана, Шахрисабзской долины, о бекствах Матча, Магиан, Кштут и об озере Искандер-Куль

5. После Искандер-Кульской экспедиции горные хребты в районе Зеравшана получили прочно установившиеся наименование: Туркестанский, Гиссарский, Зеравшанский.

6. Была изучена гидрография Кухистана,

7. В результате одной из экспедиций супругов Федченко было вывезено наиболее полные для той эпохи сведения о Ферганской долине и окружающих горах. Установлено наличие водораздельного хребта между бассейнами Сыр-Дарьи и Аму-Дарья.

8. Собранно богатая промышленная и сельскохозяйственная коллекция

9. Доставлены сведение о географическом, размещения главных племен таджиков и узбеков и много другое.

Географические и естественно-исторические исследования знаменитого путешественника А.П Федченко подняли русскую науку на еще более высокую ступень и внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры. Алексей Павлович был передовым деятелем науки и великим патриотом своей родины. Всю свою короткую, но светлую жизнь он посвятил служению Отечеству и развитию русской науки. Он с гордостью писал, что его труд должен стать достойным памятником русской научной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Азатьян А.А.* А. П. Федченко – географ и путешественник. – М.: Географгиз, 1956. – 128 с.

2. *Леонов Н.И.* Алексей Павлович Федченко: 1844–1873. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

3. Ссылка. Путешествие А. Федченко по Средней Азии (http://sklyarevskiy.livejournal.com)

4. Географическая энциклопедия (http://rgo.ru/enc/geo/slovarotkryt/fedcen1)

Набиев В. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАДЖИКСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА И КИНОИСКУССТВА (30-Е – НАЧАЛО 40-Х ГОДОВ XX В.)

Изучение истории новейшего времени немыслимо без изучения проблем дружбы и братства всех наций и народностей СССР, культуры межнационального общения. «Историческое прошлое наших народов, - отмечает Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, – дружба и взаимопомощь, межгосударственные связи, несмотря на распад СССР и другие возможные катаклизмы, от которых никто не застрахован, не должны быть преданы забвению, не должны отдаляться друг от друга, подобно тому, как не могут разойтись притоки могучей реки, берущие начало в вечных горных ледниках». [7, 237]

В связи с этим огромное научное практическое значение имеют исторический опыт участия российских актёров, режиссёров, балетмейстеров, композиторов в становлении и развитии таджикского профессионального театрального и музыкального искусства, таджикского кино в рассматриваемый период.

16 октября 1929 г. III (Чрезвычайный) съезд Советов Таджикистана принял постановление и Декларацию об образовании Таджикской Советской Социалистической Республики и ее добровольном вхождении в Союз Советских Социалистических Республик.

Это историческое событие способствовало развитию художественной культуры в республике. Исторические факты свидетельствуют о том, что партийные и советские органы Таджикистана широко использовали театральное искусство в политико-воспитательной работе, всячески содействовали его развитию. От драмкружков национальное театральное искусство постепенно поднялось до драматических студий, а затем до уровня профессионального театра.

Таджикский драматический театр как профессиональный театр возник 7 ноября 1929 г. в г. Сталинабаде. Это был театр, впоследствии названный именем А. Лохути.

Директором Таджикского драматического театра им. А. Лохути был назначен театральный опытный работник В.В. Бурдин, художественным руководителем и режиссером – таджик Хамид Махмудов, получивший профессиональную подготовку в Москве. [2, 264]

Создание театра стало возможным благодаря успехам в осуществлении культурной революции, плодотворному творческому влиянию и практической помощи русского советского театра. Возникновению таджикского театрального искусства в значительной степени способствовало

также богатство традиций народной художественной культуры – хореографии, поэзии, музыки и других видов народного творчества.

На первых порах деятельности таджикского театра некоторую помощь оказывал ему душанбинский русский Театр рабочей молодежи (ТРАМ), созданный в 1928 г. Русские режиссеры интересовались работой таджикского театра, присутствовали на репетициях, спектаклях, помогали артистам овладевать мастерством, осваивать технику сцены, создавать оформление.

В театр приглашались не только талантливых участники художественной самодеятельности, но и профессиональные мастера сцены из других республик.

Прилив новых сил в театре им. А. Лохути привел к тому, что в 1935 г. был организован объединенный театр им. А. Лохути, в составе которого был и драматический, и музыкальный театры.

Дальнейшему росту театра способствовало умелое руководство профессиональных режиссеров. Под руководством режиссера-постановщика В.В. Тихоновича были поставлены такие крупные произведения русской и советской драматургии, как «Жизнь зовет» В. Билль-Белоцерковского, «Чужой ребенок» В. Шкваркина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Борис Годунов» А.С. Пушкина.

Во второй половине 30-х годов наметился дальнейший творческий подъем театра. В 1936 г. в театр прибыл новый одаренный молодой режиссер, выпускник Государственного института театрального искусства Е.И. Мительман, который организовал изучение актерами основ системы К.С. Станиславского. Возросшее исполнительские мастерство актеров проявилось уже в постановке трагедии Ф.Шиллера «Коварство и любовь».

Необходимо было пополнить драматические театры республики новыми квалифицированными кадрами. 17 августа 1936 г. ЦК КП (б) Таджикистана принял постановление «О наборе 30 человек для укомплектования организующейся при Государственном институте театрального искусства им. Луначарского в Москве таджикской театральной мастерской». [1, 504]

В эту открывшуюся в 1936 г. студию было послано 25 таджикских юношей и девушек. Художественным руководителем их был артист Театра Революции М.Ф. Астангов, а преподавателями – артист Московского художественного академического театра В.А. Орлов, актеры и режиссеры Г.Н. Дмитров, В.М. Седой, Т.Д. Соловьев, М.Н. Овчинская, Б.К.Зальцштейн, В.М. Балгонас, Е.Ф. Сарычева, И.П. Толмачев. На последних курсах репетиции студийцев часто посещал Л.М. Леонидов – тогдашний художественный руководитель ГИТИСа. Будущие таджикские артисты слушали лекции некоторых других педагогов института, преподававших в разных национальных студиях. В частности, они бывали на занятиях М.М. Тарханова, О.И. Пыжовой, Б.В. Бибикова, И.Н. Берсенева. [5, 222]

В 1941 г. 22 студийца окончили учебу. Выпускники под руководстом педагогов М.Ф. Астангова, Б.М. Седого, Т.Д. Соловьева, Г.Н. Димитрова, В. Балкина подготовили четыре спектакля: «Мнимый больной» Мольера,

«Ревизор» Гоголя, «Парень из нашего города» К. Симонова и пьесу П. Маляревского «Счастье», написанную по мотивам бурятского фольклора.

«Ревизор», - отмечает выдный таджикский театровед, профессор Низом Нурджонов, - по существу являлся первым серьёзным обращением таджикского театра к русской классике. Ш. Киёмов (Хлестаков), К. Джураев (Городничий), А. Рахимов (Шпекин), Х. Насибулина (Пошлепкина), З. Дустматов (Абдулин), Ш. Султонов (Ляпкин-Тяпкин) создали интересные портреты гоголевских героев. В «мнимом больном» блистали З. Дустматов (Аргап) и Ш. Сиддикова (Туаннета)». [5, 223]

Необходимо отметит, что предполагалось создать на базе этой труппы первый в республике молодежный театр – Театр Ленинского комсомола в Сталинабаде. Но из-за войны это намерение не осуществилось. Летом 1941 г. основная часть выпускников студии влилась в труппу театра имени Лохути.

В соответствии с постановлением СНК Таджикской ССР и ЦК КП (б) Таджикистана 1 ноября 1937 г. начал свою деятельность русский драматический театр. Коллектив театра составляли 25 молодых актеров – выпускники Московского театра-студии, которым руководил народный артист СССР А.Д. Дикий. Среди них были Народные артисты СССР Г.П. Менглет, Н.Н. Волчков, Народные артисты Таджикской ССР Е.Д. Чистова, В.Я. Ланге и др. Первой постановкой театра являлась пьеса Н. Вирты «Земля».

В отличии от таджикского драматического театра, где кадры артистов на первых порах складывались в основном из участников художественной самодеятельности, в русский театр пришли актеры с театральным образованием. Молодой режиссер В.Я. Ланге осуществил постановку спектаклей «На дне» А.М. Горького, «Разлом» Б. Лавренова, «Дети Ванюшина» Найденова. Молодые актеры Якушев, Лишафаева, Тихомирова, Бергер и Чистова в спектаклях «Разлом», «Ночной смотр», «Пограничники», «На дне», «Голубое и розовое» исполняли главные роли.

Русский театр внес достойный вклад в развитие культуры Советского Таджикистана, в пропаганду культуры русского народа. Практиковалась и такая форма взаимосвязи русского и таджикского театров, как подготовка таджикским режиссером спектаклей в русском театре и участие таджикских актеров в спектаклях вместе с русскими артистами. С самого основания русского театра на его сцене выступали многие известные мастера таджикского театрального искусства: А. Рахимов, Т. Гафарова, А. Халилов, М. Гиясов, А. Саидов и другие. Театр также познакомил русских зрителей с произведениями таджикских драматургов.

Уместно отметит, что в организации работы Ленинабадского театра многое сделали работавшие главными режиссёрами театра Б.С. Володарский, М.П. Троянский, А.Д. Храмченко, а Хорогского театра – Д.Д. Герасимов, В.С. Смирнов.

Крупным событием культурной жизни Таджикистана явилось создание на базе музыкального ансамбля театра им. А. Лохути – Таджикского музыкального театра, который стал самостоятельным в 1937 г. Состав театра

в год его образования насчитывал всего 17 человек, в т. ч. 2 опытных артиста – Тухфа Фозилова и Анвер Муллокандов. Артистам под силу были постановки музыкально-драматических пьес малых форм – из одного или двух актов.

Артисты не владели нотной грамотой и играли по слуху, поэтому их первоочередной задачей являлось овладение музыкальной грамотой, как в процессе работы, так и на специально созданных курсах.

Для решения этих задач были приглашены опытные композиторы, балетмейстеры, дирижеры из других союзных республик. В становлении таджикского театра оперы и балета весомый вклад внесли представители РСФСР – композиторы С. Баласанян, А. Ленский, С. Урбах, хормейстер П. Мирошниченко, педагог по вокалу Е. Прокофьев, дирижеры Л. Кауфман, Л. Левин, балетмейстеры А. Проценко, К. Голейзовский и др.

В результате театр добился ряда успехов. В 1939 г. были осуществелены постановка первого таджикского народного музыкального спектакля «Лола» (либретто С. Саидмуродов, композиторы С. Баласанян и С. Урбах, балетмейстер А. Проценко), первого таджикского балета «Ду гул» (композитор А. Ленский, балетмейстер К.Я. Голейзовский).

Лирическая таджикская опера «Тахир ва Зухра» (композитор А. Ленский, либретто М.Турсун-заде, постановка Р.Короза, дирижер А. Климов, оформление художника Е. Чемодурова) по своим художественным качествам до настоящего времени считается лучшим национальным спектаклем на таджикской сцене. [8, 96]

Подготовкой кадров оперного и балетного искусства для Таджикистана занимались Ленинградская хореографических училище им. Вагановой, Московская консерватория им. Чайковского, Большой театр Союза ССР, и другие центральные театральные заведения. Каждый воспитанник этих коллективов с благодарностью отзывается о своих воспитателях.

Кино имело чрезвычайно важное значения в условиях Таджикистана.

В 1929 г. сотрудник обкома комсомола Таджикистана Василий Кузин со своими друзьями Артемом Шевичем и Николаем Гезулиным сняли первый киножурнал «Советский Таджикистан».

В 1930 г. были выпущены два короткометражных фильма: «Хроника посевной» (автор-оператор А. Шевич) и «На путях коллективизации» (автор-оператор А. Шевич, режиссер Н. Гезулин).

С выходом первых документальных фильмов совпало появление новых авторских имен в зарождающемся кинематографе Таджикистана.

Согласно постановлением ЦИК Советов и СНК Таджикской ССР от 16 апреля 1930 г. «О развитии кинопроизводства и об усилении политико-просветительной киноработы» предусматривалось, начат подготовку кадров киноработников как при кинопроизводственном бюро, так и путем направления молодежи в кинематографические учебные заведения.

В августе 1930 г. ЦК ЛКСМ Таджикистана направил члена ВЛКСМ В.П. Хабура на учебу в г. Москву на режиссерский факультет Государственного института кинематографии. В свою очередь Наркомпрос

Таджикской ССР направил в этот же институт режиссера таджикской труппы ТРАМа Гуломризо Бахора.

Таджикское киноискусство своим рождением и развитием обязано великой дружбе народов СССР. В организации производства кинофильмов, в работе киностудии «Таджикфильм», в повышении мастерства киноработников республики велика роль бескорыстной помощи киностудий Москвы и Ленинграда. Уже в 1931 г. в республике оформился небольшой отряд профессиональных русских киноработников, прибывших в Таджикистан для оказания помощи в развитии кино. В этом же году он пополнился выпускниками ВГИК и работниками кинохроники Л. Печориной, А. Левингтоном, Л. Сазоновым. Это дало возможность приступить к созданию первого таджикского художественного фильма «Когда умирают эмиры».

В начале 30-х годов в «Таджикфильм» прибыли выпускники ВГИКа режиссеры Камил Ярматов, Владимир Хабур, Гуломризо Бахор и сценарист Николай Рожков.

В 1932 г. студия «Таджикфильм» приступила к созданию второго художественного фильма «Эмигрант» по мотивам одноименного произведения Г.А. Эль-Регистона, сценарий Н. Искрицкого. Режиссером его был ученик знаменитых мастеров советского кино С.М. Эйзенштейна, В. Пудовкина и А. Кулешова, первый таджикский кинорежиссер К. Ярматов.

Новый этап в истории таджикского киноискусства начался в 1935 г., когда перешли к звуковому кино. Первыми звуковыми фильмами были журналы кинохроники «Советский Таджикистан».

В 1939 г. был снят первый звуковой художественный фильм «Сад» по сценарию Л. Соловьева, вместе с опытными московскими актерами – заслуженными артистом РСФСР С. Новолянским, артистами А. Чаргониным, Ю. Федороским в главных ролях снимались молодые таджикские артисты драматического театра им. А. Лохути Х. Сакиджанова, С. Джураев, ассистент режиссера киностудии К. Алимов.

Экзаменом зрелости профессионального искусства республики явилась первая Декада таджикского искусства в Москве. Театральные коллективы развернули огромную работу по успешному проведению декады. Театр оперы и балета подготовил к декаде музыкальное представление «Лола» (автор и постановщик С. Саидмуродов, музыка С. Баласанян и Урбах, введения Л. Бузург-заде), оперу «Восстание Восе» (либретто А. Дехоти и М.Турсун-заде, музыка С.Баласаняна), «Кузнец Кова» (либретто А. Лохути, музыка С. Баласаняна и Ш. Бобокалонва) и первый таджикский балет «Ду гул» (музыка А. Ленского).

Таджикский академический театр драмы имени А.Лохути для московских зрителей подготовил пьесу молодого драматурга С. Улуг-заде «Крсанопалочники», А. Дехоти и Волькенштейна «Рустам и Сухроб», трагедию В. Шекспира «Отелло».

В дни декады таджикского искусства в Москве (12-22 апреля 1941 г.) были показаны все рекомендованные пьесы и представления. На всех

спектаклях и концертах приняли участие руководители Коммунистической партии и Советского правительства. Центральные газеты широко освещали успешные выступления таджикских мастеров.

Зрители горячо отзывались о спектаклях и концертных выступлениях. Например, Народный артист СССР В.И. Немирович-Данченко писал: «Я очень люблю Восток, восточную музыку. С волнением глядя на сцену, я через всех людей, которые находятся перед моими глазами, стараюсь угадать весь таджикский народ. Это замечательный народ, если за такой короткий срок сумел столько много достигнуть». [3]

22 апреля 1941 г. в Кремле состоялся прием участников декады таджикского искусства. Выступая на приеме, Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин отметил: «Таджики – это особый народ. Это не узбеки, не казахи, не киргизы, это – таджики, самый древний народ Средней Азии. Таджик – это значит носитель короны, так их называли иранцы, а таджики оправдали это название.

Из всех нерусских мусульманских народов на территории СССР таджики являются единственной не тюркской, – иранской народностью. Таджики – это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси, и недаром они, таджики, ведут от него свои культурные традиции. Вы, должно быть, чувствовали в период декады, что у них, у таджиков, художественное чутье тоньше, их древняя культура и особый художественный вкус проявляются и в музыке, и в песне, и в танце. Иногда у нас русские товарищи всех смешивают: таджика с узбеком, узбека с туркменом, армянина с грузином. Это, конечно, неправильно.

Таджики – это особый народ, с древней большой культурой, и в наших советских условиях им принадлежит большая будущность. И помочь им в этом должен весь Советский Союз. Я хотел бы, чтобы их искусство было окружено всеобщим вниманием». [4, 42]

За активное участие в развитии театрального искусства Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 апреля 1941 г. Таджикский государственный театр оперы и балета был награжден орденом Ленина, а Таджикский государственный академический драмтеатр – орденом Трудового Красного Знамени.

Таким образом, в рассматриваемый период большую бескорыстную помощь в развитии профессионального искусства Таджикистана оказали представители художественной интеллигенции Российской Федерации. Она является величайшим символом дружбы народов Российской Федерации и Таджикистана.

Выступая на церемонии начала Дней культуры Таджикистана в России, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул: «Наши народы имеют богатую культуру, ее представители пользуются всеми рной славой. Из глубины веков подобно свету далеких звезд освещает наш путь и вдохновляет на новые свершения идеи и подвиги Исмаила Самани и Петра Великого, великие научные открытия Авиценны и Михаила Ломоносова, бессмертная муза Рудаки и Пушкина, картины Бехзода и

Репина, творения Айни и Шолохова, Бободжона Гафурова и Евгения Павловского и многих других, составляющих славу и гордость наших народов». [6, 323]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Из истории культурного строительства в Таджикистане: Сб. документов. – Душанбе: Ирфон, 1966. – Т.1. – 672 с.
2. *Гадоев, Х.* В семье единой и великой (Братская помощь РСФСР и других союзных республик таджикскому народу в строительстве социализма) / *Х. Гадоев.* – Душанбе: Ирфон, 1976. – 424 с.
3. Комсомолец Таджикистана. – 1941. – 20 апреля.
4. *Набиев, В.* Праздник тюльпана: поиск, находка и успехи / *В. Набиев.* – Душанбе: Шарки озод, 2001. – 42 с.
5. Нурджонов, Н. История таджикского советского театра (1917-1941 гг.) / Н.Нурджонов. – Душанбе: Дониш, 1967. – 472 с.
6. *Рахмон, Э.* Духовность – основа прогресса человечества: Выступление на церемонии начала Дней культуры Таджикистана в России, 6 октября 2005 г. / *Э. Рахмон* // Независимость Таджикистана и возрождение нации. – Душанбе: Ирфон, 2007. – Т.6. – С.321-323.
7. *Рахмонов, Э.* Таджики в зеркале истории. Кн. первая. От арийцев до Саманидов / *Э. Рахмонов*. – Лондон, 1999. – 238 с.

Русские в Таджикистане. – Худжанд, 2008. – 236 с.

Гафарова У. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В XIX – начале XX вв. великие русские ученые-востоковеды накопили большой и полезный опыт в исследовании истории, литературы и культуры народов Востока, в том числе таджикского народа. Впоследствии, уже после Октябрьской революции, именно они внесли неоценимый вклад в формирование и развитие новых исследовательских методов и воспитание кадров таджикских учёных.

Особенно следует отметить востоковедческую школу Ленинграда и позднее Москвы, которая сыграла большую роль в проведении и развитии разносторонних исследований в области востоковедения. Известные русские ученые С.Ф.Ольденбург, А.А.Семёнов, М.С.Андреев, В.В.Бартольд, Е.Э.Бертельс, Брагинский И.С., Комиссаров Д., Пригарина Н.И., Рейснер М.Л., Иванов В.И. и другие сделали очень многое в исследовании персидско-таджикской литературы и подготовке к печати произведений ее отдельных классиков.

Иосиф Самуилович Брагинский (1905-1989) был из числа авторитетных представителей второго поколения этой влиятельной школы, который своими фундаментальными работами внес серьезный вклад в развитие таджикского литературоведения. Благодаря его научной деятельности, по существу, была создана методология исследования и концепция познания теории и практики классической и современной истории таджикской литературы. Спецификой его научного стиля является то, что в процессе исследования и анализа он, прежде всего, опирается на оригинальный литературный материал. На основе созданной им концепции познания И.С. Брагинский по определенной системе изучил важнейшие вопросы истории и теории древней, средневековой и новой таджикской литературы, опираясь, прежде всего, на бессмертные творения ее отдельных представителей.

Обращение к тем или иным проблемам истории таджикской литературы было обусловлено двумя основными целями: во-первых, это обоснование великого исторического и культурного бытия таджикского народа и, во-вторых, усиление миссии востоковедческой науки в культурной жизни народов Востока[1].

В связи с этим в разносторонней деятельности И.С.Брагинского можно выделить следующие важнейшие направления: критическое изучение классического наследия таджикского народа; таджикский фольклор и народные элементы в классической поэзии; закономерность исторического развития литературы народов Востока, которая рассматривается им в качестве двигателя развития их цивилизации; история таджикской литературы как классического, так и нового периодов; западно-восточный литературный и культурный синтез; Восточный Ренессанс и восточное просветительское движение и т.п.

Вышеотмеченный круг проблем и многие другие вопросы, в том числе вопросы гуманизма и реалистических тенденций в литературах Востока, впервые были введены в научный оборот и исследованы именно И.С.Брагинским.

В начале 1955 г. были опубликованы «Очерки истории таджикской советской литературы», одним из авторов которых был И.С. Брагинский. В 1956 году была опубликована его работа «Из истории таджикской народной поэзии».

Из других важных работ И.С.Брагинского можно отметить: предисловие к антологии «Образцы таджикской литературы» (1940 г.), предисловие к серии книг под названием «Классики таджикской литературы», статьи «Из истории Таджикистана», «Прошлое и настоящее Таджикистана», «Тысяча лет таджикской литературы», «О проблеме периодизации истории персидско-таджикской литературы», «Ещс раз о периодизации истории персидско-таджикской литературы», «С.Айни -

[1] *Сайфуллоева З.Д.* И.С.Брагинский И.С. – исследлватель персидско-таджикской литературы. АКД. - Д, 2012. С.4.

основоположник таджикского литературоведения» и т.д. Эти и многие другие его работы объединены в ряд научных сборников: «12 миниатюр» (1966), «Из истории персидской и таджикской литератур» (1972), «Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения» (1974), «Исследования по таджикской культуре: к проблеме межлитературных связей народов Советского Востока» (1977), «От Авесты до Айни» (1981) и другие.

И.С.Брагинский является одним из первых исследователей наследия Садриддина Айни. Как известно, жизнь и творчество С.Айни, который самоотверженно защищал права таджиков на культурное наследие и непрестанно трудился над укреплением основ таджикского исторического самосознания, имеет и будет всегда иметь для таджиков огромное значение. Необходимо отметить, что жизнью и творчеством устода Айни И.С.Брагинский занимался на протяжении всей своей жизни. В период государственной независимости, когда вопросы формирования национальной идентичности вышли на первый план, историческая роль Садриддина Айни была подчеркнута присвоением ему звания первого героя независимого Таджикистана. В связи с этим исследования И.С.Брагинского об С.Айни вносят весомый вклад в осознание сущности творений и деяний великого писателя.

Роль и место И.С. Брагинского в истории литературоведения и культуры таджикского народа определяет не только его научная деятельность. Велик его вклад в воспитание национальных научных кадров Таджикистана. Большинство тех, кто внес большой вклад в становление и развитие таджикской литературоведческой науки, являются последователями его научной школы. В их числе можно назвать М.Шакури, А.Маниязова, Р.Хадизаде, Ю.Салимова, А.Абдуллаева и десятки других известных таджикских ученых.

Другим выдающимся российским востоковедом, внесшим неоценимый вклад в изучение персидско-таджикской литературы был Бертельс Евгений Эдуардович (1890, Санкт-Петербург - 1957, Москва), российский литературовед-иранист, член-корреспондент Академии Наук СССР (1939 год), член-корреспондент Иранской Академии Наук (1944 год), Арабской Академии Наук в Дамаске (1955 год). Он является автором трудов по истории персидской и таджикской литературы, исследователем суфизма и суфийской литературы, переводчиком памятников средневековой персидской прозы.

С его именем связана разработка многих современных направлений в изучении персидско-таджикской литературы, в особенности её классического периода: теории и практики перевода и издания литературных памятников, изучения отдельных авторов, литературных школ, эпох, стилей. Е.Э.Бертельс возглавлял коллективную текстологическую работу по подготовке критического издания «Шах-наме» Фирдоуси. Он является автором таких фундаментальных трудов как Избр. труды. М., 1960-1965. [Т. 1-3]; История

персидско-таджикской литературы, Суфизм и суфийская литература; История литературы и культуры Ирана. М., 1988[1].

Е.Э.Бертельс способствовал созданию национальных филологических научных школ в Таджикистане. Горжусь, что среди многих таджикских ученых был и мой отец, известный таджикский востоковед-индолог Абдуллоджон Гафаров, написавший под научным руководством члена-корреспондента АН СССР Е.Э.Бертельса, а позднее, после его смерти, продолживший свое исследование под руководством члена-корреспондента АН РТ, И.С.Брагинского кандидатскую диссертацию и посвятивший всю свою жизнь исследованию персоязычной литературы Индии и Пакистана. Помню как отец приглашал к нам в гости известных отечественных и зарубежных ученых. Неизгладимый след в моей памяти оставил визит российских востоковедов-иранистов – И.С.Брагинского, Д.С.Комиссарова, индолога А.В.Сухачева в наш дом. Увидев нас пятерых дочерей отца, они звонко и мелодично хором спели таджикскую народную песню «Шоҳдухтар, шакардухтар, шоҳи духтарон!», которую до этого часто напевал нам наш любимый отец. Естественно. что услышать от россиян песню на нашем родном языке оставило приятное впечатление. Мы были удивлены и чистым произношением характерных звуков таджикского языка, к тому же они обладали прекрасным, мелодичным голосом. Мы были также восхищены их величественностью и одновременно простотой общения, содержательной беседой, искусной декламацией стихов персидско-таджикских поэтов-классиков на таджикском языке. Возможно, именно эти замечательные встречи стали судьбоносными для меня и моей сестры - доктора филологических наук Замиры Гафаровой, и стали причиной того, что мы пошли по стезе отца, т.е. избрали для себя путь исследования двух сфер востоковедения – одна стала арабистом, другая индологом. Горжусь, что при написании моей кандидатской диссертации, моим научным руководителем был также российский востоковед, известный арабист академик Куделин А.Б., которому я очень благодарна за всестороннюю помощь и содействие в завершении научного исследования.

Традиции российского классического востоковедения продолжают сегодня такие востоковеды, как Н.И.Пригарина, М.Л.Рейснер, В.И. Иванов, В.А.Смирнов и другие. Они продолжают вносить весомый вклад в исследование персидско-таджикской литературы и развитие таджикско-российских культурных взаимосвязей.

Таким образом, благодаря концепции российских востоковедов о западно-восточном синтезе культур и литератур, впервые в истории таджикского литературоведения и востоковедения были выявлены те аспекты таджикско-русских литературных взаимосвязей, которые определили успешное развитие последующих научных исследований в этой области.

---

[1] См.: *Алиев Г. Ю.*, Библиография научных трудов член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса, «Советское востоковедение», 1958.

Исомитдинов Ж. Б.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ ПО ОБРАБОТКЕ ДЕРЕВА В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Ремесла и промыслы, в том числе обработка дерева, составляли важный элемент цивилизации таджикского народа. Говоря словами С.С. Аверинцева и Г.М. Бонграда-Левина «без достижения древних цивилизаций наш мир не мыслим ни в одном звене» (12, с.6).

Исследование истории деревообделочных ремесел и промыслов таджикского народа в важном историческом периоде конца XIX – начала XX в (1866-1917 гг.), являющегося переходным этапом от нового к новейшему времени, имеет актуальное научное и прикладное значение.

Дореволюционные русские исследователи изучая деревообделочную отрасль ремесел, во-первых, обратили внимание на классификацию ремесел и промыслов, определение системы размещения отраслей и расселения ремесленников различных специальностей, выявление их происхождения, численности, этнического и профессионального состава, что позволяет глубже осветить историю социально-экономической жизни таджиков в конце XIX – начале XX вв.; во-вторых, анализировали состояния отраслей деревообделочных ремесел и промыслов таджиков в X1X – начале XX вв., определили типы мелкой промышленности, такие как домашние промыслы, ремесло на заказ, кустарное производство, простую капиталистическую кооперацию; изучали историю техники обработки дерева и процессов изготовления деревянных предметов, определили их бытовое и производственное назначение; в-четвертых, исследовали историю организации производства, социальных отношений, бытовых условий, в которых жили прослойки ремесленников и мастеров, обрабатывавших дерево в конце XIX – начале XX вв., выявляли исторические формы, типов мастерских, социальных групп ремесленников, занимавшихся обработкой дерева, степени их социальной дифференциации, определению культов, воззрений, верований, показывает участие ремесленников в общественной и культурной жизни и др. проблемы.

Работы, посвященные историческому обзору, истории техники изготовления деревянных предметов, их бытовому, производственному назначению, социальным отношениям ремесленников и мастеров, обрабатывавших дерево, составляют незначительное число, и они не отличаются полнотой.

Сразу после завоевания царской Россией Чимкента, Ташкента, Худжанда, Ура-тюбе, Джизака, последовавшее в 1864-1866 гг. прогрессивно настроенные представители научно-просветительских кругов русского общества обратили внимание на изучение природных ресурсов областей, вошедших в состав Российской Империи, на определение состояния

земледелия, промышленности, торговли. Знаток персидско-таджикского языка, востоковед, писатель и путешественник П. И. Пашино (1836-1891 гг.), побывав 1866 в Туркестанском крае, написал несколько оригинальных работ об экономике, естественных богатствах, быте местного населения (14,с.272-276).

П. И. Пашино с уважением отозвался о нелегком, но искусном труде ремесленников – таджиков и узбеков, выражал свой восторг мастерству и художественному вкусу ремесленников. Автор отмечал бедственное положение производителей, гнет «капиталистов», т.е. людей, обладавших капиталом, являвшихся собственником средств производства в отраслях кустарного производства (23,с.120-139; 22,с.176). П.И. Пашино в своих путевых заметках, сделанных во время поездки в Ташкент и Худжанд в 1866 году, отмечал: "Единственное место, которое могло бы еще соперничать с Бухарой и Кокандом это Ходжент, где ремесла и промыслы, прежде всего производство бумажных и шелковых изделий, почитается не последним средством для поддержания народного благосостояния" (22, с.139).

Семидесятые годы XIX в. должны быть признаны выдающимся десятилетием в изучении ремесел и промыслов таджиков и других народов края, в том числе по определению отраслей обработки дерева. Об этом свидетельствуют организация Среднеазиатского отдела Всероссийской политехнической выставки 1872 г. в Москве, создание каталога экспонатов, подготовленных местными народными мастерами, умельцами, изобретателями для всеобщего обозрения, выпуск «Промыслового альбома», издание брошюры М.И.Бродовского и отчет Н.Ф.Петровского и серия статьей, включенных в научный сборник под названием «Ежегодник» (2, с.81-98). Следует отметить, что в работах М.И. Бродовского и Н.Ф. Петровского впервые обстоятельно описаны деревянные станки и оборудования по обработке волокна: *«халлоджи»* или *«чирик»*- для очистки хлопка от семян, *«чарх»*- самопрялка, *«дукони дасти* - ручной ткацкий станок, *«чархбача»*- колесо для наматывания на бобину шелковой нити, *«аштоб»*- крутильный шелкомотальный станок, *«давра»* - сновальный станок для шелковой нити и другие.

А.Д. Гребенкин в своих статьях, вошедших в сборник, изданный по поводу Московской политехнической выставки 1872 года на основе оригинальных собранных полевых расспросных материалов, охарактеризовал историю, этнографию таджиков Самарканда и его области, их ремесленную деятельность, в частности привел краткие сведения о ремеслах по обработке дерева (9,с.118; 10,с.118). А.Д.Гребенкин в своей работе "Мелкие народности Зеравшанского округа" в 1872 г. писал: «*Джючи* (джуги – Ж.И.), по сохранившемуся у них преданию, пришли в Мианкал (Миянкол – междуречье Зеравшана и Даргома в округе Самарканда – Ж.И.) при эмире Саид (вероятно, Хайдаре (1800-1826 гг.)). Своей родиной они считают Гиссар, Зиди, реку Кофарнихон. Джючи - земледельцы, кроме того, они снабжают весь округ деревянными поделками, выделывая во множестве ложки, баки, корыта, вилы, лопаты, они гнутъ ободья для арб, точатъ

ступицы, шьют тюбетейки, пояса, делают оловянные кольца и прочее» (29, с.117).

И.И. Краузе по материалам своих этнографических наблюдений охарактеризовал местные и русские маслобойные заводы, особенно «джувозхона» и основные приборы маслодавильны, выделенные из дерева: *«чувозкунда»* - ступа, *«тир» - ось, «тиркунда»* -пест, особый прибор (17,с.203-204).

Уникальным в своем роде иллюстративным источником по истории и культуре таджиков и других народов Средней Азии является «Туркестанский альбом», который составлен «незаурядным ориенталистом» своего времени (слова А.Ю. Якубовского) А.Л. Кун (1840-1888 гг.) в 1871-1872 гг. по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Это было собрание фотографий Туркестанского края, исполненное фотографом Н.Нехорошевым, и состояло из четырех частей: этнографической, археологической, исторической и промысловой (последняя подготавливалась совместно с М.И. Бродовским). Альбом заключал в себе 447 картонов с 1262 раскрашенными рисунками и фотографическими снимками и являлся, по отзыву книговеда Н.В. Дмитровского, «художественно величайшей редкостью, которой могут похвалиться только три библиотеки в России— императорская публичная, Академии наук и Туркестана».

В трехтомном военно-статистическом обозрении Туркестанского военного округа, составленном А.Ф. Костенко, имеется описание деревянной арбы (повозки), разделы о производительных силах, лесных богатствах, указаны пути использования их потенциала для нужд военного округа (16, с.171).

В 80-х годах XIX века изучение ремесленно-кустарного производства таджиков было продолжено в связи с дальнейшей организацией выставочного дела. Так по случаю учреждения Туркестанской выставки 1886 г. в Ташкенте вновь ремесленная деятельность оказалась объектом внимания краеведов, журналистов, любителей и ценителей прикладного искусства. По сообщению известного краеведа, редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маева, народные умельцы – плотники, столяры специально для Туркестанской выставки 1886 г. оформили Худжандский павильон, состоящий из полукруглого навеса и хорошенькой беседки, в которых были выставлены на показ наиболее ценные изящные вещи народных мастеров (19, с.17).

Таким образом изучение местных ремесел и промыслов, в том числе обработка дерева, имело явно кампанейский характер, велось периодически в связи с организацией выставочного дела в Туркестане.

С середины 90-х годов XIX в. началось специальное систематическое исследование ремесленного и кустарного производства Средней Азии. Развитию такого направления изучения способствовала инициатива и энтузиазм научно-просветительской общественности Туркестанского края. Так, например, участники заседания Туркестанского отдела императорского русского технического общества по вопросу об изучении кустарных

туземных промыслов и туземного строительного дела, которое состоялось в Ташкенте 1 сентября 1894 года. Оценивая состояние изучения мелкой местной промышленности и ремесленного производства, исследователи отмечают, что «...область кустарных промыслов края остается почти неизведанной». На этом заседании были намечены первостепенные задачи и круг узловых вопросов, подлежащих специальному изучению.

По итогам работы официальной комиссии была издана книга «Отчеты и исследования по кустарной промышленности России» в нескольких томах. Во второй том была включена работа С.А. Давыдовой, в которой отмечалось: «Среди ремесленников развиты... седельное, токарное дело, приготовление арб, плугов, вил, лопат... резьба по дереву, разрисовка деревянной посуды и мебели, сундуков, ...изготовление деревянных изделий: корыта, сита, кровати, ткацкие станки, станки для очистки ваты и разметки ниток» (11,с.46). С.А. Давыдова предпринимает классификацию ремесл и промыслов по обработке дерева, выделяя предметы: 1) хозяйственно-бытового; 2) производственного назначения и 3) образцов прикладного искусства.

В работе Н.А. Кирпичникова впервые специально на основе историко-расспросных материалов, собранных в Самаркандской области в 90-х годах XIXв., в ее городских центрах с таджикским населением, как Самарканд, Худжанд, Ура-тюбе (ныне Истаравшан), Джизак, Каттакурган, Пенджикент, Ургут рассматриваются ремесла и промыслы, дана характеристика столярного и седельного промыслов, по таким параметрам, как наличие рынка спроса источника сырьевого материала, описаны орудия и инструменты труда, выделки предметов, сравнены экономическое состояние ремесел до и после завоевания Средней Азии (15, с. 137-148). Н.А. Кирпичников в 1897 году, сопоставляя состояние столярного промысла Самаркандской области разных периодов, писал, что «до завоевания края русскими, столяров в области говорят было мало, что объясняется небольшим вообще спросом со стороны туземцев на чистые столярные работы. Впоследствии, под влиянием русского спроса число столяров возросло во много раз и ремесло их с каждым годом все более распространяется. Вместе с тем, пользуясь указаниями русских заказчиков или работая у русских мастеров, изделия туземцев становятся лучше и лучше. Все почти столяры находятся в городах, при чем большинство их работает главным образом для русских потребностей» (15, с.138).

Положение Н.А.Кирпичникова о возрастании числа столяров впоследствии (т.е. после завоевания края – Ж.И.) под влиянием русского спроса о широкой распространении их ремесла, об улучшении качества изделий местных мастеров и что большинство мастеров работали главным образом для русских потребностей, является спорным и не может быть применим в отношении Худжанда. По Н.А.Кирпичникову, двери разных фасонов, оконные рамы, столы, табуреты, скамейки, шкафы, комоды, этажерки, вешалки и т.п. - все служило удовлетворением русского спроса и изготовлялись по европейским моделям умелыми таджикскими мастерами. Этот автор писал, что: «В тоже время другие столяры, менее искусные

вырабатывают сундуки, туземные табуреты (сандали), двери, решетки для окон, точенные люлки и прочие мелочи для туземных заказчиков или для продажи съезжающимся на базар сельчанам» (15,с.138).

Н.А.Кирпичников уделял внимание раскрытию вопросов разделения труда среди ремесленников. Он в частности изучая седелное производство, выявил следующее распределение труда: один из мастеров приготовлял составные деревянные части седла, количество которых бывало от 22 до 32, второй мастер склеивал и составлял основу седла, третий мастер выделывал луки и склеивал их с основой седла, четвертый мастер обклеивал седло берестой, пятый работник покрывал седло слоем бараньих жил, шестой укреплял его пластинками вырезанными из оленьего рога. Для окончательной отделки седло поступало мастеру-рисовальщику. Из приведенного перечня видно, что седло пройдя через 7-8 рук приобретал товарный вид и в таком виде был готов для продажи (15, с.145-146).

Н.А.Кирпичников описывая мастерскую ремесленников, констатировал: «Обыкновенно в мастерской работают два человека – сам мастер и наемный подмастерье, чаше ученик. Встречаются также мастерские с двумя учениками или с наемным рабочим и учеником. Ученики чаше всего члены семьи столяра, хотя принимаются также и посторонние. При чем жалованья они не получают, а пользуются только хозяйскими харчами и редко одеждой» (15,с.148).

К категории историко-экономических исследований, со временем приобретавших значение источника, следует отнести чрезвычайно интересные работы знатока ремесел и мастеровых дел таджиков и узбеков Н.И. Габбина, опубликованных в 1899 и 1900 гг. Первая его работа «Кустарные промыслы. 1.Производство седел (ленчиков)» охватывала вопросы: значение промысла и тогдашнее состояние его, описание инструментов, материалов, хода работ, разделение труда, положение учеников, цены седел, валовой и чистый доход, функции аксакала мастеров и задатки артельного начала (4, с.1-54).

Вторая работа Н.И. Габбина посвящена арбяному производству. В ней дана историко-экономическая характеристика, сведения об использованных инструментов, станков, материалов, техники приготовления арбы, ее частей и деталей (3, с.223-247).

Краевед и путешественник И.И. Гейер две свои работы посвятил кустарным промыслам Средней Азии. В первой работе охарактеризована деятельность мастеров - *астарчи* (букв - «делающий подкладку») - набойщиков, в том числе их деревянные инструменты и приборы (6). В другой работе сообщается о промысле *шонагар* - гребенщика, используемых ими инструментах и материалах, способах изготовления изделия, об организации труда в мастерской (5, сс.110-112).

Общий обзор кустарных промыслов таджиков и узбеков, в том числе производства седел, токарных промыслов, столярных дел представлен в работах Г.Головина (7,с.13,31,32), А.П.Шишова(32, с. 276-277, 300-304; 33, с. 199-202), В.К. Розвадовского (27, с.19-20), а также Ф.Поспелова (25).

В,К. Розвадовский исследовал кустарные промыслы таджиков. Так по его наблюдениям, произведенных в посещенных им мастерских «*чархчиги*» (изготовление самопрялок) в 1914-1915 гг., кроме ручных машин выделывали различные виды катушек: «*галтак*» и «*зугута*», ручки для видов инструментов, вешалки (27,с.43). Токарный станок – *«дукони чархчиги»* состоял из подвижных выступов с отверствиями, закрепленными клиньями. В острия вставлялся обтачиваемый предмет. Мастер брал бечеву склеенную из бараньих жил, натянутую на смычки, перебрасывал ее через обрабатываемый предмет и вращая одной рукой, а другой держа инструмент резец – «*тег*» обтачивал предмет. Кроме токарного станка мастер – «*чархчи*» пользовался 2-3 стамесками и несколькими буравчиками – «*пармача*». В. К. Розвадовский в указанные годы второго десятилетия XX в. зарегистрировал: в Самарканде 15 токарных мастерских, в Худжанде 10 мастерских, в Маргелане 18, в Ура-тюбе – 5, в Ташкенте 11 таковых *«дукони чархчиги»*(27,с.44).

Исследую состояние изготовления различных деревянных станков по переработке хлопка, тканя В.К.Розвадовский отмечал, что очень трудно определить количество употребляемого сырого материала, так как развитие промысла зависит от количества и, главным образом, от спроса рынка. Потребность рынка также определяла количество и вид вырабатываемых изделий. Этот исследователь, основываясь исключительно на данных, полученных из расспросов подсчитал, что токарь имеющий одного или двух подсобных работников производил в год до 100 самопрялок и 50 мелких изделий. Годовой валовой доход от продажи 100 единиц самопрялок доставлял до 100 рублей за 50 штук мелких изделий до 10 рублей. Таким образом, общая годовая валовая продукция мастера, выделивавшего самопрялки выражался в сумму 110 рублей по курсу российских денег 1910-1916 годов (27, с.42-43).

В сводных трудах А.А. Кушакевича (18, с.213,224), В.В.Радлова (26,с.539), В.П. Наливкина (21, с. 5-17, 18-19), А.И.Шахназарова (31,с.73-77), В. Юферова (34, с. 85-89), В.И. Масальского (20, с.525-526) вкратце охарактеризованы некоторые аспекты истории техники, организации производства, социальные отношения деревообделочных ремесел.

Известный краевед начала XX века – князь В.И. Масальский подчеркнул промышленное значение Худжанда, в особенности в качестве центра шелководства и в этом отношении он считал его первым городом во всем Туркестане. Касаясь состояния деревообделочных ремесел и промыслов, В.И. Масальский сообщал, что крупные городские центры отправляли населению кочевых округов деревянные сундуки, посуду наряду с другими предметами роскоши оседлых жителей. В.И. Масальский отмечал искусство резьбы по дереву в качестве одной из важных отраслей Туркестанской кустарной промышленности, а вместе тем и туземной мусульманской культуры. Вместе с тем он указал, что искусство резьбы по дереву, как и многие другие отрасли местной промышленности, вследствие сокращения спроса и других условий, сильно упало и тогда, в начале XX

века, лишь в больших городах имелись мастера-резчики, занимавшиеся, преимущественно, изготовлением предметов (шкатулки, столики и пр.) (28, с.534).

К серии статистико-экономической литературы мы отнесли работы А.А. Кушакевича, М. Бекчурина, Г. Арандаренко, В.В. Заорской и К.А. Александер. В частности, по данным Д.А. Кушакевича, в 1872 в городах Худжанд и Ура-тюбе соответственно действовали по 5 и 4 единиц лавок седельников (всего 9 единиц), столярных по 2 единицы (8, с.50-51). Видимо эти цифры весьма занижены. Поскольку другой краевед М. Бекчурин в том же 1872г. писал, что мастерских в Худжанде, в которых занимаются столяры, плотники, арбачи, делающие арбы и колеса составляют до 50 единиц. Этот автор также сообщал, что Худжанд занимает важное географическое положение и имеет существенное значение качестве центра обработки дерева. Он сообщал о поступлении строевого леса: "Предметы, которые получает Худжанд из других мест следующие: из Коканда получается … и строевой лес, который сплавляется на плотах при Сыр-Дарье" (1, с.211) Худжанд, получал строевой лес из Коканда, который сплавляется на плотах по Сыр-Дарье (1, с.206).

Г.Арандаренко отмечал в Пенджикенте в 70-е годы Х1Хв. наличие специального рынка *Ёгоч сарая* – заведения по продаже лесных материалов (Рис. 95), привел данные о количестве плотников, столяров и токарей, выделывавших деревянные приборы (30, с.341). Известные экономисты - ученые В.В. Заорская и К.А.Александер подсчитали, что в начале ХХв. в Туркестанском крае функционировали 10005 мастерских ремесленных заведений, при этом их общее число сократилось за 1910 г. на 401 - на 4 процента (13, с.141).

Таким образом, представленный нами краткий очерк истории изучения ремесленно-кустарного производства, главным образом промыслов по обработке дерева в административной территории Туркестанского края в конце XIX-начале XX вв. показал, что в дореволюционный период, несмотря на субъективные устремления царской России, проделана значительная реальная и объективная историографическая работа.

Ремесла и промыслы по обработке дерева были изучены с разных сторон, с позиции аспектов их истории, экономико-технического потенциала, бытового, культуроведческого, этнографического назначения. История и состояния промышленности по обработке дерева у таджиков интересовала краеведов, журналистов, путешественников, дилетантов-любителей, научных сотрудников.

В истории изучения ремесел и промыслов Средней Азии, в том числе и обработки дерева, прослеживается два этапа: 1) с 1864 года до середины 90-х годов XIX в.- когда преобладал просветительский характер рассмотрения смежных вопросов в связи с организацией выставочного дела в крае. 2) С середины 90-х годов XIX в.- усилилась исследовательская направленность раскрытия состояния и перспектив развития кустарно-ремесленной промышленности, также плотнично-столярных и токарных обработок дерева.

В целом, историографии дореволюционного периода был характерен экстенсивный подход с вытекающим отсюда эпизодичным, стихийным и непоследовательным изучением объектов исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Бекчурин М.* Туркестанская область. // См. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. второй. – Казань, 1871. – С. 206-216
2. *Бродовский М.И.* Технические производства в Туркестанском крае. – СПб., 1875. – 99 с.
3. *Габбин Н.И.* Арбяное производство в Ташкенте // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской Области. – Ташкент: Изд. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета. 1900. Т.VIII. - С.223-247.
4. *Габбин Н.И.* Кустарные промыслы 1. Производства седел (леньчиков) // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. – Ташкент: Изд. Сыр-Дарвинского областного статистического комитета, 1899. Т.VII. – С. 1-54.
5. *Гейер И.И.* Весь Русский Туркестанский. – Ташкент, 1909. – С.110-112.
6. *Гейер И.И.* Кустарные промыслы в Ташкенте // Русский Туркестан. 1902. № 166, 167, 171, 192, 203.
7. *Головин Г.* Кустарные промыслы Туркестана / Газета «Вестник юбилейной Туркестанской выставки» 1909 г. Турк. сб. Т. 512. – С. 18, 31, 32.
8. Города Ходжент и Ура-тюбе (Дост. *А.А. Кушакевич*) // Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник. /Под ред. *Н.А. Маева*. Вып.1. – СПб., 1872. -С. 50-51.
9. *Гребенкин А.Д.* Мелкие народности Зеравшанского округа. / Русский Туркестан. Вып. 2. – М., 1872. – С. 118.
10. *Гребенкин А.Д.* Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа / Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Т.1 – СПб, 1873. – С. 118.
11. *Давыдова С.А.* Кустарные промыслы в Средней Азии. /Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. – СПб., 1894. Т. II. - С. 37-68.
12. Древние цивилизации / Под общей редакцией *Г.М. Бонград* – Левина. – М.: Мысль, 1989. – 479 с.
13. *Заорская В.В., Александер К.А.* Промышленные заведения Туркестанского края: Разработка данных анкеты, произведенной летом 1914 г. Экономической организацией изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарьи / *В. В. Заорская, К. А. Александер;* Отдел земельных улучшений. – Петроградъ: Екатерининская типография, 1915. – 562 с.

14. Историография общественных наук в Узбекистане, Биобиблиографические очерки / Сост. *Б.В. Лунин*. – Ташкент: Фан, 1974. -384 с. (статья: Петр Иванович Пашино. – С. 272-276).

15. *Кирпичников Н.А.* Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области. /Справочная книжка Самаркандской области. Вып. V. – Самарканд, 1897. – С. 110-162.

16. *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обзрения Туркестанского военного округа: Т. 1–3. — СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. Т. 1. – 488 с.; 3 л. карт.; Т. 2. — [2], VI, 261 с.; 1 л. табл.; Т. 3. — [2], VIII, 303 с.; 2 л. черт.

17. *Краузе И.И.* Туземные и русские маслобойные заводы в Ташкенте // Русский Туркестан. Вып.2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории / Под ред. *В.Н. Троцкого*. – М., 1872. – С.203-204.

18. *Кушакевич А.А.* Сведения о Ходжентском уезде / Записки рус. Имп. Географического общества по общей географии. – СПб, 1871. Т.4. – С. 173-267.

19. *Маев Н.А.* Туркестанская выставка 1886г. – Ташкент, 1886. – 82 с.

20. *Масальский В.И.* Туркестанский край. – СПб, 1913. – 862 с.

21. *Наливкин В.П.* Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. – 215 с.

22. *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. – СПб, 1868. – 176 с.

23. *Пашино П.И.* О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области (извлечение из «Записки о производительных силах Туркестанской области») / Изв. Рус. Геогр. Об-во. – СПб., 1867. №4. Т.III. – С. 120-139.

24. *Петровский Н.Ф.* О шелководстве и шелкомотании Средней Азии. – Ташкент, 1874. – 160 с.

25. *Поспелов Ф.* Кустарная промышленность в Катта-Курганском уезде // Туркестанское сельское хозяйство. – 1912. – № 8.

26. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. Глава X. Долина Среднего Зеравшана. – М.: ГРВЛ, 1989. – 749 с.

27. *Розвадовский В.К.* Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае. – Ташкент, 1916. – 58 с.

28. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. *В.П.Семенова-Тяншанского*. -Т.19. Туркестанский край / Составил князь *В.И.Масальский*. – СПб.: Изд. А.Ф.Девриена. 1913. – 861 с.

29. Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Выпуск I. География и статистика / Под ред. *Маева Н.А.* – М., 1872. – 179 с.

30. Статистические сведения по нагорным тюменям Зеравшанского округа 1877 г. *Арандаренко Т.* // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып.4. – СПб., 1879. – С.341-344.

31. *Шахназаров А.И.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае. – СПб, 1908. – 152 с.

32. *Шишов А.П.* Сарты: Этнографическое и антропологическое исследование / Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Кн. XI. – Ташкент, 1904. Кн. XII. – Ташкент 1905. – С. 276-277, 300-304.

33. *Шишов А.П.* Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Часть 1, Этнография. – Ташкент, 1910. – 325 с.

34. *Юферов В.* Хозяйство сартов Ферганской области. – Ташкент, 1911. – 124 с.

Рахматуллоев И.
(г. Пенджикент, Республика Таджикистан)

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Археологические памятники Таджикистана имеют огромное научное и художественное значение, свидетельствуют о древнейшем периоде становления человека, где осуществлялось взаимодействие различный этнической социальных, культурных и религиозных явлений и традиций, оставивших глубокий след в истории не только Таджикистана, но и целой Средней Азии. Многие археологически памятники Таджикистана включены в реестр шедевров мирового искусства.

Археологические раскопки и изучение древних памятников Таджикистана была начаты еще в конце XIX в. русскими учеными. Системная разработка памятников была осуществлена советскими археологами. Формировались и проводились археологические экспедиции, состоящие из отрядов и групп, которые проводили комплексные разведывательные и раскопочные работы, охватывая своей деятельностью всю территорию Таджикистана.

Крупнейшим событием по формированию и развитию археологической науки в Таджикистане, проведением системных и комплексных исследований памятников на территории республики, при помощи русских ученых появилась возможность по становлению национальных кадров археологов и функционирование в республике в начале Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ), и Южно-Таджикской археологической экспедиции (ЮТАЭ), а также археологических отрядов.

Изучения Средней Азии в исторической науке началось достаточно давно. Интерес к этому краю, его истории и культуре проявили многие ученые самых разных специализаций. История Средней Азии и истории ее культуры смогла сформироваться только в 30-40 годах XX века. Нужно отметить, что свой неоценимый вклад в этот процесс внесло старшее поколение российских учених-специалистов по древней истории и

археологии Средней Азии В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, М.Е. Массон, С.П. Толстов, Т.С. Тревер, М. Андреев, Окладников, Вяткин и другие.

Присоединение Средней Азии во второй половине XIX века к Российской империи имел для народов региона позитивные результаты, в том числе для развития археологических исследований в Таджикистане. Крупнейший знаток и исследователь археологии Таджикистана Б.А. Литвинский отмечает, что после присоединения Средней Азии к России русское ученые, путешественники, любители старины посвятили немало страниц памятникам материальной культуры ученых Таджикистана.[1]

Таким образом, имеющиеся сведения о деятельности русских ученых и путешественников свидетельствуют, что именно им удалось положить начало археологическому изучению Средней Азии, в частности Таджикистана. В числе выдающихся представителей дореволюционного русского востоковедения можно назвать В.В.Бертольда, Н.Веселовского, В.Жуковского, К.Зелемана, К.Иностранцева, Н.Ф.Кашонова, И.Карачковского, С.Ольденбурга, В.Радлова, В.Р.Розена и других.

По инициативе крупных российских ученых – В.В.Бартольда, М.Андреева, А.А. Семенова в 1925 году в Ташкенте было создано «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Обществом был издан сборник «Таджикистан». В этом сборнике особенное значение имели статьи В.В.Бартольда «Таджики. Исторический очерк». На основании исследований всех письменных источников В.В.Бартольд определил многие основные вехи истории таджиков и их предков, начиная с 1 тыс. до н.э. и до позднего средневековья. [2]

Большую роль в археологическом изучении территории Таджикистана сыграла экспедиция Института Востоковедения АН СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР А.Фреймана, направленная в 1933 году в верховья реки Зерафшан и производившая раскопки замка на горе Муг (Айнинский район). Здесь местным чабаном Джурали Мухамадалиевым были случайно обнаружены рукописи на согдийском и арабском языках.

На Всесоюзном археологическом совещании в Москве в феврале 1945г. было решено организовать крупные комплексные экспедиции, которые должны были заняться изучением ряда важных научных проблем. В их число входила и Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция. Эту экспедицию с 1946 по 1953 гг возглавлял А.Ю.Якубовский, один из крупнейших советских востоковедов и археологов Средней Азии, заслуги которого особенно важны в изучении Таджикистана и древнего городища Пенджикента. Раскопки городища в течение многих лет проводятся при участии российских ВУЗов Ленинграда и Москвы.

С 1960 года российские ученые проводили свои археологические исследования в составе единой Таджикской археологической экспедиции под руководством А.М. Беленицкого, заместителя Б.А. Литвинского, в которой были задействованы Институт истории им. Дониша АН Таджикистана, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и Ленинградский Государственный Эрмитаж, Институт востоковедения.

Благодаря результатам самоотверженного труда известнейших российских и таджикских ученых-археологов, как М.Ю. Якубовский, А.М. Беленицкий, Б.А.Литвинский, Б.А. Ставицкий, Т.М. Потемкина, Н.М. Виноградова, И.Р. Пичикян, Л.Т. Пьянков, В. Луконин, Б.И. Маршак, В.И. Распопова, Е.В. Зеймаль, Н.Н. Нематов, А.Джалилов, А.Бобоев, У.Пулатов, А.Исоков, У. Эшонкулов, А. Раззоков и их замечательным открытиям, история таджикского народа пополнилась новыми, вполне конкретными археологическими фактами.

Среди научных учреждений России, стоявших у истоков археологического изучения в Таджикистане, особую роль сыграли Институт истории материальной культуры Академии наук СССР и Ленинградский Государственный Эрмитаж. Эти учреждения, их научный потенциал и кадровые ресурсы позволили совместно с Таджикским филиалом АН СССР сформировать в 1946 году специализированную Согдийско-Таджикскую археологическую экспедицию, которая внесла огромный вклад в выявление и исследование исторических памятников Таджикистана, а в 2016 году мы отметили 70-летие участия этой экспедиции в археологических раскопках древнего Пенджикента.

С 90-х годов прошлого столетия и вплоть до настоящего времени благодаря сотрудничеству таджикских археологов с научными центрами России, Германии, Франции, Китая и Японии на современном этапе, археологические исследования в Таджикистане развиваются и продолжаются.

Главными руководителями в изучении памятников каменного века был А.Окладников, а затем В.Ранов. Они создали свою археологическую школу по изучению каменного века Таджикистана. Изучение памятников периода античности, раннего и позднего средневековья на территории южного Таджикистана руководил выдающийся исследователь, ученый-археолог Б.А.Литвинский, который также сформировал свою научную археологическую школу, которую прошли многие известные таджикские археологи.[3]

Взаимным направлением археологических работ явилась разработка памятников эпохи бронзы. Были открыты и исследованы памятники эпохи бронзы в разных районах Южного Таджикистана, находящиеся в Гиссарской долине, поселении Тегузак в Дангаринском районе, могильники Бешкендской долины (Тулхар, Аруктау) а также поселение эпохи бронзы в Саразме. Исследованиями поселений и могильников эпохи бронзы в Таджикистане занимались известные российские археологи в лице А.Манделыштама (памятники в Бешкентской долине), Б. А. Литвинского (в низовьях р.Вахш и Кизил-Су), Н.М. Виноградова и Л.Т. Пьянкова (Гиссарская долина) и другие.

С 1977 года в долине Зерафшан в Пенджикентском оазисе под руководством А.Исакова были изучены памятники эпохи бронзового века, самое северное поселение в Средней Азии оседлоземледельческого типа, общая площадь которого около 100 га. Оно существовало около полутора

тысячелетий с наибольшим расцветом в периоды позднего энеолита ранней бронзы. Выделены четыре последовательных хронологических периода, которые с учетом радио-карбонных определений могут быть датированы следующим образом: период I 3500-3300 до н. э., период II 3200-2900 до н.э., период III 2900-2700 до н.э., период IV 2700-2000 гг. до н.э.

Исследование античного Бактрия южного Таджикистана во многом способствовало открытию городищ Айханум в Афганистане и Тахти Сангин в Таджикистане. Разработку этих памятников осуществлял Б.А. Литвинский, И. Пичикян и А.Дружинина.[4]

О распространении буддизма в Южном Таджикистане в VII-VIII вв. представлены раскопки на цитадели г.Вахш и памятник буддийского монастыря Аджина-Тепа. Его исследованиями руководил Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль. Благодаря таким известным ученым-археологам как Б.А. Литвинский, В.А. Ранов, И.Пичикян, Л.Т. Пьянкова, В. Соловьева и их глубоким исследованиям, основанным именно на археологических открытиях, отечественная историография получила новый импульс развития.[4]

Большой прогресс в развитии науки в области археологии связаны с деятельностью крупных постоянно действующих экспедиций на территории Таджикистана. Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция под руководством Б.А. Литвинского, Северо-Таджикистанская археологическая экспедиция под руководством Н.Н. Негматова и Пенджикентская экспедиция под руководством А.М. Беленицкого, затем Б.И. Маршака. Благодаря их работе древний Пенджикент, как культурный центр согдийцев, стал достоянием широких масс. [5]

Большую известность получили регулярно издаваемые российскими и таджикскими учеными серия ежегодных отчетов о раскопках, проводимых на территории республики под общим названием «Археологические работы в Таджикистане». В настоящее время издано 37 томов, содержащих богатый и разносторонний археологический материал.

Литература:

1. *Литвинский Б.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. – Сталинабад, 1954. С. 3-50.

2. *Лунин В.* Научные общества Туркестана. Конец XIX – начало XX вв. – Ташкент, 1962. С. 10-15

3. *Соловьев В.* У истоков археологии Таджикистана. – Елец, 2005, стр. 3-6.

4. *Искандаров Б.*, *Ранов В.* Вклад Б.А. Литвинского в изучение древнего прошлого Средней Азии. – Душанбе, 1987. С. 3-10.

5. *Бобомуллоев С.* История изучения археологических памятников южного Таджикистана. – Душанбе, 2010. С. 3-250.

Кабилов З. З.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРОИТЕЛЬСТВО НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ТАДЖИКИСТАНА (1961-1991 гг.)

Материальной основой братской дружбы народов СССР являлась общесоюзная социалистическая экономика, достигшая высокого уровня развития и представлявшая собой единый комплекс, включавший народное хозяйство всех республик и развивавшийся по единому государственному плану в интересах всей страны и каждой республики, каждой нации и народностей в отдельности.

Исторические документы свидетельствуют о том, что ведущий роль в этом благородном деле принадлежало комсомольцам и молодежи. В связи с этим Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отмечает: «Давайте вспомним наше недалекое прошлое. Ни одна большая стройка, освоение новых земель строительство новых городов и поселков не обходилось без активного участия молодежи». [10, 33]

Привлечение комсомольцев и молодежи к строительству важнейших народнохозяйственных объектов способствовало дальнейшему осуществлению социально-экономических планов и в то же время создавало благоприятные условия для удовлетворения интересов молодежи, стремящейся проявить себя на наиболее трудных и ответственных участках нового общества.

По установившейся хорошей традиции главные новостройки Советского Союза являлись всесоюзными ударными комсомольскими стройками. 30 июля 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о строительстве Нурекской ГЭС, указав на большую значимость ее для экономики всей Средней Азии. [12, 9] В 1961 г. по решению ЦК ВЛКСМ строительства Нурекской ГЭС и Ново-Душанбинского цементного завода были объявлены Всесоюзными ударными комсомольскими стройками. [2]

Первые добровольцы начали прибывать в Нурек еще до начала стройки из России. По инициативе комсомолки Н. Силкиной, С. Щекиной, Н. Хижняковой были организованы радиопередачи, беседы, лекции. [3]

Молодежь стройки избрала своим вожаком инженера Тутынина, имевший опыт в комсомольской работе на строительстве Красноярской ГЭС. [1]

Больше всего приходили в Нурек писем, конверты которых отмечены штемпелем «солдатское».

Письма такого характера также поступили от группы воинов из г.Оренбурга Ю. Варина, И. Ваганова, Ф. Файзеханова, комсомольцев из города Рубцовка Алтайского края В. Лысака, В. Зубкова, В. Сорокина и других. [11]

Достаточно сказать, что в результате плодотворной работы молодежи организаций только за 1961-1965 гг. на стройку Нурекской ГЭС прибыли свыше 5 тысяч юношей и девушек. Это, прежде всего, молодежь, прошедшая школу строительства таких объектов, как Бурятская и Красноярская ГЭС. В 1966 г. только из Ростова приехали 137 человек. [4]

Важной формой общественного призыва молодежи на стройки объектов народного хозяйства стало привлечение студенческих строительных отрядов. Это позволило дополнительно привлечь юношей и девушек на стройки, особенно в пусковые периоды.

В течение девятой пятилетки ежегодно в летний период на строительстве Нурекской ГЭС по заданию ЦК ВЛКСМ работали студенты-скалолазы. Например, работавшие летом 1971 г. 37 студентов из вузов г. Москвы, выполнили объем работ на 100 тысяч рублей. [5]

Нурек не только стал кузницей подготовки рабочих профессий, но и кузницей подготовки инженерных кадров. Сюда со всех концов Советского Союза стали прибывать выпускники из Грозного, Куйбышева, Львова, Горького, Полтавы, Одессы, из других строек страны – из Туркмении, Грузии, со строительства железной дороги Абакан-Тайшет, из Братска и Дивногорска, Темиртау и Мирзачула.

Во многих республиках Советского Союза велась подготовка кадров высокой квалификации из местного населения для Таджикского алюминиевого завода. Поскольку республика не располагала учебными заведениями для подготовки кадров рабочих алюминиевого производства, решено было направлять молодежь в профессионально-технические училища Российской Федерации. Первая группа была отправлена в 1973 г. в техническое училище № 2 города Краснотурьинска Свердловской области. [8]

В деле совершенствования трудовых навыков практиковалось изучение опыта родственных предприятий. По сложившимся традициям в системе Министерства цветной металлургии СССР в первой половине 70-х годов более 300 работников республики изучали опыт алюминиевых заводов Донецка, Братска, Краснодара, Волгограда. [7, 22-23]

Молодые строители Нурекской ГЭС стали инициаторами качественно новой формы трудового состязания – «Рабочей эстафеты», которая предусматривало объединение усилий научно-исследовательских, проектно-конструкторских, машиностроительных и строительных организаций и предприятий ряда республик при создании крупных народнохозяйственных объектов и комплексов, где, как показывает практика, возникали интернациональные трудовые коллективы. В таком соревновании воедино сливались индивидуальная и коллективная ответственность его участников – представителей различных национальностей за конечный народнохозяйственный результат их труда, происходил обмен производственным опытом, трудовыми навыками, традициями, что способствовало повышению производительности труда.

В результате плодотворной работы комсомольско-молодежных

коллективов строителей и заводов поставщиков оборудования, четкая организация соцсоревнования 30 сентября 1979 г. станция была введена на проектную мощность 2 миллиона 700 тысяч киловатт на 15 месяце раньше планового срока.

Широкое распространение «Рабочей эстафеты» в Таджикистане дало возможность ускорить сооружение промышленных объектов Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса.

Следует отметить, что около 450 предприятий Советского Союза поставляли Таджикскому алюминиевому заводу стройматериалы, электрическое и технологическое оборудование. Сотрудничество и соревнования родственных предприятий дали свои плоды. День 31 марта 1975 г., завершающего года девятой пятилетки, занял в истории республики особое место. На ударной комсомольской стройке в Таджикском алюминиевом заводе в этот день был получен первый таджикский алюминий на энергии Нурекской ГЭС.

Также, в принципе, шло строительство Яванского электрохимического завода.

Бок о бок на заводе работали таджики и русские, украинцы и армяне, узбеки и татары, представители многих наций и народностей СССР. В октябре 1981 г. был пущен комплекс по производству хладонов. Уже в апреле 1983 г. продукции был присвоен государственный Знак качества. Молодые специалисты возглавляли отдельные цеха завода. Например, цех по производству хладонов возглавлял М.И.Гулевич. а цех по производству каустической соды с 1981 г. возглавлял выпускник Днепропетровского химико-технологического института Сергей Рулиш. Комсомольским вожаком-секретарем комсомольской организации завода стала сибирячка Альбина Мистюркова. [6]

Большие перспективы были намечены в двенадцатой пятилетке в экономики республики. В основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 гг. и на период до 2000 года по Таджикской ССР отмечается: «Обеспечить дальнейшее развитие Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса. Ввести в действие мощность на Рогунскую и начать строительство Сангтудинской ГЭС, продолжить сооружение Яванского электрохимического и завершить строительство Таджикского алюминиевого завода». [9, 325-326]

Комсомольцы и молодежь республики совместно со своими сверстниками из братских республик, в том числе из Российской Федерации приложили усилия для выполнения планов, поставленной партией. Они, прежде всего, боролись по устранению негативных явлений в шефстве над ударным строительством, чтобы комсомольские организации не ограничивали свою работу только направлением молодежи на стройке, а совместно с хозяйственными руководителями, профсоюзными организациями реализовали на ударных стройках большой потенциал молодежи, ее стремления и самоутверждения в труде.

В исследуемый период в результате братского сотрудничества союзных

республик были завершены строительство Таджикского алюминиевого и Яванского электрохимического заводов.

Таким образом, в рассматриваемый период весомый вклад внесли молодежи во всесторонние экономические связи Таджикистана с братскими республиками.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Борисов, П.* Сегодня и завтра Нурека // Комсомолец Таджикистана. - 1961. – 8 февраля.
2. Государственный архив новейшей истории Республики Таджикистан (ГА НИ РТ). – Ф. 36. – Оп. 13. – Д. 8. – Л. 15.
3. ГА НИ РТ. – Ф. 36. – Оп. 13. – Д. 11. – Л. 130.
4. ГА НИ РТ. – Ф. 36. – Оп. 14. – Д. 151. – Л. 92.
5. ГА НИ РТ. – Ф. 36. – Оп. 18. – Д. 25. – Л. 25.
6. ГА НИ РТ. – Ф. 36. – Оп. 16. – Д. 25. – Л. 17.
7. *Ғиёсов, М.* Алюмини тоҷик / *М.Ғиёсов*. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 32 с.
8. Коммунист Таджикистана. – 1982. – 21 апреля.
9. Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.
10. *Рахмон, Э.* Молодежь – созидатель будущего общества / *Э.Рахмон*. – Душанбе: Деваштич, 2008. – 222 с.
11. Слова, идущие от души // Комсомолец Таджикистана. – 1961. – 7 апреля.
12. *Черных Д.Я.* Нурек / *Д.Я.Черных*. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 68 с.

Вохидов Ш. Х.
(г. Пенджикент, Республика Таджикистан)
Ботиров М. А.
(г. Андижан, Республика Узбекистан)

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОДЖА АХРАРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЁНЫХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.)

Историография жизни и деятельности Ходжа Ахрара (1404-1490), как и его суфийского учения очень обширная. Богата и зарубежная историография, посвященная Ходжа Ахрару и ордену накшбандиев в Средней Азии, их политической, культурной и хозяйственной деятельности. Среди работ, посвященных предводителю ордена накшбандиев в Мовараннахре Ходжа Ахрару, особо выделяются работы российских ученых конца XIX – начала XX вв.

Интерес к личности Ходжа Ахрара среди русских ученых начинается со второй половины XIX века в период правления края русским царизмом. Русский генерал Л.Н.Соболев (1844-1913) изучая историческую географию Туркестана привлек к своим исследованиям вакуфную грамоту[1] Ходжа Ахрара, которую ему предоставили лица объявившие себя потомками Ходжа Ахрара. Во второй половине XIX века для обоснования своих претензий на права собственности к вакуфным и иным собственностям появляются очень много фиктивных грамот. Среди них часто встречались и документы Ходжа Ахрара. Л.Н.Соболев писал, что грамота Ходжа Ахрара в виде свитка была длиной в несколько саженей, ширина достигала пол аршина. Она состояла из листов склеенных между собой. Документ состоял из двух частей. Первая часть вакфнаме была очень изящной и, по мнению генерала подлинной, вторая часть была подделкой[1].

По сведениям Л.Н.Соболева: «составленный в свое время в Самарканде подлинник данного документа был потерян». Но, несмотря на это он считал, что данный документ является одной из старинных вакуфных документов в Туркестане[2].

Исследования Л.Н.Соболева показывают, что он подробно изучил многие вакуфные документы Ходжи Ахрара: «Там где достигла нога святого большинство земель превращались в вакфы. Треть всех земель вдоль дороги от Карши через Самарканд до Ташкента «был вакфом потомков» Ходжа Ахрара», пишет автор.

Именно Л.Н.Соболев определил количество селений превращенных в вакф Ходжа Ахрара. Все они находились в горных туманах Самарканда, в селении Огалик и Ак Бури. Таким образом Л.Н.Соболев является первым исследователем документов Ходжи Ахрара.

В 70-80 годы XIX века жизнью и деятельностью Ходжи Ахрара интересовался другой русский востоковед А.П.Хорошхин. Он собрал богатый материал о земельно-водных отношениях, ремесленных мастерских, устном народном творчестве, преданий и сказаний про Ходжи Ахрара[3]. По сведениям этих преданий Ходжа Ахрару «принадлежали земли к югу от Самарканда до Шахрисабзских гор»[4]. Другая отдельная работа А.П.Хорошхина целиком посвящается вакуфным хозяйствам Ходжа Ахрара и его потомкам. В этой работе ученый дает важные и точные сведения о вакфах, размерах налога с земли. Например, он писал, что в Туркестане

---

[1] Вакуф, вакф (араб., букв. - удержание), имущество, в соответствии с мусульманским правом, отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Институт Ваквов. возник в 7-8 вв. в Халифате. Получил распространение во всех мусульманских странах и явился экономической основой огромного влияния мусульманского духовенства. Вакф мог состоять из недвижимого и движимого неотчуждаемого имущества. Вакфы были двух родов: основной, когда жертвователь полностью терял право на обращённое в вакф имущество, и обычный, когда часть дохода была оставлена в наследственное пользование жертвователю и его потомкам. Управляли вакфом особые лица (мутавалли или назиры). Часто Вакуфная собственность освобождались от налогов грамотой (иноятнаме) правителя (или правителей). Вакуфная собственность, к сожалению, в дальнейшем превращается в один из видов скрывания доходов и эксплуатации населения их хозяевами в мусульманском мире.

потомкам Ходжа Ахрара принадлежит огромный вакф. Налоги с этих хозяйств поступали в государственную казну, а малая часть принадлежал духовенсту[5].

Жизнью и деятельностью Ходжа Ахрара и его учением интересовался и другой русский ученый Н.И. Веселовский (1848-1919). Главная его научная заслуга заключается в том, что он изучил и ознакомил научный мир с данными эпиграфики мазара Ходжа Ахрара в Самарканде. Надгробная надпись Ходжа Ахрара была исследована, прочитана и переведена этим ученым в конце XIX века[6].

Изучая надпись на стеле могилы Ходжа Ахрара Н.И. Веселовский пишет об упадке культуры, бедности духовной жизни и эстетических взглядов, отсутствия развития. «Прежде надписи на общественных зданиях, на могильных памятниках, на монетах писались по арабски, – теперь туземные ученые не могут даже и читать их. Все измельчало в Туркестане, все пришло в упадок; усилилось лишь ханжество, насильно привитое народу эмирами-святошами, подавившими в стране всякую свободу мысли, следы которой заметны в прежних народных произведениях»[7].

В этой своей работе Н.И.Веселовский широко использует писменные источники (Силсилат ул-арифин, Мажмаъ, т.е. Масмуат, Рашахат, Тарихи Рокими), народные предания, также эпиграфические сведения. Среди этих источников он особенно подчеркивает значение «Рашахата», где широко освещается жизнь и деятельность Ходжа Ахрара.

По заключению Н.И. Веселевскго изменение имени Убайдуллоха на Ходжа Ахрар связано с Абдурахманом Джами. Имя «Ходжаи Ахрар – хозяин свободных» использовано Джами в его произведении «Тухфат ул-ахрар» (1482), посвященной Ходжа Убайдуллаху.

При изучении и переводе надписи из мазара Ходжа Ахрара текст с переводами Н.И Веселовского редактировали и проверяли В.А.Жуковский (персидский текст) и Н.А. Медников (арабский текст). Должны отметить, что этот научный перевод и примечания до сих является точными и с научной точки зрения очень важными. К сожалению, многие авторы «читающие» или «читавшие» этот текст уже после него часто забывают эту заслугу Н.И. Веселовского.

Н.И. Веселовский отмечает, что приведенные в надписях аяты из Корана и предание из хадиса служат для подтверждения «исторической миссии» Ходжа Ахрара. Слова «Лайлат ул-кадр» (ночь предопределения) ва числовом значении по абджаду дает дату рождения Ходжи, а слова «Хиййа хатта матлаъ ал-фаджр» выражает год смерти ишана. «Таким образом удавалось почитателям Ходжи Ахрара найти в самом Коране намеки на святого, на время рождения и смерти его и на великое его значение»[8], писал ученый.

Однако в приведенном последователями Ходжи Ахрара хадисе «о знамениях последних времен» Н.И.Веселовский особо останавливается и пишет, что «в отношении к нашему герою мы имеем хороший пример тех ухищрений, к которым прибегают составители подобных надписей для того,

чтобы отыскать в священных текстах намеки на подлежащее прославлению лицо»[9].

Подобные мнения и выводы автора касаются многим местам текста надписи. Тем более по заключениям автора становится ясно, что адепты Ходжа Ахрара приведенные в сборнике Абу Давуда текст хадиса привели не полностью. Взятый (выщипанный) из текста отрывок говорит о том, что в Мовараннахре появится человек, появление которого ознаменовал сам Пророк ислама (намекая на то, что появление на свет Ходжа Ахрара был предвиден самым Пророком за долго до его появления). А между тем в продолжении хадиса говорится, что появившегося человека зовут ал-Харис ибн Хурос, упорно работающий на земле. В его авангарде будет другой муж по имени Мансур. Он или Хорис проложат дорогу (уготовят власть) роду пророка, как (некогда) курайшиты уготовили власть пророку. Всякому мусульманину обязательно помогать ему, или по шариату, повиноваться ему». По заключению Н.А. Веселовского этот хадис появился в Мовараннахре во втором веке хиджры, при этом жители Мовараннахра предрекали появления Хариса и Мансура в Аравии, имея в виду появление Мухаммеда. Именно по этой причине составители надписи не считали нужным привести продолжение хадиса.

Упоминание хадиса с именем Хариса – сеятеля, возделывателя земли, и предзнаменование о его появлении служат намеком, на то, что Ходжа Ахрар занимался земледелием, и собранный урожай раздавал бедным. И Джами в своем произведении «Юсуф и Зулайха» хваля Ходжа Ахрара, писал: «Хазорон мазраа дар зери кишт аст; Ки зоди рафтани рохи бихишт аст» Засеваемое ими поле сего мира, станут путем для увеличения жатвы того мира». Этим поэт хочет говорит, что «все что делает Ходжа ведут его в рай».

Кроме надписей из мазара Ходжа Ахрара Н.И. Веселовский изучив письменные источники посвященные Ходжа Ахрару, особенно произведение Фахриддина Али Сафи «Рашахат айн ул-хаят», дает важные сведения о родословной Ходжа Ахрара. Результаом этих разысканий стало появление его труда «Памятник Ходжа Ахрара в Самарканде[10].

Русский археолог и краевед В.Л. Вяткин[11] (1869-1932) сделал много для изучения жизни и деятельности Ходжа Ахрара. В 1896 году он выступил с докладом об Ходжа Ахраре[12] при открытии Самаркандского музея при Статистическом комитете. Доклад был сделан на основе первоисточников («Рашахат», «Масмуат», «Силсилат ул-арифин»). Глубоко изучив деятельность Ходжа Ахрара В.Л. Вяткин дает сведения и по истории суфизма в Мовараннахре и место Ходжа Убайдуллаха в деятельности и усиления ордена накшбандия. Он говорил: «Высоко гуманное учение Ходжа Ахрара открыл светлый мирок в темном царстве мусульманской казуистики. Упадок мусульманской культуры от окончательной гибели удержал суфизм – учение неимеющее ничего общего с исламом. По монотеистическому учению Могометан Бог есть строгий и гневный каратель и господин, а люди рабы его. Суфизм учение пантеистическое; оно говорить, что Бог есть единое бытие, разлитое во всех Его творениях, что цель жизни заключается в

смирении, в слитии с божеством, любви к богу и его творениях. Суфизм не мог выступить открыто, а должен был прикрываться текстами Корана. Суфизм есть слияние трех элементов: аскетизма, пантеизма, мистицизма, развившиеся на почве ислама. Источник аскетизма суфизм нашел в христианстве, которое задолго до ислама приняли арабы и от которого он перенесен в мусульманство; пантеизм появляется в исламе с завоевания арабами Персии; слившись вместе, аскетизм и пантеизм дают, то что представляется в учении суфистов, а мистицизм явился, как естественный спутник этих двух элементов...Лучшим выразителем суфийского учения был Ходжа Ахрар»[13].

В своем обзорном выступлении В.Л. Вяткин дает некоторые штрихи к автобиографии Ходжа Ахрара, его политической деятельности, его огромных богатствах, привел некоторые его слова и мысли как суфийский наставник. Сделав заключение оратор заявил, что «при приемнике султана Ахмада, сына его Абу Саида, Ходжа Ахрар получает громадное влияние на управление страной и приобретает почти сказочные богатства: у него 13 000 обширных имений, а стадам и рабам нет счета. С той минуты, как Ходжа Ахрар становится близко к престолу в его личной жизни замечается упадок, лучшим доказательством него надо считать накопление колоссальных богатств, идущее в разрез со всеми основами его учения. Сам Ходжа Ахрар старается оправдать это разными объяснениями, составляет как бы катехизис богатства»[14].

Во время выступления В.Л. Вяткин заявил, что ведет работу по изучению жизни и деятельности Ходжа Ахрара. В 1904 г. В.Л. Вяткин опубликовал на страницах «Туркестанских ведомостей» свой труд «К биографии Ходжа Ахрара».

Мы должны констатировать, что В.Л. Вяткин одним из первых широко пользовался сведениями таких важных источников, как «Силсилат ул-арифин», «Масмуат» и «Рашахат».

Подробное ознакомление с содержанием произведения В.Л. Вяткина показывают, что на протяжении последующего периода многие авторы часто заимствовали и заимствуют сведения В.Л. Вяткина, при этом забывая указывать на его работы.

Изучая агиографические произведения, посвященные Ходжа Ахрару В.Л. Вяткин дает и оценку деятельности Ходжи Ахрара как суфия – руководителя ордена накшбанди в Ташкенте и Самарканде. При этом деятельность Ходжа Ахрара как суфия он делит на несколько периодов. Детство, совершеннолетия, его учеба в Ташкенте, Самарканде, Герате, учеба у Якуба Чархи. Все это дали возможность Ходжа Ахрару формироваться как руководитель и наставник ордена накшбанди, заявляет ученый.

Когда Ходжа Ахрар переселился в Самарканд он уже имел огромное влияние на султана Абу Саида и его сына. При этом увеличились и ряды его врагов и недоброжелателей. Его вмешательство в государственные дела, тяга к богатству, пропаганда к такому образу жизни, которая шла в разрез идеям суфизма, давали повод его врагам выступать против него тайно и открыто. А

Ходжа защищая себя заявлял: «Задача суфия – спасти не только себя, но спасти и мир, а чтобы спасти мир, надо иметь над ним власть, для того-же, чтобы иметь эту власть нужно иметь сношение с миром. Таким образом отречение от мира и владение миром служать одной конечной цели. Власть над миром , который есть мир страстей, зла, мир дьявола – служить ко благу того же мира, ибо несет ему спасение»[15].

В.Л. Вяткин делит также и политическую деятельность Ходжа Ахрара на несколько периодов. До кончины султана Абу Саида вся власть в Самарканде находилась в руках Ходжа Ахрара. Абу Саид и его сын Ахмад взамен поддержки и помощи Ходжа Ахрара давали ему огромные вознаграждения и привилегии, возможность увеличить свое состояние. Все это породило противостояние Ходжа Ахрара с предводителями других орденов. «Популярность Ходжа Убайдуллы, разумеется, была не в интересах суфиев других орденов, в задачи которых входило не личное только спасение, но и в умножении числа адептов», писал автор. Султан Аҳмад Мирза был при своем наставнике и учителе как правитель – марионетка. В доказательство этому В.Л. Вяткин пишет, что правитель Хорасана Султон Хусайн однажды написал письмо с угрозой войны не Мирза Ахмаду, а Ходжа Убайдуллаху. После смерти Абу Саида резко усиливается влияние Ходжа Ахрара на тимуридских царевичей. При этом В.Л. Вяткин делает изумительное заключение и пишет, что «...пользуясь своим исключительным положением в государстве, он употребляет свою власть к торжеству справедливости».

В.Л. Вяткин дает и сведения о богатствах Ходжа Ахрара. Он заявляет, что Ходжа Ахрар перед своей смерти отдает все свои имущества в вакф построенных на его средствах медресе в городах Самарканда, Ташкента, Кабула. Много богатств он оставил своим сыновьям, превратив их в вакф потомков (вакф-и авлад).

Изучая вакуфное хозяйство Ходжа Ахрара в Ташкенте и Самарканде В.Л.Вяткин собрал много сведений и по исторической географии Самарканда. Результатом этих разысканий стал его труд «Материалы к исторической географии Самаркандской области»[16], получивший в свое время высокую оценку академика В.В. Бартольда. В этой работе В.Л. Вяткин определил границы частных владений Ходжа Ахрара в Самаркандской области.

Таким образом, делая вывод, отметим, что В.Л. Вяткин в своих исследованиях одним из первых начал изучать жизнь и деятельность Ходжа Ахрара[17].

К началу XX века хозяйственными документами Ходжа Ахрара и его потомками уже интересуются видные российские ученые и востоковеды. В 1902 году академик В.В. Бартольд познакомился с вакуфными документами Ходжа Ахрара. При этом он установил, что один из них составлен в 1292/1875 году хиджры, и не является оригинальным.[18]

В дальнейшем В.В. Бартольд[19] серьезно начал заниматься исследованием жизни и деятельности Ходжа Ахрара, историей и культурой

эпохи тимуридов. 12 марта 1915 года В.В. Бартольд выступил с докладом на заседании Восточного отдела Русского Археологического общества на тему «Улугбек и Ходжа Ахрар». По теме доклада выступили Н.И.Вселовский и Н.Я. Марр. По мнению докладчика в XV веке в Центральной Азии шла борьба между двумя мировоззрениями; представителем одним из них был внук Тимура Улугбек, который в течении сорока лет управлял государством Тимура в Самарканде. Представителем второго мировоззрения был его младший современник, дервиш ордена накшбандия Ходжа Ахрар. Через два года после смерти Улугбека он использовал свой религиозный авторитет для получения политической власти и в течении сорока лет управлял государством через мнимых и действительных потомков Тимура.

В 1918 году В.В.Бартольд завершил свое монографическое исследование «Улугбек и его время», которое было издано в Петрограде[20]. В этой работе автор широко осветил деятельность Ходжа Ахрара. При этом деятельность Ходжа Ахрара получил, как нам кажется, двоякую оценку. С одной стороны Ходжа Ахрар выступает как защитник народных масс, с другой стороны он глава тех сил, которые уничтожили культуру эпохи Улугбека. Заслуга В.В.Бартольда в том, что при изучении эпохи Ходжа Ахрара, как и эпохи Улугбека и Мир Алишера Навои он ввел в научный оборот много новых источников. Среди них можно назвать произведение Фахриддина Али ас-Сафи ибн Воиза ал-Кашифи «Рашахату айни-л-хаят», труд Мухаммада Кози «Силсилат ул-арифин», Абдураззока Самарканди «Матлаъ ус-саъдайн ва мажмаъ ал-баҳрайн"[21], Мирза Муҳаммада Хайдара «Тарихи Рашиди»[22], Хондэмира «Хабиб ус-сийар»[23] и др.

Труд В.В.Бартольда «Улугбек и его время» был написан автором на протяжении долгих лет и отличается своей серьезностью выводов и размышлений. К сожалению, многие исследователи лишь по своему выбору дают ссылки и цитаты с этого произведения, и тем самым искажают его мнение и выводы. Основные выводы и заключения В.В. Бартольда основаны на сведения первоисточников, авторов той эпохи. Кроме Ходжа Ахрара и Улугбека академик В.В. Бартольд дает важные сведения о жизни и деятельности эмира Тимура, Шахруха, Абдуллатифа, Мирзы Абдулла, Абу Саида и др[24]. В своих научных трудах В.В. Бартольд изучил религиозную ситуацию эпохи тимуридов, историю суфизма, предводителей различных орденов. Среди них, как мы отметили, особо выделяется фигура Ходжа Ахрара.

Выводы и заключения В.В. Бартольда в отношении Ходжа Ахрара можно обобщать в следующем порядке:

1. После смерти эмир Тимура власть тимуридов оставалось устойчивой ва Мовараннахре и Хорасане. При этом Улугбек правил Мовараннахром, находясь в Самараканде, а Шахрух управлял Хорасаном. В государственном управлении Улугбек соблюдал монгольские традиции и обычаи. В его государстве военная и родоплеменная знать имели большое влияние. Но в Хорасане Шахрух управлял государством опираясь на представителей официального, книжнего ислама, проявлял уважение к наставникам и

руководителям суфийских орденов. В отличие от Самарканда предводители суфийских орденов не вмешивались в государственные дела, их влияние к центральной власти было очень ничтожным.

2. По мнению В.В. Бартольда Улугбек был убит в результате заговора предводителей суфийских орденов, представителей консервативной части духовенства, также и военных. Смерть Улугбека показала о существовании в государстве тимуридов тяжких и сложных внутренних конфликтов, существовании противоположных групп и их борьбы за власть.

3. Именно в ходе борьбы за власть высшая мусульманская знать (шейх ул-ислам, казии и др.), предводители суфийских орденов, также кочевые узбеки Дашти кыпчака начинают активно вмешиваться во внутренние дела Мовараннахра.

4. Историческая действительность и события этой эпохи были фальсифицированы в угоду исторических лиц, таких как Абу Саид, Ходжа Ахрар и Абулхайрхан. По сведениям Масуда Кухистани, автора «Истории Абулхайрхана» Абу Саид на колени просил помощи от Абулхайрхана. Именно с помощью Дашти кыпчакских узбеков во главе с Абулхайрханом Абу Саид разбил войска Абдуллы в июне 1451 года. Было прочитано хутба и отчеканина монета на имя Абулхайрхана. Но автор «Рашахата» не вспоминает об этом (или не хочет), а успехи Абу Саида он связывает с именем Ходжа Ахрара с его благодействием (карамат), предсказанием (башарат), и его чудодействием; со встречей Абу Саида с Ходжа Ахраром в Пскенте, где Ходжа как-бы благословил Абу Саида и предсказал ему трон Самарканда. А в действительности Абулхайрхан после этой победы возвратился в Туркестан с большими трофеями, также женившись на дочери Улугбека по имени Робиа султан, матери будущих царевичей Кучкунчи и Суюнчихана[25].

5. В.В.Бартольд высказал одно предположение, к которому следует обратить особое внимание. Если Абу Саид встретился с лидером Ташкентского ордена накшбанди Ходжа Ахраром, то, следовательно, он имел связи и с духовенством Бухары. Тем более точно установлено, что Абу Саид имел близкие отношения с улемами Бухары. Следовательно, связи Ходжа Ахрара с Абу Саидом, естественно, были очень близкими. По предположению В.В.Бартольда встреча Абу Саида с Ходжа Ахраром могла произойти еще при жизни Улугбека.

Причем Абдураззак Самарканди пишет, что в это время (1450-1451 гг.) Абу Саид вел «казачий образ жизни», т.е. был вольным претендентом на трон. А биография Абу Саида не освещает этот период жизни Абу Саида. Поэтому это мнение В.В. Бартольда остается на уровне догадки.

6. Независимо от того как и когда произошла встреча Абу Саида с Ходжа Ахраром, результат говорит о том, что правитель всю жизнь подчинялся своему господину. Он «повиновался Ходже и не мог противиться его указаниям, даже когда это было возможно», писал Абдураззак Самарканди[26].

7. По заключению академика В.В.Бартольда время правления Абу Саида, в отличие от времени Улугбека было времем правления дервишизма противостоящей культуре. Абу Саид вошел в город Самарканд как мститель за смерть Абдулатифа. Абу Саид казнил убийц Абдулатифа в том же саду Чинар, и сжег их тела. Сорокалетнее правление Улугбека заменилось сорокалетним правлением представителя ордена накшбанди Ходжа Ахрара.

8. «Явный ревнитель шариата и суфизма Ходжа Ахрар был типичным «ишаном». Из числа Туркестанских суфиев одним из первых Ходжа Ахрар был удостоен этим именем. По словам панегиристов ишана, ему была чужда книжная наука (улуми зохири) в том числе и богословие. Но его праведная жизнь в духе шариата и сила личного обаяния доставили ему славу религиозного подвижника и чудотворца, с чем был связан также приток материальных пожертвований»; своего богатства он тратил и на благо населения[27].

9. Жизнь и интересы высших классов, лучшим представителем которых был Улугбек, были для него непонятны; как последовательные европейские коммунисты, он, по-видимому, отрицал всякую культуру, недоступную народным массам[28].

В своем докладе «Улугбек и Ходжа Ахрар» (доклад, 12 марта, 1915 года) В.Бартольд писал, что «при оценки деятельности ишана не следует, конечно, забывать, что для него и для его искренних последователей борьба за шариат против культуры была борьбой за интересы народных масс против всяких притеснителей, как в XIX в. прямолинейные проповедники коммунизма требовали уничтожения городов и всякого научного образования, недоступного массам. Ишан выступал защитником народных масс даже против государя, тогда как интересы представителей высшего образования были связаны только с интересами государя и правящего класса». И далее: «Ишан и его сторонники не могли, конечно, понять, что борьба против культуры во имя общего равенства есть насаждение варварства, которое не могло не отразиться на способе управления, следовательно, на интересах тех же народных масс. Уже при Абу Саиде мы видим возобновление жестоких казней, посредством бросания живых людей в кипяток или сдирания с ног кожи, едва ли возможных при Улугбеке. Так же действовали впоследствии узбекские ханы, тоже называвшие себя мюридами дервишских шейхов. Последствия были бы еще более печальны, если бы дарвишизму удалось одержать полную и прочную победу; но этого не случилось»[29].

10. Время правления Абу Саида создало условия для победы дарвишизма над другим течением, представители которого были шейх ул-исламы, потомки автора «Хидайи» и книжное богословие.

11. Переход власти к Ходжа Ахарару был постепенным. Абу Саид начинает пользоваться авторитетом Ходжи Ахрара и шейх ул-ислама Бурхануддин, в свою пользу начиная с 1455 года. Оба шейха действовали на благо народа то успешно, иногда без достижения цели (сдача и подчинение Мухаммада Джуки в Шахрухии; трехсторонний мир среди тимуридских

царевичей; оборона Самарканда; посольство в Нурата к Саид Нуру, согласие на поход Абу Саида в Западный Иран в1467-68 гг. т.д.).

12. После завоевания Хорасана Абу Саидом деятельность Ходжа Ахрара ограничивается Мовараннахром.

13. Мирзо Султон Ахмад, старший сын Абу Саида по словам Бабура был «простодушным турком»[30] и ничего не читал; естественно, что такой государь еще больше находился под влиянием ишана, чем его отец. В своей личной жизни Султан Ахмад всегда совершал в установленное время намаз и старался соблюдать предписания веры, кроме запрещения пить вино. Страдая запоем, он мог пить 20-30 дней кряду, но даже во время пиршеств не забывал совершать намаз. Как государь, он старался быть справедливым правителем в духе ислама и решать все дела по шариату, но в глазах современников его правление было в сущности правлением ишана, которого н пережил только на несколько лет[31].

14. По сведениям источников, в том числе сообщениям Бабура Самарканд при Ходжа Ахраре уже не был городом науки и культуры, литературы. Но В.В. Бартольд пишет: «Полного прекращения умственной жизни не было и в Самарканде. Точные науки, насаждавшиеся Улугбеком, не нашли для себя в Самарканде благоприятной почвы, хотя еще мирза Султан-Махмуд, брат и преемник Султан Ахмада, в противоположность своим братьям относившийся с презрением к ишану, обладал некоторыми познаниями по математике»[32].

15. Больше следов оставила эпоха Улугбека в истории мусульманского богословия. Это видно в деятельности основанного Улугбеком медресе. Книжное богословие не могло остаться без влияния на самих дервишей; ученостью отличался уже сын ишана Хожа Ко (Хожаи калон) или Ходжа Ходжей. Каковы бы ни были отрицательные стороны мусульманского схоластического богословия, его борьба с еще более враждебным культуре среднеазиатским дервишизмом есть несомненная заслуга перед человечеством (вывод Эд.Мейера в отношении победы религии над наукой)[33].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что академик В.В. Бартольд широко и всесторонно изучил эпоху, жизнь и деятельность Ходжа Ахрара. Главное заключение В.В. Бартольда состоит в том, что Ходжа Ахрар использовал свой религиозный авторитет для захвата политической власти и управлял страной на протяжении сорока лет.

Во-вторых, в период правления тимуридов суфийские шейхи в Средней Азии (в противоположность Ирану) под лозунгом «защиты шариата» боролись против верхушки официального духовенства и книжного богословия, против верховной власти во главе с Улугбеком, которые стремились придерживаться монгольских традиций.

В этой борьбе симпатия народа, без сомнения, была на стороне Ходжа Ахрара. Однако победа Ходжа Ахрара означала победу варварства над высокой городской культурой эпохи Улугбека. Представители побежденной «деревенским шейхом» городской культуры удалились в Герат, к

блестящему двору Султан Хусайна. Яркими представителями этой культурной среды были Мир Алишер Наваи и Абдурахман Джами [34].

И в конце мы должны констатировать, что некоторые выводы и мнения академика В.В. Бартольда в отношении Ходжа Ахрара и учения ордена накшбандия, эпохи тимуридов являются спорными, и до конца не решенными.

Обобщая вышеприведенные сведения, отметим, что фигура Ходжа Ахрара это символ ослабления центральной власти, символ взвинчивания и усиления социальной напряженности, упадка государственного управления, культуры, научной жизни. Деятельность Ходжа Ахрара первый пример вмешательства суфийских представителей в политику. В дальнейшем уже другие руководители суфийских семей и кланов активно вмешивались в государственные дела (дагбедские шейхи, джуйбарские ходжи и др.). При этом возвышение власти этих суфийских орденов всегда приводило к ослаблению центральной власти, обнищанию широких слоев населения, с одной стороны, и обогащению видных представителей ведущих орденов с другой. В посттимуридский период и в период существования трех ханств наставники и руководители суфийских орденов всячески и различными путями старались сохранить и легитимизировать свое господствующее положение и власть над обществом. Муриды и почитатели этих орденов, авторы различных агиографических произведений, составители фиктивных генеалогий, и родословий старцев и наставников всячески способствовали уселению их влияния на государство и общество, также увеличении богатств своих предводителей как «средство оказания благ народу и властям». Это понимал и академик В.В. Бартольд, которого, к сожалению, мы начали забывать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Соболев А.Н.* Географические и статистические сведения о Зерафшанском округе // ЗРГО. Т.4. – СПб., 1874. – С. 32.; Л.Н. Соболев русский генерал. Глава Азиатского отдела Российского главного военного штаба. Автор работ по истории, географии и статистики Средней Азии. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 13. – Москва, 1971. – С. 101-102.

2. *Соболев А.Н.* Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе // ЗРГО. Т.4. – СПб., 1874. – С. 334.

3. *Хорошхин А.П.* Самарканд. Первый Коран / Сборник статей, касающихся Туркестанского края. – СПб., 1876. –бС.231-232, 240-241.

4. Там же. – Б. 325.

5. *Хорошхин А.П.* Вакуфы в Ташкенте // Туркестанские ведомости. 1884. – №32.

6. *Веселевский Н.* Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. Отд.отт. – СПб., 1895. – С.321-335.

7. Там же. – С.322.

8. *Веселовский Н. И.* Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде. – С. 333. Пим.3.

9. Там же. – С. 330. Прим.1.

10. См.: *Веселевский Н.* Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. Отд.отт. – СПб., 1895. – С.321-335.

11. Вяткин Василий Лаврентьевич [1869.18(30).8, Семиречье - 1932.26.6, Самарканд] – археолог, проф. (1923). Закончил Ташкентский Семинарий (1894). Основоположник Самаркандского краеведческого музея (1896) его директор. В 1905-31 гг. вел раскопки в древнем Афрасиябе. По результатам которого написал работу «Афрасияб – городище былого Самараканда» (1926). Он с помощью местных ученых установил место обсерватории Улугбека и вел там раскопки (1908-09, 1914); Обращал пристанное внимание изучению и защите архитектурных памятников Самарканда («Мирза Улугбек и его обсерватория в Самарканде», «Памятники древнего Самарканда», 1927, «Архитектура древнего Самарканда», 1929), вел археологические исследования в Бухаре (1920) и Хорезме (1929). Он собрал большую коллекцию восточных рукописей, некоторые из которых им же были изданы. Автор учебника «Узбекский язык» и «Персидский язык» для русских школ (1923). В.Л. Вяткин похоронен около обсерватории Улугбека.

12. См.: *Ю.О.Я.* Открытие музея при Самаркандском областном статитистическом Комитете // Туркестанские ведомости, 1896 год, 13 августа (№57). В дальнейшем им же был опубликован в газете «Туркестанские ведомости» статья «Из биографии Ходжа Ахрара» (1904, №147).

13. Туркестанские ведомости, 1 (13) августа 1896 года. – №57. – С. 239.

14. Там же.

15. Там же. – С. 330.

16. Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. – Самарканд 1902. – С. 1-83.

17. *Вяткин В.Л.* Различные черновые наброски по истории суфизма и ислама, заметки о Ходжи Ахраре и др. / Рукопись. ЦГА РУз. Ф-Р 1591, опись-2, дело-33. лл.24-30.; Перевод В.Л.Вяткиным «Самария» описание Самарканда достопримечательностей мусульманских святых / Рукопись. ЦГА РУз. Ф-Р 1591, опись-2, дело-33. – 49 с.

18. *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан //. 1904. Т. 15. – С.262-264.

19. Бартольд Василий Владимирович (1869.3(15).11 – Петербург - 1930.19.8) – востоковед. Академик РАН (1913). Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1891). Первый раз он прибыл в Среднюю Азию в 1893 году. Один из организаторов Туркестанского кружка любителей археологии. Постоянный председатель Коллегии Востоковедов АН России, Почетный член Туркистанского народного университета (1918), Председатель комитета Туркологов (1928-30). Заместитель председателя госакадемии Материальной культуры, редактор научного журнала «Иран», «Мир ислама», затем «Мусульманский

мир». Из всего изданного 685 произведений В.В. Бартольда 320 посвящены истории Средней Азии. Заслуга и роль академика В.В. Бартольда в изучении истории и культуры народов Средней Азии до конца не изучена. Еще см.: Флыгин Ю.С. Академик В.Бартольд: человек, учёный, друг – в зеркале переписки с Н. Остроумовым / III Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. – Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2011. – С.8-52.

20. См.: *Бартольд В.В.* Улугбек и его время / Сочинения. Т.2. Ч. 2. – Москва: Наука, 1964. – С. 25-178.

21. Подробно см.: *Абдураззак Самарканди.* Матлаъ ас-саъдайн ва мажмаъ ал-бахрайн / Перевод с персидского, введение, и комментарии А. Уринбоева. – Ташкент, 1969.

22. «Тарих-и Рашиди» написано в 1544-1546 гг., и состоит из 2 частей (дафтар). См.: *Аҳмедов Б.* Узбекистон халклари тарихи манбалари. – Б. 183-85.

23. Полное название произведения «Хабиб ус-сийар фи ахбор афроди-л-башар». Написано в 1521-1529 гг.

24. В.В.Бартольд писал «исследователь эпохи Тимуридов испытывает затруднение не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания». См.: Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Предисловие / Сочинения. Том II, часть 2. – Москва: Наука, 1964. – С.7-8.

25. Рабиасултон бегим умерла в г. Туркестане и она похоронена в гробнице Ахмеда Яссави. См.: Муизз ал-ансаб (прославляющее генеалогии). Введение, перевод с персидского языка, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш.Х. Вохидова. «История Казахстана в персидских источниках». Том III. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С.165. Прим.113.

26. См.: *Бартольд В.В.* Улугбек и его время. – С. 165. Прим. 114. «Абу Саид худро маъмури он хазрат медонист ва хилофи ишорат агарчи мумкин буд наметавонист» (Абу Саид повиновался ходже и не мог противиться его указаниям, даже когда это было возможно).

27. Там же. – С.167.

28. В начале XX века коммунисты Европы отрицали искусству, художественную литературу, вообще культуру, основанную на высоком эстетическом вкусе, и пропагандировали «пролетарскую культуру», основанную на простом, несерьезном общедоступном ценностях – авт.

29. Там же – С.168. Прим. 122.

30. «Беш вакт намозини бе тарк утар эди. Шурб махалларида хам намози тарк булмас эди. Хазрати Хожа Убайдуллохга иродати бор эди. Хазрати Хожа мураббий ва мукаввий эдилар. Бисёр муаддаб бор эди....Хеч нарса укуголи эмас эди, оми эди. Бовужудким, шахарда улгайиб эди, турк ва содда эди. Табъдин бахраси йук эди...Гохиким ичкулукка тушар эрди, йигирма-утиз кун паё-пай ичар эрди…Ихтиёри беклари илгида эди»(Он всегда совершал пятничные молитвы. Даже во время пьянства он не покидал

молитву. Господин Ходжа были его воспитателем и сильно на него влияли. Он сильно уважал Ходжу. Был он необразованным, неграмотным. Хотя он воспитывался в городе, был простодушным турком. Не имел способности… Иногда когда занимался винопитием, то в течении 20-30 дней он пил постоянно…Его воля была в руках его беков). См.: *Бобур Захираддин Мухаммад*. Бобурнома / Подготовка текста к изданию Порсо Шамсиев – Ташкент: Юлдузча, 1989. – С. 19-20.

31. *Бартольд В.В.* Улугбек и его время. – С. 174.

32. Там же – С. 174.

33. Там же – С. 173.

34. Алишер Навои и его эпоха исследуется в работе *В. В. Бартольда* «Мир Алишер и политическая жизнь». См.: *Бартольд В.В.* Сочинения, т. II. Часть 2. – С. 199-262.

Абдукаримов Д.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВЕТСКИХ УЧЕННЫХ В ИЗУЧЕНИЕ «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» МУХАММАДА ХАКИМХАНА

Одним из интереснейших памятников исторической и мемуарной литературы середины XIX в. является «Мунтахаб-ат-таворих» («Избранная история») Ходжи Мухаммада Хакимхана туры, сына Сеййида Маъсумхана туры, виднейшего потомка одного из крупнейших наставников среднеазиатского суфизма XVI в. Махдума Агзама (Ходжи Косони). По утверждению автора «Мунтахаб-ат-таворих» сочинение было написано в 1258 г. х. (1842-1843 г.)

«Мунтахаб-ат-таварих» как один из важнейших и достоверных первоисточников и его автор Хакимхан как один из авторитетных летописцев своей эпохи, привлекал внимание не только современников, но и историков, востоковедов, литературоведов и других специалистов в последующее время.

Русские дореволюционное исследователи, затем советские ученные-востоковеды, изучая различные периоды и проблемы истории и культуры народов Средней Азии, в том числе Кокандского ханства и Бухарского эмирата особое внимание обратили на выявление и изучения рукописных книг и других нарративных источников.

В этом направлении большая заслуга предлежат В. Наливкину, А. Зимину, В.В. Бартольду, А.А. Семенову, П.П. Иванову, В.А. Ромодину, В.И. Масону и другим ученым, уделившим особое внимание сведениям «Мунтахаб-ат-таварих».

Труд Мухаммад Хакимхана как уникальный источник и монументальный памятник вошел в известные каталоги восточных рукописных книг, был использован при составлении крупных обобщающих

сводных трудов, в которых освещена история среднеазиатских народов в XIX веке [7, 60-65].

В русской дореволюционной и советской историографии опубликованы ряд ценных работ, посвященных «Мунтахаб-ат-таварих» Мухаммада Хакимхана и некоторые отрывки этого сочинения переведены на русский язык.

Одним из первых в научной литературе «Мунтахаб-ат-таворих» был использован В. Наливкиным при написании его известной книги по истории Кокандского ханства [9]. Он так же широко использовал для уточнения некоторых событий и изучения личности кокандских правителей, подробный пересказ текста этой исторической хроники, относящейся к началу царствования Алим-хана, первого из Кокандских правителей, принявшего ханский титул [4, 101].

Л. Зимин сообщает, что в хрестоматии для туркестанской учительской семинарии, составленной В. Наливкиным, был напечатан отрывок из «Мунтахаб-ат-таворих» [5, 36].

Отдельные сведения о «Мунтахаб-ат-таворих» и его авторе можно найти и в каталогах Е. Каля. Еще Е. Каль писал: «Это объемистое историческое сочинение, малоизвестное ориенталистам и малораспространенное в Средней Азии, - списки его очень редки – представляет в историческом отношении большой интерес ввиду того, что автор, в особенности для новейшей истории среднеазиатских ханств, является очевидцем или же непосредственным участником описываемых им событий или же говорит со слов лиц, близко стоявших и принимавших участие в ходе исторических событий в Средней Азии» [7, 60].

В 1889 г. по поручению Сер Али –Лапина, переводчика при губернаторе Самаркандской области, Ташкентская рукопись была переписана Мирзо Абдусамадом. Абдусамад был внуком Хакимхана и у него на руках хранился первый экземпляр. Этот экземпляр сейчас хранится в Институте востоковедения АН РУз под № 593.

С этим экземпляром ознакомились В.В.Бартольд в 1902 г., будучи в Ходженте, и А. А. Семенов в 1915 г. Затем она вместе с другими рукописями была куплена у С.А. Лапина графом Н.Я. Ростовцевым. По мнению В.В. Бартольда, этот список был переписан с рукописи, принадлежавшей внуку автора [1, 157].

Находившемуся в 1913г. в г. Коканде А.З.Валидову удалось ознакомится с двумя списками «Мунтахаб-ат-таворих». Одна из рукописей, по его мнению, являлась «полным» документом дошедшим в двух томах и хранились у народного судьи Махмуд Махдума, владельцем другого экземпляра был Якуб Ходжи Яхьяханов [2, 304- 306].Экземпляр рукописи, обладатель которого был судья Махмуд Махдум, был приобретен А. А. Семеновым в феврале 1915 г. и теперь хранится в фондах Института истории А. Дониша АН Республики Таджикистан под № 63.

По сообщению А. Мухтарова, после кончины профессора А. А. Семенова (в ноябре 1958), Институт истории им. А. Дониша АН

Таджикистана приобрел его библиотеку, включая несколько десятков восточных рукописей. Среди них была копия сочинения Мухаммада Хакимхана, «Мунтахаб-ат-таворих» с кратким описанием, составленным А. А. Семеновым.

А. А. Семенов, читая мемуары Хакимхана, сообщает, что настоящая рукопись (на таджикском языке), судя по печатям автора на многих листах и по его правкам и заметкам, нередко очень пространным на полях и частично в тексте, сделанным довольно красивым насталиком, представляет лично принадлежавший автору, экземпляр его труда [14, 9].

Он также считает, что сочинение Хакимхана «Мунтахаб ат-таворих» является самым интересным произведением такого рода в персидской литературе. Содержащиеся в этих мемуарах, исходящие от очевидца сообщения о жизни народа и исторические сведения, вместе с впечатлениями автора о своем пребывании в Кокандском ханстве, России, Персии, Бухаре и т.д. придают сочинению особую ценность [13, 1169].

Он же напоминает, что сама рукопись – это большой и объемистый том (367 листов размера 19 х 33 см.) написана посредственным, хотя и очень хорошо читаемым среднеазиатским насталиком на лощеной кокандской бумаге двумя листами: с 1 по 183 лист рукой Мухаммад–Амина, сына Домуллы Инайета в г. Китобе в Мухарраме 1260 г. х. (январь, февраль 1844 г.) и со 184-го листа до конца книги – рукой Боба Ходжи, сына Мир Убайдуллы, сына Мир Мухаммад Амина в том же году». То есть оригинал рукописи, как это и поныне делается в Средней Азии для скорого получения списка, был разделен на две части и отдан в переписку сразу двум лицам. Тип почерка «муллаи». Этот экземпляр сейчас хранится в Институте востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан.

Академик А. Мухтаров подготовил к изданию факсимильный текст сочинения «Мунтахаб-ат-таворих»: в 1983 году была издана первая книга, в 1985 году – вторая [14].

По мнению А. Мухтарова характеристика сочинения А. А. Семеновым не полная. На полях рукописи (№ 63) сохранились оттиски двух печатей. Одна из них восьмигранная, о ней пишет А. А. Семенов: «Печать имеет дату 1244 г. х. (1828-1829)». Другая овальной формы, на которой такой текст: «Ходжи Тура бин Сеййид Маъсум» [14, 10].

А. А. Семенов также сообщает об еще одном списке этого сочинения: труд этот известнен по рукописному джагатайскому (узбекскому-Дж.А.) переводу, имеющийся в Туркестанской Публичной библиотеке (№ 79 по каталогу Е. Каля: «Персидская, арабская и тюркская рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки г.Ташкента, 1889») [14, 10]. Об этом экземпляре приводит данные также Л. Зимин: пересказ сделан по рукописи «Мунтахаб-ат-таворих», хранящейся в Туркестанской публичной библиотеке и описанной под № 79 в каталоге рукописей Е. Каля [7, 60-58]. Все указания листов в тексте статьи относятся к этой рукописи [4, 102].О других экземплярах тоже сообщает А. А. Семенов: «Большой труд излагающий,

сначала вкратце, историю древнего мусульманского мира, а затем, в автобиографической форме историю Средней Азии вообще и Ферганы в частности до смерти Аталик-хана в 1259 / 1843г. По мнению А. А. Семенова, один из экземпляров под № 592 который хранится в ИВ АН РУз, имеется палата, которая удостоверяет, что данный экземпляр является одним из десяти копий, сделанных с оригинала этого труда. В вышеприведенном описании рукописи А. А. Семеновым указано о наличии семи копий этого источника, переданных Семенову В.А.Вяткиным. Известно также, что Вяткин В.А. сообщил А. А. Семенову следующее: «Этих списков было сделано одиннадцать». В Санкт-Петербургском экземпляре (№ С 470), было написано: «28 Раби ал аввал 1259 г. х. (29 апреля 1843) Кори Аминджоном в г. Шахрисабзе [12, 329].

Все три экземпляра рукописи (Санкт Петербургская, Ташкентская и Душанбинская) были переписаны почти одновременно. Поэтому довольно трудно утвердить приоритет составления за каким-либо из этих экземпляров. По мнению А. А. Семенова, душанбинский экземпляр по печатями автора на листах и по его поправкам и заметкам, очень пространным на полях и частью в тексте, сделанным довольно красивым насталиком представляет лично принадлежавший автору экземпляр его труда [12, 88].

В. В. Бартольд также рассматривал «Мунтахаб-ат-таворих» как едва ли не главное сочинение по истории Кокандского ханства [1, 308].

По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, для истории Бухарского и Кокандского ханства последней четверти XVIII в. и первой половины XIX в. настоящее сочинение «имеет значение ценнейшего источника; события этого периода описаны в сочинении автором на основании его личных наблюдений и устной информации, полученной от современников и очевидцев описываемых событий: для этого же периода сочинение содержит также ряд любопытных сведений и о событиях, происходящих в других районах Средней Азии и в некоторых соседних с нею странах» [5, 36].

По словам В. А.Ромодина: «Сочинение Хакимхана «Мунтахаб-ат-таворих» при изложении событий очевидцем и участником которых был автор, история нередко переплетается с личными воспоминаниями, и сочинение приобретает характер мемуаров, особенно в разделах, посвященных Коканду» [11, 3].

Не выходя из рамок обычных для придворных летописцев представлений об истории, как об арене деятельности преимущественно или исключительно государей, их полководцев и сановников, Мухаммад Хакимхан обладал важными для автора качествами: наблюдательностью, опытом и знанием людей и событий. Его сочинения не только богат фактическим материалом и источник для изучения политической жизни Коканда, но и один из интереснейших памятников феодальной исторической и мемуарной литературы Средней Азии» [11, 5].

Санкт Петербургский экземпляр использовал П. П. Иванов в работе, посвященной истории восстания китай-кипчаков в Бухарском эмирате в первой четверти XIX в. Он также пользовался списком № 90 [6, 46- 47].

Таким образом, в изучение сочинение Мухаммада Хакимхана большая заслуга принадлежит русским дореволюционным исследователям и востоковедам советской эпохи. Благодаря им это уникальное сочинение сталь достоянием научного мира.

Список использованной литературы:

1. *Бартольд В.В.* Соч. Т. VIII. – Москва, 1973.
2. *Валидов А.З.* Восточные рукописи в Ферганской области. Записки восточного отдела императорского русского археологического общества. Т. XVII. Вып. III-IV. – Петроград, 1915.
3. *Дмитрева Л.В., Мубинов А.М., Муратов С.Н.* Описание тюрских рукописей Инситута народов Азии АН СССР. Т. 1. – Москва,1965.
4. *Зимин Л.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще. Протоколы заседаний и сообщение членов Туркестанского кружка любителей археологии (1 апреля 1913 г. – 11 декабря 1913 г.). Год 17-ый. Вып.1. – Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1913.
5. *Зимин А.* Зеркало побед и его значение для истории Кокандского ханства. // ПТКЛА. Год 17-й, 1913.
6. *Иванов П.П.* Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821-1825 гг. Источники и опыт их исследования. – Москва, 1937.
7. *Каль Е.* Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библеотеки. – Ташкент, 1889
8. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Инситута востоковедения АН СССР. – Вып. 3. – Москва: Наука, 1975.
9. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886.
10. Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной Публичной библеотеки имени М.Е. Салтыкова- Щедрина. Алфавитный каталог. Составитель *Г.И. Костылова*. – Ленинград, 1972.
11. *Ромодин В.А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства XVI- XIX веков в рукописных хранилищах Ленинграда. – Москва,1960.
12. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Под редакцией и при участии *А.А. Семенова*. Т. 1. – Ташкент, 1952. – С.87-89; Т. 7. – Ташкент, 1964.
13. *Стори Ч. А.* Персидская литература. Библеографический обзор. В трех частах. Часть 2. – Москва,1972.
14. Хакимхан «Мунтахаб-ат-таворих» / Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова. В 2-х книгах. Кн.I. – Душанбе: Дониш,1983.

Юсуфбекова З., Шовалиева М.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СНЕСАРЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ

Русский исследователь, востоковед, военный А.Е.Снесарев всю свою жизнь посвятил изучению этнографии народов Горной Бухары, Памира, Припамирья, Афганистана и Индии. Изучению вопросов этнографии, наряду с социально-экономическими вопросами, изучением географии, истории, лингвистики, политики по международному положению и военной истории посвящен ряд его капитальных трудов, как «Этнографическая Индия»[1], «Авганистан»[2]. «Религия и обычаи горцев Западного Памира»[3], «Восточная Бухара (военно-географический сборник)»[4], «Индия, 1906г.»[5] и др.

В данном сообщении мы рассматриваем деятельность А.Е.Снесарева - как этнографа на основе привлечения его наследия, как источника по этнографии народов Восточной Бухары, Памира и Припамирья. В качестве сравнительного материала приводятся некоторые сведения по народам Афганистана, которые также являлись предметом изучения исследователя.

В этнографическом наследии А.Е. Снесарева существуют интересные сведения относительно обычая семидневного запрета на летовье. Известно, что отгон скота на летовье, где он находился обыкновенно под присмотром женщин и подростков на протяжении всех летних месяцев, являлся одной из очень характерных особенностей хозяйственного быта всех горных и предгорных таджиков в прошлом. Следует оговорить, что и сегодня, частично, во многих горных и предгорных регионах выход и пребывание на летовье имеет громадное значение. Летовье оказывало и продолжает оказывать большое влияние на весь уклад жизни населения вышеназванных регионов. Интересными обычаями сопровождались выход на летовье и первая неделя пребывания там. Самым любопытным оказался обычай «семидневный запрет на посещение летовья мужчинами в эту неделю». Период этот в Шугнане и Рущане называется «вувд-семь». Даже если в течение «вувд» кто-нибудь умрет в селении или на летовье, никто об этом не может узнать. В исключительно эктреннных случаях разрешалось посещать летовье только с условием, чтобы посетитель пришел туда с восходом и покидал его до захода солнца. Существовало поверье, что в случае нарушения семидневного запрета благополучию стада будут угрожать

---

[1] *Снесарев А.Е.* Этнографическая Индия. – М.: Наука,1981. – 271 с.
[2] *Снесарев А.Е.* Авганистан. – М., 1921. – 244с.
[3] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира// Туркестанские ведомости. – 1904. – № 89-90.
[4] «Восточная Бухара (военно-географический сборник)» // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. –СПб., 1906. Вып. LXXXIX(СМА).
[5] *Снесарев А.Е.* Индия. – СПб, 1906. АН РФ, Фонд 115 (личный фонд А.Е. Снесарева) Оп.1. Ед. хр. 129. Л.3-9

каменные лавины или нападение диких зверей. Исследователи интерпретируют этот вопрос по-разному.

М.С. Андреев предполагает, что этот обычай «связан с заклинанием, магическим действием, направленным, против волков, и имеет целью предохранить стада овец от их нападений»[1]. А.Е. Снесарев рассматривает его как пережиток отдаленного группового брака. Он пишет: «На вопрос, почему это делается так... некоторые говорят, что так повелось от дедов; другие, что в первые дни за мужчинами по пятам может пробраться волк; некоторые что-то говорят о дурном глазе. Ясно, что реальный смысл обычая народом забыт... Есть намеки на то, что в странах Пригиндукушья и Припамирья существовал некогда общинный брак... Допустив такой брак и то несомненное обстоятельство, что религия и законодатели всегда нормировали брачные отношения, можно создать такую картину. В далекие времена существования в этих странах общинного брака законодательство в целях предупреждения рождения детей в самые суровые месяцы зимы, декабрь и январь, когда при дикой некультурной обстановке могли гибнуть дети и роженицы, - пользовалось первыми неделями или, может быть, месяцами после выгона скота на летовки, март и апрель, как периодом разъединения мужского и женского элементов общины, запрещая под этой или другой религиозной формулой мужчинам посещение летовок. Цель этим достигалась. С прекращением общинного брака, когда о рождении ребенка кроме матери, мог заботиться и отец, когда обстановка естественно была улучшена, - правило непосещения мужчинами летовок теряло свой острый характер... и срок непосещения летовок сведен на одну неделю»... и далее он добавляет «... оговорюсь, что на свое решение я смотрю только как на догадку»[2].

Нам представляется, что «семидневный запрет» на посещение летовья связан в определенными пережитками глубокой старины, давно забытыми населением и восходящими к первобытному обществу, когда всякого рода табуации рассматривались как необходимые условия для безопасности людей и скота и были связаны с верой, что нарушение табуации повлечет за собой беды и для людей, и для скота. Этот зафиксированный для припамирских районов, согласно сведениям А.Е. Снесарева, обычай наблюдается «не только в Рушане, Шугнане и Вахане, но и в Ясине, Канджуте и других странах за Гиндукушем». Замечательный исследователь народов Средней Азии Е.М. Пещерева отмечает, что «семидневный запрет соблюдался также и некоторыми селениями в окрестностях Ургута Самаркандской области». Далее она сообщает, что «ни в верховьях Зеравшана, ни в Каратегине и в Гиссаре его, по-видимому, не было»[3].

---

[1] *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) – Вып. 1. – Сталинабад, 1953. – С. 81.
[2] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. – 1904. – № 93. – С. 427.
[3] *Пещерева Е.М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи // В сб.: «По Таджикистану». – Ташкент, 1927. Вып.1 – С.1-9; 49-52.

В этнографическом наследии А.Е. Снесарева существуют ценные материалы по истории различных направлений материальной и духовной культуры населения Памира. В газете «Туркестанские ведомости» в 1904 году опубликована очень интересная статья «Религия и обычаи горцев Западного Памира»[1]. Автор в начале статьи, давая характеристику таджиков верховьев Пянджа, отмечает их энергичность[2]. Далее А.Е. Снесарев излагает, что «внешние данные горца говорят путешественнику, что он попал не в страну тюрков, а в какую-то иную страну, для европейца родственную»[3]. «Наука, – отмечает А. Е. Снесарев, – признаёт эту народность упорным пережитком древнего арийского племени»[4], добавляя к этому он призывает к изучению языков и обычаев население края, таким образом, согласно его мнения, оно выведет вопрос об арийцах «из сфер кабинетной замкнутости на почву практическую и осязаемую»[5].

Относительно одежды горцев он отмечает, что местные ткани сравнительно редко окрашивали в полосатый или клетчатый цвет; большею частью их изготовляли из серого и черного цветов[6]. Рассказывая о религии таджиков Западного Памира, автор говорит о том, что среди них имел распространение исмалиизм[7]. Кроме того, он отмечает о существовании среди населения остатков огнепоклонства[8]. В частности, А.Е. Снесарев говорит, что в этих краях есть обычай – «не тушить дыханием огня»[9].

Согласно его мнению, в XII веке, спасавшихся от религиозных гонений, некоторые представители исмаилизма, из Ирана переселились на Памир[10]. Некоторые исмаилитские пиры об этом сообщали и другому русскому исследователю А. А. Бобринскому[11]. Но его мнение относительно того, что исмаилитские пиры «являются пережитками старых персидских фамилий»[12] не соответствует действительности. Согласно генеалогическим сведениям, исмаилитские пиры родом были из сайидов, по происхождению они не были персами и, их родословия доходила до дома Пророка.

---

[1] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира … № 89-90.
[2] Там же. № 90.
[3] Документ № 1. Из статьи *Снесарева А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Исмаилизм на Памире (1902–1931 гг.) Сборник документов. Ответственный редактор и автор введения А. В. Станишевский. – Л. 1962.
[4] *Снесарев А.Е.* Афганистан. Том первый. – М., 1921. – С. 113.
[5] Из статьи *Снесарева А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Исмаилизм на Памире (1902 – 1931 гг.). Сборник документов. – М., 1984.
[6] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи… № 89.
[7] Там же. № 90.
[8] Там же.
[9] Документ № 1. Из статьи Снесарева А.Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира.
[10] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. – 1904. – № 90; Документ № 1. Из статьи *Снесарева А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира.
[11] См.: *Бобринской А.А.* Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация графа А. А. Бобринского // Этнографическое обозрение. – № 2. – 1902. – С. 1–20.
[12] *Снесарев А.Е.* Афганистан. – Т. I. – С. 115.; См. также: Документ № 1. – Из статьи *Снесарева А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира.

В докладной записке А.Е. Снесарева о «закоте» (вид налога) в Западном Памире приведены материалы, которые характеризируют экономическое положение на местах[1]. Доклад А.Е. Снесарева даёт объективное объяснение причинам волнения местного населения против Бухарской администрации на Памире, увязывая это с пренебрежительным отношением бухарцев к местным традициям. Сам же автор, говоря словами А.Б. Алаева автор «относится к народным обычаям и верованиям с глубоким уважением, но без какого-бы то ни было преклонения. Он объясняет исторические причины того или иного варварского обряда, но не колеблясь называет его именно варварским»[2]. Автор, давая подробное описание состояния земледелия и скотоводства в крае, отмечает, что для удовлетворения внутренних нужд, население занимается выделкой сукна, тесемки, деревянных чашек, выплавкой железа и т.п.[3].

Большой фактический материал по этнографии края содержится и в других работах А. Е. Снесарева[4]. Барон А. Черкасов и А. Е. Снесарев, объективно описывали мангитские злодеяния и их грабительство на Памире, и именно их отчеты и донесения вынуждали российскую администрацию в Туркестане освободить памирские бекства от бухарского беззакония и обеспечить непосредственное их вхождение под юрисдикцию Российской империи. Барон А. Черкасов впервые поставил перед Российской администрацией на повестку дня вопрос о том, чтобы устроить на Памире продовольственные магазины, организовать бесплатную медицинскую помощь населению, открыть при Хорогском отряде школу для детей и вечерними занятиями для взрослых, формировать местную милицию, соединить Памир телефонной линией с Ферганой[5]. Автор уделяет внимание и семье и семейным отношениям. В частности, он говорит о существовании многоженства среди населения. Состоятельные люди имели по две жены, но таких насчитывалось немного[6]. О похоронно-поминальной обрядности он пишет, что жители Памира, как и вообще мусульмане, с появлением признаков приближения смерти у человека, спешили позвать халифу для чтения умиравшему больному в момент смерти напутственной молитвы. Халифа в таких случаях не читал, как обычно, а аккомпанируя на рубабе (струнный инструмент), пел какую-то секретную молитву. Как только соседи узнавали о происшедшем, они тотчас же спешили на помощь. Тело

---

[1] Документ № 23. – Зякет в Западном Памире // Сборник документов по истории Памира (1883–1931 гг.). ГА ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед. хр. 12. – ЛЛ. 174 – 193.

[2] *Снесарев А.Е.* Этнографическая Индия. – М., 1981. Предисловие А.Б. Алаева. – С.3

[3] Документ № 23. Зякет в Западном Памире // Сборник документов по истории Памира (1883 – 1931гг.) // ГА ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед. хр. 12. – ЛЛ. 186 – 187.

[4] См.: *Снесарев А.Е.* Северо-индийский театр (военно-географическое описание). – Ташкент, 1903. – 212 с.; Памиры. – Ташкент, 1903. – 134 с.; Восточная Бухара. Военно-географический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. –СПб., 1906. – С. 1 – 149.; Авганистан. Том первый. – М., 1921.

[5] Документ № 30. Отчет коллежского ассесора барона Черкасова о командировке в Памирские бекства Бухарского ханства в 1905–1906 гг. Декабрь 1906 г. // ГА ГБАО. – Ф. 25. – Оп. 3. – Ед. хр. 12. – ЛЛ. 284 – 286.

[6] *Снесарев А.Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира … № 90.

покойника, пока оно не застыло, выпрямляли, покойнику закрывали глаза, челюсть подвязывали, его обмывали, обвертывали в саван. Соседи помогали в копании могилы, в выносе тела покойника из дома и т.д.[1].

Что касается литературной деятельности А.Е. Снесарева, то она поражает многообразием, что нашло свое отражение в его публикациях по Афганистану и Индии. Среди них ценным исследованием является работа «Авганистан». В нем очень много этнографического материала, касающегося этикета, нравов народов Востока, состава населения Афганистана, язык, гостеприимство, отношение к женщине, религии, пища, одежда, жилища, материалы о таджиках, афганцах и других группах, населяющих его территорию, формах правления, хозяйстве, путях сообщения, границе и т.п.

По справедливому замечанию А.Е. Снесарева, одним из методов исследования быта народа является вопрос изучения характера и темперамента народа. «Говоря о характере и темпераменте народа, говорит он, мы должны взглянуть на прошлое народа, в его происхождение, в его религию и т.д., и там искать то определенное, что нация получила от предков»[2]. Самое важное, считает он, «надо искать, чистая эта нация или смешанная (то с какими народами)»[3]. И далее, что «только подробный антропологический и этнографический учет даст вам возможность ответить на многие из вопросов»[4].

Говоря о таджиках, он подчеркивает, что «горцы – народ, живущий между собою дружно и обычно скрытный. Коллективную тайну жители сохранить сумеют»[5]. В вопросе о народонаселении Афганистана он определяет: «три главные группы – группа афганская, иранская (или таджикская) и группа тюркская. Преобладающей, подчеркивает он, является группа афганская»[6]. При описании авганской группы, он подчеркивает, что часть их проживает в Афганистане, часть в Британской Индии, однако, он считает «целесообразным» изучать всех авганцев, так как у них «общая история»[7].

Относительно генеологии афганцев, он отмечает, одни говорят, что они происходят от «Авгана», бывшего главнокомандующего царя Соломона, другие – от Иеремии, сына Саула». Автор считает, что данное высказывание о предках народа – легенда, точно также, как и высказывание о том, что, якобы, «таджики Западного Памира - потомки Александра Македонского» также легенда[8]. Об антропологии афганцев – пишет, что они «высокого роста, мускулисты, красивы, с орлиными носами, с выдающимися скулами, с черной, редкой русой, длинной, густой бородой, с длинными до плеч

---

[1] Там же.
[2] *Снесарев А.Е.* Авганистан. Т. I. – С. 92.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 49.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 97
[8] Там же.

волосами»[1]. По характеру «авганцы свирепы, жестоки, алчны, жадны, тщеславны, кровожадны, фанатичны и вероломны». С другой стороны «они пылки, горячо преданы роду, племени, нации, радушные в гостеприимстве»[2] Отмечает, что по религии они сунниты и шииты, что знатные люди проживают в отдельном доме. У афганца «его женщины, семья, дети – замкнутый для вас мир»[3]. Странникам и путешественникам нужно иметь дело только с мужским населением.

Большой интерес у него вызывает положение женщины по Корану. Его интересует вопрос, почему женщины закрывают лицо. Причем отмечает, что в Ферганской долине Средней Азии существуют такие же обычаи – закрывать женщине лицо. Этот вопрос А.Е. Снесарев сводит к характеру народа, и говорит: «…Киргиз флегматичен, темперамента ровного, не ревнив, и женщина у него «открыта, можете с ней даже поговорить»[4]. «На Памире, благодаря разреженности воздуха и холода, житель его, каракиргиз, вял, страсти в нем нет и женщина ходит не только открытая, но даже сравнительно свободная в проявлении её чувств». И он предупреждает путешественников о сильном влиянии религии на их семейные обычаи. «Однако, говорит он,- хотя азиат остается азиатом, мусульманин в этом вопросе превалирует»[5].

Говоря о сфере деятельности его населения, он подчеркивает, что в области политики азиат слаб, в области религии прочен. И далее «нет лучшей лести для азиата, как доброе слово по адресу его религии»[6]. Он напутствует, что важным подходом к «человеку Востока» является «учитывать мусульманскую атмосферу, будете так поступать, как велит религия, насколько, конечно, это для вас можно». В связи с этим вопросом он приводит примеры таких востоковедов как Бернс, Кемпель, Александр Гарднер, Вамбери и других, которым приходилось выдавать себя за мусульман или же принять мусульманскую религию. Однако, советует: «от вас этой жертвы не нужно» поскольку данные этнографии, этикетные нормы поведения заменят это. «Вы, например, не пьёте вина, а одно из ваших доверенных лиц муссирует легенду, что вы мусульманин…и т.п. В связи с этим вопросом он приводит пример, что англичане дали ему лошадь, которая тут же свалилась и придавила ему ногу, в результате чего он слег в постель… а мусульмане за него молились в мечети, чтобы он выздоровел[7].

Затрагивая вопрос об этикете – отношениях с народами Средней Азии, подчеркивает, что, если соблюдать известный этикет, тогда можно достигнуть желаемых результатов. Приводя примеры этикета, пишет: «если вы князь на Востоке – человек большой как говорят здесь, вы должны

---

[1] Там же. С. 107
[2] Там же.
[3] Там же. С. 109
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 110.
[7] Там же.

соблюдать эту линию…идите впереди других, с лошади слезайте последним, выходя из дома или юрты, можете поворачиваться спиной к оставшимся; если же вы человек маленький, то и ведите себя скромно, как подобает маленькому человеку»[1].

О гостеприимстве народов Востока известно повсеместно, в том числе и А.Е. Снесарев в вышеуказанной работе отмечает «…Восток гостеприимен, и вы обязаны принять, а иногда даже пережить это гостеприимство; вы должны даже делать вид, что польщены этим гостеприимством, которое вам оказывают, вы никоим образом не имеете права от него отказаться»[2]. Во время гостевой трапезы у киргизов, отмечает: «Вам подается чашка кумыса, она пахнет потом, чашка грязна, но очень плохо, если вы её не выпьете до дна». Или в гостях у хозяина-киргиза после всего угощения – баранины, каймака, плова и т.д., «он искрошил баранину в тазу и четырьмя пальцами вложил» уважаемому гостю руками прямо в рот... «Пришлось этот «подарок» проглотить с благодарственной улыбкой на лице». И считает, что «с этим мы должны считаться, ибо только при такте, осмотрительности и многотерпии вы будете в силах достигнуть многого»[3].

Для нас особый интерес представляет раздел «Таджики».

Про них автор говорит, что таджики составляют в Средней Азии по преимуществу население горных местностей. «Наука признает эту народность упорным пережитком древнего арийского племени»-отмечает он[4]. Далее продолжает, что исторически эта группа обособилась процессом постепенного оттеснения её из богатых и доступных мест в менее богатые теми волнами победителей, которые «периодически катились по Средне-Азиатскому морю»[5]. И далее, что «таджики были вжаты в такие горные теснины, которые уже никого не интересовали или о которых было мало известно»[6]. Территорию, занимаемую горными таджиками в Средней Азии, он считает «самыми недоступными районами, как например, северная Индия с ее скалами и трущобами, трудные места Западного Памира, такие наиболее отдаленные от исторической дороги места, как Бадахшан, Газаристан, который также уединен от дороги народов, некоторые углы Гератской провинции, горные углы Восточной Бухары[7] и т.д.

Далее отмечает, что всего таджиков в Афганистане насчитывалось около одного миллиона и по численности занимали второе место после афганцев.

Они представляет собой определенно оседлое население, таджики занимаются земледелием и, хотя этот народ «загнанный и бедный, но он в высшей степени трудолюбивый, и продуктивность его народного труда очень

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 113.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.

большая»[1]. Об укладе жизни он говорит, что он довольно однообразный. Они живут поселками, приуроченному к месту возделывания полей. Количество домов зависит от её территории: если её площадь значительная, то группа домов большая, в других случаях поселение состоит из 2- 3 домов. Характер построек, форма дверей и окон, утварь, узоры занавесок и полотенец можно отнести к глубочайшей древности, поскольку этот народ загнан в трущобы и живет как его далекие предки: применяет те же покрытия жилища, древними приемами обрабатывает землю»[2] и т.п.

Относительно занятий говорит, как уже было отмечено выше, что они земледельцы. «Однако, - замечает он, - хотя земли у него немного, он обрабатывает каждую пядь этой земли с исключительной заботливостью, пухом взрыхливает землю, небольшое поле обкладывает камушками. Он возделывает различные злаки в зависимости от высоты расположения местности. На высоте более 9000 футов он сеет овес и гималайское жито, ниже - пшеница. Они – главные его питательные ресурсы», то есть пища у таджиков растительная. «На высоте 3-4 тыс. футов выращивают абрикос, виноград, арбузы»[3]. Орудием производства является соха; животным, которое обрабатывает землю является бык или лошадь, то есть все орудия производства старинные. Поэтому, при всей своей скупости и трудолюбии таджик не может накопить больших избытков.

Относительно религии отмечает, что если афганцы по толку являются суннитами, правоверными мусульманами, то таджики Афганистана являются также мусульманами, но шиитами, а очень часто представителями секты Моулаи или Измаилья. Насчет этого он говорит, что там, где население больше шиитское, они называют себя шиитами, а там, где больше сунниты, «беря на душу «грех», называют себя суннитами»[4]. «Как народ подневольный и угнетенный, пишет А. Снесарев, таджики Афганистана представляют собой тип глубоко замкнутого, скрытного и недоверчивого народа, они робки и нерешительны и, что касается военных действий, то таджик не любит воевать, но оборонять свой дом и хозяйство вполне в состоянии»[5].

Что касается семьи и семейных отношений, таджик – хороший семьянин, любит веселиться, танцевать, поделиться своим добром с другими, не только с близкими. Его духовный вождь – это ишан. «Ишаны это – главный двигатель жизни этого народа. Человека этого боготворят, его окружают вниманием и почетом, целуют его стремя, когда он едет верхом»[6].

Следующей большой этнической группой в Афганистане являются узбеки, которых здесь, по его сообщениям, насчитывалось на тот момент около 700-800 тысяч человек. Он говорит, что они кочевники, однако

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 114.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 115
[5] Там же.
[6] Там же.

начинается процесс из оседания. Он дает хорошие этнографические материалы о процессе оседания кочевников-узбеков в конце XIX века. «Процесс их оседания интересен», - отмечает он. «Сначала на зимовках начинают строить небольшие, глиняные постройки, и здесь временно пребывают со скотом несколько месяцев. Остальное время года кочуют». «Следующая ступень – улучшают постройки, делают их обширнее, прочнее и возвращаются к ним, т.е. к определенным местам, обязательно на следующий год; отправляясь кочевать, на зимовках оставляют большой и рабочий скот, оставляют прислугу. Та прислуга и те люди, которые тут остаются, начинают запахивать землю - сначала немного, затем все больше и больше. С расширением площадей запашки на зимовке остается все больше и больше людей и больше скота; со стадами начинает уходить на кочевки все меньшая и меньшая часть населения, причем сначала уходит более привилегированная, а рабочие остаются, а с развитием оседлости делается наоборот. Наконец, прежние кочевники положительно оседают»[1].

А.Е. Снесарев приводит немало сведений этнографического характера по Дарвазу, Ванчу и Язгулему, особенно по языку и говорам. Исследователь показывает переходный период восточноиранских говоров к новоперсидским языкам, особенно в Дарвазе. А. Е. Снесарев первым из исследователей обнаружил ванчский говор и процесс исчезновения одного из памирских языков в Ванче. К сожалению, он не записывал его образцы. Но несколько лет спустя И. И. Зарубин в известной мере установил старованчский язык[2].

Подводя итоги можно отметить, что дореволюционный офицер русской армии занимался глубоким и всесторонним изучением истории, этнографии, географии и политики Центральной Азии и сопредельных стран – Индии и Афганистана. А.Е. Снесарев был одним из первых профессоров-преподавателей Московского Института Востоковедения. Будучи начальником Памирского отряда с 1904 г. А.Е. Снесарев внес огромный вклад в изучение религии, семьи и семейных отношений, обычаев и обрядов, а также различных отраслей материальной культуры населения Шугнана, Рушана, Вахана и Дарваза современного Бадахшана.

Пирумшоев М. Х.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПАМИРА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Несмотря на кажущуюся природную изолированность, Памир всегда был и остался неотъемлемой частью таджикского народа, как в географическом, так и в историко-культурном понятии. В отличие от

[1] Там же. С. 116.
[2] *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. Военно-географический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. – Спб.,1906.

равнинных областей, часто испытывавших на себе последствие нашествий иноземных и чужеродных захватчиков, порою наложивших заметные отпечатки на сложившиеся веками культурно-бытовые традиции, горные таджики всегда оберегали и хранили те святые народные традиции, которые складывались веками. Они не могли остаться незамеченными русскими дореволюционными исследователями. В их работах часто встречаются не только сведения, характеризующие отдельные штрихи традиционной материальной и духовной культуры, но ощущается и чувство симпатии авторов по отношению к культуре таджикского народа в целом, а горцев Памира в особенности. Даже у тех, кто воздерживался дать только однозначно положительную оценку духовной и материальной культуры таджиков, все же перевес лестных отзывов всегда отчётливо прослеживается.

Достаточно в этом плане привести следующие слова известного русского востоковеда А. Миддендорфа: «Таджики, насколько мне известно, представляют единственный на нашей планете пример столь упорного существования, пробивающего себе путь, несмотря на враждебные в течение столетий воздействия против них. По своему устройству голова таджика представляет образ высокого благородства и ума; то же должно сказать и об их врожденных духовных способностях…

Чтобы составить себе понятие о духовных качествах таджиков, нам стоит только припомнить столь близко стоящих к нам евреев – с их большой нетребовательностью и хозяйственностью, никогда недремлющей страстью к наживе и наклонностью к торговле, с их неутомимой, лихорадочной подвижностью, приспособляемостью и находчивостью, с их способностями к духовной деятельности, к искусствам и наукам.

Но таджик еще более, чем еврей, с которым он так сходен во многих отношениях, отличается ловкостью и умелостью в ремеслах и промыслах, склонностью к домашней жизни и к усовершенствованию; но что всего более возвышает таджика над евреем – так это превосходные способности к земледелию и садоводству, его удивительная производительность на этом поприще, благодаря чему он сделался в Центральной Азии, среди чистейших номадов, учителем и защитником основы всего государственного благосостояния»[1]. К этим качествам у горного таджика прибавлялось еще искусство приспосабливаться к неприветливым условиям горной природы, малоземелья, что требовало максимально использовать все возможности для устройства семейной жизни. Но вся эта, на первый взгляд, монотонность в повседневной нелегкой жизни не могла отодвинуть на задний план заложенное от природы стремление горца к знанию к культуре и в целом – к духовному развитию.

Видимо, трудолюбие, оседлый образ жизни, жажда к знанию, некоторая языковая схожесть таджиков и русских (оба принадлежат к индоевропейской группе языков), близость антропологических показателей

[1] *Миддендорф А.* Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882. – С.399-400.

(арийский) и предположение сопричастности исторических корней в глубокой древности являлись побудительными мотивами усиления интересов русских исследователей к изучению истории и культуры таджиков в целом, а горцев Памира в особенности.

Ведь утверждение прекрасного знатока жизни и быта таджиков конца XIX – начала XX вв., военного чиновника и писателя, публициста Д.Н. Логофета о том, что « антропологические и лингвистические исследования Дарваза, Шугнана и Рушана могли бы в значительной степени рассеять туман, окружающий вопросы о происхождении славян»[1], не могут быть случайно выроненными словами.

Жители Памира по своей природе в ярко выраженной степени добродушн. «Они, – пишет А.К. Разгонов, – очень веротерпимы и совсем не фанатичны, русских они за неверных не считают и охотно с ними сходятся. При въезде на Памиры со стороны Восточной Бухары, донельзя фанатичной и нетерпимой, население Западного Памира производит на европейца в высшей степени отрадное впечатление. Население не бежит и не прячется, а наоборот, вас встречают с любопытством и любезно»[2].

Среди множества сведений, отражающих те или иные штрихи материальной и духовной культуры таджиков Памира, особый интерес представляют наблюдения известного востоковеда И.И. Зарубина. Он даже в простом общении таджиков видит высокую культуру традиционной манеры. «В обращении между собой таджики отличаются мягкостью и выработанностью манер, свидетельствующей о старинной культуре. Любопытно было смотреть на нашего проводника – киргиза: в присутствии таджиков он старался подражать им до мелочей, в манере брать еду, садиться, благодарить и т.д., явно признавая их превосходство»[3].

Как известно, наиболее заметными показателями материальной культуры любого народа являются градостроение, памятники архитектуры, прочие гражданские, культовые сооружения, да и жилищно-бытовые особенности сельского населения. В этом отношении следует исходить из сложившихся веками характерных черт материальной культуры горцев.

Все административные центры горных владений, несмотря на то, что они больше походили на большое селение, все же как административные центры они считались городами.

Как известно, при строительстве городов в Средней Азии придерживались традиционной планировки[4], согласно которой почти все города состояли из крепости (цитадель), шахристана (сам город) и рабата (предместье). Цитадель (арк) считалась центром города и находилась на возвышенной местности (чаще искусственной). Она была обнесена довольно высокой глиняной стеной. Вокруг нее располагался

---

[1] *Логофет Д.Н.* В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – СПб., 1913. – С.366.
[2] *Разгонов А.К.* По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – С. 101-102.
[3] *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этногорафии горных таджиков. Долина Бартанга. – С.111.
[4] См.: *Радлов В.* Средняя Зеравшанская долина. Отт. из: Записки РГО по отд. этнографии. – Т.6. – 1880. – С.19-21; См. также: История таджикского народа. Т.II, кн.2. – М.: Наука, – 1964. – С.293.

шахристан, так же обнесенный стенами, имевшими несколько ворот. Вне городских стен располагался рабад, занимавший обычно большое пространство. Важными отличительными элементами мусульманских городов являлись также соборные мечети и наличия базара[1]. С экономической точки зрения эти города были главными центрами ремесел и торговли.

Существенные отклонения от упомянутой планировки наблюдаются в горных городах Восточной Бухары и Памира, где наличие подходящего рельефа местности делало ненужными дополнительные фортификационные сооружения. В частности, кроме крепости (цитадели), города не были обнесены стенами.

Как известно, в средние века представление о городе как об административном центре господствовало на Востоке. В этом плане Памир, как и другие горные владения Восточной Бухары, не мог быть исключением. Даже принцип выделения города по наличию соборной мечети[2] исходил из восприятия его в первую очередь как административного центра[3].

Судя по описаниям русских авторов, все крепостные сооружения на Памире являлись каменными строениями и были похожи друг на друга. Видимо, с учетом реалии горной природы и не особое стремление владетелей к роскошной жизни, как это было в равнинных владениях, при построении крепостей всегда на передний план выходила их оборонительная значимость.

Указывая на сохранившиеся остатки полуразвалившихся замков-крепостей, И.И.Зарубин, пишет, что «они не так давно – всего лет двадцать назад – имели большое значение для населения, спасавшегося в них от постоянных набегов киргизов и афганцев. После занятия края русскими войсками замки потеряли свой прежний оборонительный характер, и жители пользуются ими как жилищами»[4]. Этот же автор на примере замка Кала-и-Вамар видел образец довольно добротного оборонительного, да и жилого строения. «Значительно лучше других сохранившийся и лучше построенный замок в Кала-и-Вамаре, – пишет он, – служил раньше резиденцией местного бега, ныне же, вместе с окружающим его роскошным садом, находится в ведении русской военной администрации Памира»[5].

Те же самые отпечатки горных условий наблюдались в типе сельских строений. Поэтому на территории Памира население разместилось крайне неравномерно. Среди огромного пространства, занятого горными хребтами и

---

[1] О научном определении города вообще и среднеазиатского в частности см.: *Литвинский Б.А.* Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. – Ереван,1973. – С.99-100; *Беленицкий А.М.* и др. Средневековый город Средней Азии. – Л.,1973. – 163 с.; *Пирумшоев Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – С.91.

[2] См.: *Мец А.* Мусульманский ренессанс. – М., 1973. – С.328-329.

[3] См.: *Беленицкий А.М.* и др. Средневековый город Средней Азии. – С.164-165.

[4] *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. – С.115.

[5] Там же. – С.116.

безводными пространствами, густо населены лишь речные долины и котловины с хорошими пастбищами или удобной для посевов землей[1].

Характеризуя типичные виды селений, в которых живут горцы и ведут свою хозяйственную деятельность Г.А. Арандаренко писал: «По количеству домов селения не велики (от 10 до 100 домов), но зато многолюдны, потому что у горцев совершенно не практикуется выдел из хозяйства женившихся сыновей, не практикуется раздел наследства, а действует кооперативный закон. Тип селений горных несколько иной, чем в долине, потому что не имеет дворов (в особенности в Дарвазе), а постройки связаны в одно не только в отдельном хозяйстве, но почти в целом селе. Сами постройки для людей и скота своеобразны, каркасные с толстыми стенами, низенькие, тесные, с одной общей плоской земляной крышей, с окном в потолке сакли для выхода дыма»[2].

Ту же картину русские авторы наблюдали и в других горных селениях Памира. К примеру, в Рушане жилые помещения с другими хозяйственными постройками были «расположены отдельно среди своих сказочно – миниатюрных пашен и нескольких кормильцев – урюковых деревьев». Их стены были сложены из камней и отштукатурены глиной. В каждом кишлаке имелись общественные дома – михман-хана. Складские постройки, где хранили зерно и другие продовольственные припасы, были сложены на каменных глыбах из мелкой гальки[3]. Этим способом они обеспечивали соответственные условия для более длительного и безопасного хранения продуктов.

Почти те же типы жилых помещений и других хозяйственных построек А.А. Бобринской наблюдал в Вахане и Ишкашиме. Он также пишет, что вокруг кишлаков обыкновенно растут деревья, ивы, тополя. В отличие от нижнепянджских селений, в Ишкашиме и Вахане меньше деревьев, но все же имелись «кое-какие фруктовые деревья, урюк, яблони и груши». Говоря о традиционных планах построек, он также отмечает их скученность, т.е. почти все строения жителей селения находились в одном небольшом пространстве прилепляясь друг к другу. Причину этой своеобразности автор видит в оборонительной необходимости. «Возводя подобные общие постройки, – писал он, – жители обеспечивали себя надежным убежищем на время смут, междоусобных набегов ближайших соседей; за одной общей стеной кишлаку легче и удобнее было укрываться и защищаться от непрошенных гостей»[4]. На наш взгляд, другая и не менее важная причина заключалась в сохранении пригодной к посеву земли, недостаток которой ощущался во всех районах Памира. Им же приводится подробное описание планировки жилых

---

[1] *Муханов.* Памирский район. – С. 5; *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа. – С.119; См. и сравн.: *Бахрамов З.* К вопросу о состоянии хозяйства Шугнана в дореволюционный период. – С. 11.

[2] *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане 1874-1889. – СПб., 1889. – С.461-462.

[3] *Баньковский В.* С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно // Туркестанские ведомости. – 1894. – № 13.

[4] *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа. – С.71.

помещений и других хозяйственных построек. По его наблюдениям, в среднем Вахане дома по размерам были сравнительно «прочнее, больше и чище, вообще богаче, чем в нижнем Вахане и в Ишкашиме»[1].

Несмотря на все трудности жизни, вытекающие из природных условий, патриархально-феодальный характер производства, изолированность от исторически сложившихся центров культуры таджикского народа, тяга к прекрасному всегда сопутствовала горца-таджика. Для русских путешественников, ученых, исследователей различных направлений науки, посетивших Памир, не остались не замеченными небогатые, но со вкусом сложенные внутренние убранства, деревянная хозяйственная утварь, резные колонны и потолки, которые на них держались.

Это, в частности, заметно по следующей довольно точной характеристике И.И. Зарубина: «Деревянные части жилища почти всегда покрыты резьбой. В особенности часто резьба встречается на перекладинах при входе и на перилах у нар. Орнаментированные двери я видел только в Кала-и-Вамаре. В соседних с Рушаном областях резьба по дереву распространена, по-видимому, не менее, В Кала-и-Хумбе (в Дарвазе) и в Поршниве (в Шугнане) я видел образцы замечательной резьбы»[2]. Разумеется, степень художественного колорита в доме зависела от положения его хозяина. Чем он зажиточнее, тем богаче и изящнее убранство дома.

Хотя в работах русских исследователей приводится множество сведений, в которых даются подробные описания традиционных типов жилых домов, их внутреннего убранства и культуры быта, тем не менее, наиболее комплексно и фундаментально данный вопрос исследован М.С. Андреевым. В его труде «Таджики долины Хуф», наряду с другими параметрами или направлениями этнографического исследования горных таджиков на примере жителей долины Хуф, крайне обширно и скрупулезно описывается жилищная культура горцев. В нем, по сути, в обобщающем виде можно проследить содержание работ предыдущих дореволюционных исследователей, так или иначе причастных к освещению вопроса[3].

Словом, судя по содержанию имеющихся сведений, русские исследователи с большой симпатией относились к изучению богатых традиций, нашедших отражение в памятниках материальной культуры, всвоеобразном искусстве строительства жилья, высокохудожественного ткачества, вязанья, гончарного производства, кузнечного, столярного, кожевенного и множества других видов ремесел.

Памирцы, являясь обладателями высокой духовной культуры, на протяжении многих веков, не зависимо от частых вторжений иноземцев – представителей чужих культур и традиций, всегда крепко сохраняли устои исторически присущей таджикской культуры. Свидетельство тому – богатое

---

[1] Там же. – С.72.
[2] *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. – С. 123.
[3] Подробное изложение вопроса см.: *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Вып.II. – С.420-471.

устное народное творчество (мифы, поверья, сказки, рассказы, анекдоты, притчи, устная поэзия), сохранившее свою свежесть до наших дней[1].

Хотя для многих русских исследователей, незнакомых с языком и местным диалектом, трудно было воспринимать смысл традиционного местного устного творчества и музыкальной культуры, те не менее, они с большим интересом, разумеется, в рамках своего восприятия, описали ласкающие слух мелодии, песни и манеру их исполнения.

Главными атрибутами праздников, свадеб[2], традиционных обрядов и других увеселений горцев являлись музыкальные представления. В равнинах и больших городах таджики пользовались многими разновидностями музыкальных инструментов. По наблюдениям А. Шишова, наибольшее распространение получили такие их виды, как нагара (барабан), карнай (медная труба), сурнай (кларнет), кошнай (две дудочки для перемены звука), чильманда (бубен, доира, даф), рубаб (многострунный инструмент), дутар (двуструнный инструмент), сетор (три струны), гиджак (скрипка), чанг и др.[3] Для горцев основными музыкальными инструментами служили сетар, рубаб, най (флейта медная или камышовая)[4], даф или доира, гиджак и др.

Трудности и монотонность домашних забот горца, в отличие от таджиков равнин, которые свое свободное время могли провести на базаре, в чайхане и других общественных местах, не позволяли ему отвлечься от реалий жизни. Но добродушные, веселые по своей природе и несколько свободные от жестких религиозных предрассудков[5] горцы не могли упустить возможности насладится близким сердцу и духовному восприятию народным искусством.

А. Шишов, довольно тонко заметив склонность горцев к музыке, пению и танцам, писал: «Изредка жители ближайших кишлаков собираются вместе и развлекаются музыкой, танцами и пением, которые они очень любят. Поводом для таких собраний большей частью служат свадьбы и праздничные дни. Мотивы песен очень мелодичны и отличаются задушевностью с непременным оттенком грусти. Песни отличаются задушевностью с непременным оттенком грусти. В них отражается угнетение материальное, отчасти зависть к живущим в довольстве и стремление освободиться от влияния тяжелых условий жизни и несправедливости судьбы. Воспевается в них так же неудовлетворенная любовь какого-нибудь молодца – джигита к девушке, которую выдают замуж за немилого или какой-нибудь одинокий горный цветочек… Кроме этих морализирующих

---

[1] См.: Сказки народов Памира / пер. с памирских яз, сост. и коммент. *А.Л. Грюнберга* и *И.М.Стеблин-Каменского*. – М., 1976; См. также: *Лашкарбеков Б.Б.* Рецензия на кн.: Сказки народов Памира // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С.180-181.

[2] О свадебных и праздничных традициях см.: Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (собраны *М.С. Андреевым* и *А.А. Половцевым*). – СПб., 1911. – С.12-16, 27-34.

[3] См.: *Шишов А.* Таджики. – С. 351-353.

[4] Там же. – С.353.

[5] См.: *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. – С.141.

песен, есть немало и веселых куплетов, воспевающих жизнь цветов, о прелести голоса влюбленного соловья, о семейной заботливости голубя»[1].

Как бы в подтверждение сведений данного автора И.И. Зарубин приводит свои впечатления от услышанных им песен при обычных посиделках. Согласно его мнению, голос у горцев довольно высокий. При пении им аккомпанируют один или двое на таких струнных инструментах, как дутар, сетар, рубаб или тамбур, с числом струн от 2 до 7-ми (похожих на русские балалайки или мандолины) и даф (бубна). В подобных собраниях часто принимали участие женщины и дети. Он особо подчеркивает, что «женщины вообще пользуются очень большой свободой, лиц они не закрывают никогда»[2].

А. Шишов также приводит убедительные примеры об умении жителей Памира танцевать исключительно грациозно. «Праздники, рождение, свадьбы и всякие собрания, – пишет он, – служат предлогом для танцев. Зрители становятся в круг, внутри которого музыканты садятся напротив старших и присутствующих. Инструменты настраивают, а в кругу совещаются, кто будет танцевать. Наконец, останавливаются на каком-нибудь, или же входит внутрь круга охотник и, дав знак музыкантам, начинает… Почти все они (танцы – М.П.) начинаются тихо, затем ускоряются, пока, наконец, танцующий не дойдет до наибольшей возможности быстроты; уставшего сменяют новые; часы проходят, а забава не надоедает ни исполнителям, ни зрителям. Танцующий выделывает ногами мелкие па, изгибается довольно грациозно корпусом в разные стороны, жестикулируя руками и ударяя в такт кастаньетами»[3]. В работах русских дореволюционных исследователей подобных примеров встречается немало[4].

Как известно, русские исследователи, посетившие Памир в конце XIX – начале XX вв., в силу не специальной подготовки и не владения местных диалектов, фактически не были знакомы с богатым литературным наследием народов Памира. Поэтому они порою довольствуясь изучением местной культуры и традиционного быта населения, чаще в этнографическом ракурсе, мало или почти не интересовались вопросом степени причастности таджиков Памира к развитию таджикско-персидской классической литературы. Между тем в XVI – XVIII вв. в Бадахшане и на Западном Памире было немало известных поэтов.

По данным известного таджикского литературоведа А. Хабибова, в XVI в. при дворе Бадахшанского владетеля Сулемана ибн Хонмирзо (или Джонмирзо) сформировалась замечательная школа поэзии. Помимо самого Сулейман-шаха и его сына Мирзо Ибрагима Вафои к этой школе имели прямую причастность поэты Восили, Амони, Сабухи, Мавлоно Матлаи, Мадхи, Сайиди Бадахшони и многие другие. 17 из сорока наиболее

---

[1] *Шишов А.* Таджики. – С.356-357.
[2] *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. – С.110-111.
[3] *Шишов А.* Таджики. – С. 357.
[4] Напр., об увеселительных танцах и играх см.: *Зарубин И.И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. – С.114-147.

известных представителей этой школы, переселившись в Индию, влились в ряды видных представителей персидско-таджикской литературы, живших и творивших в этой стране. Согласно изысканиям этого исследователя, в XXIII в. на Памире и в Бадахшане были известны 30 поэтов, 20 из которых имели тесную связь с поэтическими кругами Индии и других сопредельных стран. Общепризнанные поэты Бадахшана и Памира Гияси, Мирзо Сангмухаммад, Мирзо Андалеб, Ханджари, Ошик, Собит, Хусен, Ориф и десятки других оставили яркий след в истории таджикской классической поэзии[1].

В XIX – начале XX вв. получили широкую известность такие поэты, как Мавзун, Мухлис, Махфи, Мубораки Вахони, Джафар шах Абдуллах, Мирзоибод, Рубоби, Мулло Шамшери Вахони, Исои Шугни Фаррухшо, Кудрати Шугнони, Собири Андароби, Шохфутур, Муллои Теми, Мирзо Кучак, Шогун, Одили Шугнони, Мулло Давлатшох и многие другие.

Литературная школа Дарваза XIX – начала XX вв. также получила широкую известность за его пределами. О жизни и литературном наследии 32 представителей этой школы читатели получили знакомство благодаря усилиям А.Хабибова. Среди них особое место занимают Убайдуллох Хабои Дарвози, Лутфуллох Фитрати Дарвози, Наджии Дарвози, Гофил, Ёрии Ванчи (Мулло Ёр)

Следует отметить, что поэты Бадахшана и Западного Памира (Вахан, Шугнан, Рушан, Дарваз) в XIX – XX вв. установили более тесные связи с литературными кругами Бухары, а не Индии, как это было раньше. Причиной тому являлась колониальная политика британских властей и в связи с этим постепенное вытеснение таджикско-персидского языка, занимавшего к тому времени определяющее место в литературной жизни Индии.

Махмудова Н. С.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

КУЛЬТУРА И БЫТ КИРГИЗОВ ПАМИРА И ПРИПАМИРЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из положительных последствий включения Центральной Азии, в том числе территории современного Таджикистана, в состав России, явилось всестороннее изучение края русскими исследователями второй половины Х1Х и начале XX веков. Преодолевая неимоверные трудности, при отсутствии удобных и безопасных путей сообщения, представители прогрессивно-демократического направления русской науки изучали историю, культуру, этнографию, археологию, географию, языки, бытовые условия жизни народов Центральной Азии.

[1] Подробно см.: *Хабибов А.* Из истории литературных связей Бадахшана и Индии (XVI –XVIII вв.). – Душанбе, 1991. – 172 с.

Русские исследователи второй половины XIX и начала XX века, опираясь на доброжелательство, особенно поддержку местных народов, подвергаемые гонениям со стороны эмирских чиновников Бухарского и Кокандских ханств, не жалея ни времени, ни здоровья, расходуя собственные сбережения, совершали многократные поездки на Памир и Припамирье. Русские ученые и путешественники, посещавшие верховья Пянджа, накопили огромное количество достоверных научно важных и весьма актуальных материалов, относящихся к истории, культуре и быту народов Памира и Припамирья.

Академик Б.Г. Гафуров правильно отметил: «Выдающиеся представители отечественного востоковедения, создали традицию научной принципиальности, уважения к культуре, языкам, быту народов Востока, научной критики источников, накопили большой опыт исследования и публикации восточных текстов. Гуманистическая, демократическая тенденция в дореволюционном отечественном востоковедении послужила основой преемственной связи лучших традиций востоковедной науки».[1]

Русские исследователи не только говорили о том, что народы Памира и Припамирья имеют свою бурную историю, но и своими исследованиями впервые в истории науки доказали, что народы Памира и Припамирья являются творцами и обладателями огромных культурных ценностей, которые вошли в сокровищницу мировой науки.

В настоящей статье рассматривается освещение вопросов культуры и быта киргизов Памира и Припамирья в трудах русских исследователей.

Все исследователи «Крыши мира», в частности, М.С. Андреев, В.В. Бартольд, Н.Л. Корженевский, Б.Л. Громбчевский, И.И. Зарубин, Д. Логофет, А.Е. Снесарев, А. Серебренников отметили, что народонаселение восточной части Памира составляют киргизы, принадлежащие к монгольскому племени и ведущие кочевой образ жизни: «Памирский киргиз принадлежит к монгольскому племени и родствен киргизам, населяющим горные местности Ферганской области. У него некрасивое лицо с широкими скулами, с довольно сильно развитой бородой и усами, небольшой рост, широкие плечи».[2] Памирские киргизы принадлежат, главным образом, к следующим четырем родам: теит, кадырша, найман и кипчак, из которых первые два кочуют преимущественно в западной и юго-западной частях Памира, а последние держатся, главным образом, в северо-восточной части.

По справедливому замечанию Н.Л. Корженевского, весьма «тяжелые условия существования на Памире сильно отражаются на внешнем складе каракиргиза (тогда так называли киргизов Памира): он выглядит болезненным, со слезящимися глазами, заметно уступает Алайскому киргизу, более здоровому, крепкому и жизнерадостному типу».[3] Ряд авторов констатирует, что киргизы Памира, несмотря на их грубоватость, наивные, добрые, гостеприимные, честные, тихие и миролюбивые, вместе с тем воинственные. В большинстве случаев низкого роста, - сообщает К.К. Казанский, - неповоротливые и вялые в своих движениях, часто со следами хронических кожных страданий и глазными болезнями, по

характеру тихие и миролюбивые, алайские киргизы производят впечатление вырождающегося народа. Но на коне киргиз преобразуется. Весь он как бы подтягивается, в движениях его больше эластичности, держится он увереннее. Он лихой и неутомимый наездник, который не задумается ни перед каким расстоянием, и если потребуют обстоятельства, может совершить на своем невзрачном коне невообразимо-трудные и большие переходы.

«Удивительно симпатичный тип представляет собой киргизская женщина. Деятельная, работящая, терпеливая, веселая, приветливая. Она воплощает в себе светлые стороны жизни кочевника. В кочевом быту киргиза женщина - все. Она ходит за детьми, стряпает, стирает белье, ставит и убирает юрты, доит скот и т.п.».[4] Мужчины-киргизы делают очень мало и более легкую работу: сгоняют табуны к кочевую, ловят из них лошадей под седло, выезжают на 2-3 версты выбрать удобное место для кочевья и т.п. Большую же часть своего времени они проводят в дружеской беседе со знакомыми с соседнего кочевья, в поездках в гости, в разговоре у костра и вообще в безделии. Среди киргизских жен встречаются довольно красивые типы. Румяные, полные, с великолепными белыми зубами. Киргизки представляют полный контраст своим мужьям. Всегда в хлопотах по хозяйству, а иной раз и с грудными детьми на руках, киргизка никогда не теряет благообразного вида. На ней всегда чистая рубашка и вымытый халат.

Памирские киргизы живут в юртах.[5] В трудах русских востоковедов приводятся многочисленные примеры относительно форм и методов строительства юрт, жилища и утвари киргизов Восточного Памира. Памирские каракиргизы (так называли тогда киргизов Восточного Памира) отмечает Н.Л. Корженевский, - ютятся в жалких юртах. Представляет интерес сообщение Д.Л. Иванова о том, что киргиз-памирец до того кочевник и не любит ничего оседлого, что среди этих ветров и холодов он не подумал даже о возможности построит себе зимовки, и зимует всегда в тех же рваных кибитках, в которых живет и летом: мало того, даже эти кибитки он не обкладывает на зиму ни камышом, ничем другим. Вообще киргизы Памира - народ очень бедный. Разумеется, жилища более зажиточных представителей киргизов Памира своим благоустройством и, конечно, богатством утвари резко отличались от жалких юрт своих эксплуатируемых соплеменников.

Так, например, неоднократно посещавший юрты обитателей Восточного Памира Б.Л. Громбчевский, выступая как очевидец, более подробно, чем кто-либо, сообщает следующее о юрте зажиточного киргиза: «Против двери, посредине юрты, очаг, на котором догорают дрова или кизяк. За очагом разостланы кошмы - это лучшая, самая чистая часть юрты. Налево от двери кусок юрты отгорожен чиями (тын из стеблей камыша), за которыми уложена вся посуда. Дальше вокруг юрты на земле около стены сложены мешки с мукой, седла, одежда, кошмы, одеяло и другие предметы; с другой стороны дверей привязываются зимой внутри юрты овцы с молодыми ягнятами, не могущими перенести холода. Дальше люльки с грудными детьми. Верх юрты открыт, оставляя свободный выход для дыма. Кошмы на

четверть не достают земли. Это делается так для того, чтобы кошмы не гнили и в тоже время для того чтобы дым не застаивался в юрте. От верхнего круга спускаются толстые шерстеные пояса, служащие для подвешивания одежды и прикрепления юрты во время буранов к кольям, вбитых в землю. Вот и весь дом, в котором он родится, проводит знойное лето и зимнюю стужу и умирает. Он прост, легко собирается и перевозится на новое место и хорошо предохраняет от непогоды».[6]

Многие исследователи, в том числе И.И. Зарубин, А. Серебренников, В.Н. Никольский обращали внимание на одежду и украшения киргизов Восточного Памира. По их сообщениям, одежда киргизов состоит из длинных халатов (по-киргизски – чапан), сшитых из различных материй, начиная с дешевой крашеной маты и кончая шелковыми. Зимой одевались в шубы и рукавицы, большей частью некрытые из бараньего меха, хотя у богатых встречались шубы из более дорогих мехов.

Одеяние памирских киргизок было почти такое же, как у мужчин. Отличительной чертой одежды киргизок являлось то, что у них рубаха казалась несколько узковатой, а сапоги с громадными подкованными каблуками. Внимание почти всех посетителей Восточного Памира обратил на себя необычайный по своей форме головной убор киргизов. Голову кутали в нечто похожее на огромный белый тюрбан из белого полотна, почти шаровидной формы и сильно нависающий вперед, иногда с хвостом яка позади.

«Женщины – пишет Ю.Д. Головнина – уверяют, будто эти тюрбаны не очень тяжелые, но мешают они им, несомненно, так как они часто поправляют их руками, они даже выработали особую походку с наклоном вперед и выгибом спины для того, чтобы не цепляться в юрте ежеминутно своим убором. Из-под тюрбана с боков висят наушники, заостренные книзу и обшитые шнуровками и бляхами».[7] Нужно отметить, что одежда киргизки-женщины, по сравнению с одеждой киргизов-мужчин, была всегда чистой и вымытой. Волосы их всегда заплетены во множество длинных косичек с вплетенными в них украшениями. Киргизки украшали свои косы монетами и побрякушками, на груди и поясе также навешивали бляхи и украшения, на руки надевали серебряные браслеты, носили серебряные кольца, ожерелья из мелких серебряных монет и кораллов.

Немалое количество интересных и уникальных материалов относительно свадьбы и брачных обрядов киргизов Памира встречаются в публикациях русских востоковедов. Свадьба и брачные церемониалы жителей Восточного Памира - киргизов мало отличались от вышеизложенных свадеб и брачных обрядов таджиков Памира. Так, киргизы также очень рано женили своих сыновей, не спрашивали согласия молодых. Жених имел голос в том случае, если он самостоятельная единица, т.е. человек вполне взрослый, или женящийся во второй раз. Лишь один лицо, составляя объект всех этих манипуляций, не имел право голоса, а должно, как безгласное существо, повиноваться воле старших и соединить свою судьбу, сплошь и рядом с незнакомым человеком, - это невеста. Киргизы при заключении брака не

только не спрашивали согласия молодых, но и имели в виду, главным образом, равенство состояний, а не лет. Главные моменты свадебного ритуала у киргизов были следующие: были ли дети сговорены заранее или нет, но сватовство начиналось подарками со стороны жениха отцу невесты, последний был обязан одарить со своей стороны подарками родственников жениха. После такой церемонии, если не было ранее уговора, отец невесты собрав свою родню общим советом определяет количество выкупа невесты-калым и сроки его платежа. За невесту богатый жених платил калым в размере 80-90 руб., а бедные давали пару лошадей или яков. Чем невеста красивее, тем больше калым требовали за нее родители. Поэтому родители жениха старались выбрать своим сыновьям самых некрасивых и бедных невест, чтобы платить за них калым поменьше. Родители же невесты, наоборот, искали жениха побогаче, чтобы взять с них побольше калыма.

«Калым бывает, - писал Л.Ф. Костенко, - смотря по богатству, 120,60 и 40 баранов; кроме калыма жених должен дать еще бас (голова) и аяк-яхши (хорошая голова и хорошая нога); эти два рода подарков бывают, смотря по состоянию: бас-яхши- 9 верблюдов, а аяк-яхши-1 верблюд, лошадь, корова и оружие. Прежде бас-яхши составляли один или два невольника. Если люди победнее, то бас-яхши-1 или 2 верблюда и лошадь, аяк-яхши-лошадь, корова и халаты; наконец, обыкновенный бас-яхши-лошадь и халаты, и аяк-яхши-коровы, бараны и козы. После этого отец посылает за калымом в аул жениха и получает его по следующему расчету: за 120 баранов 80, за 60-40, за 40-27, потому что часть считается с будущим приплодом. Жених, уплатив калым или часть его, одарив родственников и заплатив аяк-яхши, сам везет, когда в первый раз едет к невесте, остальной яхши, называемый элу, и за это получает право посещать невесту ночью и прожить в ауле около трех дней, как будто тайно; при этом он прокрадывается в кибитку, а родители невесты делают вид, будто ничего не знают. С целью добиться права приезжать днем к невесте жених дает опять подарки: отцу-так называемый туймал, а матери невесты-выкуп за молоко-сют-аке. Цена туймала, зависит от материального состояния жениха. Сватовство длится иногда довольно долго, год и более; причем все угощения выпадают на долю отца невесты; только по истечении этого времени жених приезжает за невестой; для этого он одевается в свое лучшее одеяние, садится на лучшую лошадь и в таком виде приезжает в аул своей будущей жены. Здесь уже заранее приготовлена для него кибитка, в которую после молитвы муллы, т.е. собственно бракосочетания, вводят невесту к жениху и оставляют их наедине. Все эти приезды, конечно, сопровождаются пиршествами и угощениями (танцами, пайга, играми), но особенно страдает жених во время последнего посещения. Родственники невесты отбирают все: лошадь, одежду, оружие и т.д., кроме того, в течение всего сватовства, брат невесты имеет право воровать у жениха все, что ему угодно».[8]

Словом, отмечал Б. Громбчевский, калым окончательно разорял киргиза. Для освещения данного вопроса не без интересны и наблюдения И. Аничкова, который отмечает, что положение киргизки крайне ухудшается после смерти ее жениха или же мужа. По обычаю вдова принадлежала

всецело даже не семье, а роду, и должна была перейти к старшему родственнику, по восходящей линии, без всякого отношения к его возрасту или положению. Если она молода и красива, имела сыновей, имела состояние, т.е. то, что осталось от мужа, - она приобретала почетное положение в юрте нового властелина; в противном случае обращалась в вечную рабыню жен своего нового мужа. Часто можно было встретить юношу, который кроме собственной жены, имел еще старую жену, оставшуюся после умершего родственника. Он не может отпустить эту женщину, так как иначе пропадал бы калым. Особенно если у вдовы была дочь, за которую можно было своевременно получить новый калым.

Таким образом культура киргизов Памира и Припамирья последней четверти Х1Х-начала ХХ вв. представляла собой культуру феодальной эпохи, отражавшая уклад жизни, быта и духовного мира населения отдельно взятой части дореволюционного Таджикистана, с присущими ей самобытностью и региональным колоритом. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эта культура населения «Крыши мира» и ее округи стала предметом научного изучения и достоянием таджикской историографии лишь благодаря научному подвигу русских востоковедов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Гафуров Б.Г.* 50-летие советского востоковедения // Вопросы истории. – 1968. – №1. – С.57.
2. *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. – СПб., 1880. – С. 338.
3. *Корженевский Н.Л.* Очерк Памира. – СПб., 1909. – С. 14.
4. *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа. Очерки быта путевым заметкам А.А. Бобринского. – М.,1908. – С.89.
5. *Корженевский Н.Л.* Очерк Памира. – СПб., 1909. – С. 14.
6. *Акрамов Н.М.* Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе, 1974. – С.71.
7. *Головнина Ю.Д.* На Памире. Записки русской путешественницы. – М.,1902. – С. 134-135.
8. *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край // Материалы для географии и статистики Росии.Т.1-3. – СПб.,1880. – С. 342.

Абдукаримов Д.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВОСПОМИНАНИЯ АВТОРА «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» МУХАММАДА ХАКИМХАНА О РОССИИ

Внимание ученых, интересовавшихся уникальным источником «Мунтахаб-ат-таворих», привлекло и личность автора этого произведения.

Известные ученные, такие как В. А. Ромодин [5], А. Мухтаров [6], Р. Н. Набиев [4], Э.Хуршут [10], Х. Хасанов [8] и другие в своих работах приводят биографические сведения об авторе рукописи.

Автор сочинения «Мунтахаб ат-таворих» Мухаммад Хакимхан тура, сын Маъсумхана туры, был потомком одного из крупнейших наставников среднеазиатского дервишизма (суфизма – А. Дж.) XVI в. Махдума Аъзама (Ходжаи Касани). Маъсумхон тура занимал высокое положение (должность шейхулислама) в государстве во время правления сыновей Норбуты – Алимхана (1798 – 1810) и Умархана (1810 – 1822) и являлся их придворным советником [1, 34].

Мухаммад Хакимхан еще в молодости принимал активное участие в военных походах и охоте своих дядь Алим-хана и Умар-хана. Вращаясь среди представителей правящих кругов общества, Хакимхан посещал придворных поэтов, принимал участие в их сборах и собраниях. Он был одним из знатоков истории и литературы. Еще в молодости он в совершенстве овладел узбекским и таджикским литературными языками и, видимо, увлекался сочинением небольших стихотворений.

В первые годы правления Умархана им было отправлено в Бухару к Эмиру Хайдару посольство во главе с престарелым Тура Ходжой (дядей Маъсумхана со стороны отца), в составе которого находился еще юный Хакимхан. Ему было пожаловано в 1234 г. х. (1818 - 1819) в Ташкенте Умарханом должность накиба столицы [4, 6-8].

После смерти Умархана взошел на престол Мухаммадалихан (Мадали), который правил на протяжении почти 20 лет. Молодой хан сразу же невзлюбил Маъсум-хона и его сына Хакимхана. С приходом к власти в 1822 году Мухаммадалихана Хакимхан и его семья, наряду с некоторыми другими представителями окружения его отца Умархана, впали в немилость правителя. Время правления Мухаммадалихана отличалось от времени его предшественников тем, что попавших в немилость правителя лиц преследовали и изгоняли из страны. Молодой правитель Мадалихан отдалил многих от дворца, и в первую очередь, Маъсумхана шайх ул-ислама и его сына Хакимхана. Мухаммадалихан со своими людьми под предлогом паломничество отдалил Маъсумхана от дворца и выслал за пределы ханства. Это был простой способ отдаление их от страны, так как это путешествие, с одной стороны было очень долгим, с другой стороны очень опасным для жизни каждого паломника[9, 8].

Основные причины осложнения отношений Мухаммадалихана с семьей Хакимхана, ученые указывает по-разному. Некоторые из них считает, что близкие люди хана ненавидели большой авторитет их семьи во дворце. Другая причина, которые сам автор сообщает в своей сочинении является незаконное поступки самого Мухаммадалихана, который после смерти отца Умархана хотел жениться на его жене (мачехи). Это женщина была дочерью Саидгози Ходжа, выходца из Уратюбе, который имел близкие дружественные связи с семьей Хакимхана.

После того, как Мухаммадалихан избавился от Маъсумхана, скоро он взаялся и за Хакимхана. В начале, назначил его правителем Туракургана, Намангана и Касана. Спустя некоторые время он освободил Хакимхана от должности, и заключил под домашный арест [2, 150- 155].

После четырехмесячного домашнего ареста Хакимхан выехал из страны и семь лет, приблизительно с 1823 по 1830 годы проводил жизнь в скитаниях.

В сочинении Хакимхан подробно описал свои путешествия и представил на страницах своего произведения интересные сведение о России, стран Ближнего Востока, Египта, Сирии, Саудовской Аравии.

Эти путешествия позволили Хакимхану углубить свои знания и расширить свой кругозор, изучить русский, тюркский, арабский и греческие языки [8, 38- 39].

Воспоминание автора о России является ценным источником в изучении важнейших политических, экономических, общественно-культурных отношений в этой стране.

Мунтахаб ат- таварих превлекал внимание историков, литературоведов, географов, этнографов.

В своей статье З. Абдулазизова анализирует значение «Мунтахаб-ат-таварих» в изучении некоторых аспектов языковедения и таджикской литературы. В данной статье наряду с изучением путешествия Хакимхана, именно о его пребывании в России, отмечается, что знание русского языка и знакомства с реалиями российской жизни повлияла на язык этого сочинения. Хаджи Хакимхан использовал в «Мунтахаб ат- таварих» такие слова выражения и понятия, которые обогатили таджикский литературный язык. Например, *«Фаранг»*- здесь имеется ввиду Россия, «*фарангӣ*» - российский, «*фарангистон*» - Россия, «*аҳли фаранг*» - российский народ, «*лашкари фаранг*» - русское войско, «*фарангшаҳр*» - российский город, «*чизу ашёи фарангӣ*» - российский утварь. Эти слова и понятие не были знакомы населению Средней Азии в первой половине XIX века, это было новые понятия, которые Мухаммад Хаджи Хакимхан после долгих скитаний и путешествий по многим странам мира преподнее как дар своему народу [3, 216- 220].

Путешествие Хакимхана в России начинается с города Шамай (ныне Семипалатинск, Казахстан). Он описывает город так: «Я (ничтожный) наблюдал этот город, он был очень красив, и великая река со стороны Китая протекала рядом с городом. Все дома этого города построены из дерева…». Хакимхану понравились чистота города, искусство строительства, архитектура и план города. Он продолжил с любопытством изучать этот город.

Шамай считался одним из торговых городов приграничной России и в своем сочинении Хакимхан подробно отражает состояние рынков города и его торговые связи со Средней Азией…» [7, 334- 335].

Следующим городом по пути автора «Мунтахаб ат-таварих» был город Омск. Из слов автора известно, что город был очень большим и благоустроенным. В нем было более 50 тыс. жилых домов, и проживали здесь в основном русские [7, 334- 335].

По словам Хакимхана губернатор Омска отправляет письмо императору России с сообщением о прибытии в город Хакимхана. Возможно, получив сообщение, Александр I пригласил Хакимхана в Петербург, но тот как-бы отклонил просьбу императора.

После этого отношение губернатора к Хакимхану переменилось. Губернатор не отдает ему паспорт. Хакимхану с большим трудом удалось получить свои документы и после этого он направился в сторону Ирбит. Причиной этой поездки послужило то обстоятельство, что он испытывал материальные затруднение, а на рынке Ирбита один купец из Мавераннахра обещал ему долг в 500 золотых монет. Именно поэтому автор был вынужден поехать в сторону Ирбита [9, 15].

В своем сочинение Хакимхан подробно сообщает о ярмарках Ирбита, дает сведение о каждом ларке, товаров, место поступления товаров, с каких краев прибывают купцы, цены на товары. Как пишет автор на ярмарку в Ирбит съезжаются купцы из всех стран, очень много купцов из Мавераннахра. В центре города был большой рынок, где по обоим сторонам находились торговые ряды и ларки.

Хакимхан в Ирбите находился 17 дней, а потом направился в Оренбург. Губернатор города, узнав о прибытии Хакимхана, пригласил его в свой дворец. Имя губернатора этой области в сочинении автор не упоминает, скорее всего, это был П.К. Эссен (1817- 1830). [9, 15].

Приезд Хакимхана в Оренбург совпал с прибытием в город Александра I. В Оренбурге Хакимхан несколько раз встречается с русским императором. Свои впечатление о встречах он подробно описывает в своем сочинение. Император был с нем благосклонен и любезен, подарил ему дорогой перстень и пригласил его в Петербург. Конечно, такая любезность была не из-за проста, так как Россия уделяла особое внимание установлению дипломатических, политических и экономических отношений с Средней Азией. Такое отношение Александра I было определено тем, что он хотел получить сведения о политическом положении в Средней Азии и внутреннем состоянии края [2, 151].

Спустя несколько дней Хакимхан направился в Астрахань. По дороге он остановился в крепости Кабих на три дня. Этот крепость, по описанию Хакимхана, был большим и благоустроенным. От крепости до Астрахани было сорок дней. Через три дня он попадает в ужасную метель в степи и только через 10 дней скитаний с помощью попутчика старика попадает на берег реки Волга. На корабле Хакимхан прибывает в город, который не назван в его сочинении, но сообщает, что жителей этого города составляет калмыки. А через три сутки он попадает в Астрахань [9, 47- 50].

Из-за болезни он задержался здесь на 8 месяцев и многое выстрадал. В начале весны, выздоровев, он согласно своим целям и плану направился в

Иран. Но не смог уехать дальше Мозандарана, так как между Ираном и Россией сложились сложные отношения.

По этой причине Хакимхан продолжал свой путь по берегам реки Кубань, которую он описывает таким образом: “Этот город был красивым и архитектурно совершенным. Все его здания были из камня. Мастера так отшлифовали камень при подстройке, что кажется, сделано из одного камня. [7, 387].

Там он встретился с губернатором. Губернатор пригласил его к себе в кабинет. Хакимхан принимает его приглашение. Но там натыкается на неприятности. Так разворачивается события, что в него влюбляются дочь губернатора, но не добившись своей цела она клевещет на него. Слуги губернатора заключают его под стражу, и некоторое время держат его в тюрьме. Хакимхану удалось выйти из заключения благодаря помощи своего старого друга Малик Касима. Так заканчивается путешествие Хакимхана в России, и он уезжает в Турцию. После этого начинается его путешествие по странам Ближнего Востока [9, 55- 68].

Сочинение Хакимхана и его впечатления о путешествия по городам России и его личные наблюдение относительно политической, экономической, общественно-культурной жизни этой страны, очень увлекательны и имеет большую научную ценность в изучение некоторых исторических моментов, связанных с отношениями среднеазиатских ханств с Россией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абдукаримов Дж.* Биографические сведения об авторе Мунтахаб-ат-таворих // Тезисы доклада научной конференции молодых ученых. – Душанбе, 11-19 мая 2004 г.

2. *Абдукаримов Ҷ.* Хотирахои муаллифи «Мунтахаб –ут -таворих» Муҳаммад Ҳакимхон доир ба кишвари Русия// Номаи донишгоҳ. 2007. № 2 (15). – С. 150- 155.

3. *Абдулазизова З.* Изгнание Мухаммада Хакимхана в Россию и его вклад в таджикскую литературу// Вестник университета.- 2011.- № 3 (34).- с. 216- 220.

4. *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худояр-хана). – Ташкент, 1983. – С.360.

5. *Ромодин В.А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI – XIX вв) в рукописных собраниях Ленинграда. – М.,1960. – С.200.

6. *Хакимхан.* Мунтахаб-ат-таворих. (подготовка факсимильного текста, введение и указатели А.Мухторова). в 2 книгах. Кн.1. – Душанбе, 1983. – С.24-35

7. *Хакимхан.* Мунтахаб-ат-таворих. (Извлечение из летописей). – Токио (Япония), 2006, - 716с.

8. *Хасанов Х.* Фаргоналик сайех // Фан ва турмуш. – 1963. – № 8. – С.38-39.

9. Хотираҳои Муҳаммад Ҳакимхон дар бораи сафари Русия (баргардонанда аз ҳуруфи арабиасоси тоҷикӣ ба кириллӣ, ба чоп ҳозиркунандаи матн, муаллифи муқаддима, тавзеҳот, луғатнома, феҳрист ва замима Ҷамолиддин Абдукаримов). – Хуҷанд, 2013. - С.104

10. *Хушрут Э.* Хакимхоннинг хаети ва саехатлари. – Ташкент: Фан, 1987.

Очилова М. И.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ «АЛ-КАШШАФ» ДЖАРУЛЛАХА ЗАМАХШАРИ

В Хорезме родился и вырос Великий мыслитель и филолог – Махмуд ибн Умар Джаруллах Замахшари (1075-1144), оставивший после себя замечательное наследство: много филологических, дидактических и художественных книг. Но Замахшари чтим не только как филолог и поэт. Академик И.Ю. Крачковский высоко ценил Замахшари и как ученого – географа, трудам которого он посвятил отдельное исследование.

Однако самым известным его произведением является тафсир – комментарий к Корану - «аль-Кашшаф ’ан хакаики-т-танзил ва ’уюн ал-акавил фи вуджухи-т-та‘вил» (Раскрывающий истину откровения и слова в путях толкования) или (Освещение истины откровения и источники раздумий по пути толкования). Этот комментарий является одним из авторитетнейших мутазиллитских толкований Корана, почитаемых среди суннитов, в котором он отвел важную роль филологической стороне комментария. Комментируя избранное им название своего произведения, во введении он упоминает: «… группа собравшихся предложила мне, чтобы я написал для них комментарий о раскрытии откровений Корана и истинных смыслов при толковании» [1 с.3]. Однако название «ал-Кашшаф» взято из подлинной рукописи автора, написанное его рукой, в которой указано: «Эта копия с подлинной рукописи, переписанной с черновика, написанного в Мекке» [1 с.4], то есть в той рукописи указывается именно это название.

Также в некоторых печатных изданиях произведения добавлено слово «غوامض», означающее неясность и непонятность, после чего название произведения обрело форму «ал-Кашшафу ан хакаики гавамизи-т-танзил ва уюнил акавил фи вуджухи-т-таъвил». Именно это название упоминает в своем произведении «История арабской литературы» К. Брокельман [1 с.216]. К. Брокельман также приводит сведения о наличии множества рукописей книги во многих библиотеках мира.

«ал-Кашшаф» издавался несколько раз, в том числе в 1276 г.л.х. в городе Калькутта (Индия), в 1281 г.л.х в Булаке, в 1307-1308 г.л.х с дополнениями Али ибн Мухаммада ал-Джурджани, в 1318, 1319, 1344 л.х в Каире, в 1354 г.л.х был издал вместе с книгой «ал-Интисаф» Ибн Мунира Искандари и с комментариями ал-Марзуки и «ал-Кафи-ш--шафи фи-тахриджи-л-ахадиси-л-Кашшаф» Ибн Хаджара Аскалани [2 с.242]. Последнее издание книги осуществлено в 2002 году Суннитским Центром Баракат Разои Хинд под редакцией Мухаммада Абдусалама Шахина с указанными выше комментариями.

1) Автор в подлинной рукописи об истории написания книги отмечает следующее: «… Автор закончил книгу напротив Каабы, в доме Сулеймания, находящегося рядом в медресе Аллама утром в понедельник 23 рабиулавваль 528 г.л.х [11 с.2].

Перевод комментария осуществил и опубликовал современный иранский ученый Масуд Ансари в 2012 году в издательстве Кукнус в четырех томах. Перевод книги осуществлен по бейрутской копии (Дар-ул-китаб-ул-араби).

2) Во введение комментария Замахшари упоминает, что он закончил книгу во времена правления халифа Абубакра Сиддика. В 526 г.л.х, по возвращению в Мекку, он начал написание книги и оставался в Мекке в течение трех лет. Книга является комментарием священного писания, написанного в различной стилистике: иногда толкование осуществляется путем грамматического анализа, в некоторых случаях стилистикой поэтической речи и изложения, однако в большинстве в ней преобладает философская сторона. По указанным стилистических особенностям толкование «ал-Кашшаф» отличается от других комментариев и является одним из комментариев, в котором наибольший акцент делается на риторические красоты текста в подтверждение теории о «неподражаемости священного Корана». Автор истолковал многие коранические аяты, прибегая при этом к метафорам, аллегориям и красноречивым оборотам, что в целом направлено им для демонстрации стилистической неподражаемости Корана и совершенства его божественной поэзии. [8 с.443]. По вопросу причин написания книги исследователи высказывают различные мнения. Некоторые враждебно настроенные ученые утверждают, что комментарий написан для расспространения идей мутазилизма. Однако сам Замахшари во введении книги приводит несколько причин написания им книги:

1) Группа близких ему людей спрашивали его объяснить им комментарий к некоторым аятам священного Корана. Во время изучения некоторых смыслов их удивление и растерянность возростала, поэтому они попросили автора написать книгу для пояснения некоторых непонятных для них аятов Корана.

2) Когда Замахшари ехал в Мекку, по пути ему встречались люди, жаждавшие слышать комментарий Корана из его уст, так как они были наслышаны об учениках Замахшари, наслаждающихся у источника его

познаний. Чтобы утолить жажду страждущих божественное слово, он начал писать “ал-Кашшаф”.

3) Когда он прибыл в Мекку, Имам Абухасан пришел к нему и сказал: “Избавь народ от жажды, удовлетвори их желание, напиши толкование!”.

Эти факторы обусловили желание Замахшари написать “ал-Кашшаф”. Он был почитаем среди десяти лучших ученых, которых арабы называли “эрудит или знаток”, поэтому при написании книги старался делать умозаключения по толкованиям аятов, опираясь только на истинный, первозданный ислам [1 с.6]. Однако, по нашему мнению, существовало два основных фактора, подвигнувших Замахшари к написанию толкования:

1. В те времена он являлся одним из выдающихся ученых, прославившихся в различных науках, поэтому он видел свою миссию в написании книги, подтверждающую его научную и даже религиозную компетентность.

2. Он считался одним из лучших знатоков грамматики и риторики, осведомленность в которых являлись обязательным для толкователей.

3) Определить точную стилистическую принадлежность автора в книге представляется невозможным, поскольку в некоторых случаях его считают языковедом, в других - ритором и часто называют ортодоксальным мутазилитом. Неудивительно, ведь Замахшари в “ал-Кашшафе” выступает как ярый мутазилит и приверженцем рационализма, по мнению которого разум стоит всегда на ступень выше сунны, иджмаъ (единого мнения) и кияс (сравнение по аналогии) [1 с.511]. Он превратил страницы толкования в поле битвы своего убеждения, сделал книгой, содействующей в понимании и разумении мутазилизма.

В пояснении и комментарии аятов им было избрано несколько методов:

4) Толкование начинается с названия священной суры, количества ее аятов, места ниспослания - Мекка, либо Мадина. Иногда приводятся сведения о причинах ниспослания. Далее Замахшари толкует суть аята посредством грамматики и риторики, для пояснений неясных и непонятных смыслов методами дискуссий и прений, и также указывает некоторые другие вопросы, сопутствующие поясняемому смыслу. Пояснение происходит путем вопроса и ответа на него по вопросу какого-либо смысла. Вопрос начинает так: «Если сказать так…» и наряду с этим отвечает: «Я скажу…».

5) Замахшари уделяет большее внимание некоторым священным аятам, суть которых ясна и которые обосновывают мутазилитское учение, называя их мухкам (ясный), а те аяты, которые не соответствуют мутазилитскому учению, называют мушабих (неясный, труднопонимаемый). Подобное отношение явно указывает на религиозную приверженность Замахшари. Но, так или иначе, везде Замахшари по мере сил, старался истолковать их и с точки зрения грамматики, и оценить степень метафоричности, хотя не гнушался использовать некоторые не совсем обоснованные и иногда просто сочиненные хадисы [1 с. 115; 256; 509].

6) Анализирует известные варианты коранического чтения и посрдетсовм их толкует содержание аятов.

7) Комментирует Коран непосредственно самим Кораном, особенно в тех аятах, где содержание не относится к мутазилитскому учению или их источникам [1 с.330]. Также при толковании сур приводит в качестве примера хадисы Пророка (с) и повествования ученых сахабов и последователей и излагает суть отменяющих (насих) и отмененных (мансух) аятов [1 с.477; 598].

8) Часто прибегает к богословским вопросам и воззрениям ученых, также использует предания, которые не противоречат убеждениям, однако он вполне лоялен и не имеет ярой фанатичности к своему ханафитскому течению [1 с.238; 281].

9) Часто пользуется заимствованиями из пророческих хадисов и исраилият. В некоторых случаях приводит в качестве примера слабые по достоверности хадисы, иногда тематические, в частности те, что восхваляют суры, при этом в начале добавляет оборот «рассказывают, что…».

Несмотря на то, что «ал-Кашшаф» откровенно выражает мутазилитские идеи, этот комментарий Корана является одним из важнейших канонических произведений, в котором уделено огромное внимание лексикологическим и художественным особенностям.

Замахшари гордился написанием собственной книги:

Толкований множество в мире для слов,
Но клянусь, нет подобного, как «Кашшаф».
Ищешь истины путь, взгляни на «Кашшаф»!
Словно лекарство невежеству «Кашшаф» [4 с.491].

Некоторые ученые высказывают односторонние мнения о научной ценности произведения Замахшари, к примеру, что:

1) «ал-Кашшаф» диктует только мутазилитские убеждения [6 с.170], несколько снизившие степень его значения. Замахшари в «ал-Кашшафе» основывает доводы исключительно только по Корану, что несколько противоречит другим течениям. Вследствие этого ученые-богословы противились приверженности этому течению. Вследствие того, что Замахшари уделил огромное внимание стилистическому обрамлению и красноречию, ученые предупреждали верующих не увлекать свой разум прекрасным изложением. Поэтому ибн Таймия предупредил верующих о ложных, необоснованных толкованиях и отметил, что: “... Некоторые толкователи уделяют внимание красоте изложения, красноречию и не замечают глубокой ереси, а люди не знают об этом, ибо они простодушны. Одно из таких толкований “ал-Кашшаф”. Поэтому появляются неверные, неправильные убеждения”. Другой ученый Балкайни приводит: “Из “ал-Кашшафа” путем исследования я нашел мутазилитские убеждения”.

2) В большинстве случаев, он отказывается от содержания хадисов, дошедших из уст Пророка (с) и в толковании аятов опирается на разум, к примеру, в толковании аята 47 суры Марйям [1 с.21].

3) Замахшари не уделяет внимания изложению хадиса, временами в книге встречаются слабые по степени достоверности хадисы, допускающие непростительные ошибки. Можно наблюдать это в хадисе, о

правдоподобности которого может быть известно только Богу: “Каждый родившийся на свет ребенок, иблис массирует его и при рождении он кричит и стонет, лишь только сын Марйям - Иса избег этого прикосновения”. Иногда Замахшари дополняет достоверные и совершенные хадисы своими нововведениями. Это можно наблюдать в хадисе об утонувшем Фирауне.

4) Другой аспект, которому Замахшари не уделил достаточного внимания, это использование необоснованных и сочиненных хадисов. Он приводит в конце толкования каждой суры некоторые необоснованные и сочиненные хадисы о достоинствах сур, что можно наблюдать например в конце суры Ал Имран [5 с.460]. От Пророка Аллаха пришло предание, где сказано: «Тот, кто читает суру «Ал Имран», с прочтением каждого аята, будет спасен от моста, ведущего в геенну». В другом хадисе Пророка (а) сказано: «Тот, кто прочитает в пятницу какую-либо суру, в котором один раз упоминается Ал Имран, Господь и ангелы то захода солнца будут посылать ему милость» [9, т.1. с.55]. Также он приводит хадис в прославление сура Таха: «Тот, кто читает суру Таха, до судного дня ему будет дана милость переселенцев и помощников» и многие другие подобные хадисы.

Замахшари во введении книги приводит: «Величайшие мудрецы и толкователи преданий, проповедники, лексикографы и языковеды не могут почувствовать тонкость и изящество Корана, не будучи осведомленными в двух науках: в науке о смыслах и в науке об изложении (красноречии)». Замахшари в толковании коранических аятов использовал художественные приемы, риторику и красноречие, лексикографические особенности слова, поэтические отрывки.

Следует отметить, что изучение особенностей красноречия и риторики, науки о пояснении важно для постижения истинного смысла Корана и нравственного воспитания общества, вследствие этого исследование данного вопроса имеет глубокую актуальность в современный период.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абулкасим Джаруллах Махмуд аз - Замахшари.* Толкование ал-Кашшаф / *Абулкасим Джаруллах Махмуд аз - Замахшари*. – Бейрут-Ливан: Дар-ул-фикр, 2006. – Т.1.2. – С.588-659.

2. *Абдулатиф ибн Мухаммад. Асмау-л-кутуб* / Абдулатиф ибни Мухаммад. – Бейрут: Дару-с-сакафах. Год издания отсутствует. – 415 с.

3. *Брокельман К.* История арабской литературы / *К. Брокельман*; арабский перевод доктора Рамазана Абдултавваба. – Каир: Дар-ул-маариф, 1974. – Т.5. – 388 с.

4. *Ёкут Хамави*. Муджам-ул-удаба / Ёкут Хамави. – Бейрут: Дару-л-кутуби-л-илмияти, 1991. – Т.1-5. -1433с.

5. *Имам Хаджи Халифа*. Кашф-уз-зунун / *Имам Хаджи Халифа*. – Бейрут: Дар-ул-фикр, 1982. – Т. 2. 2056 с.

6. *Ибн Халикан*. Вафаят-ул-аян / *Ибн Халиквн*; под редак. доктора Эхсана Аббаса. – Бейрут: Дару-с-содир, 1977. – Т.5. – 357 с.

7. *Исмаил Бухари*. Сахих -ул-бухари / *Исмаил Бухари*. – Мактабату Миср-Каир, 2007. – №4/137. – Т.1. – 704 с.

8. *Мухаммад ибн Ахмад аз-Захаби*. ат-Тафсир вал муфассирин / *Мухаммад ибн Ахмад аз-Захаби*. – Бейрут, 2000. - Т.1. -460 с.

9. *Салих ибн Азмуллах ал-Гамиди*. Ал-масаил-ал-иътизалияти фи тафсири-л-Кашшаф ли-з-Замахшари / *Салех ибн Азмуллах ал-Гамиди*. – Бейрут: Дару-л-андалус, 1238. – Т.1.

10. *Муслим Абулхасан*. Китоби фазоил, глава об Исе (а) / *Муслим Абулхасан*. – Бейрут-Ливан: Дар-ул-кутуб-ил-илмияти, 1992. – 1787. – №4/1838. – Т.4.

11. *Кази Ашур, Бибимарям Шари*. [Электронный ресурс] – ashurghazi@yahoo.com. 15 Обони 1380.

Комили А. Ш.
(г. Бохтар, Республика Таджикистан)
Эркаев С. А., Одинаев А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)
Эркаева Н. С.
(г. Ипсиланти, США)

РОЛЬ РОССИЙКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА

Присоединение Центральной Азии к России во второй половине XIX века дало возможность русским ученым и специалистам шире развернуть изучение края. Позитивные тенденции наблюдались в общественно-политической мысли, народном образовании, научной жизни, литературе и искусстве, а также в быту и семейном укладе. Однако, прогрессивные тенденции в культуре таджикского народа в этот период развивались довольно медленно и непоследовательно, ибо им приходилось сталкиваться с сопротивлением феодально-клерикальных элементов, антинародной политикой царского правительства и бухарских эмиров. Изучая данную проблему можно сказать следующие: как в иностранной и русской дореволюционной, так и в советской, в том числе независимой историографии, проблемы истории присоединения или завоевания Средней Азии, в том числе роль русских специалистов – ученых в изучении истории края получило широкое освещение.[1,75] Опубликовано большое количество работ и в Средней Азии, и в России. Но оценка этого события в разные периоды была неоднозначной. Например, русские дореволюционные историки и исследователи стремились отразить этот процесс как благородное, гуманистическое действие передовой цивилизованной страны по отношению к отсталым народам с целью приобщения их к мировой цивилизации. А советские же ученые, оценивая этот акт как проявление реакционной политики России, в то же время отмечали его прогрессивные

последствия. В советский период всё было подчинено главной задаче – теоретическому обоснованию необходимости включения среднеазиатского региона в революционную ситуацию, в последующие преобразования и строительство социалистического общества на территории Средней Азии и в Таджикистане. Изучаемому периоду (более 150 лет) толкование этой проблемы несколько раз изменялось, например, до конца 30-х годов XX века ученые – историки применяли в основном термин «завоевание Средней Азии со стороны Россией», в послевоенный период в историко-научных трудах утвердилось другое понятие – «присоединение Средней Азии к России». Несмотря на это велика роль русских специалистов в изучении истории и культуры народов Центральной Азии, в том числе таджиков.

Русские ученые специалисты утверждают, что в этот период государственные научно-исследовательские учреждения в Туркестанском крае в целом не функционировали. Поэтому научная и изобретательская работа проводилась в основном любителями, энтузиастами и различного рода обществами, которые существовали на мизерные средства, отпускаемые меценатами, а со стороны царской администрации не находили никакой поддержки.

Надо отмечать, что однако, несмотря на эту культуртрегерскую политику властей русские ученые специалисты внесли солидный вклад в изучение края: его истории, этнографии, археологии, природы, ремесло, естественных богатств, культуры и быта народов края. Имена В.И. Ленина, В.В. Бартольда, А.А. Семенова, М.С. Андреева, Б.А. Федченко, В.Ф. Ошанина, А. Куна, А. Половцева, Н.Л. Корженевского, В.Л. Каморова, Н.А. Зарудного, В.Л. Вяткина, Л.С. Берга. Б.А. Литвинского, А.Ю. Якубовского, Е.Э. Бертельса, П.П. Иванова, О.Д. Чеховича, Е.А. Давидовича, И.С. Брагинского, Э.А. Грантовского, В.А. Ранова, В.А. Рамодина, И.М. Оранского, А.П. Окладникова, С.П. Толстова, В.М. Массона, А.Н. Бернштама, Э.А. Грановского, И.М. Дьяконова, В.А. Лившица, И.В. Пьянкова, Е.А. Давидовича, Б.И. Маршака, А.М. Беленицкого, И.Ю. Крачковского, М.Н. Боголюбова, Б.А. Антоненко, К.П. Марсакова, Л.П. Сечкина и многих других русских специалистов исследователей навсегда вписаны в историю науки и научной мысли народов Центральной Азии и Таджикистана. И они вписаны золотыми буквами в историю народов Центральной Азии и таджикского народа. Изучение исторических источников продолжается в современном этапе.

Немало сделали русские ученые специалисты и для изучения современного Таджикистана. Труды Б.Л. Громбчевского, И.И.Зарубина, А.А. Семенова, А. Серебренникова, А.Е. Снесарева, М.С. Андреева, К.Г. Зелемана, В.Л. Комарова, А.И. Райковой, Д.Л. Иванова, К.И. Богдановича, С.П. Михайловского, посвященные исследованию истории, культуры, ремесел Памира «Крыши мира», не потеряли своей ценности и по сей день. [2, 5]. Заметки, статьи и труды русских специалистов

являются фундаментальными источниками по изучению истории и культуры Таджикистана.

Источники подтверждают, что значительный интерес вызывали работы археолога В.Л. Вяткина, открывшего в 1908 г. остатки знаменитой обсерватории Мирза Улугбека вблизи Самарканда, в древнем Афрасиабе. Публикации А.А. Бобринского «Горцы верховьев Пянджа», А.А. Семенова «Этнографический очерк Зарафшана, Каратегина и Дарваза», А. Серебренникова «Очерк Памира», А. Шишова «Таджики». В.В. Бартольда «Таджики», первые этнографические исследования М.С. Андреева, А. Куна, А. Половцева, И. Зарубина раскрыли перед читателями новые страницы истории и культуры таджикского народа на исходе XIX – начале XX века. И надо отметить, что отдельные любители старины из представителей местного населения принимали участие в качестве проводников организуемых русскими востоковедами, путешественниками, археологами, этнографами, ремесленниками, любителями, историками, географами, биологами экспедициях. Это проблемы для специального исследования.

Велико роль русских специалистов в изучении истории и культуры Таджикистана. Например, академик АН Таджикской ССР А.А. Семенов (1873 – 1958) был одним из первых, кто посвятил себя профессиональному изучению истории, этнографии, археологии, ремесел, языков, письменных источников, памятников археологии, искусства, традиций, обычаев и обрядов таджикского народа в малоисследованном регионе мира, каким в конце Х1Х – начале XX веков являлся юго-восток Бухарского эмирата, так называемая Восточная Бухара. Личная жизнь и научная работа ученого нередко переплетались в процессе создания различных культурно-просветительских, образовательных и научных обществ и подразделений, подготовки местных национальных кадров в Таджикистане. Она является научной школой для будущих таджикских специалистов.

Ещё один факт, к этому периоду относится научная деятельность всемирно известного русского и советского востоковеда, историка, этнографа, члена-корреспондента АН СССР М.С. Андреева (1873 – 1948). Значение его работ в научном исследовании истории и этнографии народов Среднеазиатского региона в конце XIX – первой половине XX вв. (в том числе изучении истории, культуры и этнографии таджикского народа) трудно переоценить. Он совершил ряд научных поездок в Среднюю Азию, включая и регионы нынешнего Таджикистана, для изучения истории, культуры и этнографии народов Средней Азии. Он является основателем этнографического кабинета (впоследствии сектора) и музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии АН РТ. Михаил Степанович работал в Ходженте заведующем вечерними курсами для местного национального населения.

В числе русских специалистов А.А. Семенов и М.С. Андреев были одним из основных учредителей и активных участников научной организации «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей

за его пределами» организованного в 1925 году в городе Ташкенте.[3. 85.169].

Несмотря трудные социально-экономические и культурно-политические условия в этот период был организован ряд научных экспедиций. Прочные основы географического изучения края заложил известный географ П.П. Семенов-Тяньшанский. Ученые историки-востоковеды В.В. Бартольд, М.С. Андреев, А.А. Семенов изучали историю, ремесло, этнографию и культуру народов края. Продолжал плодотворно работать над физико-географическим изучением Памира Н.А. Северцев, русский ученый А.П. Федченко первый исследовал Ферганскую долину и Алай, открыл на Заалайском хребте высочайший пик (ныне пик Самани), обследовал Кара-Кумы и Зеравшанскую долину. И.В. Мушкетов составил первый список туркестанских минералов и вместе с Г.Д. Рамоновским – первую геологическую карту Туркестана. В.Л. Вяткин первым изучал археологию края, открыл остатки обсерватории Улугбека и многое другое. Экспедиции осуществлялись в невероятно трудных условиях бездорожья, в непроходимых горах и пустынях, с весьма примитивным оборудованием, на скудные средства и с опасностью для жизни. В 70-х годах XIX века по инициативе географов А.П. Федченко и В.Ф. Ошанина был создан местный отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, который организовал экспедицию антрополога Л.В. Ошанина в Каратегин и на Памир, ботаника А.Э. Регеля – по исследованию верховьев Амударьи, Каратегина и Дарваза, флора территории современного Таджикистана изучалась ботаниками В.Л. Комаровым и В.И. Липским.

Надо отметить, что проникновение передовой русской культуры в край подрывало догмы реакционной религиозной идеологии в Центральной Азии и в Таджикистане. Под влиянием русской прогрессивной общественно-политической мысли в Средней Азии возникло течение, известное под названием просветительство и джадидизм. В среднеазиатских городах начали работать русские врачи, на железнодорожном транспорте появились русские инженеры, наконец, в Туркестан высылались политические ссыльные, которые приобщали население края к революционной идеологии. В 1868 г. в Ташкенте была открыта первая типография, а позднее типографии и литографии появились и в других городах края. В Туркестане начали печататься книги, выходить газеты и другие периодические издания. В 1870 г. в Ташкенте открылась Туркестанская публичная библиотека, за ней – библиотеки в других городах. Все эти и другие научные центры играли большую созидательную роль в изучение истории, природы и культуры народов края. Эти дало возможность для развития туризма и развития ремесел в Центральной Азии, в том числе в Таджикистане.

По архивным материалам известно, что в 1871 г. было создано Среднеазиатское научное общество, ставившее своей целью сбор и публикацию данных по истории и этнографии края. П.С. Савельев и П.И. Лерх собирали материалы по нумизматике, В.В. Григорьев издал ряд трудов по древнейшей истории края, академик В.В. Вельяминов-Зернов

изучал историю Бухарского эмирата и Хивинского ханства, русские путешественники по Средней Азии В.Л. Вяткин, М.С. Андреев, И.В. Мушкетов, Б.А. Федченко, В.Н. Наливкин, М.И. Чайкин, Б.А. Кирхгоф, Д.Л. Иванов и другие вели регистрацию археологических памятников, изучали древние города, собирали этнографические, археологические, исторические, культурные и социальные, географические, скотоводческие, земледельческие, ремесленные, экономические данные о населении в Центральной Азии и в Таджикистане.

Исторические источники утверждает, что в начале 1897 года по инициативе В.Ф. Ошанина и С.И. Жилинского было организовано Туркестанское отделение Русского географического общества, которое проводило работу по научному изучению края. Кроме того, в Средней Азии были созданы отделения Русского технического общества и многие другие. Большое значение в изучение истории края и для развития астрономии в Средней Азии имело основание в 1873 г. Ташкентской астрономической обсерватории и крупную роль в научной жизни края сыграли созданные тогда же метеорологическая станция, биологический, этнографический, исторический и археологический музеи. Они стали фундаментом по научному изучению Таджикистана.

Видно, что с каждым годом расширяются исследования природных ресурсов и богатств Средней Азии, истории, ремесел, быта и культуры ее народов. Ученые-энтузиасты создают новые научные общества: Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, Туркестанское медицинское общество, Общество естествоиспытателей и врачей Туркестанского края и многие другие. Русскими учеными был опубликован целый ряд научных трудов в области естественных наук к ним относились ботанические исследования В.Л. Каморова и И.А. Райковой, работы геологов Д.Л. Иванова, К.И. Богдановича, С.Н. Михайловского и Д.В. Наливкина, выявивщие некоторые особенности рельефа и геологии Памира и Центрального Таджикистана, работы М.А. Менабира «Зоологические участки Туркестанского края» и Л.С. Берга «Рыбы Туркестана» и др.

Надо отмечать, что по истории края вышли труды историка А. Шишова «Таджики», крупного востоковеда В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «К истории орошении Туркестана» и ряд других. В тот же период была изданы первые монографии по этнографии таджиков: «Горцы верховья Пянджа» и «Орнамент горных таджиков» А.А. Бобринского, написанные на основе большого полевого материала, собранного автором. Крупный историк А.А. Семенов публикует два тома «Материалов для изучения наречий таджиков Центральной Азии», «Туркестанский сборник» 48-й том и «Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза», «Материальные памятники иранских культуры в Средней Азии» и др. Появляются работы будущих известных этнографов М.С. Андреева «Руководство для первоначального

обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище». «Деревянная колона в Матче», «Таджики долины Хуф» «Материалы по этнографии Ягноба», А.А.Половцева «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии» [4, 8, 20], И.И. Зарубина «Сказание о первом кузнеце в Шугнане», «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги», «Орашарские тексты», «Бартанские и рушанские тексты и словарь», «Список народностей Туркестанского края», «Очерк разговорного языка самарканских евреев», А.Е. Снесарева «Краткий очерк Памира», «Памиры», «Североиндийский театр». Б.Д. Громчевский участвовал в экспедициях и исследует Кашгара, Тянь-Шана, Памира, Тибета, Гиндукуша и определил 14 астрономических пунктов, 158 высот, сделал сотни фотографий, собрал коллекции, вел этнографические наблюдения[5, 117] и другие.

В заключении нужно отметить, что роль русских специалистов, ученых – историков, востоковедов, географов, путешественников, археологов. этнографов, биологов, зоологов, антропологов велика в изучение истории, ремесел, природы и культуры народов Средней Азии, в том числе Таджикистана. Присоединение Средней Азии к России дало возможность русским ученым шире развернуть изучение края, организовать ряд научных экспедиций и многое другое. Можно сказать, что они именно основали фундамент развития туризма и ремесел на будущие в Центральной Азии и в Таджикистане.

Особо надо отметить, что в результате благотворного влияния русской научной мысли и культуры в конце XIX – начале XX века произошли заметные изменения в жизни и быту местного населения, это прежде всего сказалось на устройстве жилища, домашней утвари, одежде, ремесленном производстве, сельскохозяйственных процессах и культурах. Таджикские мастера – строители, работая в русских поселениях вместе с русскими мастерами, заимствовали у них многие строительные приемы и это сильно отразилось на современном этапе. В богатых домах вместо прежних решеток, оклеенных промасленной бумагой, стали появляться стеклянные окна. Вместо сальных свечей в городах входят в обиход керосиновые лампы и даже кое-где – электричество. Прочно вошли в быт местного населения русские самовары и различная посуда промышленного производства. Местные жители стали пользоваться фабричной писчей бумагой и металлическими перьями, часами, швейными машинами, граммофонами и др.

Надо признать, что после присоединения Средней Азии к России в научно-культурной жизни таджикского народа произошли определенные изменения. Они были связаны с тем, что таджикская национальная культура и духовная жизнь народа, соприкасаясь с культурными ценностями других народов Российской империи и, в первую очередь, русском народом, обогащалась, в чем-то видоизменялась по форме, не теряя, однако при этом своего национального колорита и национальных черт, унаследовавших от предков и в этом направлении также очень большую роль играли великие русские ученые, путешественники. Они изучали историю и культуру народов

Средней Азии и одновременно помогали в подготовке национальных научно–педагогических кадров и высококвалифицированных специалистов для отраслей народного хозяйства Таджикистана. И это направление хорошо представлено на современном этапе.

В современном этапе подписаны многочисленные двухсторонние договоры по социально-экономическому и культурно-политическому направлению (экономики, социальные вопросы, миграции, открытие ВУЗов, учеба, культуры, просвещения, проведения дней культуры и литературы и др.). Все это укрепляет более 150-летние взаимоотношения между двумя государствами, давними стратегическими партнёрами и союзники по многим глобальным проблемам Россией и Таджикистаном.[6] Из сказанных видно, что роль русских ученых специалистов в изучении истории и культуры Центральной Азии, в том числе таджиков, велика. И они создали условия для развитие туризма и ремесло в этом древнем крае земли. В этом направлении имеют большой значение заслуги Возрождателя независимости республики, Основателя мира и национального согласия – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, которые признаны как в стране, так и за рубежом. По предложению Президента РТ 2018 год объявлен Парламентом страны Годом развития туризма и народных ремесел. Это имеет большое значение и становится одним из основных направлений развития экономики государства в дальнейшем будущем. Из истории следует, что регион Центральной Азии является центром мировой цивилизации и народных ремесел, таджикский народ в древности занимался более 400-ми ремеслами. Основные примеры виды древних ремесел хранятся в музеях мира.

Таджикская нация, имея древние традиции и богатую культуру, внесла достойный вклад в мировую цивилизацию. Они были включены в международный перечень - (праздники Наврӯз, Мехогон, Сала, Оши Плав, Саразм, Помирские горы, Шашмакам и др).

Велика роль российских специалистов в изучении истории, социально-экономической и культурно–политической жизни таджикского народа, туризма, видов ремесел, свадебных, праздничных, похоронных традиций, обрядов, обычаев и культуры всех народов Таджикистана.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Хайдаров Г.Х.* История таджикского народа XX век. – Худжанд, 2001. – С.72.

2. *Раджабов З.Ш.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половины XIX и в начале XX вв. – Таджикгосиздат, Сталинабад, 1957. – С.5.

3. *Эркаев С.А.* Труды А.А. Семенова как исторический источник // Вклад академика А.А. Семенова в изучение истории и культуры таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 2014 (292 с.); *Эркаев С.А.* М.С. Андреев – историограф истории таджикского народа // Научный вклад Михаила

Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. – Душанбе: Дониш, 2013. – 222 с.

4. *Додхудоева Л.* Научное наследия А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе. 2013. – С.8,20. *Эркаев С.А.* Саразм – один из центров мировой цивилизации // Согдийская правда, № 70 (16676). 18 августа 2018 г.

5. *Махмудова Н.С.* Культура и быт населения Памира и Припамирья в последней четверти XIX – начале XX вв. (По материалам русских востоковедов). – Худжанд, 2010. – С.117; Согдийская правда. 21 июня 2016 г. (С.А. и А.С Эркаев)

6. *Гафуров Б.* Таджики. – Москва, 1972; Народная газета. 29.05.2014; 05.09.2018.

Турдиев Т.М., Муинова З.М.,
Охунова С.А., Ходжаева А.Х., Ашурова Г.А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОЛИНЫ ГОРНОГО ЗЕРАВШАНА

Средняя Азия является одним из важнейших очагов человеческой культуры.

На территории Средней Азии еще до нашей эры существовал ряд могущественных государств, как, например, Согдиана в бассейне реки Зеравшан, Бактриана по средней Аму-Дарье и другие, являющиеся древнейшими государствами предков современных среднеазиатских народов. Средняя Азия видела много завоевателей, таких как персидский царь Кир, Александр Македонский и др.

В VI-IV вв. до нашей эры Средняя Азия входила в состав огромного ахмеденского государства царя персов Кира, куда входили также Бактриана, Согдиана и Хорезм.

Весной 322 г. Александр Македонский начинает свой поход в Среднюю Азию, он захватывает столицу Согда Мароканду (Самарканд). Вся территория по правым притокам Аму-Дарьи была захвачена македонцами. Согласно легенде Александр Македонский доходил до верховьев Зеравшана, о чем говорит и название озера Искандеркуль ("озеро Александра").

Горная часть Зеравшанской долины в средние века была хорошо известна арабам как горнопромышленный район, где добывались золото, серебро, олово, купорос, железо, нашатырь и медь.

В 1220 г. Самарканд был завоеван монгольскими захватчиками, которые разрушили большие города, цветущие оазисы и нанесли народам Средней Азии огромный урон.

После распада монгольского государства в XIV и XV вв. в Средней Азии возникла мощная империя Тамерлана. Ее столицей был г. Самарканд. После смерти Тимура (1405 г.) его империя распадается.

Первые географические сведения о Средней Азии можно найти в письменных памятниках древней Греции, Рима, трудах китайских и особенно среднеазиатских и арабских ученых.

Начиная с XVI в. между русским государством и Средней Азией бурно развиваются торговые и политические отношения. Экономические и политические интересы послужили в XVII в. поводом к расширению связей между Московским государством и Среднеазиатскими государствами; за это время были посланы из Средней Азии в Москву и в пограничные русские города 16 посольств, главным образом для заключения торговых договоров и освобождения невольников.

В XIX и в начале XX веков Средняя Азия и, в частности, Зеравшанская долина исследовались специалистами - географами, ботаниками, геологами и другими учеными. Изучение Средней Азии и в том числе долины горного Зеравшана русскими учеными активизируется после присоединения ее к России.

Царское правительство не проявило большой заинтересованности в постоянных и разносторонних исследованиях Средней Азии и они были организованы уже после Октябрьской революции. Но включение Средней Азии в состав царской России не могло не повлечь за собой накопления новых сведений о природных условиях и природных богатствах Туркестана, что явилось одним из значительных достижений русской географической науки. Много в этом отношении было сделано Туркестанским Отделом Русского географического общества.

История исследования долины горного Зеравшана разделяется на два этапа: а) дореволюционный этап и б) этап советских исследований.

Характеристика этапов исследования бассейна и отдельно долины Горного Зеравшана нашла отражение в работах Ставиского Б.Я (1961г), Тагаева З (1971 г), Эшонкулова У (1989 г).

Анализ названных работ автору позволил использовать их в качестве ориентира для поиска необходимых материалов, а также в качестве источниковедческой базы.

В течение несколько лет авторы работалы в долине Горного Зеравшана в составе международной экспедиции лаборатории горных геосистем ИГ РАН (рук. Ю.П.Баденков и А.Н.Гуня). Среди членов экспедиции были зарубежные ученые-географы из Германии, Нидерландов, Великобритании, Франции и других стран. В задачу экспедиции входило тщательное изучение земле- и ландшафтопользования на двух иерархических уровнях: региональном в Зеравшанской долине и локальном в долине р. Ягноб, потенциального использования природных ресурсов, системы расселения и ее природной детерминированности, характера и изменения использования земель, через призму традиционного и импортированного природопользования и основных факторов антропогенной нагрузки,

ландшафтно - экологического опыта местных жителей, этнических особенностей и др.

Чрезвычайно ценную информацию дал анализ по литературным источникам научных работ по долине реки Зеравшан (Андреев М.С., Алибеков Л.А., Аминов П.А., Абульхаев Р.А., Баратов П., Бушков В.И., Вирский М.М., Григорьев Ю.С., Давыдов А.С., Закиров К.З., Комаров В.Л., Кун А.Л., Колесник, Леонтьева Р.С., Нарзикулов М.Н., Поляруш Е.И., Преображенский В.С., Пещерева И.А., Ратьковский С.П., Селиванов Р.И., Сидоренко Г.Т., Соколов Ю.А., Соболев Л.Н., Смирнов О.И., Тагаев З.И., Федченко А.П., Щукин И.С., Эшонкулов У , Ямпольский Э.В. и др.).

Холматова М. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ПОЗНАНИИ ВЕЛИКОГО ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОГО УЧЕНОГО НАСИР-АД-ДИНА ТУСИ

«Насир-ад-дин Туси был энциклопедистом в полном смысле слова, и круг его материалов охватывал все науки, как специфически мусульманские, так и точные. В области точных наук ему действительно принадлежат новые обработки произведений почти всех крупнейших ученых античного мира, которых знали арабы; именно в его обработках пользовался ими мусульманский Восток почти до наших дней. В частности, он оставил новую редакцию «Альмагеста», которая почти вытеснила все предшествующие».

(И.Ю. Крачковский)

Хаджа Насир-ад-дин Туси относится к плеяде выдающихся средневековых ученых энциклопедистов, внесших значительный вклад в развитие таджикско-персидской науки и арабо-мусульманской культуры. Многочисленные труды этого разностороннего ученого по философии, логике, теологии, истории, социологии, космологии, биологии, этике, географии, музыке, оптике, медицине, минералогии, физике, математике, тригонометрии, астрономии, теории музыки, литературоведении, поэзии, наукаведении и других составляют ярчайшие страницы истории мировой науки. Благодаря своему плодотворному творчеству он удостоился высоких званий и прославился как Хаджа, Мухаккики Тус (Исследователь Туса), Устади Башар (Учитель человечества), Муаллими солис (Третий учитель), Шохи улум (Король наук), Ходжаи коинот (Господин вселенной) (3,5).

Большинство ученых утверждают, что Мухаммад ибн Мухаммад ибн Хасан Абу Джафар Туси (1201-1274), известный под псевдонимом Насир-ад-дин, родился в 597 г.х./1201 в Тусе. Как упоминает сам Хаджа Насир-ад-дин Туси в предисловии своего тракта «Зиджи Илхони», он был родом из Туса: «Я, нижайший раб Насир, являюсь из Туса». Однако, иранский ученый Икбал

Ягмаи, уточняя место рождения ученого пишет, что Хаджа Насир-ад-дин Туси родился в одном из поселений Кума под названием Джахруд. В дальнейшем его семья переехала в Тус, где он провел значительную часть своей жизни (1,3). Там же в раннем возрасте начал учебу, изучив Коран, хадисы, логику, философию, математику, медицину и астрономию. Его первыми учителями были его отец и дядя по материнской линии – Нуриддин Али ибн Мухаммад. У него были и другие учителя – известные ученые того времени. Он брал уроки по математическим наукам, философии и астрономии у Абда аль-Камалуддина Мухаммада аль – Хасиба и Фаридуддина Домода, по медицине у Кутбуддина аль – Мисри, по высшей математике у Камал ад – Дина ибн Юнуса, по мусульманскому праву у Абулмуина Салима, по религиозным наукам у Аби Садата Исфагани. Согласно источникам, он пополнял свои знания, посещая, как это было принято в его время, известные научные центры, такие как Хамадан, Тус, Нишапур, Рей, Ирак.

Все писавшие об ат-Туси, отмечали его широкую образованность в различных областях знания. Как отмечает Хаджа Икбал Ягмаи: «Ему не было и двадцати лет, когда он овладел математическими науками, астрономией, религиозными науками и мусульманским правом, логикой и философией. Он любил этику и соблюдал предписания морали. Другими словами, он был обладателем нравственных достоинств и всех видов знаний» (1,4).

В то время, когда Насир-ад-дин Туси занимался усовершенствованием своих познаний в Нишапуре, Хорасан подвергся нашествию монголов. Именно последствия этих монгольских завоеваний усилили поток беженцев, подхвативший и многих суннитских ученых Хорасана, укрывавшихся в низаритских городах и крепостях Кухистана. Это обстоятельство вынуждает Насир-ад-дина Туси принять приглашение правителя Кухистана Насир-ад-дина Абд ар-Рахима Абу Мансура Мухаммада аль-Мухташама (ум.597/1257), и найти убежище в крепости.

В течении длительного пребывания в Кухистане ат-Туси сблизился со своим патроном, который сам был достаточно образованным человеком. В знак признательности ат-Туси посвятил своему другу обе свои важнейшие работы по этике, «Ахлаки Насири» и «Ахлаки мухташам». Прибыв в Аламут, ат-Туси был благосклонно принят самим низаритским имамом и пользовался его милостью вплоть до момента сдачи крепости монголам. Около 30 наиболее плодотворных лет своей жизни ат-Туси провел в низаритских крепостях Персии. В это время он написал многочисленные труды по астрономии, теологии, философии и многим другим дисциплинам. К этому же периоду относятся такие его работы, как «Луга смирения» («Равзат ат-таслим») – его главный исмаилитский трактат; «Созерцание и действие» («Сайр ва сулук») – его духовная автобиография, в которой объясняет, как пришел к пониманию авторитета наставника – низаритского имама времени; а также ряд менее пространных сочинений со следами влияния исмаилизма.

Анализу истинной религиозной принадлежности ат-Туси посвящено несколько его биографий, появившихся в наше время (6, 230). Учитывая

особенности карьеры ат-Туси, его вклад в развитие общественной мысли исмаилитов, его длительное пребывание среди низаритов, и в целом либеральное отношение последних к не исмаилитским ученым, жившим среди них, представляется вполне обоснованным предположение о том, что ат –Туси мог добровольно примкнуть к исмаилизму в какой-то момент своего общения с низаритами. Нет оснований считать, будто его насильно удерживали в крепостях низаритов или что он был принужден к принятию исмаилизма, что вообще явилось бы беспрецедентным случаем анналах этого вероучения. И все же ат- Туси вернулся в иснаашаризм, примкнув к монголам, покровительство которых он в последствии снискал.

После падения Аламута ат-Туси по настоянию монгольского завоевателя во имени Хюлегу-Хан, стал его доверенным советником и придворным астрономом. В дальнейшем он соорудил для него знаменитую обсерваторию в Мараге (Азербайджан). Ат-Туси состоял также на службе у Абака приемника Хюлегу-Хана по монгольской династии Илханидов, продолжая научные и философские изыскания. Дослужившись у Илханидов до должности визира, он умер в Багдаде в 672/1274 году.

Последующие столетия, многочисленные работы видных исследователей только лишь подтвердили справедливый, объективный характер, восторженных отзывов современников, возвеличивших ат-Туси как всестороннего ученого-энциклопедиста, научный гений которого опередил время на века.

Известный востоковед, И.Ю. Крачковский (1883-1951) в своем фундаментальном труде «Арабская географическая литература», до сих пор не утратившим актуальность как ценного источника по вопросам средневековой мусульманской географии, картографии и астрономии, характеризует ат-Туси не только как выдающегося ученого-энциклопедиста, но и как самоотверженного организатора науки, добившегося значительных успехов в сложнейших условиях монгольского господства: «Период, сопровождавшийся гибелью и разрушением ряда памятников культуры, тем не менее, смог создать и выдающиеся произведение того типа, о котором мы говорим, «аз-Зидж ал-Илхани» - «Ильхановские астрономические таблицы»; он мог создать и учреждение, достойно продолжавшее традицию «домов знания» ал-Мамуна, и ал-Хакима, - знаменитую обсерваторию в Мераге. И таблицы, и обсерватория связаны с именем одного из крупнейших ученых мусульманского мира. Насир-ад-дина ат-Туси (1201-1274). В европейской научной литературе имя его иногда передается в форме Насир-ад-дин, но, как показал Наллино, это основано на недоразумении и, согласно с общепринятой восточной традицией, его почетным прозвищем надо признать единственно Насир-ад-дин. Он был двуязычен, писал по-арабски и по-персидски и в одинаковой мере может считаться представителем арабской и иранской культуры» (2,111-112).

Так же важно отметить, что первый выпуск серии «Средневековые арабские и персидские рукописи физико-математического содержания в библиотеках бывшего Советского Союза» посвящен математическому и

астрономическому наследию одного из крупнейших ученых восточного средневековья – Насир ад-дину ат–Туси. Ему принадлежат фундаментальные научные результаты и в алгебре, и в геометрии, и в теории чисел. В значительной степени благодаря его трудам тригонометрия выделилась в самостоятельную дисциплину. Сочинения ат-Туси заложили основы понятия современной механики как единой науки, изучающей движения земных и небесных тел. Не менее важна его роль как основателя и руководителя Марагинской школы – одной из крупнейших в истории науки (4,8).

Подчеркивая влияние трудов ат-Туси на последующие поколения астрономов и математиков Востока и Запада, И.Ю. Крачковский в этом отношении особенно выделяет «Ильхановские таблицы» («аз-зидж ал-Илхани»), являвшиеся плодом 12 летних научных наблюдений, поисков и подсчетов их составителя: «Наблюдения свои для астрономических таблиц он начал в пожилом возрасте, около 60 лет, но все же успел их закончить в течении 12 лет, к 1270 году, хотя по его теории, изложенной в предисловии, полный цикл астрономических наблюдений должен продолжаться 30 лет. В составлении их принимали участие и другие астрономы, действовавшие по его указаниям; таблицы были основаны на меридиане Мераги; по титулу монгольских правителей Персии они получили название «Ильхановского Зиджа».

Таблицы эти, хотя и не всегда содержали оригинальные наблюдения, приобрели большую популярность на Ближнем Востоке и были в обращении даже после создания таблиц Улугбека. Мало того, они проникли в Китай и всецело подчинили себе местную астрономическую науку: один ученый из Самарканда, живший здесь, составил в 1362 году по просьбе потомка Чингисхана специальный календарь, основываясь на таблицах Насир-ад-дина Туси. Влияние их сохранилось там и после прекращения монгольского владычества в XIV в. Оригинал «Илхановских таблиц» был составлен, по-видимому, на персидском языке, но известен целый ряд арабских версий, различных обработок и комментариев. Благодаря одному из таких комментариев Махмуда Шаха Хулджи таблицы стали известны и в Европе, извлечения из этого комментария с переводом издал в 1648/1650 г. английский востоковед-астроном Джон Гривс (1602-1652)» (2, 114).

Известный астроном, один из авторитетных специалистов по небесной механике, покойный профессор М.Ф. Субботин (1893-1966) в подтверждение слов Ю.В. Крачковского, характеризует «Ильхановские таблицы» как значительный толчок в развитии астрономической науки: «Эти таблицы навсегда останутся лучшим памятником его славы. Создавая эти таблицы на основе специально поставленных наблюдений и критической переработке математических теорий Птоломея, Насир-ад-дин блестяще выполнил ту программу, которую триста лет спустя сделал целью своей жизни Тихо Браге. Уже это показывает, насколько глубоко Насир-ад-дин понимал потребности науки и как правильно он ставил ее очередные задачи. А то, что Насир-ад-дин умел в те трудные времена доводить такие сложные и обширные работы до благополучного конца, свидетельствует об

исключительной энергии и очень больших организационных талантах» (5, 57).

Отрадно, что именно в Таджикистане был издан фундаментальный труд таджикского ученого М. Диноршоева под названием «Философия Насируддина Туси». Следует отметить, что за последние годы благодаря усилиям таджикских ученых академика Салимова Н. и профессора Гафаровой У.А., также были изданы таджикский и русский переводы книги Насир-ад-дина Туси «Ахлаки Носири» (Насирова этика).

Таким образом, российские ученые внесли большой вклад в исследовании жизнедеятельности и научного наследия великого ученого Насир-ад-дина Туси. Значение ат-Туси в истории науки огромно. Не говоря уже о собственных сочинениях и создании Марагинской научной школы, он оказал существенное влияние как на творчество последующих поколений ученых стран ислама в XIV-XVII вв. (в частности, ученых Самаркандской научной школы), так и на процесс формирования предыстории классической науки и революции в естествознании в Европе XVII в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Икбал Ягмаи Худованди донишу сиёсат Ходжа Насируддин Туси. – Тегеран, 1355. С. 3.

2. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература //Избранные сочинения. Т.IV. – Москва, 1957. – С.111-112

3. *Насируддин Туси.* Насирова Этика. Перевод с персидского, предисловие и комментарии Гафаровой У.А. – Душанбе, 2014. – С. 5.

4. *Рожанская М.М., Матвиевская Г.П., Лютер И.О.* Насир ад-дин ат-Туси и его труды по математике и астрономии в библиотеках Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Душанбе.

5. *Субботин М.Ф.* Работы Мухаммеда Насирэддина по теории движения Солнца и планет // «Известия АН Азерб. ССР». – 1951. – №5. – С. 57.

6. *Фарход Дафтари.* Краткая история исмаилизма. – Москва, 2004. – С. 230.

Ризакулов Т. Р., Эркаев С. А., Сабуров Х.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)
Бакиев М.
(г. Москва, Российская Федерация)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Два года назад в системе МВД России появилось новое подразделение главное управление по вопросам миграции (ГУВМ), которое заменило

ликвидированную в 2016 году Федеральную миграционную службу. За это время главку удалось разработать несколько миграционных законопроектов и удалось обеспечить качество и высокую удовлетворенность граждан госуслугами в сфере миграции – говорит мигрант Икром Абдулхайров. Миграционные процессы в Таджикистане оцениваются неоднозначно. Они являются одним из основных направлений социально-экономического и культурно-политическоо развития страны и играют важный роль в социокультурном развитии современной России. Отношение к трудовой миграции и иммиграции в Таджикистане неодинаково. Многие мигранты понимают, на что они могут рассчитывать, а на что – нет. Привыкнув избегать столкновений с властями у себя дома, где они чаще становятся жертвами мелкого вымогательства, чем получают реальную помощь, трудовые мигранты не желают иметь дела и с российской бюрократией. Гражданский активист, который работает с мигрантами в России (Тохирджан Абдуллоев), рассказал, что когда большинство его клиентов узнает, какие сложности нужно пройти для легализации, они говорят: «Мы попробуем по-другому», - и исчезают.

В этом году МВД России подготовило законопроект об упрощении порядка получения гражданства РФ для соотечественников. Проектом закона предлагается наделить президента страны полномочием определять в гуманитарных целях категории иностранных граждан, имеющих право на приобретение российского гражданства в упрощенном порядке. Также предусматривается упрощение приема в российское гражданство участников госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, получивших разрешение на временное проживание в России или вид на жительство. В настоящее время осуществляется подготовка модельного миграционного кодекса СНГ, который будет большим интегрированным документом, где будут учитываться как основные вопросы регулирования миграции, так и смежные вопросы, касающиеся защиты прав и обязанностей трудящихся – мигрантов и членов их семей, а также национальной безопасности государства.

Иногда многие мигранты подавлены кризисом, деморализованы ростом расистских настроений, они вынуждены мириться с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Но они все равно приезжают в надежде найти хоть какую – то работу. Центрально-азиатские правительства предпочитают кризис не замечать. «Из – за слабой зависимости Таджикистана от международной финансовой системы последствия финансового кризиса будут незначительными».

Например, тревога охватила Центральную Азию и в том числе Таджикистан лишь в конце 2008 года. Цены на хлопок и алюминий, два основных экспортных продукта Таджикистана, резко упали в 2009 году. С января по сентябрь 2009 года экспорт сократился на 43 процента в Таджикистане. Начиная с 2016 года положение начало меняться. Иногда вернувшихся мигрантов обвиняют в росте преступности. Доказательства

этого тезиса выглядят странно, статистики нет, но после нескольких громких ограблений в Душанбе первыми, кого пришло в голову обвинить, были вернувшиеся гастарбайтеры. Некоторые таджикские эксперты и представители власти считают, что возвращение мигрантов вызывает всплеск криминальной активности. Реакция принимающих стран – России и вялая активность центрально-азиатских правительств, которая носит, скорее, символический характер, ставит мигрантов перед фактом: их судьба зависит только от них. Они не должны и не могут ждать поддержки и помощи ни от принимающих стран, ни от собственных государств.

Мигранты обычно покидают дома весной и возвращаются в начале зимы. Они активно принимают участие во всех сферах экономики и культуры. Из Средней Азии и Таджикистана, как правило, едут мужчины от восемнадцати до тридцати пяти лет, большинство из них закончили школу, некоторые имеют профессии, но есть среди них и те, кто имеет диплом о высшем образовании. Мигранты помоложе, получившие образование уже после распада СССР, и те, кто приезжает из сельских районов, хуже говорят по-русски и менее квалифицированы. Те, кто приезжает из городов и кому за тридцать, обладают достаточными для работы знанием языка. Около 10–20 процентов – женщины. Решение уехать на заработки бывает вызвано и экономическими, и политическими причинами.

Известно, что от местного населения мигрантов отличает готовность работать по многу часов, причем на худших условиях. «Не важно: кризис, не кризис – русский никогда не согласится рыть траншеи или прокладывать трубы в двадцать градусов мороза», - сказал глава одного из НПО в центральной части России. Существует и гендерное разделение рынка труда: женщины, как правило, устраиваются домработницами и зарабатывают процентов на 20 меньше мужчин. Большинство мигрантов находят работу с помощью знакомых или родственников, которые приехали на заработки раньше и уже устроились.

Нам видно, что деньги, которые мигранты получали, могли быть больше, чем возможные заработки дома, но гастарбайтеры, безусловно, остаются рабочими «второго класса». Хотя они получали в месяц примерно столько же, сколько и русские рабочие, - около 420 долларов, - мигранты, как правило, работали на 20 или даже на 30 часов в неделю больше, чем их российские коллеги.

Исследования, проведенные недавно Институтом Социологии Российской Академии Наук, показали негативное отношение россиян к мигрантам, хотя люди и признают, что гастарбайтеры работают лучше, более дисциплинированы и надежны, а платить им нужно меньше. Они активно принимают участие почти во всех праздниках народов России (Новый год, маслинница, рождество, Сабантуй и др.) и одновременно отмечают свои праздники (Навруз и др.) при участии представителей народов России. И эти экономические и общественно-социокультурные отношения дают новый импульс для укрепления дружбы между народами. Дух единения и дружбы народов можно видит повсюду [5, с.4-5]. Несколько заслуживающих доверия

статистических исследований подтверждают, что хотя небольшая часть гастарбайтеров и вернулась домой во время кризиса – все они ждут улучшения ситуации, чтобы снова покинуть страну и вернуться в Россию. В Таджикистан вернулось по неофициальным данным около 300 тысяч человек (это 20 процентов уехавших).

Если обращаться к источникам, официальный уровень безработницы в Средней Азии и Таджикистане намерено занижен: 2,1 процент в Таджикистане (данные середины 2009 года). В 2018 году положение изменялось. Тогда, половина трудоспособного населения в Центральной Азии и Таджикистане не имела работы. Пособие по безработице так мало, что многие не оповещают власти о том, что потеряли работу. В 2007 году, когда миграция достигла пика, минимальная заработная плата в Таджикистане оставалась значительно ниже прожиточного минимума, необходимого для семьи с одним кормильцем. В Таджикистане средний доход тех, кто работал до миграции, составлял 25 долларов в месяц, и этого не хватало, чтобы оплатить ежедневный обед для работающего и расходы на транспорт. Согласно официальной статистике СНГ, в 2006 году минимальная заработная плата в Таджикистане была 35.2 доллара [1, С.2]. Сейчас ситуация изменилось. Многие мигранты остаются в России, потому что не могут приехать домой – нет денег на обратный билет. 60 процентов таджикских мигрантов признают, что деньги на поездку в Россию – на билет и «подъемные» на первое время – собирала вся семья. Миграция населения из республики продолжалась и после достижения мира и национального согласия (27.06.1997 г.), продолжается она и сейчас. Из общего числа внешних трудовых мигрантов 96,9 % уехали в Российскую Федерацию и среди них есть сезонная и долгосрочная миграции. В числе трудовых мигрантов подавляющее большинство составляют мужчины, более половины – молодежь. В целом, трудовые мигранты – это люди самых активных трудоспособных возрастов. Только в 2005 г. посредством денежных переводов из России в Таджикистан трудовыми мигрантами было отправлено 600 млн. долл. США. По неофициальным же данным, таджикские мигранты ежегодно переводят в Таджикистан только из России более 2 млрд. долл. США [6, С.573]. А сейчас более 4 млрд. долл. США.

Миграция имеет положительные стороны по всем направлениям в Центральной Азии и Таджикистане. Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что на современном этапе не только экономическое и социальное положение населения, но и политическая стабильность республики во многом зависят от финансовых переводов внешних трудовых мигрантов, работающих в основном в Российской Федерации. Данное обстоятельство необходимо учитывать Правительству республики при определении своей дальнейшей внутренней и внешней политики.

Ученые ТюмГУ обнаружили, что миграция оказывает положительное влияние на заработную плату. Правда, не всех категорий сотрудников, а лишь специалистов с начальным и средним образованием, пишет Информагенство «Север Пресс». Многие не хотят возвращаться как

проигравшие. Миграция всегда ассоциируется с успехом. Многим известны примеры, как семьи тех, кто уезжал на заработки, приобретали новые машины, строили новые большие дома, начинали лучше есть и одеваться. Поэтому гастарбайтеры предпочитают не возвращаться домой, остаются, надеясь на лучшее. И раз все родственники собирали деньги, чтобы отправить человека на заработки, - значит, когда он вернется домой богатым, он должен будет всем помогать, несмотря на кризис. Потому что он всем должен.

Ученые РФ объясняют это тем, что миграция из Центральной Азии стимулирует конкуренцию на рынке труда в низко квалифицированных отраслях. Вследствие чего местные работники переходят на более высокооплачиваемые рабочие места. Среди тех, кто остается в России – более опытные и квалифицированные мигранты. Однако и их труд теперь оплачивается хуже, и работы для них стало меньше. В России количество легальных мигрантов резко сократилось. Кто-то сокращает рабочий сезон и уезжает раньше, кто-то остается, переходя на нелегальное положение. Работы на больших городских стройках стало меньше, и многие мигранты заняты в частном строительстве. Менее квалифицированные рабочие нашли заработок в ЖКХ или в сельском хозяйстве. Почти во всех городах и регионах РФ были организованны национально-культурные центры и они занимаются вопросами мигрантов, обеспечением получения разрешения на работу, регистрации мигрантов, получением гражданства, переводом денег и другими жизненно важными вопросами. Причем очень тесным сотрудничеством, но не тем, которое осталось со времен 90-х годов, когда между Россией и Таджикистаном был подписано около 300 соглашений, абсолютное большинство которых не работают. На наш взгляд, РФ целесообразно проводить в Таджикистане политический бизнес сейчас, когда проводить в Таджикистане бизнес вообще не трудно. Аргументом для этого служат иностранные кампании, производящие в Таджикистане, например, золото. Недавно это были англичане, сейчас это китайцы, которые к тому же строят дороги, тоннели, линии электропередач – ЛЭП, некоторые промышленные объекты. Эти и другие проблемы отражаются в миграционных процессах [2, С. 1].

Полученные данные говорят о том, что с ростом трудовой миграции в городах, включая внутреннюю и внешнюю, заработная плата местных работников с начальным и средним образованием повышается, в то время как заработная плата работников с высшим образованием практически не меняется, - сообщает ученые РФ. Объяснить это можно тем, что миграция стимулирует конкуренцию на городских рынках труда, побуждая работников повышать свою конкурентоспособность, чтобы занимать более высокооплачиваемые рабочие места. Из больших городов – Москвы, Санкт–Петербурга, Красноярска, Челябинска, Тюмени, Сургута, Самары, Свердловска, Ярославля, Уфы, Казани, Екатеринбурга, которые традиционно оставались центрами притяжения для гастарбайтеров, многие перебираются на Дальний Восток. Аналитик из таджикского правительства сказал, что доля

работников, отправляющихся во Владивосток и Хабаровск, главные дальневосточные города, увеличилась в 2009 году с трех до пятнадцати процентов. Условия там хуже, чем в европейской части России, но мигранты все равно едут и тянут за собой своих родственников, создавая общины в этом регионе [3, с. 5]. Они зарабатывают 200 – 300 долларов в месяц и держатся за свою работу. В любом случае, это гораздо больше, чем они могли бы получать у себя дома. Плата за патент для трудовых мигрантов в Сахалинской области в 2019 году планируют повысить на 25 % – до 5807 рублей. Ежегодное установление такого коэффициента является мерой экономического регулирования притока трудовых мигрантов и обеспечения приритетного трудоустройства граждан РФ. В целом по области сложившуюся ситуацию в сефере трудовой миграции можно оценить как стабильную («Шуѓл ва муњољират». №22(292), 23 ноября 2018 г.).

В 2018 году также предусматривается упрощение приема в российское гражданство участников госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, получивших разрешение на временное проживание в России или вид на жительство. Многие наблюдатели полагают, что таджики, которые приобретают российское гражданство, не переедут в Россию навсегда. Российское гражданство нужно им для облегчения трудоустройства. Многие не желают отказываться от Таджикистана, где у них остались дети и престарелые родители. Однако в будущем мигранты из Центральной Азии, получившие двойное гражданство, могут столкнуться с необходимостью сделать болезненный выбор. Дети мигрантов окажутся более интегрированы в российское общество и начнут перетягивать родителей в Россию. Тем более, что российские пенсии, хотя и совершенно недостаточные для нормальной жизни, все равно выше, чем символические выплаты в Таджикистане [4, С.4].

Получение гражданства России является основной цель мигрантов. Сейчас (2018 г.) им предполагается предоставить право подать заявление о приеме в гражданство в упрощенном порядке, в том числе по месту пребывания, выбранном для проживания. Этот документ позволит стимулировать переезд в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. А также способствовать более эффективной защите их прав. После 1991 года российское гражданство получили более 120 тысяч таджиков. Сейчас эти цифры еще больше.

Если подумать, то реальная трагедия Центральной Азии заключается в том, что люди, которым предоставляется российское гражданство, являются наиболее энергичной и образованной частью населения. По-моему нет районов, городов и регионов РФ без мигрантов из Республики Таджикистана. Мы убедились, что у таджиков есть и вторая Родина-Россия. Например, Башкортостан – регион, не типичный для Урала, прежде всего из-за этнического и религиозного дуализма – тюрко-славянского, исламско – православного. По данным переписи 2002 года, представители славянских этносов (русские, украинцы, белорусы) составляют 38-40 % населения

республики, представители коренных тюркских этносов (татары и башкиры) – 54 %. И это, не считая других народов, проживающих на территории республики. Всего в регионе проживают представители более 120 национальностей. За последние 27 лет (1991–2018 гг.) миграционные процессы существенно преобразили и без того пеструю этническую карту Башкирии. По данным Управления по делам миграции МВД РБ за период 1992 по 2005 годы в Башкортостан переселилось 631 тысяча человек, из них 109566 человек – из республик бывшего СССР. В последние годы ещё больше. Таким образом, в настоящее время более 11% населения РБ – мигранты 1990-х годов. И они продолжают прибывать. Это повлияют на этнокультурный ландшафт территории и на межнациональные отношения РБ. В РБ действует немало общественных организаций и национально-культурных объединений (НКО) народов Центральной Азии, один из них ОО Ассоциация таджиков и персоязычных народов РБ «Пайванд» (руководитель М.С. Хашимов, действует с 2002 года) [4, с.3-4]. Они активно занимаются культурной деятельностью, отмечают национальные праздники, участвуют в общественной жизни Уфы и Башкортостана. Это организация и диаспоры в меньшей степени занимаются культурой, и в большой степени – рынком и экономической деятельностью. Укоренившиеся члены диаспор являются социальным оплотом для тех, кто приехал сюда на сезонную работу. Активно участвуют в социализации и интеграции следующих поколений мигрантов. Такие примеры есть в других регионах РФ. За последние 20 лет миграция четко представлена двумя волнами:

1. Возвращенцы на историческую родину. В 1920-1930-е годы с территории РФ, спасаясь от репрессий и раскулачивания, уехало в ЦА. Многие отправлялись в послевоенные годы по распределению на работу и в эти республики (среди них «двадцатипятитысячники»). С распадом СССР, растущим социальным неблагополучием, особенно с ростом национализма в ЦА, люди стали возвращаться в родные края. Они возвращались не на пустое место. Даже если у них не было никакого имущества, то у них были дальние родственники, так что смогли неплохо устроиться. Многие из них имели деньги, так что могли позволить себе купить здесь жилье. Их приезд оказал существенное влияние на развитие края, региона.

2. Гастарбайтеры, опять-таки выходцы из республик ЦА, коренное население. Конечно, они были в другом положении – ехали на пустое место или к каким-то знакомым. Многим из них при трудоустройстве и социокультурной адаптации оказывают помощь НКО. Эти две волны кардинальным образом отличаются. Представители первой были людьми, достигшими определенного социального статуса на своей второй родине (среди них были ученые, высококлассные специалисты, кандидаты и доктора наук и др.), они легко находили здесь работу. А вторая волна – это, в основном, неквалифицированные люди без всяких профессий, чернорабочие, которые не имеют никаких социальных навыков. Им все равно, чем заниматься – подметать, строить, водить такси, они идут туда, где больше платят. И так, мигранты для РФ нужны: во-первых, мигранты работают там,

где не хотят работать местные, во-вторых, мигранты привозят в город дешевые товары и продукты, в-третьих, дешево и качественно ремонтируют квартиры, строят дачи и дома, в-четвертых, привносят этническое и культурное разнообразие в обществе [3, С. 3].

Таким образом, основываясь на изложенных выше фактах, можно сделать вывод, что за годы независимости для определенной части трудоспособного населения республики единственный надежной спасения своей семьи от безысходной бедности стала вешняя трудовая миграция. Несмотря на то, что таджикские мигранты в Российской Федерации работают в сложнейших условиях, а для некоторых из них она иногда заканчивается трагически, их трудовой заработок способствует снижению уровня бедности в республике [7, с.3]. По данным автоматизированной системы аналитической отчетности, на территорию РФ в первом полугодии 2018 года въехало более 9 млн иностранных граждан, в прошлом году за аналогичный период въехало 9,7 млн. С начало года иностранцам выдано 960, 6 тыс. бланков патентов, это на 6 % больше, чем в прошлом году. По данным доклада ООН. Россия занимает четвертое место в мире по количеству въезжающих в страну мигрантов. Динамика въезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Россию в течение 5 лет оставалась достаточно стабильной.

В первом полугодии в 2018 г. в российское гражданство принято около 126,5 тыс. человек, в прошлом году эта цифра составила 15,2 тыс. человек. В основном гражданство получили выходцы из бывших союзных республик – Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Украины и др. Особенно из республик Центральной Азии. Это вполне понятно и объясняется близостью территорий, общим историческим прошлым, отсутствием языкового барьера и схожим менталитетом. В данное время отмечается четырехкратный рост количества человек, признанных носителями русского языка и принятых в этой связи в российское гражданство [8, с.13, 7]. Нам видно, что миграционные процессы в Таджикистане имеют большое трудовое и политическое значение для общественно-политического и социокультурного развития современной России. По сущности и содержанию миграцию в РФ можно разделит на нескольких видов: внутриреспубликанские и нереспубликанские, трудовая, сезонная, учебная, легальная, нелегальная и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Россия без мигрантов. Народная газета. – 2010. – 18 авг.
2. Сохил. 05.01.2011 г., 15.10.2018.
3. Материалы Росстата за 2004-2017.
4. Народная газета. – 2010. – 31 марта, 17 октября 2018 года.
5. Согдийская правда. – 30 марта 2013 года, 17 октября 2018 года,
6. История таджикского народа. Том 6. – Душанбе, 2011. – 688 с.
7. Азия-Плюс. – 2018. – 14 апр.

8. Шуѓл ва муњољират. № 22 (292), 23 ноября 2018 г., Народная газета. № 49 (20175). 5 декабря 2018 года.

Хошимова Ш. Ф.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

СОТРУДНИЧЕСТВО ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В Республике Таджикистан повышение уровня профессионального роста рабочих кадров и развитие начального профтехобразования в современных условиях определено как приоритетное направление государственной политики. Лидер нации Основатель мира и национального единства Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в ежегодном Послании Маджлиси Оли республики от 26 апреля 2013 года подчеркнул, что «одним из важнейших вопросов является воспитание кадров, отвечающих требованиям внутреннего и внешнего рынка. С учётом важности этого вопроса у нас с 2010 года начальное и среднее профессиональное образование объявлены приоритетным направлением. Сегодня необходимо серьёзно улучшить материально-техническую базу и кадровый потенциал этих учреждений и с учетом того, что требования внутреннего и внешнего рынка труда постоянно меняются, необходимо принять современные и действенные меры в этом направлении».

Поэтому главная задача нынешнего профессионально-технического училища состоит именно в пересмотре своего отношения к качеству профессиональной подготовки компетентного рабочего, его мобильности. Ибо в новых экономических отношениях особенно актуальной на рынке труда становится проблема конкурентно способности рабочих[1].

В целях избежания социальных стрессов и выполнения госзаказов подготовка кадров в штампе профессионального технического образования должна осуществляться в тесном контакте с Министерством экономики и финансов и центром занятости населения республики.

Актуальность данной проблемы и необходимость её исследования определяется рядом факторов.

Во-первых, с ускорением научно-технического прогресса и на ее основе решения проблемы экономической независимости Республики Таджикистан на передний план выдвигается вопрос подготовки высококвалифицированных специалистов для промышленности, строительства и аграрного сектора.

Во-вторых, с учетом социально-экономических преобразований в стране происходят радикальные изменения в структуре профтехобразования республики.

Следует пересмотреть сети профтехучилищ и техникумов, перечень базовых профессий создание их радиальной технологии по районам и

областям республики. Эта система в целом должна ориентироваться на подготовку структурных сдвигов в народном хозяйстве, развертывании нового экономического образования, как носителя рыночной грамотности.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон выступая 24 октября 2008 г на торжественном заседании, посвященном 60-летию Таджикского национального университета, подчеркнул; что «наука и образование являются для любого государства и нации важнейшим фактором развития и прогресса. Ибо прогресс общества, устойчивое экономически развитие, обеспечение безопасности нации и государства, достижение мирового уровня в экономике, технике, технологиях, науке и культуре зависят, прежде всего, от развития образования и организации целенаправленного и качественного процесса обучения и воспитания нового поколения»[2].

Развитие профессионально-технического образования, как составной и неотъемлемой части народного образования, и возрастание его роли в подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства является объективной исторической закономерностью.

Концепция профессионально-технического образования Республики Таджикистан (1993 г.), состоящая из 8 пунктов, затрагивает наиболее важные проблемы и основные направления деятельности сегодняшних учреждений профессионально-технического образования Республики Таджикистан, такие как: цели и задачи профессионально-технического образования, структура ПТО, совершенствование учебно-воспитательного процесса, подготовка инженерно-преподавательских кадров и повышение их квалификации, система управления профессионально-техническим образованием, развитие материально-технической базы, механизм финансирования учебных заведений.

Сущность данной Концепции сводится не только к необходимости расширения границ знаний, умения и навыков, необходимых будущему рабочему для производительности труда, но и формирования у него тех качеств, которые необходимы ему непосредственно в жизнедеятельной сфере.

Профессионально-технические учебные заведения являются органичными звеньями единой системы непрерывного образования, должны преемственно развивать общеобразовательную школьную подготовку абитуриента, дополняя её профессиональной, а также создавать необходимую базу для продолжения образования и роста его профессионального мастерства, обеспечивая при этом разностороннее развитие личности в соответствии с её интересами и способностями.

В то же время следует констатировать, что нынешнее производство не требует сегодня от всех поголовного среднего образования. В этой связи в зависимости от разнообразия типов современного производства и многообразия форм труда рабочих Концепция профессионально-технического образования Республики Таджикистан (1993 г.)

предусматривает функционирование на территории страны по меньшей мере трех типов ПТУ. К ним можно отнести такие типы как:

- профессионально-трудовая школа и профессионально-технические курсы, дающие начальный уровень профессионального образования;

- среднее профтехучилище и техническое училище, готовящее рабочих по сложным профессиям с общим средним образованием;

-высшая техническая школа (технический лицей, колледж), осуществляющая подготовку не только рабочих по особо сложным профессиям для работ, связанных с уникальным оборудованием и технологией наукоемких и принципиально новых производств, но и специалистов нового типа – младших инженеров.

Начальный уровень образования дает профессионально-трудовая школа (срок обучения: 2 года на базе 9-летнего образования) и профессионально- технические курсы (срок обучения: 3-6 месяцев).

В профессионально-трудовых школах могут обучаться подростки, окончившие базовую общеобразовательную и пожелавшие как можно быстрее включиться в самостоятельную трудовую деятельность или же не желающие по каким-либо причинам продолжать образование в данный момент.

Профтехшколы могут быть и самостоятельными учебными заведениями. Кроме того, они могут функционировать на базе профтехучилищ или межшкольных учебно-производственных комбинатов, а также при заводах, готовящих кадры для своего предприятия[3].

С получением государственной независимости особо острой стала проблема своевременного приобретения молодыми гражданами профессии.

Во-первых, из-за бюджетных ассигнований система профессионального обучения и переподготовки в настоящее время сталкивается с проблемами оснащения материально-технической базы, закупки современной техники и комплектующего оборудования учебного хозяйства и т.п. Сегодня в распоряжении учебных заведений системы находятся 600 автомобилей, 500 тракторов различных марок, около 1200 единиц сельскохозяйственных машин и механизмов, которые были приобретены 15-20 лет назад, и значительное число перечисленной техники находится в непригодном для использования состоянии.

Во-вторых, нехватка профессионально подготовленных специалистов и рабочих в многом тормозит научно-технический процесс в республике.

Уровень качества, структура рабочих кадров, их наиболее профессиональной части, определяется состоянием профессионально-технических училищ.

Однако современное состояние начального и среднего профессионального образования говорит об утрате достигнутых в годы советской власти рубежей.

Число учреждений начального и положение профессионального образования в республике ежегодно уменьшается, о чём свидетельствуют данные таблицы №1.

Выпуск специалистов учреждением среднего профессионального образования Согдийской области по видам обучения[4].

	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Выпуск специалистов учреждениями среднего профессионального образования, в том числе обучавшихся на отделениях	4320	4131	2296	2550	2527	2558
- дневном ……	3165	3311	1806	1372	1541	1537
- вечернем ……	151	29	18	-	-	-
- заочном …….	904	792	742	1178	986	1021

Справедливости ради отметим что, хотя число ПТУ в стране достигает 76, однако, при росте населения, достигшего 8,5 миллионов, данного количества не достаточно. При таких условиях страна нуждается в двойном увеличении количества ПТУ и качественном повышении уровня образования трудовых мигрантов.

Кроме того, назрела необходимость в создании курсов по переподготовке работников, не занятого производством населения, а также перепрофилирования и переориентации отдельных работающих кадров. Создание таких курсов будет зависеть от удовлетворения потребностей народного хозяйства отдельных регионов республики.

Требует перестройки деятельность сельских профтехучилищ. В сельских районах целесообразно создавать малые ПТУ, филиалы училищ.

Принятый Правительством Республики Таджикистан Национальный план действий по реформированию начального-профессионального образования на 2006-2015 гг. (НПД) определяет несколько вопросов реформирования на ближайшее будущее.

Положительные процессы, которые происходили в системе профтех-образования в Согдийской области, можно проиллюстрировать на примере профессионально-строительного технического лицея г. Худжанда, который готовит готовит специалистов по следующим профессиям первой и третьей категории: газо–электросварщик, электромонтер, швея, бухгалтер со знанием компьютерных технологий, плотник, автослесарь, сантехник, строитель. Данный лицей имеет договора с такими учреждениями, как АО «Сорбон», где учащиеся проходят производственную практику по следующим специальностями: «газо- электросварщик», «автослесарь», «электромонтёр», «бухгалтер», «плотник».

На современном этапе развития общества круг деятельности лицея расширяется. Наглядным примером этому является его сотрудничество со строительным колледжем №26 города Москвы. Такое сотрудничество

способствует развитию профессиональной деятельности обеих сторон согласно требованиям времени и повышению уровня жизни.

В апреле 2014 года был подписан договор о сотрудничестве между ПТУ №31 города Худжанда и ГОУ СПО строительного колледжа №26 города Москвы. Согласно договору со стороны ПТУ №31 строительному колледжу предоставлены экспонаты, в том числе национальные мужские и женские тюбетейки, национальные ножи, платки, украшения для невесты, национальные женские платья, книга «Памятники Арийской цивилизации», «Ленинабадской области – 60лет» для создания музея «Таджикистан». Взамен для ПТУ №31 были переданы учебники по технической литературе в количестве 147 штук, а Генеральное консульство Российской Федерации отправило ещё 270 книг по художественной литературе. В августе 2015 года при поддержке Министерства образования Республики Таджикистан был направлен на трехгодичную учебу один из лучших студентов ПТУ №31 Сергей Степанов, который продолжил учёбу в нефтегазовом колледже города Тюмень[5].

Преподавательский коллектив Профессионально-строительного технического лицея города Худжанда обеспечен всеми современными наглядными пособиями, необходимыми для повышения качества обучения и профессиональной деятельности.

Вследствие обучения модульными методами учащиеся приобретают навыки профессионального общения с клиентами и администрацией, овладевают инновационными навыками прогрессивной техники.

Таким образом, можно заключить, что со дня приобретения независимости таджикский сектор профобразования столкнулся с рядом проблем, которые могут быть кратко охарактеризованы следующим образом:

- неразвитость сектора собственного потенциала по реагированию на имеющиеся социально-экономические реалии страны переходного периода. Основной проблемой остается приведение системы профтехобразования в соответствие с требованиями рынка труда.

- плохая репутация системы профтехобразования, распространенная как среди лиц, ответственных за принятие решений, так и среди населения, особенно учебные заведения начального профобразования считаются учреждениями для изолированных и непривилегированных слоев населения, предоставляющими плохое образование. Для многих людей эти учебные заведения являются большей частью системой социального обеспечения, чем образовательными учреждениями.

- острая нехватки оборудования из-за урона, нанесенного гражданской войной в большинстве профильных учебных заведений и запущенность подсектора на протяжении последнего десятилетия.

К тому же, по ряду причин преподавательский состав, особенно преподаватели технических дисциплин, нуждаются в серьезном повышении квалификации и переподготовке.

В целях эффективного решения назревшей проблемы необходима концентрация обучения на специальных курсах по отдельным профилям

профессий лишь в тех училищах, где имеется хорошая материально-техническая база и опытный инженерно-педагогический состав.

При всем этом важно помнить, что в любом случае каждый конкретный тип учебного заведения должен соответствовать единому государственному стандарту образования в плане гуманитарной, общественно-политической и общетехнической подготовки.

Однако для каждого типа учебного заведения должны быть созданы определенные нормативы материально-технического оснащения, финансирования, определённые организационно-управленческие структуры общие требования к педагогическому составу и обучающимся[6].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистана от 26 апреля 2013 г. – Душанбе: Шарки озод. 2013. С. 36.
2. *Рахмон Э.* Выступление на Торжественном заседании, посвященном 60- летию ТНУ – Народная газета – 2008. – 29 окт.
3. Там же – 2008. – 29 окт.
4. *Абдукодиров А.* Кошонаи касбу ҳунар. – Хуҷанд, 2014 – 48 с.
5. *Абдукодиров А.* Кошонаи касбу ҳунар. – Хуҷанд, 2014 – 55 с.
6. Концепция профессионально-технического образования Республики Таджикистан. – Душанбе, 1993. – 35 стр.

Очилова М. И.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

КОВРОТКАЧЕСТВО – ВИД НАРОДНОГО ИСКУССТВА ТАДЖИКИСТАНА

«Таджикский народ, имеет богатую культуру, огромное наследие, многовековые традиции и ценности, к которым относится и народное прикладное искусство. Наш народ внес весомый вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Задача каждого жителя Таджикистана беречь и приумножить это наследие».
Эмомали Рахмон

В мире немало мест, где природа дарит человеку свою неповторимую красоту, и редко, где это природная красота сочетается с искусством, искусством декоративно-прикладным. Таджикистан является таким местом, где природную красоту человек смог гармонично соединить с искусством вечным и своеобразным – декоративным. Существует мнение, что искусство независимо от места и времени своего рождения всегда понятно и близко

человеку, что оно отображает характер народа, природу, которая является кладезем великолепных, неповторимых, творческих идей. Для таджиков декоративно-прикладное искусство – это их история, это их малая родина, со всеми её радостями и печалями. В нем душа народа Таджикистана.

Декоративно-прикладное искусство, пережившее свои спады и взлеты, продолжает развиваться в Зеравшанской долине, которая является одним из немногих очагов зарождения этого вида искусства. Здесь смогли сохранить выдающиеся образцы этого пласта таджикской культуры. В этой статье мы постарались представить особо характерные для этого региона орнаменты и узоры, встречающиеся в ковроткачестве. Объектом исследования послужили ковры и другие предметы домашнего обихода. География исследования охватила джамоаты Зеравшанской долины – Магиян, Шинг, Фароб и Вешаб.

Богатство текстильных традиций таджикского народа проявлялось в разнообразных видах ковроткачества. Ворсовые и безворсовые, шерстяные и хлопчатобумажные ковровые изделия имеют локальное своеобразие, разнообразную технологию изготовления и различные назначения. Согласно древним традициям, интерьер таджикского жилища полностью заполнялся декоративными вышивками, тканями, паласами, кошмами, коврами, отвечающими как эстетическим запросам населения. Их стелили на пол или на землю во время празднеств, отдыха, при чтении молитвы, в помещениях, садах.

Ковроделие у таджиков, по мнению исследователей этого искусства, появилось под влиянием их соседей, кочевых народов – киргизов, уйгуров, туркменов, казахов, узбеков. Этим ремеслом занимались издревле племена разного происхождения, которые использовали различные технические приемы и своеобразные формы орнамента. Близкое соседство разноплеменных групп и народностей, их экономические связи и постоянное общение привели к появлению общих черт как в технических приемах ковроткачество, так и в его орнаментике.

Ковроткачество бытует во многих районах Таджикистана и за его пределами. Особого развития оно достигло в Западном Бадахшане и прилегающих к нему районах, а также в северных регионах республики: Пенджикентском, Аштском, Ганчинском районах в некоторых кишлаках Гиссарской долины.

Сохранилась легенда о появлении ковроткачества. Она повествует о том, что один мужчина имел двух жен. Старшая жена постоянно обижала младшую Бибиходжал, и она покинула дом вместе с сыном. Для пропитания они собирали разбросанную по дорогам шерсть баранов, складывали ее в глиняные кувшины, а потом смачивали водой. Затем они пряли длинные нити, из которых ткали и вязали прекрасные ковры – гилемы. Искусство Бибиходжал принесло ей большую славу. Она охотна обучала многих людей своему ремеслу, а они в свою очередь учили своих близких [5. с.47].

Ассортимент таджикских ковров весьма разнообразен. Кроме ворсовых ковров классического типа, изготавливались также паласы (шерстяные), имеющие высокий ворс (***джульбарак*** или ***джульхирс***) и безворсовые ковры

(***гилемы***). Они в различных районах имеют различные названия. Например, в Ганчинском, Пенджикентском районах их называют ***шол***. Сюда же можно отнести и валяные шерстяные *кошмы*.

Особое распространение у таджиков получили паласы под названием ***джульбарак***. Эти оригинальные и практические ворсовые изделия издавна изготавливают в Пенджикентском районе, а также в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях Узбекистана. По своим утилитарным качествам джульбараки имеют много достоинств. Поэтому их можно встретить во многих домах этих регионов. Размеры этих паласов от 2,5 х 1,5 до 1,8х 1,30м. [2. с.15]. Ворс густой и высокий, сохраняющий тепло, приятен на ощупь. Техника исполнения очень трудоемка, основано на привязывании вручную к веревочной основе узелков шерсти, которые потом обрезают.

Орнаментика этих паласов несложная. На прямоугольном поле, обычно симметрично располагают несколько сплошных фигур (4 или 2). Всю композицию оформляют каймой, состоящей, как правило, из одной сплошной линии. В качестве орнаментальных фигур выбирают эффектные по своему силуэту и форме детали узора (***гул***). Особенно популярным для джульбараков является мотив бараньих рогов (***кош***), имеющий несколько разновидностей. Они всегда представлены очень лаконично с симметричными крупными завитками, которые символизирует собой рога барана [3. с.132]. ***Гул*** бывают по размерам 60-70 см и чаще всего заполняют все поле.

Джульбараки обычно исполняются в строгих красках черной, серой и коричневой тональности, являющейся естественной окраской овечьей шерсти. В цвета желтых и красных цветов окрашиваются только детали орнамента (***гула***) и всегда попарно. Характерным для художественного приема в орнаментации ***джульбараков*** является то, что ***гул***, имеющие цветную окраску, всегда обводятся широкой черной каймой [4. с.5]. Благодаря этому рисунок контрастирует с фоном и более эффектно выделяется на нем.

Окраска шерсти для этих ковров – паласов производилось домашним традиционным способом. Применялись всегда растительные краски. Многие красители имеют сложное приготовление. Их рецепты разрабатывались в течении длительного времени и являлись продуктом ряда поколений. Ворсовый ковер джульхирс появился в далеком прошлом на стыке двух культур: кочевой и оседлой. Название ковра, состоящие из сочетания слов арабо-иранского происхождения, позволяет предполагать, что производителями его в древности были ирано-арабские народы.

Безворсовые ковры-паласы являются более распространенным видом изделий таджиков. В древние времена для их изготовления применяли овечью или козью шерсть, а позже хлопок. Иногда ткали палас из шерсти с хлопком. Такой ковер шириной от 5-6 и до 50 см имеет полоски, иногда редко окрашенные, иногда орнаментированные, бывает, что эти полоски сочетаются в одном изделии. Производством подобных ковров-паласов (шолов) издавна занимаются в некоторых районах Северного Таджикистана:

Аште, Ганчинском районе, Пенджикенте, особенно в кишлаках Расраут и Шинг. Ткут их на примитивном станке, непосредственно во дворе, т.к. для изготовления паласа крупных размеров (2х3 и 3х5 м) требуется много места.

Шол из бараньей шерсти по своей расцветке менее красочен. При его изготовлении употребляют шерсть неокрашенную, естественного цвета: черную, коричневую, серую, белую. В орнаментации изделий пости всегда вводят красную шерсть, которая придает композиции красочность и нарядность. ***Шол*** орнаментирован сочетанием узких и широких полос. Каждая из них сложена из нескольких оттенков от светло-голубого до темно-коричневого. Красная полоса состоит из цвета с переходом в бордо и коричневый. В ходе исследования были выявлены некоторые виды орнаментов, такие как ***куттии гугирд, соати хокц, тумор, шона, муйбофц***, ***кучкорча, S*** и многое другое [1. с.21].

Следует отметить орнаменты Зеравшанской долины, которые раньше использовались в декоре безворсовых ковров. К сожалению, на сегодняшний день редко кто знает названия орнаментов и их значения, а также значение красок, которые используются в коврах.

Очень хочется надеяться, что народное ремесло Зеравшанской долины будет доступным, изученным для знатоков и любителей данного искусства, благодаря вниманию, вдохновению и энтузиазму их владельцев, мастериц и любителей народного ремесла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Акилова М.* Орнамент текстиля Зеравшанской долины Таджикистана. – Душанбе: Мега Басим, 2015. – 112 стр.

2. Народное искусство Таджикистана / *Р.Масов, Н.Юнусова, Л.Додхудоева*. – Душанбе, 2011. – 44 стр.

3. *Пещерова Е.М.* Костюм народов Средней Азии / Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – Москва: Наука, 1979. – 185 стр.

4. Северный Таджикистан – туризм и ремесло / *Д. Юсупов, А. Яъкуби, М. Акилова* – Душанбе: Мега Басим, 2016. – 122 стр.

5. Этнография в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1989. – 72 стр.

Холов М. Ш.
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

МЕТРОЛОГИЯ ТАДЖИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – XIX ВВ. В ТРУДАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ДИПЛОМАТОВ

После завоевания Бухарского эмирата и присоединения Памира к России, в конце XIX века начинается приезд русских ученых для изучения нашего края. Среди них были путешественники и географы, геологи и

топографы, историки и этнографы, археологи, биологи и ботаники, военные и чиновники, а также дипломаты.

Каждый из них, помимо своей основной работы, интересовался жизнью и бытом местного населения, писал о них научные статьи и монографии. Хотя ими не написаны научные труды по таджикской метрологии, но в своих трудах, помимо освещения жизни и быта местного населения, они приводят ценные данные по налоговой системе, торговле и народной метрологии.

Бухара в рассматриваемый период была столицей ханства и главным торговым городом, поэтому на вопросы торговли обращали большое внимание. Но торговля без знания мер и весов невозможна, поэтому перевод мер различных государств в одну систему была актуальной. С другой стороны меры различались не только по городам и областям. На рынках одного города или области существовала одна и та же мера разных размеров, каждая из которых имела свою сферу действия. Иногда меры одного города получали более широкое распространение (как меры Бухары). Некоторые виды мер даже искусственно создавались для удобства торговли с Россией (например, манны в 8 и 16 пудов), и впоследствии занимали прочное место в хозяйственной жизни Средней Азии.

Специально вопросам торговли и мерам веса Средней Азии посвящена статья Н. Пантусова[1]. Он в конце XIX века (1874 г.) побывал в городах Бухаре, Самарканде, Ходженте, Ура-Тюбе, Фергане и др. и описал местные торговые меры веса, сравнивая их с русскими мерами. Он выяснил, что в Бухаре и Ура-Тюбе мера *гарибак* является одним из мелких единиц веса в системе крупных *манов*. Так, в системе 16-пудового *мана* (262,088 кг) *гарибак* является 1/2048 частью этого *мана*, т.е. равен 128 г. Из других мелких единиц он приводит *ясирак*. Эта единица была 1/1024 частью 16-пудового *мана*, т.е. в два раза тяжелее *гарибака* и равнялась 256 г. Далее в системе кратных 16-пудового *мана* Бухары идет *ятимак*. Эта мера составляла 1/512 часть данного *мана* и равнялась 512 г.

Мерой в два раза тяжелее *ятимак*, являлась *юхча*. Н. Пантусов и Н.Н. Ершов[2] *юхча* Ходжента определяют как 1/4 часть *чоряка* или 1/256 часть *мана*. При *чоряке* в 1 *пуд* (16,38 кг), *юхча* равна 4,095 кг или 10 русским *фунтам*. Н. Пантусов в Самарканде нашел *кадок* равным 1 русскому *фунту*, т.е. 409,512 кг. Из крупных мер веса он приводит *ман*, который в Хорезме был равен 47 *фунтам*, или 19,247 кг. Этот *ман* был бухарско-самаркандского происхождения, равный 4000 *мискалей* по 5,0 г, т.е. 20 кг.

Развивающую торговлю между Средней Азией и Россией затрудняла разница в мерах веса. Об этом востоковед и дипломат Н. Ханыков сообщал, что в бухарском *батмане* «…купцы считают 7 *пуд* 32 *фунта* 48 *золотника*»,

---

[1] *Н. П-в (Пантусов).* Весы и меры в Средней Азии. Торговый вес // «Туркестанские ведомости», 1874, №33.

[2] *Ершов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). // Труды АН Таджикской ССР, т. XXVIII. Сталинабад, 1960. – С.28.

т.е. 312,5 *фунта*[1]. Эта небольшая разница родила представление, четко сформулированное П.И. Небольсиным: «Бухарский *батман* равняется нашим 7 *пудам*, 32 1/2 *фунта* и для крупного счета, принимается купцами за вес, равный 8 нашим *пудам*»[2]. В конце XVIII века, в Бухаре для этих целей появились две искусственно созданные единицы в 8 *пудов* (131,044 кг) и 16 *пудов* (262,088 кг). Они были созданы путем «округления» местного *мана* в 312,5 *фунта* до 320 *фунтов* и местного *шутурвара* (буквально - «вьюк верблюда») в 628 *фунтов* до 640 *фунтов*[3]. Эти искусственные единицы получили местные названия *манов* (*батманов*), делились на кратные по системе *манов* и употреблялись для нужд не только русско-среднеазиатской торговли. Они получили самое широкое употребление в местном быту, даже для измерения земельных площадей[4]. Для контроля за их размером и для отличия от более древних местных *манов* они были пересчитаны в *мискали* не по 5,0 г (как прочие единицы «большого веса» Бухары), а в общесреднеазиатский *мискал* того времени по 4,8 г. *Ман* в 8 *пудов* (131,044 кг) = 27392 *мискалям* по 4,8 г, а в 16 *пудов* (262,088 кг) = 54784 этим же *мискалям*. Об этом пишет Ю.А. Соколов в своей статье, по свидетельству Мир Иззетуллы, путешествовавшего в Среднюю Азию в начале XIX века[5].

Т. С. Бурнашев, побывавший в конце XVIII века в Бухаре, сообщил, что «…тамошний *пуд* составляет пятьдесят Российских *фунтов* и разделятся на десять *чириков*, а сии последние на несколько *фунтов*, имеющих девяносто шест частей»[6], т.е. приблизительно 20 кг. Это был *ман* «большого веса», равный 4000 *мискалей* по 5,0 г.

Для Самарканда из свидетельств Мир Иззетуллы (1813 г.) видно, что за два года до его прибытия в Самарканд, там отменили *ман* в 16 *пудов*. Он застал *ман*, который был вдвое легче отмененного *мана*, следовательно, в нем было 54784: 2 = 27392 *мискаля*. Это хорошо известный *ман* в 8 *пудов*, т.е. 131,044 кг. И действительно, в XIX веке источники для Самарканда упоминают *ман* именно в 8 *пудов*[7].

---

[1] *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. – С.113.

[2] *Небольсин П.И.* Очерки торговли России со Средней Азией. // Зап. ИРГО, кн. X, СПб., 1855. – С.312.

[3] *Давидович Е.А.* История монетного дела Средней Азии XVII - XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964. – С.315-316.

[4] *Холов М.Ш.* Мискали и манны (батманы) Бухары XIX-начала XX веков // Мероси ниёгон. №7. – Душанбе, 2004. – С.158.

[5] *Соколов Ю.А.* Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 году (Публикация отрывков из «Путешествия Мир Иззетуллы в Среднюю Азию в 1812-1813 годах»). // «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», новая серия, вып. XC. Исторические науки, кн. 14. – Ташкент, 1957. – С.196.

[6] *Бурнашев Т.С.* Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. // «Сибирский вестник». – СПб., 1818, ч. 2-3. – С.81.

[7] *Н. П-в (Пантусов)*. Весы и меры в Средней Азии; М.И Бородовский. Заметки о земледелии в Самаркандском районе // «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки», вып. 2, М., 1872. – С.240; И.И. Гейер, Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901. – С.168.

Н. Пантусов и И.И. Гейер определяют *ман* (*батман*) Ура-Тюбе XIX века в 15 *пудов* 37 *фунтам* = 260,859 кг, а *ман* (*батман*) Ходжента в 12 *пудам* = 196,56 кг[1].

Мерам и весам Ферганской области посвящена работа Ю. Казбекова «Туземные меры и весы в Ферганской области»[2]. Он описывает такие меры таджиков Ферганы, как: *арфа (арпа), ман, мискал, пайса, чакса, чоряк, шишек, элликпайса* и др. и приводит их значения в метрической системе.

Многие меры веса приведены и в работе П.И. Небольсина «Очерки торговли России со Средней Азией», посвященной торговле между Средней Азией и Россией[3].

Н.Н. Ершов подробно описывает земледелие таджиков Ходжента в XIX - начале XX веков[4]. Он определил, что система мер веса в Ходженте была следующей:

1 *батман* = 16 *чорякам* = 16 *пудам*;
1 *чоряк* = 4 *юхча* = 1 *пуду*;
1 *юхча* = 4 *чакса* = 10 *фунтам*;
1 *чакса* = 4 *нимхурдам* = 2 ½ *фунтам*;
1 *нимхурд* = 10 *пайса* = ⅝ *фунта*;
1 *нимнимхурд* = 5 *пайса* = 5/16 *фунта*;
1 *пайса* = 1/16 *фунта* = 25 г.

Многие русские ученые и путешественники побывали также в различных местностях Восточной Бухары. В этнографическом изучении Западного Памира велика заслуга М.С. Андреева. По итогам своих исследований он написал монографию «Таджики долины Хуф»[5], которая является одним из лучших его работ по изучению истории и этнографии таджиков. В этом труде он очень подробно описывает календари, меры длины, веса и ценностей таджиков Рушана, Шугнана и долины Хуф. Им подробно описан старинный таджикский народный земледельческий календарь по частям человеческого тела – «хисоби мард» («счет по мужчине»), приведены рисунки мер, сняты копии со старинных трактатов. Им выявлены такие меры веса и сыпучих тел, как *амбун, растай, улог (вилог), сер, пимона, токи, согу, кафч.*

Метрологию Западного Памира можно изучить и по работам И.И. Зарубина. В его работе «Шугнанские тексты и словарь»[6] можно встретить

---

[1] *Н. П-в (Пантусов)*. Весы и меры в Средней Азии; *И.И. Гейер*, Путеводитель по Туркестану. – С.168.
[2] *Казбеков Ю.* Туземные меры и весы в Ферганской области. // «Туркестанские ведомости». 1877. № 6.
[3] *Небольсин П.И.* Очерки торговли России со Средней Азией. – С. 312.
[4] *Ершов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района. – С.28.
[5] *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Материалы к изучению культуры и быта таджиков, в. II. // Труды АН Тадж. ССР, т. LXI, Сталинабад, 1958. – 526 с.; *Писарчик А.К.* Примечания и дополнения к монографии М.С. Андреева «Таджики долины Хуф», в. II.
[6] *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.-Л, 1960. – 387 с.

такие меры веса как *кафч, сер, токе, тафсин, куля (амбан);* меры длины: *чор-ангихт, чувгаз, килоч, вулчак* и др.

Некоторые аптекарские меры веса Западного Памира, как *драхма, мискал* и др. можно найти в работе Н.Н. Ершова и И.И. Кампаманцева «О табибской медицине на Памире»[1].

Сведения по метрологии Вахана, Ишкашима и Язгулема можно найти в работах А.А. Бобринского[2] и Н.А. Кислякова[3]. Они подробно описывают меры земли (площади) и воды, старинные календари, используемые горцами. В этих же работах можно найти материалы по метрологии Каратегина и Дарваза. Этому региону посвящены и работы русских ученых П. Майского[4], Г.А. Арандаренко[5], А. Хорошхина[6], А.Э. Регеля[7], П.Е. Косякова[8] и многих других. Но самим ценным в изучении метрологии этого региона является работа Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик «Таджики Каратегина и Дарваза»[9]. В нем авторы подробно описывают народный сельскохозяйственный календарь и счет времени, древний фенологический календарь, способы определения времен года и месяцев сезона по движению Солнца, приводят сводную таблицу счета «хисоби мард», составленную по результатам опроса жителей населенных пунктов Каратегина и Дарваза.

Материалы по метрологии Кулябского бекства можно найти в работах И. Минаева[10], полковника Матвеева[11], М.А. Варыгина[12], Н. Февралева[13] и многих других.

В Сари-Хосоре, Кулябе, Дашти-Джуме до революции (1917 г.) *батман* весил почти 20 *пудов*, т.е. 327,6 кг[14]. Но А.Е. Снесарев (1904-1905 гг.) вес

---

[1] *Ершов Н.Н., Кампаманцев И.И.* О табибской медицине на Памире. // Бюлл. Узб. ин-та эксперим. мед. №14, Ташкент, 1939. – С.42.

[2] *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М., 1908. – 150 с.

[3] *Кисляков Н.А.* Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу. // Советская этнография. 1947. №1. – С. 108-125. *Кисляков Н.А.* Язгулемцы // «Известия Всесоюзного географического общества». 1948. т. 80. вып. 4.

[4] *Майский П.* Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхного Ванча. // Советская этнография, 1934, №4. – С.102-107.

[5] *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин (этнографический очерк) // Военный сборник, 1883, №11. – С.140-159; №12. – С.303-319; *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане. СПб., 1889. – С.437-479.

[6] *Хорошхин А.* Сборник статьей, касающихся Туркестанского края. СПб.,1876. – С.503-504.

[7] *Регель А.Э.* Поездка в Каратегин и Дарваз. // ИРГО, т. XVIII, в. 2, 1882. – С.137-141.

[8] *Косяков П.Е.* Путевые заметки военного топографа Косякова П. по Каратегину и Дарвазу в 1882 году, ИРГО, т. XX, в. 6, 1884. – С.589-613.

[9] Таджики Каратегина и Дарваза. Под редакцией *Н.А. Кислякова* и *А.К. Писарчик*, вып. 1. – Душанбе: Дониш, 1966. – 378 с.

[10] *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по1878 год). СПб.,1879. – С.54

[11] Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г. // Сборник материалов по Азии, вып. V, СПб., 1883. – С.24-25.

[12] *Варыгин М.А.* Опыт описания Кулябского бекства // ИРГО, 1916, т. 52, вып. 10. – С. 737-803.

[13] *Февралев Н.* Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарья от Калы Ванч до Керки // Военный сборник. 1895. №9. – С.219-228; №10. – С.419-433.

[14] *Рахимов М.Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк) // Труды института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XLIII. – Сталинабад, 1957. – 221 с. – С.172-174.

батмана в Кулябском бекстве нашел иным. «…В Кулябском бекстве в ходу та же теньга; из других мер: *батман*, который здесь чуть-ли не самый большой в Бухаре, в 16 *пудов* (т.е. 262 кг)»[1]. Полковник Матвеев, побывавший в Восточной Бухаре в феврале 1877 г. нашел *батман* Куляба равным 8 *пудов* (т.е. 131 кг)[2].

В Бальджуване тот же А.Е. Снесарев нашел *ман* в 12 4/5 *пуда*, т.е. 209,664 кг. Отношение между *манами* Бухары, Бальджувана и Ховалинга приведено в одном средневековом документе. В письменном донесении неизвестного лица ишану кази-калону Мир-бий-диванбеги сообщается отношение *мана* Бальджувана и Ховалинга с *маном* Бухары[3]. Письмо без даты, но судя по почерку и бумаге, можно предположить, что оно относится к концу XIX – началу XX веков. В письме сказано: «…Один *ман* этого вилаята (т.е. Бальджувана) равняется полтора *манам* Бухарского веса, а мера веса Ховалинга этого же вилоята больше на пять *сиров*. А по весу благородной Бухары это равно одному *ману* и десяти *дунимсирам*. Здешние жители каждые пять *сиров* называют один *нимча*, а в каждом *мане* – восемь *нимча*».

В Восточной Бухаре *нимча*, как правило, занимало совсем другое место в системе кратных *мана*, чаще всего она выступала как 1/8 его часть. Согласно одному местному документу, *нимча* Бальджувана и Ховалинга составляла 1/8 *мана*, т.е. в Бальджуване равнялась 24,57 кг, а в Ховалинге – 26,618 кг[4]. А.Е Снесарев отмечает, что *нимча* Кулябского бекства весила 2 *пуда* (32,76 кг), будучи 1/8 *батмана* в 16 *пудов*[5]. По этнографическим данным, *нимча* Куляба была другой, равна 8 *сангам* или 40 кг (1/8 *мана* в 20 *пудов*), а *нимча* Дашти-Джума – 20 кг (1/16 *мана* в 20 *пудов*). Но в Оби-Гарме *нимча* была всего 0,317 кг, будучи 1/1024 *мана*[6].

Джувол (Коп) – мера сыпучих тел, буквально «мешок». В северо-восточных районах Средней Азии для XIX века упоминается *коп* равным приблизительно 4 *пудам*, т.е. около 65-66 кг[7].

Для Куляба зафиксирован *коп* в два раза тяжелее – 8 *пудов* (1/2 *батмана*), т.е. 131 кг[8], а для Бальджувана – 6 *пудов* 16 *фунтов*, т.е. 104,832 кг[9].

В предгорных и горных районах Восточной Бухары *санг* был совершенно другим и по размерам, и по месту в системе кратных *мана*. В

---

[1] *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара (военно-географический очерк). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, СПб., 1906. – С.65.
[2] Поездка генерального штаба полковника Матвеева. – С.24-25.
[3] ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1720.
[4] *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – С.98.
[5] *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. – С. 65.
[6] *Рахимов М.Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу. – С.172-174; *Егани А.* Новые материалы по метрологии Средней Азии. Сборник «Материальная культура Таджикистана», вып. 1, Душанбе, 1968. – С.230-235.
[7] *Небольсин П.И.* Очерки торговли России с Средней Азией. – С.316.
[8] *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. – С. 65.; *Небольсин П.И.* Очерки торговли России с Средней Азией. – С. 316.
[9] *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркистане. – С.311-316.

Бальджуване и Кулябе А.Е. Снесерев *санг* или *тош* считает 1/64 соответствующего *батмана в* 12 4/5 *пуда* (Бальджуван) и 16 *пудов* (Куляб). Отсюда *санг* Бальджувана равен 8 русским *фунтам* (3,276 кг), а Куляба – 10 *фунтам* (4,095 кг)[1].

Подытоживая статью необходимо отметить большую заслугу русских ученых и их научных трудов в изучении истории Таджикистана. В частности, в изучении таджикской метрологии второй половины XVIII-начала XX веков их труды являются ценнейшими, и остаются единственными научными источниками. Нынешнее поколение таджикских ученых, занятых исследованием таджикской истории рассматриваемого периода, высоко оценивает и всегда помнит их неоценимый вклад в развитии науки в Таджикистане.

Турдиев Т. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОЛЬ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Согласно исследованию Э.М.Мирзаева разбросанные и впоследствии редактированные историко-географические сведение по Средней Азии встречается в дневниках и книгах ученых путишественныков Древней Греции, арабов, европоидов, китайцев и познее в дневниках и книгах русских ученых-путешественников [2].

Изучение Средней Азии русскими учеными активизируется, только во второй половине XIX века, после ее присоединения к России.

Присоединение Средней Азии к России ликвидировало феодальную раздробленность, усилило экономические связи с более развитой в экономическом отношении капиталистической Россией и привело к образрованию внутренного рынка.

В деревне развивается мелкотоварное производство, налаживаются товарно-денежные отношения. В городах, наряду с ремесленным производством, появляются промышленные предприятия. Начинается формирование новых общественных классов – буржуазии и пролетариата. Под влиянием прогрессивных идей передовой русской интилегенции возрождается богатые культурные и научные традиции таджикского народа, как и всех народов Средней Азии

Именно с этого периода начинается научные изучения Таджикистана. В средине 19 века утверждается приоритет русской науки в социально-экономиском и географическом изучении Средней Азии, в.т.ч. и Таджикистана.

---

[1] *Снесарев А.Е.* Восточная Бухара. – С. 65.

[2] *Муҳаббатов Х.М. Раҳимов М.Р.* Географияи Тоҷикистон. Душанбе, «Маориф ва фарҳанг», 2011. С. 5.

В дореволюционный период ряд маршрутов в Таджикистан совершает зоолог и географ Н.А. Северцев. Д.И.Иванов посвящает свои исследования Памиру. Экспедиция П.Е.Косякова и доктора Регеля (1881-1883) проникают в Бадахшан. В 1878 г. в Зеравшане работает В.Ф.Руссов. В 70-е годы А.П. Федченко изучает Памир. В.1879 г. исследуется средняя и нижняя долины р.Зеравшан профессором Г.Д. Романовским. В 1877-1878 гг. академик А.Ф.Миддендорф обследовал Ферганскую долину[1].

Северный Таджикистан дореволюционными учениями – путешественниками был описан гороздо полнее, чем другие части Таджикистана. Этому способствовало то обстоятельство, что по северным районам имелись статистические материалы, сбор которых начался с 1870 г. Поэтому уже с первых лет присоединения Средней Азии к России стали появляться работы, специально посвященные описанию отдельных территорий современного Северного Таджикистана [2,3].

Необычайно широкие возможности для научного творчества, использования достижений науки в интересах трудящихся открылось после победы Великой Октяберской социалистической революции.

После победы Октяберской социалистической революции началось систематической изучение природных ресурсов.

Создание первых вузов (Туркестанский государственный университет, 1920), исследовательские институтов и научных ячеек, экспедиционные исследования, организации Академии наук, научные центры, ряд исследовательский работы А.Е. Ферсмана, К.И.Скрябина, В.В. Бартольда и других выдающихся ученых, активизировал научные работы в области почвоведения, растениеводства, ирригации, гидротехники, разведки запасов минерального сырья.

В 1926 г., через год после преобразования Российской во Всесюзную Академию наук, со стороны ряда выших научных учреждений было организовано много научных экспедиций. Началось комплексное, росчитаное на пять лет, обследование Средней Азии. С 1928 г. АН СССР ежегодно направляет научные экспедиции под руководством Н.П. Горбунова в Таджикистан. Это позволило к концу первой пятилетки изучить богатейшие естественные ресурсы республики, провести обширные геологические исследования, геохимические и поисковые работы, собрать материалы по картографии, геофизике, гидрологии, ботанике.

Весной 1932 г. было создана Таджикская база Академии наук СССР – первое комплексное учреждение республики. Его возглавлял Н.П. Горбунов, а затем академик С.Ф. Ольденбург.

Началось систематическое изучение природных ресурсов республики. С этой целью был организован целый ряд экспедиции, из которых наиболее

---

[1] Таджикистан (природа и природные ресурсы). – Душанбе: «Дониш», 1982. – С. 7.

[2] *Кушакевич А.А.* Сведения о Ходжентском уезде. – Зап. Рус. геогр. общества по общей географии. Спб., 1871.

[3] *Кулчанов П.С.* Пенджикентский район. – Сб. мат-лов для статистики Самарканской области за 1887-1888 гг. Самарканд, 1890

важное значение имели Таджикская комплексная экспедиция (1928-1932 гг) и Таджикско- Помирская экспедиция (1933-1935 гг). В этих экпедициях участвовали выдающиеся ученые: геологи и географы; А.Е.Ферсман, Д.И.Наливкин, Д.И. Щербаков, И.С.Шукин, ботаники; Б.А. Федченко, П.Н.Овчинников, А.В.Гурский, зоолог; Е.Н.Павловский, топограф; И.Г.Дорофеев и другие. Оснавная работа этих экспедиции была направлена на изучение геологического строения и поиска полезных икопаемых. Также, наряду с этим и были получены материалы по ботанике, зоологии, гляциологии, гидрологии Таджикистана. Здесь надо отметить что эти экспедиции ликвидировали последние «белые пятна» на карте Таджикистана[1].

Наряду с этим появляется целый ряд научных публикаций: в 1935 и 1939 годах публикация книги Щукина И.С, Гилярова М.А. и В.М.Бардиева под названием «Таджикистан» делает доступной географическую информацию.

В ноябре 1940 г. имеющаяся база была реорганизована в Таджикский филиал Акамемии наук СССР (ТФ АН ССР)[2].

В 40-х гг. объем исследовательских работ резко сократился. Все усиля были направлены на обеспечение сырьем предприятий военного назначения

Интенсивное изучение природы и природных богатств Республики Таджикистан началось с 1946 г. В последующие годы, особенно когда ТФ АН СССР была реорганизована в АН Республики Таджикистан (1951 г), ученые продолжили выше указанные исследования, в результате чего в 1968 г. был составлен и издан комплексный Атлас Таджикской ССР [3]

Далее, в течение небольшого времени со стороны географического общества СССР, под руководством президента этого общества - С.В. Калесник, в 1968 г. публикуется 22 томное научное издание под названием «Таджикистан», в котором отдельные части подготовили ученые М.Ю. Мамаджонова, А.Н. Промтов, М.Р. Рахимов, Р.И. Селеванов, К.В. Станюкович и Д.А. Чумичев[4].

В 1982 г. АН Республики Таджикистан подготовила и издала научное издание под названием «Таджикистан – природа и природные ресурсы».

Наряду научными и научно-методическими публикациями в 1990 г. сотрудниками отдела географии и экологии АН РТ издается карта - «Природные ландшафты Таджикистана» (масштаб, 1:750 000). Более того, в 1999 г. издается научное издание Х. Мухаббатова «Горные ресурсы Таджикистана». В 2001 г. публикуется книга М. Рахимова «Природа и природные ресурсы Таджикистана». В 2004 г. для учеников средней школы

---

[1] *Нурназаров М., Абдуллоев Н., Мухаббатов Х., Рахимов М.* География Таджикской ССР. – Душанбе: Из-во «Маориф»,1991. С. 4-5.

[2] Таджикистан (природа и природные ресурсы). – Душанбе: «Дониш», 1982. С. 11.

[3] *Нурназаров М., Абдуллоев Н., Мухаббатов Х., Рахимов М.* География Таджикской ССР. – Душанбе: Из-во «Маориф»,1991. С. 4-5.

[4] *Муҳаббатов Х.М. Раҳимов М.Р.* Географияи Тоҷикистон. – Душанбе, «Маориф ва фарҳанг», 2011. С. 6.

издается «Географический атлас Таджикистана». В 2011 г. публикуется учебник для студентов и в 2014 г. издается учебник для средней школы авторов Мухаббатова Х.М. и Рахимова М.Р. под названием «География Таджикистана».

В целом история развития науки Северного Таджикистана М.С. Асими делит на пять этапов, в каждом из которых, наука рассматривается как составная часть.

Первый этап связан с организацией Туркестанского университета (1920-1924 гг.);

Второй этап характеризуется орзаницией ряда научных исследований (1924-1932 гг.);

Третий этап охватывает деятельность Таджикской базы АН СССР (1932-1940 гг.);

Четвёртый этап наченается с образования, подготовки и воспитания кадров Таджикского филиала АН СССР (1940-1951 гг.);

Пятый этап совподает с деятельностью АН Таджикской ССР (где в 1951 г. первым президентом стал М. С. Айни).

В данное время анализ названных работ и содержание характеристики вышеперечисленных этапов истории развития науки, позволил использовать их в качестве ориентира для поиска необходимых неоматериалов.

С целью получения новых материалов по природе и природным ресурсам территории Северного Таджикистана автор данной работы в течении нескольких лет (1991-1995 гг.) работал в составе международной экспедиции лаборатории горных геосистем ИГ РАН *(рук. Ю.П.Баденков и А.Н.Гуня)*, где среди членов были ученые-географы из Германии, Нидерландии, Великобритании, Франции и других стран.

Более того, после систематизации патоков информации по природе Северного Таджикистана, начиная с 2000-го года автором *(в основном во время полевой практики совместно со студентами факультета геоэкологии ХГУ им. академика Б.Гафурова)* в рамках объекта исследования тщательно изучаются земле- и ландшафтопользование, расселение населения, отдельные природные ресурсы, антропогенные воздействия на них, их состояние и др.

Гуфранов М. С., Аминов М. Х.,
Гуфронов Д. Н., Гуфранова З. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

ВКЛАД РУССКО–СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ЧОРУХ – ДАРРОНСКОГО РУДНОГО ПОЛЯ

Исследование Карамазара и Моголтау имеет богатую историю, начало который относится к средним векам и охватывает значительный период времени. Месторождение Чорух – Даррон, которое расположено на севера-

восточной части горы Моголтау, по данным П.П. Иванова и М.Е. Массона, было известно древности (IX – X вв.).

Первые данные о геологических исследованиях Кураминского хребта относятся к 80 годам XIX в. и приводятся в работах Г.Д. Романовского и И.В. Мушкетова.

В период с 1908 по 1916 годы Карамазар и Могалтау посещались горнопромышленниками А.С. Назаровым, сделавшим попытку организовать эксплуатацию медных месторождений Туранглы, В.Н. Томилиным, описавшим ряд месторождений в Западном Карамазаре и Могалтау.

Полномерное геологическое изучение было начато в советское время (30-е годы) и приняло особенно широкий размах после провидения С.Ф. Машковцевым (1925 год) геологической съемки десятиверстного масштаба.

В начале 40-х годов поисково-съемочные и геологоразведочные работы проводились уже по всей площади Карамазара и Могалтау.

Большую роль в изучение Карамазара и Могалтау сыграли работы Б.Н. Наследова (1928, 1931, 1933, 1935 гг), А.В. Коралева (1931, 1941, 1948, 1954 гг.), И.А. Смольянинова (1935 г.), Б.К. Бреженкова (1935 г.), И.В. Дюгаева (1934 г.), Ю.А. Арыпова (1936 г.), Ф.И. Вольфсона (1947, 1951 гг.), Е.Д. Карповой (1943, 1946, 1951 гг.) и многих других русско-советских ученых.

В последние годы по Карамазару и Могалтау проведено значительные количество тематических работ, и опубликован ряд обобщающих трудов. Среди них следует отметить работы Н.П. Васильковского «Стратиграфия и вулканизм верхнего палеозоя юго-западных отрогов Тянь-Шанья» (1953 г.), А.В. Королева по металлогении Алмалыка и рудоности скарнов Карамазара и Могалтау (1941, 1948, 1954, 1956 гг.), Ф.И. Вольфсона – по изучению структур и генезиса полиметаллических месторождений Юго–Западного Карамазара, Е.Д. Карповой – по геологии Карамазара и металлогении Тянь–Шанья (1943, 1952 гг.), Х.М. Абдуллаева по металлогении, связи оруденения с интрузивами, дайками и магматизмом (1949, 1954, 1956 гг.), коллектива авторов под общей редакцией Х.М. Абдуллаева (1958 г.) – «Основные черты магматизма и металлогении Чаткало – Кураминских гор», В.А. Жарикова – по геологии и метасоматическим явлениям скарново – полиметалических месторождений западного Карамазара (1959 г.)

В 1944 г. Е.Д. Карповой и Н.П. Соколовым была выполнена геологическая съемка гор Моголтау и южных предгорий Карамазара в масштабе 1:50000. В 1945–1946 гг. в южной части района Х.И. Хамрабаевым произведена геологическая съемка в масштабе 1:10000, Д.Д. Мотиным проведена поисково-съемочные работы в различных частьях гор Моголтау. В 1966–1973 гг. М.Е. Запрометовым и П.В. Коровиным горы Моголтау покрыты геологической съемкой масштаба 1:10000.

Рудное поле Чорух–Даррон систематически изучалось с 1931 года после обнаружения в его пределах шеелитового оруднения профессором Н.А. Смольяниновым. Разведкой месторождения в различные годы

занимались геологи: 1941 г. – В.М. Бирюков, В.А. Тарасов, 1945-1947 гг. – В.Ф. Черненко, 1947–1948 гг. В.Н. Петров, 1949–1953 гг. – Ф.Г. Дылевский, И.В. Королев, 1953–1955 – Л.К. Комжа, 1955–1963 гг. – А.А. Сескутов, 1965–1970 гг. – Б.В. Мамонтов.

В 1943–1956 гг. минералого–петрографическими исследованиями в районе занимались Е.Л. Бутакова, А.К. Поляков, Е.Д. Карпова. В результате их работ получен обширный материал по составу рудной, скарновой и апоскарновой минерализации. В 1949–1950 гг. вопросами петрографии и минералогии на месторождении Чорух–Даррон занимались З.А. Коралева, И.Х. Хамрабаев, Л.К. Яхонтова. Основное внимание авторы уделяют вопросам минералоброзования, петрохимии и метаморфизму вмещающих пород.

В 60-е годы XIX В.В. Кристальным основное внимание уделено стадийности процесса эндогенного минералообразования на Чорух–Дарронском рудном поле. В эти же годы вопросами геохимии и зональности метасоматитов месторождения Южный Янгикан занималась группа сотрудников ИМГРЭ (И.В. Негелюстов, Б.В. Зленко, А.М. Губанов и другие).

Большое внимание составу скарновой минерализации, закономерностям и размещения, и прогнозирования уделено в работе В.И. Данилевского «Типы геотермально изменённых пород Карамазара и их положение в общей схеме эндогенного рудообразования» (1968 г.).

В эти же годы минералого-петрографические исследования проводились Е.А. Котеневой. Ею определен минеральный состав рудных метасоматитов на месторождении Юбилейное и элементы – примеси в шеелите.

Кроме геологических работ, в районе проводился комплекс геофизических и геохимических работ.

Начиная с 1957 года геофизические работы в Карамазаре и Моголтау проводились Северной геофизической экспедицией управления геологии Таджикской ССР. Эти работы до 1961 г. носили преимущественно детальный характер и решали частные задачи. В 1961–1962 гг. геофизиками И.Д. Зимкиным и В.В. Бронским проводились опытные работы методом вызванной поляризации на ряде месторождений Карамазара. В том же 1962 г. в пределах Чорух–Дарронского рудного поля ими же проводились работы методами комбинированного электропрофинирования с целью уточнения Андыгенского-Туябогузского разломов. Андыгенский разлом отметился четками аномалиями проводимости. Вопрос о существовании Туябогузского разлома геофизическими методами однозначно не было решено. Положительный результат был получен при прослеживании Кызылтурского разлома.

С 1961 по 1964 гг Северная геофизическая экспедиция кроме детальных геофизических работ проводила площадные поисково–картировочные работы масштаба 1:10000 под руководством главного геофизика А.Н.Балашева и главного геолога В.Е.Минеева.

В 1965 г. геологом З.Г. Сескутовой и геофизиками С.Н. Аспангельдиным, Л.С. Бендик выполнена работа по теме «Анализ и обобщение материалов геофизических работ прошлых лет по Мирзарабатской депрессии». На основе этих материалов впервые была составлена схема геологического строения Мирзарабатской депрессии, перекрытой мезозойскими отложениями.

С 1964 по 1967 гг. Карамазарская партия северной геофизической экспедиции в составе Н.И. Пашкова, Э.А. Сайгонова, И.Д. Зимкина, В.В. Бронского, А. Шунаева, И.М. Церман, С.С. Бронской, А.А. Акопян под руководством А.Н. Балашева и А.А. Сескутова проводила геолого-геофизические исследования в севера-восточной части гор Моголтау и Мирзарабатской депрессии. В результате выявлены рудопроявления Юбилейное, Июньское, Западное и месторождения Южный Янгикан, которые являлись составной частью Чорух – Дарронского рудного поля.

В итоге вышеприведенных исследований был собран богатый материал по геологическому, геохимическому строению, геофизической структуре и рудному составу Чорух–Дарронскоого рудного поля, что являлось основой для развития горно – рудной промышленности в регионе.

Собиров М. С., Аминов М. Х.
(г. Худжанд. Таджикистан)

ОСОБОЕ МЕСТО РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОЧВЕННОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА

Разнообразие и уникальность почвенного покрова Республики Таджикистан издавна привлекало ученых всего мира. Особенности формирования почвенного разнообразия были обусловлены гористостью территории и аридностью климата, что было отражено в результатах первых научных экспедиций второй половины XIX и начало XX века. Академик А.П. Федченко, описывая природные ресурсы региона, отмечал, что почвенный покров речных долин, прибрежных и смежных территорий сильно отличаются по цвету, растительному покрову, а следовательно, по плодородию. Предположительно основную часть можно охарактеризовать как серо-каштановые почвы, хотя встречаются луговые, горные и даже горно-луговые и высокогорные почвы сформированные в особых условиях почвообразования. Вышеуказанное описание отличалось поверхностным подходом и необходимостью более подробного изучения. Различные объективные причины не позволили начать глубокие исследования почвенной толщи Таджикистана до 30-х годов XX столетия.

До сих пор, основоположником таджикской почвенной и агрохимической науки считают выдающегося российского ученого И.Н. Антипова-Каратаева. Именно он в начале 30-х годов XX века по заданию Советского правительства приехав в Вахшскую долину

Таджикистана заложил основы почвоведения края. Основной целью экспедиции И.Н.Антипова-Каратаева было изучение перспективных возможностей возделывании хлопчатника в Таджикистане и пригодность местных почв к выращиванию этой культуры. Избранный в последствии академиком АН Таджикской ССР И.Н. Антипов-Каратаев начал исследования неосвоенных, заболоченных, засоленных земель Вахшской долины с набора рабочих групп из местного населения. Основным критерием отбора служили владение грамотностью и тяга к новым знаниям. Для организации плодотворных исследований необходимо было учредить стационарный научный центр, который мог бы позволить обрабатывать и анализировать собранный материал полевых исследованный. Таким образом, благодаря высокой организаторской способности и упорной целеустремленности ученого ему удалось уже в 1932 году образовать Вахшскую почвенно-мелиоративную станцию в городе Курган-Тюбе (ныне город Бохтар). В начальное время станция ютилась в глинобитном здании из трех комнат, построенное самыми членами экспедиции. Примечательно, что камеральная обработка почвенных образцов проводилось в комнате, которая являлась рабочим кабинетом и спальней знаменитого ученого И.Н. Антипова-Каратаева. Ему удалось к 1936 году почти полностью охватить исследованиями всю территорию Вахшской долины и составить подробный научный отчет, где содержалась почвенно-мелиоративная характеристика и описание природных особенностей земельных ресурсов долины река Вахш. Была установлена необходимость проведения различных агромелиоративных мероприятий для освоения и дальнейшего использования этих земель для развития хлопководство региона. И.Н. Антиповым-Каратаевым впервые было предложено термин "серозем" более конкретно характеризующий природные условия формировании местных почв. Важным направлением деятельностью ученого являлось подготовка местных кадров и обучению их основам полевых исследований и изучении особенностей почвообразования на материалах экспедиции. Им установлено, что полугидроморфные почвы Вахшской долины пригодны по своим природным характеристикам плодородия для развития хлопководство, но требует проведение комплекса мелиоративных и гидротехнических работ. Незначительное содержание гумуса и иных питательных веществ почвы предполагает использование повышенных норм органических и минеральных удобрений при выращивании сельскохозяйственных культур. Во избежание снижения естественного уровня плодородия почвенного покрова Вахшской долины И.Н. Антипов-Каратаев предложил внедрение полевых севооборотов, т.е. посев основных культур земледелия в сочетание с травянистыми культурами.

В начале 40-50-х годов двадцатого столетия исследование почвенного покрова Таджикистана были продолжены и осуществлены учениками и соратниками академика И.Н. Антипова-Каратаева, такими как Л.П. Белякова, К.Н. Илловайская, И.М. Липкинд и другими исследователями. Трудами этих ученых под руководством академика И.Н. Антипова-Каратаева был

сформирован мощный научный коллектив почвоведов-агрохимиков, что позволило образованию научно-исследовательского института почвоведения Академии наук Республики Таджикистан. Начались разнонаправленные исследования почвенного покрова, как особого природного объекта требующего бережного к себе отношения. В целом научное наследие И.Н. Антипова-Каратаева показывает, что он является первым ученым в Таджикистане рассматривающим почву, как природный объект производственного значение с обязательным проведением мероприятий по сохранению плодородия.

Любовь Петровна Белякова, как верная ученица академика И.Н. Антипова-Каратаева продолжив исследования своего научного наставника, посвятила свои исследования аспектам сохранении и повышении плодородии сероземных почв. На основе результатов продолжительных и разносторонних исследований почв различных регионов Таджикистана ею было выявлено, что распашка целинных земель и использование их для производства растениеводческой продукции с применением искусственного орошения, способствует снижению показателей плодородия сероземов на 40-60 % в первые 2-3 года после освоения. Доказано, что при таком подходе вероятность разрушения и уничтожения плодородия резко повышается. Для недопущения и предотвращения этих проявлений антропогенного воздействия Л.П. Белякова предложила внедрении севооборотов с люцерной в качестве обязательного компонента земледелия. Она экспериментально установила, что присутствие люцерны в составе хлопкового севооборота способствует обогащению почвы необходимым объемам органических остатков постепенно превращающиеся в гумусовые вещество, что позволить повысить уровень плодородия почв. Н.Н. Илловайской и Л.П. Белякова стали пионерами биологических и микробиологических исследований почвенного покрова Таджикистана. Считается, что Л.П. Белякова является в истории почвенной науки Таджикистана первой и единственной женщиной-ученым – почвоведом, защитившим докторскую диссертацию.

Необходимо отметить что одним из верных учеников и соратником академика И.Н. Антипова-Каратаева, внесшим значительный вклад в становлении почвенной науки Таджикистана, являлся Пауль Анжелович Керзум. Ученый с огромным трудолюбием и теоретическим багажом занимался исследованием вопросов генезиса и классификации почв региона и основоположником картографии почвенных разновидностей региона. Им были установлены основные закономерности проявления вертикальной поясности формировании типов, подтипов, разновидностей и иных классификационных признаков основных почвенных разностей территории Таджикистана. П.А. Керзум впервые в Таджикистане начал исследование вопросов бонитета почв – балльной оценки показателей плодородия. Особо стоит отметить, универсальный подход ученого к решению вопросов бонитировки почв. С учетом гористости территории Таджикистана и распространении разнообразных климатических особенностей в узких географических широтах П.А. Керзум использовал климатические ресурсы в

качестве основных классификационных признаков – индикаторов оценки состоянии плодородия почв. Предполагалось, что в условиях умеренного климата и средних гор формирующие почвенные разновидности можно считать региональным эталонам и произвести бонитировку почв конкретной долины относительно этих величин. В последствии такой подход был признан объективным и в данное время широко используется в практике создании государственных кадастров почв Республики Таджикистан.

В целом, двадцатое столетие был периодом зарождения, становления и развития почвенной науки в Таджикистане в результате плодотворной научной деятельности российских учёных, что отразилось в изданной книге «Почвы Таджикистана» авторами которой являются В.Я. Кутеминский и Р.С. Леонтьева. Важным результатом стало воспитание целой плеяды местных кадров – почвоведов, как Ю.А. Акрамов, А.А. Садриддинов, М.Р. Якутилов, М.С. Султанов и много других учёных, что позволило таджикскому почвоведению занять своё достойное место в мировой науке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архивные документы НИИ почвоведения за 1952-1990 г. Дшанбе, библиотека НИИ почвоведения АСХН Республики Таджикистан
2. *Алиев И.С.* Вспоминая путеводных наставников. Душанбе, изд. Дониш. 2006 г.,137 с
3. *Акрамов Ю.А.* И.Н. Антипов-Каратаев-создатель почвоведения Таджикистана. Мат. Респ. Научно-теор. Конф. Посвящ. 60-летию НИИ почвоведения АСХН Республики Таджикистан
4. Личные воспоминания автора и его соратников

Абдурахимов С. Я., Исмоилова Д., Абдурахимова М. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО РЕЛЬЕФА СЕВЕРНОГО СКЛОНА ТУРКЕСТАНСКОГО ХРЕБТА (ТАДЖИКСКАЯ ЧАСТЬ) РУССКИМИ УЧЕНЫМИ

Научный анализ современного развития рельефа и истории четвертичного периода и геоморфологии Западной Ферганы изучены и обобщены в научных трудах русских ученых в конце XIX и XX вв. К ним относятся: О.К. Ленге, [1937], Н.П. Васильковский, [1947], Д.П. Резвой [1956], С.С. Шульц, В.И. Попов [1938, 1954, 1956] Пейве, [1938], Н.М. Синицин, [1960], А.И. Суворов, [1954], А.М. Акрамходжаев, Н.И. Гриднев, [1957], Н.П. Костенко [1957, 1972], В. Г. Клейберг и С.Н. Симаков и другие [1957] В.Н. Вебер [1934]. О.А. Рыжков [1951, 1959, 1962], В.И. Попов, А.С. Теленков, И.В. Плещенко [1967], В.И. Попова [1967], Д.П. Резвой и Н.А.

Лисицына [1959], С.А. Несмеянов [1971], Максудов Б.М. [1958,1969, 1970] и др.

Указанные ученые первые составили схемы геоморфологического районирования Ферганской депрессии, отразили концентрическое распределение орографических элементов и таких зонах, как Центрально–Ферганская, адырная, предгорная, передовых хребтов и главного хребта. О.К.Ленге, [1937], Н.П. Васильковский, [1947], Д.П. Резвой [1956,1959], отмечали наличие унаследованности в развитии структур в Южном Тянь – Шане, начиная с верхнего палеозоя. Выделили Каратау – Куктепе – Гузланское и Тохтабуз-Баткенское / Катрантауское горст – антиклинальные поднятия /, а между ними Исфара – Ляхканскую грабен – синклинальную зону. На стыках Тохтабузского (на западе) и Баткенского (на востоке) палеозойского ядра расположена Шурабская владина. Между Тохтабуз – Баткенской горст-антиклиналью и высокими предгорьями Туркестанского хребта расположена Чоркух – Самаркандская грабен – синклиналь. Они отметили, что антиклинали возникли в результате активных поднятий в эрогенном этапе отдельных участков палеозойского фундамента, с синклинали (прогибы) все не являются результатом интенсивного погружения, а служат всего – на всего, местами, где общее поднятие несколько отставало и задерживалось. На исследуемой территории он выделяет своеобразный тип складок – рубцовые, которые представляют собой узкие антиклинали, развивающиеся в колоссах или во всей толще мезокайнозоя непосредственно над разломами палеозойского фундамента. К ним были отнесены Кимская антиклиналь, восточная часть Гузланской антиклинали и другие.

По мнению С.С. Шульц [1961] складки возникают в мезокайнозойских осадок в связи со срывом и соскальзыванием их с палеозойского покрова. В.И. Попов [1938, 1954, 1956] придает особое значение в образовании крупных прогибов и впадин вертикальному движению. Он считает, что при этом происходит нарушение гравитационного равновесиями за счет этого возникает тангенциальные условия, которые и обуславливают складкообразование. Многие исследователи Пейве, [1938], Н.М. Синицин, [1960], Д.П. Резвой, [1961], А.И. Суворов, [1954], А.М. Акрамходжаев, Н.И. Гриднев, [1957] разделяют Ферганскую депрессию на Северную, Центральную и Южную зоны.

Для Южной зоны Ферганской депрессии характерна серия субширотных структур, протягивающихся параллельно оси Туркестанского хребта – поднятия. Поэтому существующие в Южной зоне поднятия зачастую принимаются за предгорья этого хребта. Южная граница этой зоны, отделяющая ее от Туркестанского хребта, трассируется цепью в падии – грабенов «40-й параллели», а северная граница проходит по Южно–Ферганской флексурно–разрывной зоне. По мнению А.И. Суворова [1954], грабены «40-й параллели» располагаются вдоль разрывного нарушения и являются его отражением в рельефе Южной Ферганы. Он подчеркивает неоднородность морфологии и генезиса структур у разных бортов

Ферганской депрессии. Однако в его некоторых других схемах не учитывались особенности орфограческого выражения структурных форм, несоответствие погребенных и приповерхностных структур.

Н.П. Костенко [1957] связывает геоморфологию и неоднородности геологического строения впадении с особенностями истории развития отдельных участков. Так, Центральная зона рассматривается как область устойчивого новейшего пригибания, а предгорная – как зона только неогенового пригибания, втянутая с конца раннего плейотуена в поднятие разрастающихся снежных хребтов.

Знаток горных стран Центральной Азии Н.П. Костенко [1972] Туркестана-Зеравшанское поднятие в структурно–орографическом отношении подразделяет на 3 части:

1. Сопряженный склон Ферганской межгорной впадины и Туркестана-Зеравшанского поднятия, сложенной породами мезозоя и кайнозоя, втянутый в плейстоценовый процесс вздымания и расширения горного сооружения.

2. Передовой хребет Юго-Западного Тянь–Шаня, представленный мегантиклинально, асимметричной блоковым внутренним строением, сложенной породами фундамента.

3. Зеравшанская горная впадина, значительно редуцированная, выполненная породами мезозоя и кайнозоя.

Южный склон Ферганской межгорной депрессии со сводово-складчестым строением подразделяется на 4 зоны: Белесиникское поднятие Каратау–Гущланское; Тогапская, Исфара-Ляжканская, впадина, горы Тохтабузское Тохтабуз Баткенское поднятие и др.; впадина “сороковой параллели”, осложненная и подразделенная частными поднятыми и перемычками.

Изучая постплиоценовые отложения в Ферганской депрессии И.П. Васильковской [1993] пишет о наличии четырех фаз складчатости. Проявившихся в альпийскую эпоху. Однако в более поздних работах [1935, 1939, 1948] он сокращает число фаз складчатости до трех:

1. Сохская фаза определяется несогласным залеганием сотских темно-серых конгломератов на третичных и других породах.

2. Самгарская фаза – несогласиями между свитами С и Д послесохский.

3. Супетауская фаза – несогласным между свитами Д и Е. При этом надо подчеркнуть, что свити С1 и С2 мощностью более 500 питались нижнечетвертичными сохскими О1, а свита Д также сопоставляется со сохскими нижечетвертичнимы темносерыми конглмерами. Н.П. Васильковский предполагает, что в результате новейших тектонических движений были созданы структуры Ферганской депрессии, и выделяет четыре зоны:

1. Высокогорную, расположенную между южным бортом “котловины 40-й параллели” до водораздела.

2. Зону передовых хребтов и предгорий внешних адыров – от южного борта Ферганской депрессии до зоны впадины “40-й параллели” заключительно.

3. Внутренних адыров.

4. Равнинных зон Центральной Ферганы

Каждая из этих зон отличается по своему строению и развитию. В.И. Попов касаясь вопроса тектонических структур в Южном Тян-Шане, предлагает выделять два типа структур: древние – глубинные палеозойские и молодые покровные мезокайнозойские структуры. Он пишет, что “дислокация мезокайнозоя, в значительной мере, зависит от глыбовых дислокаций фундамента. Они наиболее интенсивны вблизи разломов и затухают вдали от них, где мезокайнозой лежит на абрадированной поверхности палеозоя”.

В.Г. Клейберг и С.Н. Симаков и другие [1957] в пределах Ферганской депрессии выделяют четыре зоны: Южную, Серверную, Центральную и Куршабскую.

В Южную зону включают южный борт Ферганской депрессии шириной порядка 30 км, - от Канибадама на севере до котловины “40-й параллели” включительно, куда входит Каратау, Гузланское, Баткен – Тохтабузское поднятии и Исфара – Ляжканская, Чоркух- Самаркандская впадины. Южно – Ферганская флексурно-разрывная зона впервые была намечена В. Н. Вебером [1934]. Положение её примерно соответствует Маргиланской флекстурно-разрывной линии В.И. Попова.

О.А. Рыжков [1951], обнаружив и уточнив положение Южно–Ферганской флексурно-разрывной зоны, отмечает, что на севере от нее резко увеличивается мощность моласс. Он предполагает, что Южно- Ферганская флексурно-разрывная зона, появилась в мезозое и интенсивно развивалась в кайнозое.

В тектоническом развитии Ферганы О.А. Рыжков [1959] выделяет два этапа структурной перестройки: триасово–пелеогеновый, олигоценово-антропогеновый. Первый этап характеризуется платформенным этапом развития. Второй этап отличается высокой тектонической активностью, образованием положительных складок, широким распространением в антиклиналях разрывов в виде надвигов, возникновением разломов большой амплитуды и большой протяженности, накоплением осадков большой мощности с резкой фациальной изменчивостью, образованием флексурно - разрывных зон.

Рыжков О.А. [1962] в мезокайнозойских отложениях Ферганы выделяет несколько блоковых полей – Среднеферганское, Пятикаранско-Кокандское, Северно – Ферганское, Нанайское, Восточно-Ферганское, Наринское, Южно Ферганское, Карантауско-Гузланское, Восточно-Ферганское, Узкгенско-Карасуйское.

В пределах Южно-Ферганского блокового поля им выделены:

1. Каратау-Карачатырская антиклинальная зона, куда входят исследуемые нами Каратауское и Гузланское антиклинальное поднятия, ограниченные Гузланским и Каратауским разломами.

2. Исфара-Наукатская синклинальная зона, в пределах которой расположена исследуемая нами Исфаринская, Исфара-Ляхканская, синклиналь полуграбен.

3. Сулюктинско – Катрантауская антиклинальная зона, исследуемая центральная ундуляционная часть которой названа нами Тохтабуз-Баткенская горст-антиклинальной зоной.

4. Синклинальная зона “40-й параллели”, названная нами и другими исследователями Чоркух–Самаркандской грабен-синклинально исследуемый участок.

Варухскую грабен-синклиналь он также включает в синклинальную зону 40-й параллели, что является ошибочным, так как она Варухская является межгорной впадиной типа грабена, расположенной в пределах северных предгорий Туркестанского хребта.

О.А. Рыжков в указанной монографии предполагает, что перед накоплением бактрийской серии в Фергане проявилась бостонская складчато-глыбовая фаза и после продолжительного перерыва в начале сохского времени – вторая складчато-глыбовая фаза и в конце сохского после накопления сохской свиты произошла третья – Чимионская складчато – глыбовая фаза, продолжающаяся и в настоящее время. Наши исследования подвергают сомнению правильности предположений О.А. Рыжкова о проявлении трех складчато-глыбоных фаз в плиоценчетвертичном периоде. Нами и другими последователями Попов В.И., Теленков А.С., Плещенко И.В. [1967] на основе более достоверных фактов в орогенном этапе истории развития Южной Ферганы установлены 6 фаз складчато-глыбовых движений усиление тектогенеза и подтверждены предположения Попова В.И. [1967] о непрерывно – прерывистом поднятии территории.

Д.П. Резвой и Н.А. Лисицына [1959], описывая тектонику Южной Ферга, отмечают, что здесь развиты брахиантиклинали, ядра которых сложены средне - и верхнепалеозойскими отложениями. К ним они отнесли поднятия Гузлан, Каратау, Галчабаши и другие, которые отделены друг от друга депрессиями. Строение их асимметричное, северное крылы пологие, а южные крутые и сложены разломами. Складчатые структуры позднего палеозоя не совпадают со структурами мезокайнозоя и только в некоторых случаях они наследуются. При тектоническом районировании они стремились показать современно строение территории. Они выделяют несколько тектонических зон и приводят характеристику нескольких крупных нарушений, таких, как Южно-Ферганская, Севера – Катранская, Южно-Катранская и других.

В настоящей работе собран и обобщен материал по тектонике, который вскрывает особенности формирования органных структур района. Основываясь на тектонических схемах О. А. Рыжкова [1962], Д. П. Резвого [1959], С. Н. Симакова и В. Г. Клейнберга [1957], Н. П. Костенко [1972] мы

по глубине залегания палеозойского фундамента и по особенностям развития структур подразделяем район на четыре крупных блока: Южный, Центральный, Северный и предгорный Туркестанского хребта, или Туркестанский хребет. Они характеризуются сложным строением: в поверхностных структурах это фиксируется в кулисообразном расположении горстантиклиналей и брахиантиклиналей в сложных контурах грабен-синклиналей и брахисинклиналей. Обшими чертами их являются асимметричное строение, ступенчатое опускание палеозойского фундамента. Границами указанных структурных блоков являются пограничное разломы.

1. Южно-Хайдарканской или Северо–Туркестанский;
2. Южно-Катрантау-Тохтабузский;
3. Южно-Ферганский, Каратау-Кузланский;
4. Южно-Ферганская флексурно- разрывная зона;

Разломы ограничивающие структурные блоки.

1. Южно-Хайдарканский, или Северо-Туркестанский разлом отделяет Южную зону от Туркестанского хребта. Он фиксируется по залеганию палеозойского фундамента в блоках на различных абсолютных отметках, имеет вертикальное падение и субширотное простирание. Хорошо выражен в рельефе и морфоструктуре района. Амплитуда перемещения по нему равна 1500 м.

2. Южно–Карантау–Тохтабузский разлом отделяет Центральный структурный блок от Южного. Он хорошо выражен понижениями в рельефе, зонами сильно дробленных и гипсованных пород. Мощность разлома 50-60 м. Падение вертикальное, простирание субширотное. Амплитуда смешения палеозойского фундамента равна 2000-2100 м.

3. Южно-Ферганский глубинный разлом выделен Пейве А, В, в 1936 г. Его неслудемая часть названа Каратау-Гузланским разломом, который отделяет Северный структурный блок от Центрального. Он отчетливо выражен в рельефе триассируется перенибами рельефа, дробления, гипсования, мощность которых достигает 100м. г. Калачи Мазар. Угол падения плоскостей вертикальный, простирание субширотное. В прилегающем Центральном блоке палеозойской фундамент опушен относительно Северного блока на 2000-2200 м.

4. Южно Ферганская флексурно-разрывная зона отделяет собственно Ферганскую депрессию от Южной зоны, представлена серией разломов параллельно или кулисообразно расположенных чередующихся флексурами. Ф.Х. Зунцунов и др. [1973]. Полоса деформации горных пород имеет длину порядка 300м. Смешение по разломам в основном взбросова-сбросового характера с наклоном поверхности сместителя од углом 70-85, чаше под приподнятой блок. В пределах исследуемой части она представлена системой эшелонированных разломов – Тузлукоким, Махрамоким, Канибадамским, Шорсуйским, Айританоким и Нефтеабадским.

Разлом фиксируется по различной глубине залегания палеозойского фундамента, где перепад в глубине залегания для разных блоков достигает более 3000 м. В нашем районе на поверхности разлом обнаруживает себя

проявлением в северном структурном блоке адырных поднятий, выходами палеозойского фундамента горы Каратау Падение разлома под углом 70-85, крутое простирание субширотное.

Кроме вышеописанных сфубширотных разломов высокого порядка, русскими учеными и Б. Максудовым [1958, 1969,1970] внутри каждого структурного блока установлен ряд более мелких субширотных и субмеридиональных разрывов, которые расчленяют исследуемую территорию на блоки низкого порядка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Акрамходжаев А.М.*, *Гриднев Н.И.* Псефито-петрографические провинции ферганской депрессии в мезозое и кайнозое. // «Узб. Геол. жури.». 1959. № 2.
2. *Васильковский, Н.П.* К стратиграфии четвертичных отложений ферганы // Горн. фак. САПИ. материалы по геологии Ср. Азии. – Ташкент, 1935.
3. *Вебер В. Н.* Геологические исследования в Сырдарьинской области в 1904 году. // Изд. Геол. Ком. 1905. Том. 24. №7-8.
4. *Клейберг В. Г.* Стратиграфия и условия накопления кайнозойских отложений ферганы. // В кн. Геологическое строение и нефтегазоность ферганы. // Гостоптехиздат. 1957. № 6.
5. *Костенко Н.П.* О принципах составления специальних геоморфологических карт в целях анализа неотектоники горных стран. // Вестник МГУ. 1957. № 2.
6. *Костенко Н.П.* развитие складчатых и разрывних деформаций в орогенном рельефе. – М.: Изд-во «Недра», 1972.
7. *Ленге, О.К.* Ферганская котловина // Геол. УзСССР. т.1, 1937.
8. *Максудов Б.* Происхождение и некоторые особенности развития сухих, дельт Юго-западной Ферганы (Исфара). Уч. зап., естфак ЛГПИ им. С. М. Кирова, 1958, вып. IV.
9. *Максудов Б.* Некоторые вопросы рационального использования природных ресурсов Исфаринского района // Уч. зап. естфак ЛГПИ им. С. М. Кирова. Вып. 31. 1969.
10. *Максудов Б.* Некоторые особенности методологии и определения возраста конгломератовых толщ бассейна р. Исфары. // Уч. зап. естфак ЛГПИ им. С. М. Кирова. Вып. 31. 1969.
11. *Максудов Б. К.* геологической карте среднего и нижнего течения бассейна // р. Исфары. Сб. 1 мат. межвуз. научн. тео- рет. конф. – Ленинабад, 1970.
12. *Несмеянов С.А.* Колчественная оценка новейших движений и неотектоническое районирование горной области. – М.: Изд. «Недра», 1971.
13. *Попов В.И. Теленков А.С. Плещенко И.В.* О непрерывно-прерывистом возрастном с кольжнии подошвы дислоцированных

кайнозрйских моласс ферганской депрессии // ТашГУ им В.И. Ленина. матлы пробл. лаб. осад. форм. и осад. руд. Научн. Тр. Вып. 326. – Ташкент, 1967.

14. *Попов В.И.* История депрессия и поднятий Западного Тянь-Шаня. // Ташкент, 1938.

15. *Попов В.И.* Литология кайнозойских моласс Средней Азии. // Ташкент, 1954.

16. *Рыжков О.А.* Тектоническое развитие ферганской депрессии в мезозое и кайнозое. // Тр. Ин-та геологии АН УзСССР. Вып. 6. 1951.

17. *Рыжков О.А.* Тектоника меловых и кайнозойских отложений ферганской депрессии // Изд. АН уз СССР. – Ташкент, 1959.

18. *Рыжков О.А.* Структурно-тектоническое районирование мезо- и кайнозойских отложений Узбекистана ВКП «Тектоника и некоторые вопросы нефтегазоности мезо-и мезокайнозойских отложений Узбекистан». – Ташкент, 1962.

19. *Резвой Д.П.* О явлениях унаследованности в тектоническом развитии Южного Тянь-Шайя в верхном палеозое, мезозое, кайнозое. // Геол. Сб. № 2-3 Львовского Геол.с-ва. 1956.

20. *Резвой Д.П.* Тектоника Восточной части Туркестано-Алайской горной системы // ИЗД-во Львовского Гос. ун-та, 1959.

21. *Синицин Н.М.* Тектоника горного обрамления ферганы. // ИЗД. ЛГУ, 1960.

22. *Суворов А.И.* Тектоническое районирование ферганской впадины по генетическим признакам. // Тр. Ин-та геологии АН ССР, вып. 158, 1954.

23. *Симаков С.Н.* и *Клейнберг В.Г.* Геологическое строение и нефтеносность ферганы. // Тр.ВНИГРИ, вып.110. – Л., 1957.

24. *Шульц С.С.* Складчатые дислокации конгломератов сухих дельт Южной. Ферганы. // Тр. Сов. секции МНКВА, вып.4, 1956.

Гуфранов М. С., Аминов М. Х.,
Гуфранов Д. Н., Каримова М. Д., Гуфранова Ф. М.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА (ГОРЫ КАРАМАЗАРА И МОГАЛТАУ) РУССКО – СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ И ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Северный Таджикистан расположен на крайнем севере Таджикистана, охватывают юго-западную часть Тянь-Шаньской горной системы и западное окончание Ферганской депрессии. Общая площадь района составляет 29,2 тыс. км^2.

С древнейших времен разрабатывались месторождений таких полезных ископаемых, как серебра, железа, меди, золота, свинца, ртути, цинка,

бирюзы, поваренной соли, угля, нефти, агата, аметиста, сердолика и других полезных ископаемых.

Интенсивные поисковые и геологоразведочные работы проводились с 30-х годов XX в, в результате на территории Таджикистана выявлены и разведены более 350 месторождений, содержащих свыше 50 видов минерального сырья. Промышленностью освоено 80 месторождений, где добывались свыше 25 видов полезных ископаемых.

Все ныне известные месторождения Карамазара и Моголтау объединены в 15 рудных полей (Алтын-Топканское рудное поле, Канджольское рудное поле, Кансайское рудное поле, Курусай-Джангалыкское поле, Чакадамбулакское рудное поле, Тутлы-Алмабулакское поле, Такелийское рудное поле, Чорух-дарронское рудное поле, Моголтауское рудное поле, Замбарак-Тарыэканское рудное поле, Рудное поле Чукуржилга, Канимансур-Караташкотанское рудное поле), которые отличаются по минеральному составу оруденения, условиям размещения, элементам залегания и морфологии рудных тел.

Согласно историческим данным горная промышленность в Карамазаре возникла в глубокой древности.

Воздействие человека на геологическую среду в Северном Таджикистане связано, прежде всего, с использованием полезных ископаемых. В Северном Таджикистане насчитывается свыше 3700 древних горных выработок. Они многообразны по своей морфологии, протяженности, степени сложности и т.д. Недра Северного Таджикистана по наличию полезных ископаемых, объему горнорудной промышленности в Таджикистане занимает одно из первых мест. Это большой Канимансур, Табошар, Наугарзан, Алтын-Топкан,Кансай, Замбарак, Тары-Экан, Адрасман, Шураб, Нефтеабад, Канинамак и другие. В этих месторождениях, где с 30-х гг. разрабатывались различные виды полезных ископаемых, остались многочисленные хранилища, шахты, открытые карьеры, горные отвалы, шурфы и другие нарушенные территории.

Последствия воздействия на геологическую среду обусловлены разработкой рудных полезных ископаемых в Карамазарском горнорудном поясе. Общая площадь горнорудного пояса, который охватывает Западный и Восточный Карамазар, составляет 1720 км^2. Таким образом, крупномасштабная геологическая деятельность человека началась с 30-х гг. XX в. под руководством академиков Н.П. Горбунова (1935), А.Е. Ферсмана (1934), Д.И. Щербакова (1935), Н.И. Вавилова (1935), ученых М.Г. Попова, Б.А. Федченко, Д.И. Мушкетова, Г.П. Горшкова, П.М. Никифирова, Б.А. Очаповский (1978).

Для полного определения запасов полезных ископаемых в Таджикистане, в том числе северном, их извлечения и дальнейшего использования в отраслях народного хозяйства, был организован Научный совет во главе академика А.И. Ферсмана. В состав Научного совета входили академики С.Ф. Альденбург, В.Л. Камаров, Д.В. Прянишников, И.М. Губкин,

Д.И. Щербаков, Д.В. Наливкин, П.И. Преображенский, В.Н. Васильев и др., а также были привлечены Н.М. Федровский и И.Я. Башилов.

В изучении и определении запасов природных ресурсов в экспедиции принимали участие 215 крупнейших ученых. Бюджет, выделенный для экспедиции, составил 25 56 000 р. (советских).

Полиметаллическое месторождение Такели, Учочак, Сардаб и др. были открыты К.Л. Пожарицким (1935). Месторождения эксплуатировались с 30-х гг. прошлого века, основные запасы сырья служили сырьевой базой для развития Адрасманский ГОК, Алмаликский ГМК, Чимкентский ГМК и др. предприятий.

Месторождения радиоактивных руд в районе Табошара, Саримсахли и правого притока Карамазарсая были открыты И.Я. Башиловым (1935). Урановые минералы были встречены в древних выработках Табошарсая, более мощные проявления радиеносности обнаружены в районе Сарымсахлисая. Из этих месторождений в 1932 г. впервые были получены радиеносный раствор для переработки соли радия, и раствор, содержащий уран и медь для переработки на ураново-медный концентрат. Месторождения интенсивно начали разрабатываться с конца 30-х гг. XX в. На базе данного месторождения возник г. Табошар (ныне Истиклол) численностью населения 40 тыс. чел.

В месторождениях серебреных руд Канджола первые проведенные геологоразведочные работы С.Ф. Машковцева (1930), Б.Н. Наследова (1935), А.В. Королева (1982), В.М. Турлычкина (1982) и других выявили, что Канджол относится к серебро-полиметаллическим месторождениям. Преобладающие элементы: свинец, цинк, висмут, железо, серебро. Добыча цветных металлов осуществлялись шахтным способом с 40-х гг. XX в.

Месторождение Кансай по следам древних выработок вновь было открыто Романовским (1884), В.Н. Томилиным (1912), Б.Н. Вебером (1912). В определении запасов свинца, цинка и других цветных металлов принимали участие Б.Н. Наследов (1935), А.В. Королев (1930-1932), Ф.И. Вольфсон (1951) и др. Промышленное освоение началось еще в 1934 г., где действовал рудник Кансай, отрабатывались месторождения Центральный и Западный Кансай, Северный Кантау, новый Камарсай, Окурдаван и Шевчуковское. В дальнейшем сырьевой базой рудника Кансай стали разведанные месторождения Королева, Восточный Канташ, Чинчикан и Дарбаза. В рудах этих месторождений в малых количествах содержатся примеси галлия, германия и таллия. Рудник Кансай вновь начал работать за счет сырьевой базы золоторудного месторождения Апрелевка, где разработки ведутся с 2002 г. открытым способом.

Вольфрамовое оруденение на месторождении Чорух-Даррон выявлено Н.А. Смольяниновым (1935), который в коллекции образцов из этого месторождения обнаружил шеелит. Первые поисково-разведочные работы на месторождении проведены В.П. Шакольским (1935).

Общие запасы руды определены Ф.И. Вольфсоном (1972). Месторождении вольфрамовых руд Чорух–Даррон эксплуатировалось с конца 30-х гг. XX в. Чкаловским комбинатом редких металлов.

Рудник Чорух–Даррон в 60-х гг. действовал за счет Южно-Янгинского медно-молибденового месторождения. Месторождения Чорух-Даррон эксплуатировались подземным способом. Вскрытие производилось штольнями, наклонными и вертикальными стволами.

Флюоритовое месторождение Наугарзан расположено на высоте 1400-2800 м (общая площадь около 100 км^2). Разработки руды велась в 50-х, 60-х, 70-х гг XX в. подземным и карьерным способом.

Свинцово-цинковое месторождение Алтын-Топкан разделяется на 3 участка: Центральный, Западный и Восточный Алтын-Топкан, известные с глубокой древности. Начиная с 1950 г. в течение 40 лет интенсивно велась разработка по извлечению свинца, цинка, также меди, кадмия и других металлов.

Замбарак-Тарыэканское цинко-свинцовое, медно-висмутовое месторождение: начиная с 1926 г. месторождение изучалось Б.Н. Наследовым (1930-1935), А.В. Королевым (1933), К. Л. Пожарницким, А.П. Кариковым (1933), Г.Л. Алжигарой (1933), В.Г. Соллвьевым (1933), Ф.И. Вольфсоном (1936).

Промышленное освоение месторождения Тарыэкан началась с 1954 г., разработки велись шахматным открытым способом.

Канимансурская группа месторождений – к ним относятся Канимансур, Новый Канимансур, Караташкотан и Чукурджилга.

Канимансурская группа месторождений, включая месторождения Каптархана, в теченеии более 40 лет обеспечивала сырьем Адрасманский горно-обогатиьельный комбинат.

В период 30-х, 40-х, 50-х, 60-х гг. в Таджикистане развернулось широкомасштабное использование природных ресурсов, что привело к развитию отраслей горнорудной, тяжелой и легкой промышленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абдуллаев Х.М.*, *Раджабов Ф.Ш.* и др. Основные черты магматизма металлогении Чаткало–Кураминских гор. – Т.,1958.

2. *Андкеев А.* Каталог полезных ископаемых Русского Туркестана (составлен 1909-1911 гг. русским горным инженером А. А. Андреевым). – Т., 1912. 188 с.

3. *Берг Л.О.* Поездка на ледники верховьев Исфары // Изд. Туркест. отд. Имп. РГО. 1907. Т.7.

4. *Бобенко В.М., Вольфсон Ф.И.* и др. Главнейшие свинцово – цинковые месторождения // Рудные поля Карамазара. – М., 1972. Т.1.

5. *Бойков В.Н., Базиль В.Ф., Краснов Е.Г.* и др. История изучения и очерк геологического строения Восточного Карамазара // Рудные поля Карамазара. – М., 1972. Т.2.

6. *Вебер В.Н.* Геологические исследования в Ферганской области, имеющие целью издания 10-верстной геологической карты // Изд. геол. ком. 1912. Т.21. №1.
7. *Вебер В. Н.* Полезные ископаемые Туркестана. – СПБ., 1913. С. 208.

Ниёзи А. М., Ризокулов Т. Р., Рахимов А. И.,
Эркаева Н. С., Эркаев С. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

РОССИЯ И ТАДЖИКИСТАН – СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЁРЫ

Таджикский народ, нынешнее поколение Республики Таджикистана, несмотря не неурядицы первых лет обретения независимости, живёт в уникальный период – период возрождения своей национальной государственности и является не только свидетелем важных и судьбоносных событий нашей новейшей истории, но и непосредственным и активным участником масштабных политических и социально-экономических перемен. Таджикский народ, который сегодня уверенно идет к светлому будущему, уверен в том, что мы достигнем этой цели. Ведь нас возглавляет такой Восстановитель независимости республики, Основатель установления мира и национального согласия - талантливый Лидер нации, Президент РТ Эмомали Рахмон – наш руководитель и наставник! (1, С.1)

В политическом становлении нового государства, делающего первые шаги на арене мирового политики, одним из важнейших факторов для его сохранения и развития является выбор стратегических партнеров из числа мощных и доброжелательно настроенных государств. После распада СССР Таджикистан определил в качестве долгосрочного стратегического партнера Российскую Федерацию, с которой налажено качественно новое многоплановое сотрудничество на основе ранее имевшихся связей. Эмомали Рахмон, который формирует внешнюю политику Республики Таджикистан и руководит ею, наряду с развитием стратегического партнерства с Российской Федерацией и приоритетных отношений со странами СНГ, уделяет серьезное внимание развитию сотрудничества и с другими странами мира. Он заявил, что у нас открыты двери для всех стран, которые имеют намерение доброжелательно сотрудничать с нами. В современном мире, когда судьба народов и наций во многом зависят от столкновения интересов крупных политических сил, и иногда решаются вопреки принципам исторической справедливости, успехи, достигнутые Таджикистаном за короткий по историческим меркам срок можно назвать беспрецедентными благодаря стратегическому партнерству с Российской Федерацией.

В последние два десятилетия сильно развивается международный терроризм и экстремизм. Особенно вокруг государств Средней Азии – в Пакистане, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, арабском мире, США, Франции, Англии и других государствах. Это повлияло на политические

события 90-х годов в Таджикистане, в 1992-1997 и в 1998 годах, а также в 2018 году. Эти угрозы являются одним из опаснейших элементов в обеспечении мира и стабильности. Борьба против терроризма и экстремизма считается основной задачей международной мировой политики государств мира и ООН. Эта террористическая угроза обсуждалась на Минском совещаний участников – государств ОДКБ, которое прошло с 30 ноября по 1 декабря 2017 года в Белоруссии, а также на Сочинском совещании участников-государств членов ШОС (декабрь 2017 г.) и Заседании Совета глав государств-участников Содружества Независимых Государств 28 сентября 2018 года. На этой проблеме особо остановился в своем выступлении Основоположник мира и национального согласия – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон.

Сильная и независимая, со стабильной развивающейся экономикой Россия более чем отвечает жизненно важным интересам Таджикистана, так же как интересам других государств на евразийском пространстве. Слова В.В. Путина на встрече с Эмомали Рахмоном 11 сентября 2014 г.: «Мы относимся к Таджикистану как к своему очень близкому союзнику. Это не просто стратегические отношения – это союзнические отношения. Мы это высоко ценим и намерены и дальше работать именно в таком ключе». Сохраняется активный политический диалог [2, С. 4-5].

Проведение регионального политического диалога между Россией и странами Центральной Азии имеет большое значение для дальнейшего развития отношений партнерства и сотрудничества между Евросоюзом и нашим регионам, а также практической реализации новой стратегии ШОС для Евразии.

Республика Таджикистан придает приоритетное значение развитию и расширению отношений с членами Шанхайской организация сотрудничества, которые на сегодняшний день находятся на высоком уровне, чему есть конкретные примеры. Среди членов ОДКБ, ШОС и БРИКС России отводится чёткое приоритетное место в системе интересов Таджикистана. Партнёрство России и Таджикистана охватывает практически все сферы: **военно-политическую, экономическую, культурную, гуманитарную и международную**. Сохраняется преемственность внешнеполитической линии России в отношении Таджикистана и в последние время. Совместными усилиями удается обогатить эти отношения новыми содержанием, реализацией достигнутых ранее ключевых договорённостей, особенно в торгово-экономической области, нарастить потенциал в культурной и гуманитарных сферах. Таджикистан среди государств ОДКБ, СНГ и ШОС, БРИКС, в отличие от многих других государств, последовательно и неотступно являлся верным союзником Российской Федерации на внешней арене, как в своих декларациях, так и в практических действиях. Ключевым сферам двустороннего сотрудничества является взаимодействие в военно-политической сфере, в вопросах безопасности Евразии. По этому вопросу практически нет никаких проблем, равно как их нет в области международной и региональной политики. Долговременный и прочный

характер двустороннего сотрудничества определяется геополитическими факторами, сохранением существующих вызовов безопасности и стабильности в Евразии. (3, С.7)

В этом регионе особенную обеспокоенность и заинтересованность вызывает решение проблем в Афганистане, прежде всего незаконного оборота наркотиков, искоренения экстремизма и терроризма. Общность видения подходов в решении этих проблем выражается в конкретных действиях, декларациях и документах двух государств. С этим же связана необходимость военного присутствия Российской Федерации в Таджикистане, закреплённая в межгосударственных договорах. Ещё ведутся двусторонние консультации по новым форматам такого присутствия. Объективной реальности является сотрудничество в рамках многосторонних структур безопасности, таких как ОДКБ, усиливающееся военно-техническое взаимодействие. Имеет большое значение сотрудничество в экономическом области. Например, текущие крупные проекты в области гидроэнергетики, выгоду от которых следует рассматривать и в региональном измерении. Потенциал Республики Таджикистан в этой сфере огромен. Кроме того, в области высоких технологий Россия является одним из крупнейших инвесторов и владельцем активов в телекоммуникациях.

В последние годы заложена серьёзная институциональная и правовая база в межгосударственных и межрегиональных связях. В современном этапе нам удалось придать серьёзный импульс и сотрудничеству в культурной и гуманитарной сферах. Дальнейшая реализация достигнутых договорённостей в сферах, таких, как открытие культурных центров таджиков в России, уже состоявшееся учреждение русских центров и центров других народов России в РТ и планируемое и открытие филиалов ведущих российских вузов, несомненно, обогатит и нарастит партнёрство между двумьями государствами по обеспечению региональной безопасности и сближению, укреплению дружбы народов.

Проведение саммитов глав государств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Душанбе, Москве, Санкт-Петербурге, Астане, Ташкенте, Ашхабаде, Бишкеке, Екатеринбурге, ШОС в Уфе, Ташкенте и др. имеет большое значение в обеспечении безопасности в Евразии Сегодня появилась новая международная организация БРИКС.

В середине 2014 года в городе Душанбе состоялся саммит государств-членов ШОС, в котором приняли участие первые лица государств-членов, а также в первый раз Ирана и Афганистана, а также делегации из Индии, Монголии, Пакистана на уровне министров, представители международных региональных организаций, таких как ОДКБ, СНГ, а также представитель генерального секретаря Организации Объединённых Наций. В ходе заседания, проходившего в традиционной атмосфере дружбы, взаимопонимания и конструктивизма, были рассмотрены результаты деятельности ШОС после Бишкекского саммита, определены приоритеты её развития на период до следующего заседания Совета глав государств и на более долгосрочную перспективу. Было принята Душанбинской декларации

по обеспечению безопасности Средней Азии. Уполномоченными представителями государств-членов ШОС были подписаны Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами-членами ШОС и Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов ШОС в борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. На каждом саммите ОДКБ и ШОС особо обращается внимание вопросам борьбы против терроризма и экстремизма. Также подписан Меморандум о партнёрских отношениях между Межбанковским объединением ШОС и Евразийским банком развития. В этих документах были разработаны правовые основы действий организации на принципах международного право.

Одной из объективных реальностей отношений Республики Таджикистан с Россией являются вопросы трудовой миграции, чему сегодня отводится значительное место на переговорах, в том числе и по причинам общечеловеческого характера, связанным с участившимися фактами насилия и гибели мигрантов РТ в России. Это предмет нашей обеспокоенности, о чём неоднократно говорили в диалоге с нашими партнёрами. Серьёзное внимание уделяется развитию миграционных процессов в целом, особенно с учётом законодательства и подходов России к регулированию потоков мигрантов. По этой проблемы есть очень многие трудности и аспекты (СМИ, наркотрафик, терроризм, насилие и др.). Например, наркотрафик и наркопреступность на наш взгляд не имеют национальности и границ. Иногда в СМИ слово таджик для многих в России начинает ассоциироваться со словом наркотрафик и увязывается с вопросами трудовой миграции и наркотрафика. Это тоже большой ущерб безопасности Евразии. Последовательно идет работа в этой области.

На территории РТ в начале 90-х гг. базируется российский военный контингент, имеющий большое значение в обеспечении безопасности в Средней Азии. Роль 201 военной базы чётко определена в Концепции безопасности в Центрально-азиатском регионе, разработанной в рамках ОДКБ. Её роль также полностью соответствует букве и духу наших двусторонних соглашений с Россией и присутствие базы продлено до 2049 г. В связи с тем, что потенциальная угроза Центрально-азиатскому континенту с южного направления продолжает сохраняться, размещение в РТ 201 РВБ не потеряло своего значения и одновременно ведётся обсуждение с российской стороной дальнейшего статуса и формы пребывания военной базы. Она нужна Таджикистану и мы видим необходимость размещения военной базы. Необходимо совместно работать над тем, чтобы её деятельность постоянно соответствовала современным вызовам, тем изменениям, которые происходят в мире и в Средней Азии. Присутствие 201 военной базы в РТ и безопасность наших трудовых мигрантов в России – это две священные коровы, которых резать нельзя. И любым путем необходимо укрепить дружбу (4, С.8).

В обеспечении безопасности в Евразия играет большую роль СНГ и Российкая Федерация. Кроме этого правительство Республики Таджикистан

придаёт огромное значение сохранению и развитию экономической интеграции и взаимовыгодного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Организация, созданная 14 лет назад, сегодня превращается в одну из весьма эффективных форм многостороннего сотрудничества и создаёт непосредственные предпосылки для вовлечения стран-участниц в общемировые хозяйственные связи с учетом интересов их национальных экономик [5, С. 22]. Для обеспечения коллективной безопасности в данном регионе РТ активно принимает участие в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и исходит из того, что существуют многие проблемы глобального характера в области противодействия новым вызовом и угрозам. Сегодня угроза террористических акций, контрабанда наркотиков, стали реальностью нашей жизни. В этом направлении необходимо отметить, что ОДКБ не соперничает и не противодействует НАТО.

Афганский вектор остается ключевым в системе угроз безопасности для Средней Азии и Южной Азии. В содержании этих угроз можно выделить ряд направлений, главным из которых, безусловно, является производство и распространение наркотиков и движение талибов. В этом направлении существует очень большое пространство, на котором могла бы очень успешно строится совместная работа ШОС, ОДКБ и ЕАЭС.

Актуальной остаётся и проблема региональной энергетической безопасности. Правильное решение этой проблемы имеет большое стратегическое значение для обеспечения безопасности Средней Азии. Развитие экономики Таджикистана будет определять три стратегических цели: достижение энергетической безопасности; вывод страны из транспортного тупика и обеспечение продовольственной безопасности. На нынешнем этапе приоритетное значение обретает экономическое сотрудничество, которое необходимо поднять на уровень политических отношений [6, С. 3].

Приоритетными направлениями председательства Российской Федерации в ОДКБ были укрепление внешних границ ее стран-участниц, наращивание военного сотрудничества и потенциала миротворческих сил, усиление координации по вопросам международной и региональной безопасности. Предпринимались дальнейшие шаги в интересах совершенствования механизмов управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ, повышения эффективности Организации в поддержании стабильности и безопасности в регионе, противодействии разноплановым вызовам и угрозам, в том числе исходящим с территории Афганистана.

На современном этапе мирового социально-политического и культурно-экономического развития сообщества для поддержания мира и стабильности в Центрально-азиатском регионе и обеспечения безопасности в Евразии и странах ШОС большое стратегическое значение имеют многостороннее сотрудничество государств-членов ШОС, ОДКБ, ОБСЕ, ЕС, ЕАЭС, БРИКС и СНГ. В то время, как интересы собственной национальной

безопасности требуют принципиально новых подходов. Именно они обсуждались на Минском саммите ОДКБ (ноябрь – декабрь 2017 года) и Астане (2018 г.).

Во внешней политике Республики Таджикистан расширение двусторонних устойчивых и долгосрочных связей с нашими традиционными партнерами – странами СНГ и РФ имеет стратегическое и первостепенное значение. Созидательная региональная интеграция отражает интересы всех государств и народов СНГ. Особо надо отметить, что партнёрство России и Таджикистана охватывает практически все сферы: военно-политическую, экономическую, культурную, гуманитарную и международную. В ВУЗах России обучается более 10 тысяч таджикских студентов. В Таджикистане учреждены ВУЗы России – РТСУ, филиал МГУ имени М. В Ломоносова и другие. Имеет большой значение роль ВАК России в подготовки научных кадров для РТ. Одним из примеров этого сотрудничества является проведение международной научной конференции «Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана» посвященной 200-летию российского востоковедения в ХГУ имени академика Б.Гафурова городе Худжанде 23 ноября 2018 года при участии Российского центра науки и культуры в г.Худжанде, автономной некоммерческой организации по содействию в развитии сотрудничества стран СНГ «Содружество народов Евразии» и научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета.

Надо особо отметить, что 28 сентября 2018 года во Дворце нации Основатель мира и национального единства – Лидер нации, президент республики Таджикистан Эмомали Рахмон встретился с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. В ходе встречи были обсуждены состояние и перспективы стратегических партнёрских отношений между двумя странами в сферах, представляющих взаимный интерес. Таджикистан заинтересован в расширении сотрудничества и интеграции с Российской Федерацией и признаёт эту страну в качестве ключевого и стратегического партнёра в международных отношениях. Основное внимание на встрече было уделено укреплению двухсторонних и многосторонних отношений в торгово-экономической сфере, сферах энергетики, горно-металлургической промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и образования. Стороны, выразили удовлетворение увеличением внешнеторгового оборота между двумя странами, обратили особое внимание на экономическое сотрудничество, развитие и расширение торгово-экономического сотрудничества, увеличение объёма экспорта высококачественной сельхозпродукции из Таджикистана в Россию и реализации механизма финансирования работ по созданию транспортно-логических центров в Таджикистане. Было отмечено, что научные и культурные круги двух государств наладили тесное сотрудничество, регулярно принимают участие в различных совместных научных и культурных мероприятиях, возведение русскоязычных школ в Таджикистане,

привлечение преподавателей из РФ в средние общеобразовательные учреждения РТ. Систематически проводятся Дни культуры РТ в России и РФ в Таджикистане. На встрече главы государств также обменялись мнениями по вопросам сотрудничества в области обеспечения безопасности, в военной, военно-технической сферах, являющихся ключевыми направлениями сотрудничества Таджикистана и России. Стороны оценили важность развития и расширения сотрудничества в борьбе с негативными мировыми и региональными явлениями, такими как терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотиков, транснациональная организованная преступность, а также были обсуждены другие важные вопросы, представляющие взаимный интерес (7, С.2).

Таким образом, за 27 лет Таджикистан во главе с Эмомали Рахмоном после начального периода независимости, омраченного кровопролитием и гражданской войной, обрела стабильность и порядок, и наша страна получила возможность ускоренно развиваться со стратегическом артнёрством России и Таджикистана и она охватывает практически все сферы: военно-политическую, экономическую, культурную, гуманитарную и международную. Путь, который таджикский народ прошел за этот период, был нелегким, поскольку пришлось решать множество острых проблем. Самый тяжелый груз лег на плечи самого ответственного гражданина Таджикистана – Эмомали Рахмона. Опираясь на огромный потенциал и добрую волю народа края, он сумел добиться успешного выполнения этих исторических задач. Решение этих задач позволило ему выполнить свою главную историческую миссию – обеспечить мир и стабильность в Таджикистане. Все эти достижения стали возможными потому, что в своей государственной политике он опирался на исконную мудрость своей нации. В этом есть немалая роль стратегического партнерства между Тажикистаном и Россией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 22 декабря 2017 года. – Душанбе6 Шарки озод. 2017. Согдийская правда, 23 декабря 2017 года.
2. Народная газета. 3 октября 2018 года.
3. История таджикская народа. Том. 6. – Душанбе, 2011.
4. Согдийская правда, 27 октября 2018 года.
5. *Эркаев С.А.* Независимость – это паспорт суверенного государства таджиков. – Худжанд, 2016.
6. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 24 апреля 2010 года.
7. Народная газета. 3 октября 2018 года.

Мухторов К. Т.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

О ВОПРОСАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОПЫТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В развитии правовой системы Таджикистан можно выделить 3 этапа развития: дореволюционный, советский и современный (суверенного Таджикистана). Нначиная с 1867 года в структуре дореволюционной правовой системы было ведено имперское право[1] [1].

С приобретением государственной независимости Таджикистан стал на путь создания собственной правовой системы, государственного устройства и суверенной власти. Социальное напряжение и вспыхнувшая гражданская война в стране стали факторами тормозящей этот процесс. В период с 1991 по 1997 гг. в процессе межнационального диалога Парламент страны – Верховный совет (с 1994 года Маджлиси Оли) в год принимал от трех до десяти законов. Только после подписания в стране Соглашения о восстановлении мира и согласия это число возросло до значительного уровня [2].

Началу конституционного преобразования в государстве способствовал зарубежный опыт законодательного регулирования, особенно российский.

Наряду с совершенствованием административного, гражданского, уголовного и процессуальных норм развитие законодательства о местном самоуправлении и местном хозяйстве в Таджикистане также основывалось на опыте законодательной практики Российской Федерации.

После юридического оформления государственной независимости Таджикистана 9 сентября 1991 г. [3] руководство республики стояло перед дилеммой: либо брать за основу основные положения уже принятого в 1990 г. Закона СССР «Об общих принципах организации местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», либо искать свой путь реформы [4]. Путь этот оказался достаточно долгим и трудным, особенно с учетом того, что начиная с 1991 г. по 1997 г. в Таджикистане полыхала гражданская война.

Любая реформа в государстве должна иметь свою четко обозначенную цель, стратегию и тактику ее достижения, а также пройти определенные этапы. В ходе реформы должен быть создан определенный общественно-правовой механизм и социальные группы, заинтересованные в проведении реформы и способные этими механизмами воспользоваться.

Начала нового видения системы органов местного самоуправления были изложены в Концепции конституционно-правового развития, подготовленной на базе советской и российской концепций[2].

---

[1] Правовая система Российской империи, которая частично действовала для регулирования гражданско-правовых отношении на территории генерал-губернаторства Туркестан (Северный Таджикистан, большая часть Памир) и Восточной Бухары.

[2] Одна глава концепции была посвящена органам местного управления и самоуправления.

Исходя из необходимости реформы и организации новой системы управления территориями, 23 февраля 1991 г. Верховный Совет Таджикской ССР принял Закон Республики Таджикистан «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Таджикской ССР» [5].

Согласно этому закону власть на местах передавалась местным Советам – представительным органам, ставшим «основным звеном местного самоуправления».

По постановлению Верховного Совета Таджикской ССР «О порядке введения в действие Закона Республики Таджикистан „О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Таджикской ССР“» четыре прежних закона о местных Советах признавались утратившими силу [1].

Признание законов о местных Советах как утративших силу еще не означало «вызволения» этих органов из теней нормативно-бюрократической централизации. За порогом этих актов оставался еще необозримый массив ведомственных приказов и инструкций.

Таким образом, основным правовым актом, определившим формирование институтов местного самоуправления в Республике, стал принятый в феврале 1991 г. Закон Республики Таджикистан «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Таджикской ССР».

Если судить по содержанию этого акта, то можно увидеть, что об отказе от природы местных Советов как органов государственной власти в нем и речи не было. Скорее всего упомянутый Закон отражал теорию, тоже распространенную в СССР, по которой Советы воплощают два начала органов государственной власти и местного (народного) самоуправления [6, 167]. Это подтверждалось, в частности, тем, что при вносимых в Конституцию Таджикской ССР 1978 г. в 1991 г. изменениях и дополнениях соответствующая ее гл. 19 продолжала именоваться «Местные органы государственной власти и управления»; в первой статье этой главы (ст. 126) говорилось, что органами государственной власти в областях, автономной области, районах, городах, районах в городах, поселках и кишлаках являются соответствующие Советы народных депутатов.

Данная трансформация на базе трехступенчатой системы Советов сформировала трехступенчатую систему органов местного самоуправления. При создании новой системы местного самоуправления 512 местных советов: 4 – областных, 40 – районных, 18 – городских, 302 – кишлачных и 48 – поселковых [7, 93], были преобразованы в органы местного самоуправления

[1] Закон Таджикской ССР от 19 ноября 1980 г. №201 «Об областном Совете народных депутатов Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета ТССР. 1980. № 23. Ст.247; 1982. № 15. Ст. 173; Закон Таджикской ССР от 14 декабря 1979 г. № 113 «О районном Совете народных депутатов Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета ТССР. 1979. № 24. Ст. 180; 1982. № 15. Ст. 173; Закон Таджикской ССР от 14 декабря 1979 г. № 182 «О городском, районном в городе Совете народных депутатов Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета ТССР. 1979. № 24. Ст. 181; Закон Таджикской ССР от 14 декабря 1979 г. № 213 «О поселковом, кишлачном Совете народных депутатов Таджикской ССР» // Ведомости Верховного Совета ТССР. 1979. № 24. Ст. 182.

без учета новых критериев территориальных организаций местного самоуправления.

Преемственно на основе данной концепции уже в мае 1994 г. был разработан проект закона Республики Таджикистан «Об органах самоуправления в поселке и селе», который, в связи с тем, что предстояла конституционная реформа, разработка и принятие Конституции Республики Таджикистан, была приостановлена. Как мы отмечали выше, сразу после принятия Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 г., этот законопроект, по существу, без переработки, в старой редакции, был принят как Закон 1 декабря 1994 г.

Сегодня процесс конституционных преобразований в мире имеет общую направленность. Новые конституции отражают лучшие достижения конституционного строительства.

По мнению Еремина А.Р. «разработка самой концепции местного самоуправления невозможна без определения ее конституционных основ, под которыми следует понимать, …совокупность правовых норм, конституционных институтов регулирующих отношения, возникающие в сфере местного самоуправления» [8, 43].

Далее автор отмечает, что система законодательного регулирования основ местного самоуправления должна начаться именно с мирового опыта и конституционного закрепления данного института [8,43].

Такого детального конституционного урегулирования местного самоуправления и, соответственно, институтов муниципальной демократии, как это имеет место в России, не знает ни одна конституция других федеративных государств. Российский ученый Н.С. Бондарь связывает это с проблемами дезинтеграционных процессов 80-х и 90-х гг. в России и с необходимостью сохранения единства российской государственности, поэтому федеральный законодатель и федеральная Конституция выступили от имени государства в качестве противовеса региональной «суверенизации», гаранта самостоятельности местного самоуправления [9, 201-204].

Вопросы местного самоуправления и, соответственно, муниципальной демократии в Конституции РФ напрямую затрагиваются в общей сложности в 19 статьях.

Однако, конституционная регламентация местного самоуправления связана с тем, каким воспринимается ее сущность и политико-правовая природа со стороны государства.

В действительности конституции в различных странах фактически не устранили неопределенности юридической природы органов местного самоуправления. Дискуссии между сторонниками и противниками общественной и государственной теорий местного самоуправления продолжаются. В одних странах местное самоуправление не является частью государственной администрации, и органы местного самоуправления выведены из системы государственных органов, в других – местное самоуправление непосредственно входит в систему власти, пусть она и называется местной властью.

Одним из дискуссионных моментов конституционного определения правовой природы местного самоуправления можно наблюдать в практике Российской Федерации.

Согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно; органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Аналогичное положение также предусмотрено в ст. 34 (ч. 4) Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Согласно комментариям авторского коллектива «органы местного самоуправления не находятся в отношениях подчиненности с органами государственной власти, не обязаны выполнять их указания (кроме случаев осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления в соответствии с законодательством). В то же время они обязаны содействовать осуществлению общегосударственной политики – экономической, социальной и иной, а также реализации прав и свобод граждан» [10, 294].

Такое определение Конституции авторитетный ученый в области муниципального права Н.С. Тимофеев оценивает как «базирование на устаревших теориях XIX века» [11, 100]. По его мнению, «развитие местного самоуправления – это область государственного строительства. Не может быть прочным здание, фундамент которого никоим образом не увязывается с другими уровнями конструкции. Такое увязывание – объективная необходимость, вызванная потребностью реализовать конституционную концепцию местного самоуправления и как уровня государственной власти, и как института гражданского общества» [11, 102-103]. По признанию М.А. Краснова, «смысл рассматриваемой нормы ст. 12 заключается, главным образом, в демонстрации полного разрыва с принципом «демократического централизма», в соответствии с которым местные Советы были «агентами» сверхцентрализованного государства на местах, являясь подножием иерархической пирамиды единой государственной власти». Понятно, что данная аргументация также обращена к прошлому опыту.

Г.В. Барабашев также охарактеризовал концепцию негосударственной природы местного самоуправления как миф, который создан на основе взятия устаревшей западной концепции местного самоуправления. По его мнению, местное самоуправление – это государственная власть особого рода [12, 114].

Аналогичной позиции также придерживается Р.Г. Абдулатипов[1], который считает, что «местное самоуправление не является государственным только в том смысле, что основой его установления является не государство, а местное сообщество. Вместе с тем, поскольку эти органы санкционированы государством и функционируют на базе его законов, они включены в систему государственного управления» [13, 101]. Б.С. Дубанаев отмечает, что

[1] В 2006-2008 гг. чрезвычайный и полномочный посол РФ в Таджикистане.

местное самоуправление по своей природе сочетает в себе в тесной взаимосвязи самостоятельное общественное самоуправление с осуществлением делегированных государством полномочий. Органы местного самоуправления, не входя в систему органов государственной власти, являются, как и государственные органы, органами власти народа, решения которых в пределах их полномочий обязательны для исполнения на подведомственной территории [14, 14-15].

Такое *купированное* (курсив наш – *К.М.*) положение также предусмотрено, например и в законодательстве Азербайджана, Армении, Грузии, Кыргызстана и Украины. Хотя в Конституции Республики Таджикистана такое положение прямо не указывается, однако авторский коллектив комментариев Конституции Республики Таджикистана решил, что органы местного самоуправления в Таджикистане не входят в систему органов государственной власти [15, 417].

Можно сказать, что конституционная констатация негосударственной природы местного самоуправления не положит конец дискуссии между сторонниками и противниками общественной и государственной теорий местного самоуправления. Оно дальше развивается на уровне законов государств. Таджикский опыт законодательной регламентации местного самоуправления, особенно в части признании ее политико-правовой природы в дальнейшем может, послужит предметом заимствования российского законотворчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Тохиров Ф.* Инкишофи хукук дар Точикистон. – Душанбе: Ирфон, 1994. С.8.
2. http://parlament.tj/ru/
3. Декларации о государственной независимости Республики Таджикистан Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1991. № 18. Ст. 237.
4. *Искандаров И.* Доклад заместителя председателя Верховного Совета Таджикской ССР на V сессии Верховного Совета Таджикистана (на таджикском языке) // Точикистони совети. 1990. 20 авг. № 64.
5. Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1991. № 8. Ст. 144.
6. *Авакьян С.А.* Местное самоуправление в Российской Федерации: концепции и решения нового закона / *Авакьян С.А.* Размышления конституционалиста: избранные статьи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 167.
7. Таджикская советская энциклопедия / Под ред. *М.С. Осимова*. Ч. 7. – Душанбе, 1987. С.93.

8. *Еремин А.Р.* Конституционные основы организации местного самоуправления в Российской Федерации. дисс. …канд. юрид. наук. – Саранск,1996. С. 43.

9. *Бондарь Н.С.* Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. – М.: Норма, 2009. С. 201-204.

10. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. *И.В. Бабичева, Е.С. Шугриной*. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 294.

11. *Тимофеев Н.С.* Местное самоуправление в системе государственных и общественных отношений. История и современность. Опыт России. – М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 100.

12. *Барабашев Г.В.* Местное самоуправление. – М., 1996. С. 114.

13. *Абдулатипов Р.Г.* Местное самоуправление в Российской Федерации // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1994. № 1994. С. 101.

14. *Дубанаев Б.С.* Местное самоуправление – основа демократии. Бишкек, 2000. С. 14-15.

15. Научно-публицистический комментарий Конституции Республики Таджикистан / Под ред. *М.А. Махмудова.* – Душанбе: Шарки Озод, 2009. С. 417.

Абдужабборова М. А.
(г. Худжанд, Республика Таджикистан)

СКАЗАНИЯ О ДЕВЕ МАРИИ В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Эволюция образа Марйам и появление словосочетаний, созданных литераторами на основе использования подробностей сказания о Святой Деве, ярко проявляются в классической таджикской литературе. Во всех версиях и отдельных эпизодах сказания о Марйам отражаются её прекрасные качества и черты характера. Различные подробности и детали сказания о Марйам и её образ в большинстве случаев используются авторами касыд и газелей для смыслотворчества. Наравне с эпическими произведениями, и в лирических сочинениях представителей таджикской классической литературы эпизоды и детали сказания о Марйам используются для создания поэтических тем и образов. Если говорить об одном из центральных героев сказания – Исе, то можно с полной уверенностью утверждать, что отражение элементов этого сказания восходит к творчеству основоположника таджикско-персидской литературы Абу Абдуллаха Рудаки. В дошедших до наших дней стихотворениях Рудаки есть небольшой рассказ, главным героем которого является Иса:

Не для насилья и убийств мечи в руках блестят:
Господь не забывает зла и воздаст стократ.

Не для насилья и убийств куется правый меч,
Не ради уксуса лежит в давильне виноград.
Убитого узрел Иса однажды на пути,
И палец прикусил пророк, унынием объят.
Сказал: «Кого же ты убил, когда ты сам убит?
Настанет час, и твоего убийцу умертвят».
Непрошенный в чужую дверь ты пальцем не стучи,
Не то услышишь: в дверь твою всем [1,180][1].

В оригинале сказания данный рассказ не встречается, поэтому можно предположить, что он приведён в каком-либо комментарии и является добавлением толкователей священной книги. Однако сам факт наличия такого рассказа в лирическом наследии Рудаки, его интерес к сказанию об Исе и смыслотворчество с помощью образа Исы очень знаменательны.

В дальнейшем подробности данного сказания обрели особое значение и статус в других лирических жанрах, особенно в газели. Начиная с Санаи, Аттара и Мавлоно, поэты для создания мистических тем очень часто пользовали подробности сказания о Марйам наравне со сказаниями о пророках. У Санаи Газнави в значении «священное место» встречается даже сложное слово «Марйамкадахо» («Место присутствия Марйам», то есть Марйамград). Санаи, тонко намекая на сказание о Марйам, подчеркивает, что на земле много священных и благодатных мест, однако ни у кого нет сына наподобие Исы, ибо не каждый будет избранным, как Иса, или достигнет пророческого сана:

Марйамкада очень много, однако
Ни у кого нет Сына, как Масих [2,359].

В другом стихотворении, используя сложное слово «марйамкада», поэт создает новую тему. В приведенном ниже бейте Санаи, обращаясь к своему мамдуху, восклицает, что тот каждый миг являет из-за занавеса нового Ису, словно имеет за занавесом бесчисленные **марйамкада**. Можно также предположить, что слова поэта обращены к мамдуху – литератору, который каждое мгновение создает новый смысл и оригинальную тему, будто в своей душе имеет множество **марйамкада**:

Каждый миг являешь из-за занавеса нового Ису,
Будто за занавесом имеешь бесчисленные марйамкада [2,394].

Также можно предположить наличие в стихе Санаи мистического плана: он обращается к Богу, который может каждое мгновение сотворить нового Ису, то есть совершенного человека, ибо в сокрытом от наших глаз мире имеет бесчисленные **марйамкада.**

Отражение мистических тем с использованием подробностей сказания о Марйам часто встречается в творчестве Шейха Фаридуддина Аттора. Известный суфийский поэт уподобляет свою память Марйам, образ которой по причине её девственности оказывает значительное влияние на творчество поэта. Аттор сравнивает свою память с девственницей Марйам:

[1] стихотворные отрывки приводятся в дословном переводе автора

Девушки моей памяти – девственницы, как Марйам, потому что
Они рождаются девственницами из стихов, похожих на сахар [12,34].

В другой газели Шейх Аттор Нишапури использует известное словосочетание «Исои Марйам» (Исо, Сын Марйам), то есть имеет в виду сын Марйам, родившегося в результате дуновения Святого Духа в чрево Марйам:

Браво, привратник твой – небесный верблюд,
Бравый наездник - Иса, Сын Марйам [12,334].

В другом бейте Аттор использует словосочетание «сузани Исо» («иголка Исы»), которая стала причиной его задержки на четвертом небе:

Так как не помещается волос, поэтому ты сбился с толку,
Если ты скажешь, дозволена (иметь) иголку Исе сыну Марйам [12,61].

В следующем бейте речь идет о дуновении, из которого был сотворен Иса. Поэт подчеркивает, что если человек не ведает о дуновении, являющемся Божьей милостью и благодатью, то, будь он даже рожден Марйам, считается мертвым:

Если человек не ведает о дуновении,
Он мертворожденный, даже если его родила Марйам [12,75].

Хакани Шарвани в известной «Христианской касыде» во множестве использует детали сказания о Марйам, кроме того, он часто использует в своих газелях элементы сказания для создания оригинальных и свежих тем. Так, он сравнивает свое дряхлое тело с иголкой Исы, а тонкие губы возлюбленной – с нитями Марйам. В другом бейте он описывает рубин, который будто нанизали на нить Марйам с помощью иголки Исы. Здесь иголка Исы – основание для её уподобления талии возлюбленной, а вообще речь идет о нитке жемчуга, повязанной вокруг талии возлюбленной:

Мое тело дряхлее, чем иголка Исы,
Её губы тоньше, чем нить Марйам.
Кто нанизал тот рубин на нить Марйам
Иголкой Исы, что напоминает её талию [11,722].

Эпизоды сказания о Марйам также неоднократно использованы для создания разных смыслов в «Диване Шамса», часть из которых была изучена иранским ученым Таки Пурномдориёном в книге «Сказания о пророках в «Диване Шамса». По утверждению учёного, в «Диване Шамса» в основном использованы следующие эпизоды сказания о Марйам: о девственности и непорочном зачатие Марйам, об оживлении высохшей финиковой пальмы и появлении на ней спелых плодов, о посте Марйам – её молчании. В качестве примера приведем несколько аллюзий на сказание о Марйам из «Дивана Шамса». Благосклонность и благоволение Бога к любому человеку может дать удивительные и редкие плоды и результаты. Используя образ Марйам, Мавлоно Джалолиддин Руми следующим образом описывает древо из сада Божьей милости:

Удивительно: деревья девственны и (одновременно) беременны,
*Как Марйам, у которой ни возлюбленного, ни муж*а [6,376]

Высохшая финиковая пальма и появление плодов:

Финики Марйам с той пальмы
(Их происхождение) не имеют причинности [6,155].
Как Марйам, пойдём к финиковой пальме,
Ибо ветвь ивы не имеет фиников [6,336].

Пост и молчание Марйам:

Если, как Иса, полностью стал языком,
То иногда становился молчаливым сердцем, как Марйам [6,628].

Необходимо отметить, что в истории таджикско-персидской литературы были очень широко распространены и хорошо известны словосочетания и фразеологизмы, связанные со сказанием о Марйам. Одним из таких словосочетаний является «дарахти Марйам» («дерево Марйам»). Автор книги «Растительные символы в персидской литературе» [10], который провёл специальный анализ этого поэтического образа в персидской литературе, подчеркивает: «Известность дерева Марйам, матери пророка Исы, связана с тем, что во время родовых мук по повелению Всевышнего она дотронулось до высохшего и бесплодного дерева, и оно расцвело, и произошло Божественное чудо, и с него посыпались (попадали) свежие плоды. Об этом чуде упоминается в аяте 25 суры «Марйам» из священного Корана. В комментарии «Кашф-ул-асрор» утверждается, что дерево стояло высохшим уже семьсот лет [13,140].

В истории персидско-таджикской литературы данный эпизод используется как символ проявления Божьей милости, Божьего расположения. Так, Хакани говорит:

Немой заговорит, если нужно восхвалять Мухаммада,
Как высохшая пальма принесла финики для Марйам [4,280].

Хакани пишет, что для восхваления пророка Мухаммада заговорит даже немой, подобно тому, что высохшая пальма по повелению Бога принесла плоды.

Мавлоно Джалолиддин Руми говорит:

Нам, как Марйам, без причины падают финики с высохшей ветки,
Нам, как Исе, без просьбы будет дано предводительство [6, 901].

Большое распространение в истории персидско-таджикской литературы имеет также зачатие Марйам по дуновению дыхания Джабраила в рукав её платья, что считается символом проявления Божьей милости. Камолиддин Исмоил Исфахони говорит:

Если Рухуллах появился из рукава Марйам,
В рукаве твоей души скрыты сотни Марйам [4,283].

Поэт хочет сказать, что Иса родился в результате дуновения Святого Духа в рукав Марйам, однако в человеческой душе, являющейся частью Божьего духа, есть сотни Марйам. Поэт очень высоко поднимает статус человека и утверждает, что по милости Божьей в его сердце может вместиться гораздо больше чудес и благости.

Пост, или, вернее, молчание Марйам также считается поэтическим фразеологизмом, имеющим широкое распространение в персидско-таджикской литературе. Данный фразеологический оборот указывает на

эпизод сказания, когда Марйам пришла в своё племя после рождения Исы с ребёнком в руках и соплеменники начали обвинять её в распутстве. Джабраил сказал ей: «Если увидишь кого-либо из людей, то скажи, что дала обет хранить молчание». То есть, во времена Марйам молчание также считалось постом. Руми сравнивает с Марйам сердце, которое благодаря очищению стало местом Божьего озарения, потому что Она понесла по дуновению Святого Духа.

В народной культуре до сих пор употребляется словосочетание «пост Марйам», суть которого заключается в следующем: если кто-то постится с утра и разговляется назавтра или через несколько дней, то о нём говорят: «Такой-то держит пост Марйам». Данный вид поста соблюдают с целью избавления от печали и болезни, и, несомненно, что он восходит корнями к посту Марйам.

Другим сравнительно крупным лирическим жанром, в котором можно встретить множественное использование подробностей сказания о Марйам, является касыда. Использование элементов сказания о Марйам началось в XI веке с творчества поэтов-сочинителей касыд. Например, среди касыд Анвари можно встретить образцы, содержащие очень своеобразное отражение сказания о Марйам. Так, в касыде, посвященной восхвалению Алоуддина, основателю династии Гуридов (1149-1161), Анвари использует словосочетание «дами остини Марйам» («дуновение в рукава Марйам»), намекающее на момент зачатия Исы Пречистой Девой. Так как здесь речь идет о «дуновения в рукава», можно предположить, что поэт намекает на Божественный аспект царских войск. Слово «джайш» в следующем бейте означает «войско»:

Пусть пыль твоего войска в носу победы
(Воздействует), как дуновение в рукава Марйам [5,74].

Словосочетание «Рухуллох дар остини Марйам» («Дух Бога в рукаве Марйам»), использованное поэтом в другой касыде, по своему содержанию является очень близким к приведенному в предыдущем бейте словосочетанию «дами остини Марйам». Слово «Рухуллох» - «Дух Бога», зафиксированное во всех толковых словарях в качестве эпитета Иисуса Христа, является синонимом слова «дам»:

От ветра твоей атаки в драконе штандарта
Словно Рухуллах в рукаве Марйам [5,198].

В другой касыде Анвари использует словосочетание «след дуновения Исы сын Марйам» как синоним Божественного чуда, в результате которого был сотворен Иса:

Чудо ладони Калима Имрана (то есть Мусы),
След дуновения Масиха Марйам (то есть Исы) [5,203].

Творчество персидско-таджикских литераторов свидетельствует, что в истории нашей литературы важнейшие детали и подробности сказания о Марйам использованы для создания оригинальных поэтических смыслов, в результате чего появился целый корпус аллюзий и особых составов, таких как «Исии Марйам», «риштаи Марйам», «Марйами бакри маънӣ», «сӯзани

Исо», «гули ҳаҳонафрӯз», «тифли гӯё», «модари хомӯш», «дарахти Марйам», «духти Имрон», «ґизои Марйам», «ашки Марйам» и другие.

Камар Ориён в книге «Образ Масеха в персидской литературе» выделил специальный раздел для «Словаря терминов», где приводит толкование словосочетаний и составов, созданных при помощи имени Марйам и распространённых в персидско-таджикской литературе, в том числе «Марйами обаст», «Марйами остин», «Марйами узро», «Марйами ур». Например, словосочетание «Марйами обаст» комментируется следующим образом: «Положение Марйам в период беременности. Все приверженцы всех христианских направлений едины во мнении, что Марйам зачала без сочетания с супругом, и в священном Коране по этому поводу указывается на дуновение Джабраила.

Элементы сказания о Марйам используются для создания новых оригинальных тем не только в касыдах и газелях, но и в четверостишиях - рубаи. Как известно, Божественное дуновение в рукав Марйам является чудом, обусловившим сотворение Исы. Однако Абдуллах Ансари считает, что, дуновение Марйам ничто по сравнению со слиянием с истинной, извечной Возлюбленной (то есть, с Богом):

Твою любовь не поменяю на перстень с печаткой Джама,
Соединение (с тобой) не поменяю на дуновение Марйам.
Любовь твою не поменяю на тысячу цветущих садов,
Твою скорбь не поменяю на (блага) двух миров [9,474].

Для Омара Хайяма аромат из кубка лучше, чем пища Марйам, доставляемая ей из рая ангелами. Несомненно, что здесь идет речь о Божественном вине и опьянении:

Черепок кувшина выше царства, что устроил Джам,
Чаша винная отрадней райской пищи Марйам.
Ранним утром вздохи пьяниц для души моей священной
Воплей всех Абу Саида и молитв, что пел Адхам [3,30].

Эволюция образа Марйам и появление словосочетаний, созданных литераторами на основе использования подробностей сказания о Святой Деве, также ярко проявляются в последующие этапы развития классической таджикской литературы. Особое увлечение использованием элементов и символов, чудес и таинств из этого сказания наблюдается в творчестве представителей индийского стиля, анализ которых выходит за рамки нашего исследования.

В целом анализ создания смыслов с использованием деталей сказания о Марйам, а также способов творения особых поэтических составов и фразеологизмов приводит нас к следующему выводу. Большинство поэтов, используя подробности сказания о Марйам, предпринимали попытки создать оригинальные поэтические смыслы, редкие сравнения и метафоры, аллюзии и другие поэтические фигуры, свидетельствующие, с одной стороны, о глубоком и проникновенном влиянии деталей сказания о Марйам и Исе на эволюцию и духовное богатство персидско-таджикской литературы, а с другой, – об особом месте сказания в нашей классической поэзии. Наравне с

этим, создание новых смыслов на основе эпизодов сказания о Марйам в персидско-таджикской поэзии никогда не прекращалось, и, болеетого, эта традиция сохраняется и сегодня, о чем свидетельствует интересное словосочетание «Исии бемарйам» (Иса без Марии) в творчестве Фарзоны. Несомненно, подробный анализ данной темы в таджикской литературе требует отдельной работы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Насриддинов А.* Рӯдакӣ (нусхашиносӣ ва нақду баррасии ашъори бозмонда). / Абдулманнон Насриддинов. – Хуҷанд: Нашриёти давлатии ба номи Р.Љалил, 1999. – 392 с.

2. *Саної, Ҳаким.* Мунтахаби ашъор / Ҳаким Саної / Мураттиб Кароматулло Олимов. – Душанбе: Адиб, 2011. – 480 с.

3. *Хайям Омар.* Составитель Шомухаммедов Шоислом, перевод Владимира Державина /О.Хайям. – Ташкент, 1970. – 304 с.

4 اريان قمر. چهره مسيح در ادبيات فارسی. تهران: انتشارات معين،1369 . - 346ص.

5 انوري.با مقدمه وتصحيح و مقابلة هشت نسخه به كوشش نفيس سعيد،انتشارات سكه بيروز، 1346 .- 630 ص.

6 جلال الدين محمد بلخی. ديوان كبير\ تهی بديع الزمان فروزانفر تحران،1384.- 1570ص.

7 حسن خطيبی. فن نثردرادب فارسی. تهران: چاپ دوم، انتشارات زوار، 1385.- 637 ص.

8 حكيم سوزني سمرقندی. ديوان \ تسحيح ومقدمه وشرح احوال و فهرست لغات و تركيبات وجايها با معانی وتفاسير ازدكتر ناصر الدين شاه حسيني،مؤسسة انتشارات امير كبير 1338 .- 568ص.

9 داريوش‌صبور . آفاق‌غزل‌فارسی: سير انتقادی‌در تحول‌غزل‌و تغزل‌از آغاز تا امروز، انتشارات پديده تحران 1376.-827 ص.

10 زمرد حميرا. نمادهارمزهای گياهی درشعرفارسی. تهران :زوار، 1387 .-387 ص.

11 شروانی خاقانی.د يوان \ به كششی دكتورزيادينی سجادئ.- تحران: زوار، 1382.- 1385ص.

12عطار نيشابوری. منطق الطير \ مقدمه تصحيح و تعليقات محمد رضا شفيعي كدكني. – تهر بيان سخن،1384.-902ص.

13 ميبوری. كشف الاسرار \ تصحيح حكمت.- تهران:اميركبيردرده جلد،1376.

.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдужабборова Мадина Абдуфаёзовна – соискатель кафедры арабской филологии факультета восточных языков Худжандского государственного университета (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Абдукаримов Джамалиддин – заместитель декана факультета истории и права Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Абдуллоев Махмуд Холович – профессор кафедры истории, права и политологии Кулябского государственного университета имени Абуабдулло Рудаки, доктор исторических наук (г. Куляб, Республика Таджикистан)

Абдурахимов Садриддин Яминович – д.г.м.н., профессор Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Абдурахимова Мавзуна Мухсиновна – преподаватель Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ализода Бахриддин Пирмухаммад – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственного управления и государственной службы Института государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, доцент, кандидат филологических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Амелин Веналий Владимирович – председатель Правления АНО «Содружество народов Евразии», директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аминов Мумин Хаётуллоевич – кандидат географических наук, доцент, декан геоэкологического факультета Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Амонова Зебо Гафуровна – старший преподаватель кафедры экологии и охраны природы Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Анварова Маърифат Нарзуллоевна – доцент кафедры арабской филологии факультета восточных языков, Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ансори Муаззам Кудратзода – ректор Таджикского педагогического института, профессор, кандидат филологических наук (г. Пенджикент, Республика Таджикистан)

Ашурова Гулноза – преподаватель кафедры экономической географии и демографии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Аюбов Абдусалом Рауфович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Бакиев Максуджан – доктор исторических наук, профессор, ректор ИСН (г. Москва, Российская Федерация)

Ботиров Мирзобахром Абдукаххарович – преподаватель Андижанского государственного университета имени Захираддина Мухаммада Бабура (г. Андижан, Республика Узбекистан)

Вохидов Шодмон Хусейнович – заведующий кафедрой история, археологии и наследия предков Таджикского педагогического института, профессор, доктор исторических наук (г. Пенджикент, Республика Таджикистан)

Гайбуллоева Мохира Абдукаюмовна – кандидат исторических наук, факультет истории и права Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Гафарова Умеда Абдуллоевна – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ гуманитарных наук при Худжандском государственном университете имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Гуфранов Мухиддин Сайфуддинович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой Физической географии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Гуфранова Зухра Мухиддиновна – студентка 4 курса геоэкологического факультета Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Гуфранова Фотима Мухиддиновна – студентка 4 куса геоэкологического факультета Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Гуфронов Дадохон Нажмиддинович – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой Геоэкологии геоэкологического факультета Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Российская Федерация)

Джуразода Джамшед Хабибулло – ректор Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова профессор, доктор исторических наук (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Додхудоева Лариса Назаровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Дубовицкий Виктор Васильевич – заведующий Отделом истории науки техники Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Зокирова Зухро Абдуразиковна – соискатель кафедры Отечественной истории и археологии Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ибрагимов Э.Х. – кандидат географических наук, кафедра экономической географии и демографии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ильина Ирина Николаевна – заместитель директора Архива Российской академии наук по научной работе, кандидат исторических наук (г. Москва, Российская Федерация)

Исмоилова Дилфуза Абдуалиевна – преподаватель кафедры экономической географии и демографии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова, докторант PhD по спец. «География» (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Исомитдинов Жорабек Бобобекович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Кабилов Зафарджон Закирович – старший преподаватель кафедры истории таджикского народа Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Камолов Хамзахон Шарифович – главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, профессор, доктор исторических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Каримова Мадина Давроновна – магистр 1 курса по специальности «геоэкологии» Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Комили Абдулхай Шарифзода – профессор Бохтарского государственного университета имени Насира Хусрава, доктор физико-математических наук (г. Бохтар, Республика Таджикистан)

Котюкова Татьяна Викторовна – заведующая сектором истории Центральной Азии XIX–XX вв., старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат исторических наук (г. Москва, Российская Федерация)

Махмудов Олимджон Рахматджонович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой факультета истории и права Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Махмудова Назирахон Солиходжаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории таджикского народа факультета истории и права Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Российская Федерация)

Муинова Замира Мухаммеджанована – старший преподаватель кафедры экономической географии и демографии Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Муродиён Хасан – профессор Бохтарского государственного университета имени Насира Хусрава, доктор филологических наук (г. Бохтар, Республика Таджикистан)

Мухторов Киромиддин Точиевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правоведения Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Набиев Вахоб Машрафович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечествнной истории и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ниёзи Акбар Мехридил – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, директор Института технологии, менеджмента и инноваций Куляба (г. Куляб, Республики Таджикистан)

Одинаев Алиджон – доцент Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, кандидат исторических наук (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Олимов А.О. – докторант Phd 2-го года факультета Геоэкологии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Охунова Санам Абдуразакковна – старший преподаватель кафедры геоэкологии Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Очилова Мехринисо Илхомовна – доцент кафедры персидского и китайского языков факультета восточных языков Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Российско-Таджикского (Славянского) университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Пирумшоев Хайдаршо – заведующий Отделом древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Рахимов Афдулфаттох Иброхимович – доктор географических наук, профессор кафедры методики географии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Рахматуллоев Исматулло – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и культурного наследия исторического факультета Таджикского педагогического института города Пенджикента (г. Пенджикент, Республика Таджикистан)

Ризокулов Тӯракул Раббимкулович – доктор экономических наук, профессор, проректор по науке Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Сабуров Хайрулло – профессор Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Садулоев Мадисо – доцент Института технологий и инновационного менеджмента, кандидат философских наук (г. Куляб, Республика Таджикистан)

Саидмуминов Ахлиддин Саиднуриддинович – доцент Бохтарского государственного университета имени Насира Хусрава, кандидат педагогических наук (г. Бохтар, Республика Таджикистан)

Саидова Дилором Насимовна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры физической географии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Сидикова Рано Олимджоновна – старший преподаватель кафедры экономической географии и демографии факультета геоэкологии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Собиров Мурод Собитович – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой экологии и охраны природы Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Старостина Ольга Викторовна – ведущий научный сотрудник отдела этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Российского

этнографического музея, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тоатов Фирдавс Хабибуллоевич – старший преподаватель Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Турдиев Турди Муллоджонович – директор центральной библиотеки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова, кандидат географических наук (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Турсунов Бустон Рахмонович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественная история и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Хафизова М.А. – Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ходжаева Азизахон Хакимовна – преподаватель кафедры экономической географии и демографии Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Ходжаева Наргис Джомиевна – главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Холматова Мусабехон Муроджоновна – PHD докторант кафедры арабской филологии факультета восточных языков Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Холов Махмуджон Шарипович – главный научный сотрудник Отдела истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, кандидат физико-математических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Хошимова Шафоат Файзуллоевна – кандидат исторических наук, доцент факультета истории и права Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Шарипов Шавкат – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и археологии факультета истории и права,

Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Шовалиева Мумина Садыковна – старший научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Шодипур Юсуфи – профессор Таджикского национального университета, кандидат исторических наук (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Эркаев Сафар Абдулхайрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии таджикского народа Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова, (г. Худжанд, Республика Таджикистан)

Эркаева Нигора Сафаровна – докторант Университета Восточного Мичигана (г. Ипсиланти, США)

Юсуфбекова Зинатмо – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Джуразода Д.Х.
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО 3

Амелин В. В.
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО 6

ДОКЛАДЫ

Котюкова Т. В.
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН 8

Ходжаева Н. Дж.
ТОПОНИМИКА, ОРОГРАФИЯ И ГИДРОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА В ТРУДАХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 19

Старостина О.В.
ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ 25

Ильина И.Н.
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СФЕРА СОТРУДНИЧЕСТВА НАУЧНЫХ ЦЕНТРОВ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА: ТАДЖИКИСТАН В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК 32

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
«Российские ученые в изучении Таджикистана во второй половине XIX – начале XX вв.»

Джуразода Д.Х.
ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА РУССКИМИ ОРИЕНТАЛИСТАМИ, ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ, ВОЕННЫМИ МИССИОНЕРАМИ И КРАЕВЕДАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. 41

Додхудоева Л. Н.
ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И НОВЫЕ РУССКИЕ МЕЦЕНАТЫ 51

Шодипур Ю., Эркаев С. А. г., Садулоев М.
ВКЛАД М.С. АНДРЕЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА 59

Вохидов Ш. Х., Ансори М. К.
НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ – ОРИЕНТАЛИСТ И ПИСАТЕЛЬ ПО ЭТНОГРАФИИ (С ПРИЛОЖЕНИЕМ ГЛАВЫ ИЗ «ОПИСАНИЕ БУХАРСКОГО ХАНСТВА, 1843») 63

Моргунов К. А.
АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВИЧ И МАРИЯ ИВАНОВНА ШИШОВЫ: НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ 77

Ибрагимов Э. Х., Олимов А. О.
ПУТЕШЕСТВИЯ И НАУЧНО–ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО 84

Пирумшоев Х.
ТАДЖИКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 88

Махмудов О. Р.
ОТ ГЕОГРАФИИ ДО ДЕМОГРАФИИ ХОДЖЕНТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ВОСТОКОВЕДОВ 92

Денисов Д. Н.
ОРЕНБУРЖЦЫ – ИССЛЕДОВАТЕЛИ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА ТАДЖИКИСТАНА 101

Аюбов А.Р.
ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ФЕРГАНЫ В ТРУДАХ А.Н. БЕРНШТАМА 108

Хафизова М.А.
ВКЛАД РУССКИХ ВОЕННЫХ В БЛАГОУСТРОЙСТВО ХУДЖАНДА ... 116

Ализода Б. П., Тоатов Ф. Х., Эркаев С. А.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ 119

Абдуллоев М. Х., Эркаева Н. С., Эркаев С. А., Муродиён Х., Саидмуминов А. С.
ТРУДЫ А.А. СЕМЕНОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ 125

Турсунов Б. Р.
РОЛЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА 131

Шарипов Ш.
ГАФУРОВСКИЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК СОВЕТСКОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКИ (1956-1977 ГГ.) 138

Саидова Д. Н., Исмоилова Д. А., Амонова З. Г.
РОЛЬ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВИЧА ОШАНИНА В ИЗУЧЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТАДЖИКИСТАН) 147

Гайбуллоева М. А.
АРХЕОЛОГ Н.Н. НЕГМАТОВ – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ 151

Сидикова Р. О.
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МУШКЕТОВ. СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ОТЕЦ РОССИЙСКОЙ СЕЙСМОЛОГИИ 160

СЕКЦИЯ 2
«Роль российских и советских исследователей в изучении материальной культуры, духовного наследия и природного богатства Таджикистана»

Дубовицкий В. В.
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА: РИСУНОК И ФОТОГРАФИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАДЖИКИСТАНА И ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ 164

Камолов Х. Ш.
ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1870 Г. ГЕНЕРАЛА А.К. АБРАМОВА В ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА И ДОЛИНЫ ФОНДАРЬИ 168

Анварова М. Н.
ВКЛАД «ЛАТАИФ АЛ-АМСАЛ» РАШИДУДДИНА ВАТВАТА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ПЕРСИДСКО–ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 179

Зокирова З. А.
ВКЛАД РУССКИХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ТАДЖИКИСТАНА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАДЖИКСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 185

Муинова З. М., Ходжаева А. Х., Охунова С. А.
ПУТЕШЕСТВИЕ СУПРУГОВ ФЕДЧЕНКО В СРЕДНЮЮ АЗИЮ 194

Набиев В. М.
РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ТАДЖИКСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА И КИНОИСКУССТВА (30-Е – НАЧАЛО 40-Х ГОДОВ XX В.) 200

Гафарова У. А.
РОЛЬ РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 206

Исомитдинов Ж. Б.
РОЛЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ ПО ОБРАБОТКЕ ДЕРЕВА В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ 210

Рахматуллоев И.
ВКЛАД РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАДЖИКИСТАНА 219

Кабилов З. З.
ВКЛАД МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРОИТЕЛЬСТВО НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ТАДЖИКИСТАНА (1961-1991 ГГ.) 223

Вохидов Ш. Х., Ботиров М. А.
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОДЖА АХРАРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЁНЫХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.) 226

Абдукаримов Д.
ВКЛАД РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ И СОВЕТСКИХ УЧЕННЫХ В ИЗУЧЕНИЕ «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» МУХАММАДА ХАКИМХАНА 239

Юсуфбекова З., Шовалиева М.
АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СНЕСАРЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКОВ 244

Пирумшоев М. Х.
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПАМИРА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 252

Махмудова Н. С.
КУЛЬТУРА И БЫТ КИРГИЗОВ ПАМИРА И ПРИПАМИРЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. 260

Абдукаримов Д.
ВОСПОМИНАНИЯ АВТОРА «МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» МУХАММАДА ХАКИМХАНА О РОССИИ 265

Очилова М. И.
СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ «АЛ-КАШШАФ» ДЖАРУЛЛАХА ЗАМАХШАРИ 270

Комили А. Ш., Эркаев С. А., Одинаев А., Эркаева Н. С.
РОЛЬ РОССИЙКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКИСТАНА 275

Турдиев Т. М., Муинова З. М., Охунова С. А., Ходжаева А. Х., Ашурова Г. А.
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОЛИНЫ ГОРНОГО ЗЕРАВШАНА 282

Холматова М. М.
РОЛЬ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ПОЗНАНИИ ВЕЛИКОГО ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОГО УЧЕНОГО НАСИР-АД-ДИНА ТУСИ 284

Ризакулов Т. Р., Бакиев М., Эркаев С. А., Сабуров Х.
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИИ И ИХ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 288

Хошимова Ш. Ф.
СОТРУДНИЧЕСТВО ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 296

Очилова М. И.
КОВРОТКАЧЕСТВО – ВИД НАРОДНОГО ИСКУССТВА ТАДЖИКИСТАНА 301

Холов М. Ш.
МЕТРОЛОГИЯ ТАДЖИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – XIX ВВ. В ТРУДАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ДИПЛОМАТОВ 304

Турдиев Т. М.
РОЛЬ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА 310

Гуфранов М. С., Аминов М. Х., Гуфронов Д. Н., Гуфранова З. М.
ВКЛАД РУССКО–СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ЧОРУХ – ДАРРОНСКОГО РУДНОГО ПОЛЯ 313

Собиров М. С., Аминов М. Х.
ОСОБОЕ МЕСТО РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОЧВЕННОЙ НАУКИ ТАДЖИКИСТАНА 316

Абдурахимов С. Я., Исмоилова Д., Абдурахимова М. М.
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО РЕЛЬЕФА СЕВЕРНОГО СКЛОНА ТУРКЕСТАНСКОГО ХРЕБТА (ТАДЖИКСКАЯ ЧАСТЬ) РУССКИМИ УЧЕНЫМИ 319

Гуфранов М. С., Аминов М. Х., Гуфранов Д. Н., Каримова М. Д., Гуфранова Ф. М.
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА (ГОРЫ КАРАМАЗАРА И МОГАЛТАУ) РУССКО–СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ И ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 326

Ниёзи А. М., Ризокулов Т. Р., Рахимов А. И., Эркаева Н. С., Эркаев С. А.
РОССИЯ И ТАДЖИКИСТАН – СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЁРЫ 330

Мухторов К. Т.
О ВОПРОСАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОПЫТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН 337

Абдужабборова М.
СКАЗАНИЯ О ДЕВЕ МАРИИ В ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ 342

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 349

Международная научная конференция
«Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана»,
посвящённая 200-летию российского востоковедения
(г. Худжанд, 23 ноября 2018 года)

В зале заседания конференции

Приветственное слово ректора Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова, члена Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан (верхней палаты парламента), профессора, д.и.н. Д.Х. Джуразода

Приветственное слово директора НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, председателя Правления АНО «Содружество народов Евразии», профессора, д.и.н. В.В. Амелина

Участники конференции

Приветствие Генерального консула Российской Федерации в Ходженте А.Н. Варламова

Участники конференции

Доклад заведующего сектором истории Центральной Азии XIX–XX вв., старшего научного сотрудника Института всеобщей истории Российской академии наук, старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН, к.и.н. Т.В. Котюковой

Выступление руководителя представительства Россотрудничества в Ходженте И.С. Иванова

Доклад главного научного сотрудника Отдела древней,
средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени
А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, д.и.н. Н.Д. Ходжаевой

Доклад ведущего научного сотрудника отдела этнографии народов Средней Азии,
Казахстана и Кавказа Российского этнографического музея, к.и.н. О.Н. Старостиной

Модератор конференции – проректор по международным отношениям Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова, доцент, кандидат педагогических наук А.Х. Азизов

Доклад заместителя директора Архива Российской академии наук по научной работе, к.и.н. И.Н. Ильиной

Выступление главного научного сотрудника отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, профессора, д.и.н. Х.Ш. Камолова

Выступление доктора филологических наук, профессора директора НИИ гуманитарных наук при Худжандском государственном университете имени академика Б. Гафурова У.А. Гафаровой

Участники конференции

Научное издание

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО БОГАТСТВА ТАДЖИКИСТАНА

Сборник материалов
Международной научной конференции,
посвящённой 200-летию российского востоковедения

ISBN 978-5-4417-0780-0

9 785441 707800

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая.
Усл. печ. листов 22,62. Тираж 500 (1-й завод 50). Заказ 69.
Подписано в печать 10.07.2019 г.
Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

ISBN 978-5-4417-0780-0